

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

50-том

ХАТТАР, АУДАРМАЛАР

1927–1961

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7
Ә 82

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат және мұрағат комитеті «Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару» бағдарламасы бойынша шығарылды

Редакциялық кеңес:
Кеңес төрағалары – *М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов*

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы *У. Қалижанов*

Кеңес мүшелері:
Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қананиянов Б., Қасқабасов С., Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали К., Мағауин М., Мұртаза Ш., Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.
50-том: Хаттар, аудармалар. 1927–1961. – 472 б.

ISBN 978-601-294-192-0

Мұхтар Омарханұлы Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 50-томына эпистолярлық мұрасымен қатар “Қарагөз” пьесасының автордың өзі аударған нұсқасы, А. Серафимовичтің “Темір тасқын” романынан аударған үзінді оқырманға тұңғыш рет ұсынылып отыр.

Кітап ғылыми жұртшылыққа, қалың оқырман қауымға арналған.

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7

ISBN 978-601-294-192-0 (50-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

Бұл томға енген М. Әуезовтің эпистолярлық мұрасы негізінен Валентина Николаевна Әуезова мен Ләйла Мұхтарқызының мұқият жинақтау жұмысының нәтижесінде сақталған. Ұлтымыздың ұлы тұлғасы М. Әуезовтің академиялық толық жинағының эпистолярлық мұрасына арналған осы томын дайындау барысында А.С. Пушкиннің, И.С. Тургеневтің, Л.Н. Толстойдың, Ф.М. Достоевскийдің, сонымен қатар ХХ ғасыр әдебиетінің классиктері В.Я. Брюсовтың, М.А. Шолоховтың академиялық жинақтарындағы эпистолярлық мұраны беру тәжірибесі әдістемелік үлгі ретінде алынды.

Мұхтар Әуезовтің жазған хаттары оның жазушы, ғалым, ойшыл, отбасы мүшесі, қарапайым адам ретіндегі келбетін, өмір сүрген уақытының ерекшеліктерін, сол кездердегі адамдардың, жақын араласқан ортасының бейнесін береді. И.С. Тургеневтің эпистолярлық мұрасын зерттеушілер айтқандай: “Жазушы хаттары тек қана тарихи дерек емес, ол кез келген тұрмыстық жазба ескерткіштерден, мұрағат жазуынан, тіпті басқа да эпистолярлық жазбалардан өзіндік ерекшеліктерімен оқшау тұрады; жазушы хаты көркем әдебиетке етене жақын”¹.

ХХ ғасырдағы М. Әуезовтің эпистолярлық мұрасы қарым-қатынас, хабар алысу құралы болумен қатар, қалыптасқан қасаң үлгілерден, тақырып тарлығынан, жалғандықтан тыс, автордың адами бейнесін нәзік ашатын көркем мәгін қасиеттеріне ие. Жазушының хаттары адресаттың өзіндік ерекшеліктерін ескере отырып жазылған, диалогтық, психологиялық баяндау түрінде келеді. Басты кейіпкері, авторы ерекше, алып ойлы, қиын уақыттың негіз-

---

¹ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений: В 28 т. Письма. Т. 1. М.-Л., 1961. С. 15.

гі мәселелеріне бүкіл ой-санасымен қарайтын, түсінетін тұлға болғандықтан, М. Әуезовтің эпистолярлық прозасы біздің ұлттық мәдениетіміздің ажырамас бөлігіне айналып отыр.

М. Әуезовтің ондаған хаттары оның өмір жолының тереңдегі сырларын ашады. Хаттар осы бір ғажап адамның табиғатымен етене жақындасуға, жан-дүниесінің тереңіне үнілуге, күрделі де ұлы мінезге жанасуға, оның ішкі ой ағымдарының мейлінше нәзік толқындарын сезінуге мүмкіндік береді. Ұлы суреткердің кейбір хаттары оның шығармаларының өмірге келу құпияларынан сыр шертеді.

Томның кейбір бөлімдері адресаттармен хат алмасу түрінде берілген; мұндай мүмкіндік Леонид Сергеевич Со-болевлен жазысқан хаттардың кей жерлерін толықтырудың нәтижесінде туды. М. Әуезовтің эпистолярлық мұрасында жоғарыда көрсетілген көлемді адресаттармен қатар, эпизодтық сипатты, аз уақытты қамтыған, жауап түрінде ғана келетін хаттары да бар.

Xammap

ОТБАСЫЛЫҚ ХАТТАР

Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің эпистолярлық мұрасының ішіндегі “Отбасылық хаттар” деп аталатын бірінші бөлігіне жазушының жұбайына, қызына, ұлына, туысқандарына, Ф. Ғабитоваға жазған хаттары топтастырылды. Көлемді уақыт ауқымын (1940–1961) қамтитын бұл хаттар М. Әуезовтің шығармашылық әлеуетін, өмірлік идеалдарының негізгі қырларын ашады. Сонымен қатар жазушының басты шығармасы “Абай жолы” роман-эпопеясының негізгі оқиғалық желісінің жасалу жолдары, қазақ әдебиеті мен фольклорына қатысты көркемдік-эстетикалық ізденістері, ішкі сырлары, арман-үміттері де осы хаттардың өн бойынан айқын көрініс тапқан. Оның Қазақстан мәдениетінің көрнекті өкілдері мен бұрынғы кеңестік геосаяси аймаққа кірген басқа республикалар әдебиет қайраткерлерінің көркемдік мұралары жайында айтқан ойлары, берген бағалары аса құнды жәдігерлер болып табылады. Зайыбы В.Н. Әуезоваға жазған хатындағы қырғыз эпосы “Манасқа” қатысты дискуссия жайлы кейбір деректерінің өзі-ақ көп жәйттерді елестетеді. Лениндік және Мемлекеттік сыйлықтар беру жөніндегі комитетте істеген кезіндегі, КСРО Жазушылар одағындағы ұлттық авторлар шығармаларын кеңінен насихаттаудағы жұмысы да өте бағалы, мәнді болды.

Оқырман қауымға белгісіз болып келген жазушының жеке өміріне қатысты біраз деректер көрініс тапқан осы отбасылық хаттар “Мухтар Ауэзов. Письма родным и близким” деген атпен 1997 жылы жазушының 100 жылдығы кезінде алғаш рет жарық көрді. Томға осы кітапқа енген хаттары толықтырылып беріліп отыр.

Валечка², родная моя!

Не знаю, получила ты или нет мое большое письмо от 2-го. Хорошо бы, если ты прислала мне такое обстоятельное письмо, пока я не уеду из Семипалатинска. Соскучился по вас. Уеду, верно, 13-го или 14-го. Живу по-старому, работаю. На днях должен кончить большой очерк. Отрывок напечатал в “Екпінді”³ и в “Социалистік”. Жду ответа на свое письмо в ЦК. Оттуда должны точно указать, куда я поеду – в Риддер или Иртышстрой!⁴ Питаюсь в столовой, довольно скудно и очень неудобно. Завтрак и ужин отнимают по часу рабочего времени, не меньше. Очерк о второй своей поездке буду писать дома. Соберу материалы и вернусь в Алма-Ату. Так что очень возможно, что вернусь между 25-м и 30-м. И, пожалуй, будет лучше всего, если ты к моему возвращению приобретешь им всем путевки на август и будешь продолжать жить там же. Точнее, я пошлю телеграмму после 15-го, после своего приезда на место новой командировки. Крайне необходимо хоть полмесяца побыть мне в доме отдыха, хотя бы работая над очерком там. Судя по твоей телеграмме, живете не в доме, а на даче: это лучше всего.

Отдохните хорошенько и ты, и Лелюсенька⁵. Очень скучаю также и по ней. Пусть она не тянется, как сосна, а станет толстой, как карагач. Пусть хорошо кушает и пьет кумыс.

Что хорошо в Семипалатинске, так это купаться в Иртыше. Я тоже жалею, что нет вас со мной во время моих частых взмахов руками там, вода прелесть! И теплая, и голубая, а сама прозрачная. Много воды. Замечателен Иртыш!

Не знаю, что за ящик 94 и где ты? Послал телеграмму и эту открытку, адресуя туда. Ну, отдыхай спокойно, без расстройств и жди меня здоровой, сильной, с радостной, хорошей душою. Целую Лелюсю и тебя.

Папа.

¹ Хат Семейде жазылган.

² Эуезова (Кузьмина) Валентина Николаевна (1904–1977) –

М. Әуезовтің зайыбы. Петроградта орман шаруашылығы инженерінің отбасында туған.

1923 ж. Ленинград мемлекеттік университетінің қоғамдық ғылымдар факультетінің әдеби-лингвистикалық бөлімінің славян-орыс секциясына оқуға түсіп, сонда М. Әуезовпен танысқан. Фотосуретіне жазған бірінші жазбасында: “Моей любимой Валечке. На память о наших солнечных днях. С верой и надеждой, что не забудешь и не будешь забыта. Твой Мухтар. 26.11.26 г. Ленинград, В. О. 3 линия, дом 46, кв. 63. 1 час 10 минут” – деген деректер бар.

³ “Екпінді” газетінің 1940 жылғы 17 шілде күнгі санында “Абай жайын зерттеушілерге” деген мақаласы жарияланған.

⁴ М. Әуезов ҚазКСР ХКК және ОК шешімімен П. Кузнецов, Д. Снегин, Ғ. Мұстафин, т. б. жазушылар бригадасының құрамында “Шығыс шеңбер” құрылысына іс-сапарға барған (10 маусым – 10 шілде 1940 ж.).

М. Әуезов бұған дейін 1935 ж. Риддерде болған. Ол топта Л. Соболев, М. Березин, П. Лукницкий, т. б. болды.

⁵ Әуезова Ләйла Мұхтарқызы (1923–1993) – жазушының қызы, тарих ғылымының докторы, 1962 жылдан өмірінің соңына дейін М.О. Әуезовтің әдеби-мемориалдық мұражайының меңгерушісі болды. 1952 ж. Мәскеу мемлекеттік университетін, 1955 ж. КСРО ҒА Шығыстану институтының аспирантурасын бітіріп, “ХІХ ғ. екінші жартысындағы Қазақстанда егін шаруашылығының дамуы” деген тақырыпта кандидаттық диссертация қорғады. 1962 ж. бастап Л.М. Әуезованың ғылыми қызметі М.О. Әуезовтің ғылымы, көркем мұрасын жинаумен, зерттеумен, жариялаумен байланысты болды. 1975 ж. “М.О. Әуезов шығармашылығындағы Қазақстан тарихының мәселелері” тақырыбында докторлық диссертация қорғады. 1980 ж. ҚазКСР ҒА Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты.

Л.М. Әуезова М.О. Әуезовтің Мәскеуде “Худ. литература” баспасынан шыққан орыс тіліндегі 5 томдық, қазақ тіліндегі 20 томдық (“Жазушы” баспасы) шығармалар жинағын, бұрын жарияланбаған бірқатар шығармаларын, естеліктер жинақтарын, библиографиялық көрсеткіштерін, т. б. жұмыстарды дайындауға қатысты.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 2

14 октября 1947 г.¹

...и сейчас, она уже активно участвует на занятиях. Это меня очень обрадовало. Значит, будет и здесь не последним вузовцем. Занимается много. Я все ее уговариваю оставлять

время для прогулок, чтобы подышала свежим воздухом. Сейчас и распорядок дня такой, с утра до 3 ч. она слушает лекции. До шести проводит время дома. А с шести идет в библиотеку или Университета, или в Ленинскую и до десяти-одиннадцати читает, готовится там. В последнее время готовится к реферату и, изучая всяких Геродотов, она даже просит меня не звать ее в театр, один раз была со мной в гостях у Богдановой². Там хорошая семья. Мать семейства, пожилая узбечка, культурный человек, ей все говорила: “Считай наш дом, как дом своих в Москве”. Выглядит Лелюся хорошо. Только немного бледная, и все не проходит насморк. Боты пришлись хорошо. Я ей тут купил хорошую вязаную кофту, туфли, шляпу, а теперь она требует, чтобы я до отъезда купил костюм и пальто. Перед отъездом. На какой срок я откладываю всякие покупки для тебя и для нее, я м. б. куплю все, что она просит. Намерен и на сберкнижку оставить ей средства на четыре-пять месяцев сразу. Пусть сама распоряжается экономно, и чтобы дома ты тоже имела свой бюджет без таких крупных ассигнований, как это нужно для нас. А через несколько месяцев подойдут издания, и тогда тебе будет легче выделить, что нужно дополнительно для нее. Я думаю, что экономно тратить деньги она будет стремиться и сама...

...Относительно своей машины все еще вопрос не доведен до конца. Зато идут серьезные переговоры насчет получения “Победы”. Пока все идет неплохо. Поэтому не возбуждаю вопроса о возвращении моих денег из Горького. На худой конец возьму деньги обратно и куплю какую-нибудь импортную с запасным мотором. Предложений на такой случай много. ...Оказывается, уже прошел год, как я уплатил деньги Горьковскому автозаводу, и все считают, что я имею полное право требовать компенсацию машиной, а не возвращением своих денег.

Твои письма такие хорошие, заботливые о моих литературных делах, о Лелюсе — что я каждый раз читаю с большой благодарностью к тебе. Перечитываю, и все думаю, какой искренний, неоценимый дружок ты у меня. Очень стеснялся по тебе, по дому.

С Абоней³ вместе читали последнее письмо, привезенное Клышем⁴.

Хохотали над выходками Эрнашки⁵. Я так скучаю, все чувствую его в своих объятиях, такого непоседу и крепышонка моего.

Были телеграммы Абдильды⁶ с детьми, Гайши⁷ с Умаром, Керима⁸ с М. Вас⁹. Большое спасибо им всем.

Я тебя просил узнать в Казогизе и сообщить мне: выпускают ли роман к 30-летию? Здесь я ничего не внес нового, никаких поправок, кроме некоторых сокращений. Но зато десять страниц – по совету редакторов.

...Ну, кажется написал много. Передай привет Кариму, Мил. Вас. и другим друзьям. Привет Гугайке¹⁰, Умие¹¹ и Григорьевне¹². Постараюсь всем вам привести по подарку. Передай М. Вас, что здесь познакомился с Александром Ивановичем Зинченко. Один раз у Клыша играли с Ал. Ив. преферанс – и какой же он хороший игрок, и вообще он очень приятный человек. Еще прошу тебя предупредить через Саню, шофера Васильева, чтобы он помнил о нашем уговоре. Очень возможно, что я отправлю машину и без вызова его. А на случай, если понадобится его приезд, то пусть он выедет к указанному мной сроку без замедлений.

Р. С. О романе, о машине моей, вообще о моих личных делах лучше пока не рассказывай друзьям – приеду со всеми окончательными новостями сам. А то пока ничто не доведено по-настоящему до конца, не стоит занимать людей лишними разговорами.

Ну, целую тебя крепко.

Твой Мухтар.

¹ Мәскеуден келген хат қысқартылып басылған (түгел сакталмаған).

² Богданова Медина Искандерқызы (1908–1962) – орыс әдебиет зерттеушісі, Мәскеу мемлекеттік университетінің КСРО халықтары әдебиеті кафедрасының менгерушісі, доцент. М. Әуезов 1953 жылы Москвада ұстаздық еткен.

³ Никольская Анна Борисовна (1899–1977) – орыс жазушысы, аудармашы, Әуезовтер отбасының досы, “Абай жолының” 1, 2-кітаптарын аударған.

⁴ Қылыш – М. О. Әуезовтің туысы.

⁵ Әуезов Ернар Мұхтарұлы (1943–1995) – жазушының ұлы, зоология ғылымының кандидаты, ғалым-орнитолог. 1968–1995 жж. ҚР ҰҒА Зоология институтында жұмыс істеген. Қазақстан зоология

ғылымының дамуына үлкен үлес қосқан. Көптеген жануарлардың маусымдық мекен ауыстыруларын зерттеп, ғылыми еңбектер жазған. 1963 ж. шағаланың белгісіз тұқымын ашқаннан кейін аты кеңінен танымал болды. Бірнеше жыл бойы осы құсты зерттеп, кандидаттық диссертация қорғады. Алакөлде бұл құсты қорғайтын қорық ашылуына себепкер болды, жоғалып бара жатқан құс тағдырына әлемдік зоология ғылымының назарын аударды. 1982 ж. 10 желтоқсанда ғылымды дамытудағы жетістіктері үшін республика Жоғарғы Кеңесінің Құрмет грамотасымен марапатталды.

1988 ж. Экология және биоресурстар Министрлігі жанындағы Жануарлар дүниесін қорғау жөніндегі бас басқармаға жұмысқа ауысып, бір бөлімді басқарды, кейін басқарма бастығының орынбасары болды. Экология және биоресурстар министрлігінде істеп жүріп, көптеген нормативтік құжаттар жасап, Қазақстанның жануарлар әлемі туралы заңның дайындалуына көп еңбек сіңірді.

⁶ Тәжібаев Әбділда (1909–1998) – Қазақстанның халық жазушысы, ақын, драматург, ф.ғ.д., профессор. ҚазКСР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты (1974).

⁷ Шарипова Ғайша (1901–1969) – әдебиетші, аудармашы.

⁸ Мыңбаев Кәрім (1906–1948) – биолог. Биология ғылымының докторы (1944). ҚазКСР ҒА корреспондент мүшесі (1946), ВАСХНИЛ-дің Қазақ филиалы президиумының төрағасы (1944–1948), Әуезовтер отбасының досы. 1948 ж. ұшақ апатынан қайтыс болды.

⁹ К. Мыңбаевтың жұбайы.

¹⁰ Омарханова Гүлнәр Разаққызы (1929 ж.т.) – дәрігер. Қазақстанның еңбек сіңірген дәрігері (1979). М. Әуезовтің немере қарындасы. 1935–1952 жж. М. Әуезовтің үйінде тұрды.

¹¹ Әуезова (Әсіржанова) Үмия Омарханқызы (1902–1989) – М. Әуезовтің қарындасы, ағасының үйінде тұрған.

¹² Полина Григорьевна – Әуезовтердің үй қызметшісі.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 3

19 августа 1948 г.¹

Валечка моя родная!

На днях получил твое письмо без даты. Это второе письмо, полученное от тебя по приезде сюда. Позавчера получил и телеграмму. Почему Ляля решила ехать так рано, ведь она думала поехать к 10 сентября? На ее месте я бы все-таки использовал полный отдых, хотя бы до 1 сентября и непременно в горах. Видно, она еще не умеет ценить условия от-

дыха и важность его. А ты не внушила ей, не удержала в горах, и сама почему-то торопилась в город. Для всех вас самое важное было в воздухе, в горном климате. Когда хвалят Кисловодск, то особенно подчеркивают о значении воздуха, климата. Называют Кисловодск “климатической станцией”. Здесь высота почти совпадает с высотой 1-го дома, около 900 мест. Правда, здесь нет смен, резких перемен температуры дня и ночи, и, самое главное, тут часто дует прохладный ветерок. Это особенно приятно для меня. Он напоминает мне родные мои северные степи, где тоже летом беспрерывно веет такой прохладный, ласкающий ветерок. Алматинские горы не имеют этих ветров, но, за исключением его, все, что есть в климатических условиях Кисловодска, так похоже на наши горы, особенно района 1-го дома или Уч. городка.

Жаркие дни бывают, оказывается, и здесь. Тут несколько дней была душная, жаркая, нестерпимая погода. Старожилы говорят, что так не было за многие годы. Эти дни плохо повлияли на меня. Я не находил себе места от жары и жажды. Часто пил воду, нарзан. И за последние пять дней восстановил, к своему огорчению, один килограмм 200 грамм из потерянных мною за 15 дней пять килограмм 600 грамм. И вот новую пятидневку, с установлением прохладной ветреной погоды, снова крепко держусь за прежний свой режим.

Самочувствие у меня хорошее, пока за 20 дней ни разу не было сердцебиения, могу спать и на левом боку. Только немного начала болеть левая нога, какие-то нервно-мышечные боли, и сейчас начали делать дарсонваль. Пока принял восемь нарзанных ванн. Здесь ванны строго нормируют, злоупотребление, кажется, вредно. За норму устанавливают 12-14 ванн на сезон. Мой врач говорит, что посмотрим дальше, если понадобится, может быть, увеличим норму. Но мне приятен сам отдых в этом климате. Когда прекратят ванны, побольше буду принимать массаж, душ шарко и всякие прочие меры. Гуляю регулярно, утром и вечером подолгу. Потеря в весе за первые полмесяца у меня была рекордная. Но вот последняя пятидневка портит настроение. Говорят, что вначале много уходит лишней воды, и похудение идет интенсивно в начале, а потом теряют в весе все

меньше. Мне бы хотелось терять непрерывно, посмотрим, что будет дальше. Здесь много людей сердечников и полных, которые не могут нисколько потерять в весе, тяготятся этим, и даже боятся идти взвешиваться.

Ты писала, что Абдильда намеревается послать мне газету, а он все еще не прислал. Достань, пожалуйста, сама этот номер и вышли мне непременно поскорее. Передай привет Абдильде, Бейсембаю², пусть напишут о новостях в Союзе и Академии. Я им тоже отвечу. Получил письмо от Гайши. Передай им всем большой привет. Как мой Жан — Эрнашка, алтын мой? Хорошо ли кушает? Как здоровье, как себя ведет, стал ли умнее, послушнее? Воспитывай, Валенька, его, чтобы он слушался тебя, а не был бы шалуном непослушным. Учи его, читай книги, делай, пожалуйста, внушения, чтобы слушался тебя хоть беспрекословно, требуй этого. А то ему уже скоро пять лет, но вспомню его шалости, как он бьет, обижает домашних и других детей, порой становится даже тревожно, как бы не вышел из него какой-нибудь нехороший мальчик, который и учиться будет плохо, будет безвольный, капризный, непослушный и пустой. Надо его заставлять заучивать стихи. Пусть ко мне в Москву приедет, обязательно зная несколько стихов наизусть. Мы знаем, что у него хорошая память, а не упражняем, не направляем никак, и в результате вырастет как бы без влияния и воспитания родительского. Ведь страшно же, если выйдет каким-нибудь недорослем. Прежде всего пострадаешь ведь ты сама. Ты все время около него. У тебя Ляленька получила хорошее воспитание. Дети у тебя — это были моей самой большой радостью, самым большим утешением в моей жизни — ты при желании умеешь воспитать, вырастить умных, знающих, старательных и развитых с раннего возраста детей. Так приложи теперь все свое умение, силы и, главное, волю на трудное, но благородное воспитание Эрнашеньки нашего. Говорю благородное, потому что знаю: если ты приложишь усилия, из Эрнашки (с его природными задатками, с хорошей памятью, умом, смекалкой и характером) получится настоящий, одаренный, умный и развитый мальчик. Помни, Валюшенька, в этом деле ты ответственнее всех нас, и в твоих руках его будущее, и в этом самое святое назначение твое как хорошей, культурной и

умной матери. Я ничего не стану требовать от тебя другого в такой степени серьезно, как этого. Давно как-то хотелось основательно сказать об этом и вот пишу по этому поводу с такой надеждой, что ты так хорошо поймешь меня, не обидишься за напоминание (может быть, и лишнее напоминание) о нашем внутрисемейном таком распределении ролей и долга. Нынче мы непременно отдадим его в детсад. Так пусть придет туда не дикарь какой-нибудь, а воспитанный тобой мальчик из культурной семьи. От тебя я вправе ожидать хорошего, примерного для других казахских семей результата. Будь ты моей надежнейшей опорой в жизни, а первый в этом отношении признак – в облике детей твоих, Эрнашки главным образом. Пусть нас с тобой утешит наша собственная незыблемая дружба и любовь, а также и дорогое, и радостное в детях наших. По мне, нет нам иного счастья в личной жизни. Приятельские отношения, дружба, компании среди знакомых – все это более-менее преходящие условия. Смысл своего дальнейшего существования (когда еще 50 лет) я хочу видеть в общественном – в труде упорном, честном на благо общества нашего, и еще в семейном, личном – в тесной дружбе с тобой и в примерном воспитании детей. И в этом отношении вспомни мои опасения за Эрнашку. Возьмись настойчивее, возьмись, пожалуйста, за него. Все остальное – твои опасения за Григорьевну, обиды на Умиш – все это так легко поправимо, Валечка, что, ей-богу, я не стал бы об этом так много вспоминать. Ну привет всем. Крепко-крепко целую тебя, скучаю по тебе.

Пиши обо всем подробно, обстоятельно. Пиши, как с квартирой Лели. Ставь, пожалуйста, даты в своих письмах.

Твой Мухтар.

¹ Хат Кисловодскіден жазылған.

² Кенжебаев Бейсембай (1904–1987) – әдебиетші, аудармашы, зерттеуші, сыншы. Филология ғылымының докторы (1959), профессор. М.О. Әуезов шығармашылығы жайлы мақалалардың авторы.

Вчера ночью получил твою телеграмму относительно Лелюси, а писем твоих все еще не получаю, м. б., придут на днях. Хотелось бы получить подробное большое письмо и о новостях в Алма-Ате, о ваших домашних делах. Жаль, что ремонт не закончен у Ляленьки, жить-то она должна у Марты Алексеевны². Во всяком случае, я никак не согласился бы, чтобы Лелюся была устроена на совместное проживание с кем-либо из девочек, которые поехали нынче из Алма-Аты. Должна жить отдельно, имея свою собственную комнату. Хорошо, что у ней будут кроме университетских ее товарищей еще такие девочки, как Шолпан, Сауле³, они будут чувствовать друг друга как родные, подруги из дому, так ведь есть и на самом деле. С одной стороны, хорошо, что скоро же будем мы сами в Москве и совместно все обдумаем, решим, как будет лучше Лелюсеньке. Хорошо ли отдохнула она или похудела за время нахождения в Алма-Ате?

В этом письме я хочу, главным образом, написать тебе о сроках своего возвращения и о нашей встрече в Москве. Поезда из Кисловодска в Москву ждут два раза в неделю: по воскресеньям и вторникам. Я, конечно, пробуду здесь не все 60 дней, а 53 дня, т. е. до 22 сентября, и приеду в Москву 24-го. Вот тебе я советую приурочить свой выезд тоже к 22-23-му, чтобы ты приехала к устроенному месту, в смысле номера в гостинице. Отсюда я сделаю заказ в “Москву” на люкс, и лучше будет, если вы приедете спустя два-три дня. А то сама знаешь, какие могут быть затруднения с номером. Вообще, я хочу вас принять к удобному, готовому, уютному устройству. В Москве мне не хотелось бы задерживаться дольше 15 октября, неудобно перед Университетом и Академией. Но хлопоты с машиной и особенно с гонорарами по издательствам будут, конечно, затяжные, поэтому и сокращаю срок отдыха здесь. Письма идут около недели...

...Но ты мне напиши подробные соображения (о затруднениях, если они будут там у тебя) сразу же по получении этого письма. Учти, что ответ твой на это письмо я получу около десятого здесь. А десятого я уже буду тут заказывать

себе билет на дорогу. В Кисловодске очень трудно с выездом, и порядки таковы, что заказы на билет делают за 12-10 дней вперед.

Сам я отдыхаю по-прежнему, очень хорошо. При последнем взвешивании 23-го оказалось весу 90,1 кг, т. е. я убавил за 24 дня на 6 кг 400 г. Убавил употребление жидкости. Чаю, например, пью только два стакана в день, утром и вечером по стакану. Считаюсь среди других отдыхающих примерным и хорошо успевающим в похудении. Огромное большинство не может сбавить вес и очень тяготится этим. По-моему, такие люди хоть и гуляют, но едят много.

В прошлое воскресенье ко мне приехали в гости Усановичи⁴, пробыли весь день, скоро они едут в Сочи.

Во время своих прогулок все обдумывал план нового романа об Абае, его закончил уже вчерне. Скоро, после первого, буду записывать как подробный проспект книги. А по-моему, быстро пойдет зимняя работа.

Пиши, как чувствуете себя все вы, каков Эрнашка. Большой привет Абдильде, Сарочке⁵. Желаю им успеха. Целую тебя, Эрнашку, Умиш, Гугайку.

До скорого свидания. Очень тоскую по тебе, моя родная.
Твой Мухтар.

¹ Хат Кисловодскіден жазылған.

² Марта Алексеевна – Л.М. Әуезова бөлме жалдаған Мәскеудегі пәтердің иесі.

³ Шолпан, Сәуле – Л.М. Әуезованың студенттік достары.

⁴ Усанович Михаил Ильич (1894–1981) – химик, Қазақ КСР ҒА-ның академигі, тарих ғылымының докторы, профессор. Еңбек сіңірген ғылым қайраткері, М. Әуезовтің досы.

⁵ Сара – Әбділда Тәжібаевтың жұбайы.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 5

29 сентября 1948 г.¹

Валенька родная моя!

Все ждал второго твоего письма, не дождался и решил писать снова. Твое письмо (первое) было очень хорошее, особенно понравились наблюдения, новости и мысли ма-

теринские об Эрнарнике. Вчера, в день рождения, получил вместе с твоей шесть телеграмм. Сегодня в своей телеграмме тебе просил поблагодарить друзей. Послал телеграмму и Миле. Как прошли поминки, ты вероятно напишешь сюда же. Так грустно думать о Кериме родном, все дни вспоминаю его и чувствую, что нисколько не изгладилась память о нем живом, вот-вот так близко стоящим около меня. Задумываюсь о нем все больше, выхожу с ним в замыслах будущих книг, где я хочу отразить в долгом повествовании его славный облик и жизненный путь. Хотел в телеграмме детишкам Керима сказать, как спешу достичь того времени, когда смогу преподнести книги об их чудесном отце, но решил, что сейчас это будет некстати, подрастут, увидят и поймут все сами.

Получил письмо от Леленьки, написала много новостей и обстоятельные наблюдения, впечатления свои от таджикской декады². Такая умница (нам на радость), пишет разумно, критически и верно. Ее оценки совпали с новостями и заключениями приехавшего в наш санаторий узбекского писателя Иззата Султанова³.

Ляле Эльберт уже сшил костюм, она, видимо, довольна... Ты посоветуй в ближайшем письме, что купить ей. Она хочет беличью шубку и сказала, что это одобряешь и ты, у ней ведь привычка и даже тактика такая, чтобы урезонивать одного из нас мнением другого. Я живу и “отдыхаю” по-прежнему. Режим все тот же. Он выражается в том, что когда голодаю — говорю хорошо, чувствую жажду — считаю ладно; недосыпаю — так и надо, устаю от большой ходьбы — пусть и т. д. Словом, внешне это похоже на старания самоотверженных дервишей суфийского ордена Накшбенди. Самоистязание.

Хожу и в непогоду. Вообще, очень здесь неважная — то ветры, то дожди — часто пасмурная погода. Но я все хожу, все больше обветриваюсь, загораю и становлюсь очень черным-черным, повторяя в своих красках...

¹ Кисловодскіден жазылған, бітпей калған хат.

² Мәскеудегі тәжік әдебиетінің декадасы (1948 ж. кыркүйек).

³ Султанов Иззат Атаханович — өзбек әдебиетшісі, сыншы, драматург, қоғам қайраткері. Өзбекстан ҒА корреспондент мүшесі.

Валечка, золотая, милая моя!

Вот уже пятый день, как я в санатории. Телеграмму твою получил вовремя, огорчало, что вы переехали в город. А я в своем письме из Москвы так уговаривал тебя побыть с мальчиком подольше в горах. Но раз закрыли дом отдыха, все понятно. Продолжай заботу об Эрнарике и о своем здоровье в городе. Встречай меня цветущим здоровьем, а я приеду вновь похудевший.

Здесь все по-прежнему, те же люди и те же порядки. Только лечусь нынче у другого врача – мужчины, опытный, заботливый человек. Санаторий и сейчас переполнен. Комнату отдельную получил на другой день [после] приезда. Начал свой режим. Опять гуляю подолгу, ем мало. Не пью алкогольного. А завтра вечером начинаю голодовку, тоже по-прежнему. Чувствую по себе, что уже начинаю худеть, хотя, конечно, говорить о больших результатах еще рано. Вообще начал сдавать с Москвы. Приехал сюда с весом в 91 кг. А в прошлом году начальный вес был 96,5. За месяц постараюсь похудеть хотя бы до веса последних дней прошлого сезона, т. е. до 85. Из отдыхающих прошлого года никого здесь нет. Нынче вместе со мной отдыхает Синявский, профессор, геолог – хороший знакомый Паустовского². Он, оказывается, гостил у Паустовского и жил у нас несколько дней в 41-м. Рассказал поразительную новость. Оказывается, недавно Паустовский развелся с Валерией и женился на Тане Шнейдер – помнишь, с ним приходила блондинка, приветливая женщина. Муж ее был не то художник, не то режиссер и умер в Алма-Ате. Ее хорошо знают Абдильда и Сара. Паустовский ушел от Валерии, оставив квартиру и все имущество...

В санатории “Абай”, видимо, популярен. Много лиц почетных уже говорило мне о своих хороших впечатлениях...

...Вчера получил молнию от Мухтара³, просит телеграфировать о моем согласии на “Победу” с откидным тентом. А я молнировал, что даром не надо такой машины, пусть добывается нормальной, хорошей, как у Абдильды, иначе не

будем менять. Да, Валечка, мне срочно нужно рецензировать рукопись Олидор⁴ — это ведь книжка о Калибеке⁵. Росихина телеграфировала уже сюда. Вышли, пожалуйста, если задержала до сих пор, срочно нужно эту рукопись.

Сокращенного “Абая”, даже первый том, не кончил еще. Вернее, пока не работал, хотя осталось немного. На днях закончу и вышлю, чтобы начала быстро работать Дана⁶. Пусть только печатает без ошибок. Буду полагаться на ее чистую работу, а то по возвращении у меня не будет времени на просмотр, вычитку ее экземпляра.

Получаешь ли письма от Ляленьки? Когда я уезжал, она жаловалась на простуду. По приезде сразу же послал телеграмму ей, на квартиру. Не знаю, не получила что ли, не отвечает до сих пор. Твое письмо еще не дошло, а жду его с нетерпением. Соскучился по дому, по тебе, так хочется послушать, почитать тебе. Пиши, ради бога, почаще, это крайне нужно, дорого мне. Пиши обо всех новостях. Как дела у Милы, у Абдильды? Закончил ли он свою поэму о Дмитрове? Передай ему, что на эту тему существует поэма Самеда Вургунга, пусть хоть познакомится, для сведения. Да, еще закончил сценарий о Дмитрове же бывший соавтор Абдильды Арнштам⁷. Его сценарий, главным образом, построен на Лейпцигском процессе. Насколько помнится мне — Абдильда тоже планировал подробнее отобразить этот момент в жизни своего героя.

8 сентября, за день до моего отъезда, из Москвы, я был в сценарной студии. Там обсуждали сценарий Абдильды и Погодина⁸. Присутствовали Довженко⁹, Арнштам, Погодин и еще ряд критиков, режиссеров, сценаристов. Первым заслушали меня, я сделал 30-минутное выступление, изложил свое мнение и передал впечатления Омарова¹⁰. Вообще сценарий получился хороший. Замечания у всех относились к дополнениям и усилению отдельных положений. Высказывались все присутствовавшие на заседании. Положительную оценку дали не только мы, заинтересованные лица, а также авторитеты... На титуле сценария стоят две фамилии: Абдильда Тажибаев и Николай Погодин. Пусть Абдильда не обижается, что не написал отдельного письма. Я ему напишу поподробнее, попозже. Сейчас, первые дни на курорте с долгой ходьбой так утомляют меня, что ничем умственным

не занимаюсь. Болят ноги, устаю сильно, а днем спать нельзя, чтобы не заснуть, иду в билиардную, возвращаюсь еще более усталый и в комнате живу только для сна. Поэтому и не закончил первый том “Абая”. Передай привет Есмагамбету¹¹... и Габидену¹².

...Пиши каждый раз, каков Эрнашенка, как себя ведет, что ты делаешь с ним? Воспитываешь ли, учишь ли его сама? Я крепко соскучился и по нему, скучает ли он, думает ли обо мне? Как поживают Григорьевна и Умиш? Привет всем. Крепко-крепко целую тебя, родную, милую мою.

Твой М.

¹ Хат Кисловодскіден жазылған.

² Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) – орыс жазушысы, лирикалық проза шебері, өнер адамдары шығармашылығы туралы кітаптардың авторы. Екінші дүниежүзілік соғыс кезінде Алматыда М. Әуезовтің пәтерінде тұрған.

³ Жанғалин Мұхтар Омарұлы (1910–1975) – тарихшы, әдебиетші, аудармашы, қоғам қайраткері. Әуезовтер отбасының досы. М. Әуезов диссертациясына пікір жазған.

⁴ Олидор О. – театртанушы, Әуезовпен хат жазысқан.

⁵ Қуанышбаев Қалибек (1893–1968) – қазақтың көрнекті театр қайраткері, актер, қазақ кәсіби театрының негізін салушылардың бірі. Әуезовтер отбасының досы.

⁶ Байқадамова Данабике (1913–1993) – М.О. Әуезовтің хатшысы.

⁷ Арнштам Лев Оскарович (1905–1979) – сценарист, КСРО Мемлекеттік сыйлығының лауреаты.

⁸ Погодин Николай Федорович (1900–1962) – орыс драматургі. М. Әуезов “Ақсүйектер” пьесасын аударған.

⁹ Довженко Александр Петрович (1884–1956) – кинорежиссер, драматург, Лениндік сыйлықтың лауреаты.

¹⁰ Омаров Ілияс (1912–1970) – мемлекет қайраткері, әдебиет сыншысы, публицист.

¹¹ Ысмайылов Есмағамбет (1911–1966) – әдебиет зерттеушісі, сыншы. ҚР ҰҒА-ның корреспондент мүшесі, ф. ғ. д., профессор. ҚазКСР-нің еңбек сіңірген ғылым қайраткері (1961). 1956–1970 жж. ҚР ҰҒА М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтында бөлім меңгерушісі қызметін атқарды. М. Әуезовпен таныстығы 30-жылдары басталған.

¹² Мұстафин Ғабиден (1902–1985) – жазушы, әдебиетші, қоғам қайраткері. ҚР халық жазушысы (1984). ҚР ҰҒА-ның корреспондент мүшесі (1958). 1953–1964 жж. Қазақстан Жазушылар одағы басқармасының төрағасы болып қызмет істеген.

Валечка моя!

Только сегодня получил твое письмо, оно шло семь дней. Раньше твои письма явно приходили быстрее, видимо, задержала погода. До моего приезда здесь была, говорят, чудесная погода. А сейчас пока стоят дождливые пасмурные дни. Но я гуляю по-прежнему и опять уже за пять дней убавил 2 кг.

Очень ждал твоего письма, давно не писала, хотелось послушать тебя со всеми твоими заботами, хлопотами, новостями по дому. А твое письмо, начатое с ушиба Эрнаррика, вначале так меня встревожило, что не знаю, как пробежал строки до успокоительных последних твоих фраз. Перечитывал эти страницы за день несколько раз. Родной, золотой мой мальчик, радость моя, значит, он опять похудел за это время, опять пострадал за это одно лето. Но действительно ли все прошло без последствий? Пишешь, что есть помутнение. Это на самом деле пройдет без последствий? Пожалуйста, не успокаивайся, покажи еще Рошину, как бы не сказалось дальше. У него такие чудные глазки, большие, ясные, не превратится ли в какое-нибудь бельмо и т. д. Как его здоровье вообще? Ты хотела подкармливать его получше, а то с гор ты писала, что вы оба вернулись с убавками. Следи за собой и за ним, чтобы к моему возвращению оба были полные, цветущие, сильные. Я очень стосковался по вас, по дому и считаю здесь дни, хотя условия лечения, отдыха, за исключением погоды, сложились идеальные. Сердце мое и общее состояние находят очень неплохими. Давление, например, у меня оказалось нормальное, что в моих летах явление не частое. Привез было сюда некоторые остатки работ ... работа по II тому, другая – большая диссертация Смирновой². Но сегодня отправил последнюю рукопись Смирновой, а материал по II тому был отправлен еще раньше, так что теперь ничем по работе не загружен. Знакомых почти нет, гуляю, как полагается, один, и это хорошо также для отдыха. Немного огорчила редакция “Знамени”, сейчас, вечером, получил телеграмму оттуда –

перенесли печатание романа к 1-му номеру 1951 года. Запоздали с перепечаткой, и последние номера, очевидно, были у них заготовлены раньше. А меня торопили, чтобы обеспечить заготовку к началу года. Но я от них получил авиа 10 тысяч, и договор у нас реальный, печатать будут непременно.

Написал отсюда письмо Лелюсе, послал и телеграмму по приезду, просил писать, но пока нет вестей, жду днями ее письма. Думаю, на днях и позвонить к ней на квартиру.

С домом, видимо, все затянулось, но ты особенно не волнуйся за это. Не успеет пораньше, переедем весной, и это, вероятно, к лучшему, потому что вообще в год строительства переезжать и не советуют — может быть сырость, особенно если вселяться зимой. Однако ты об этом не говори Жоржу, пусть он форсирует, сколько может. Оконные, дверные ручки, если не к спеху, закуплю по возвращении в Москву я сам. Ибрагим советовал мне даже закупить и паркет в Москве и отправить вагоном, что очень легко через Казпредство.

Но вот как ты советуешь теперь со столовой, закупить ее? И где пока ее ставить? Я не знаю, куда ты поставила пока гостиную. Или уже купить по пути одну столовую и поставим ее на место старой нашей, а ту пока занесем в сарай?

Я полагал, что в составе гостиной есть и трюмо, но вы довольны покупкой, значит, все хорошо. Сам я вернусь в Москву к 1 ноября, думаю, как в прошлом году, добавить еще четыре-пять дней и прожить полных 30 дней, чтобы иметь 15 ванн, они бывают через день.

В Москве должен в “Советском писателе” провести книгу через их совет и получить аванс. Думал дополучить еще и в “Знамени”. Но если они перенесли печатание к следующему году, то просить еще аванс пока, пожалуй, преждевременно...

...Если я не получу денег в “Советском писателе”, то, возможно, придется затребовать некоторую сумму от тебя. У меня на столовую ... всего 20 тыс. Этого, конечно, не хватит. Но думаю, что все же в Москве в издательстве я получу ихний аванс. Пишу об этом только на всякий случай, чтоб ты была предупреждена.

Почему не написала, как у тебя с домработницей, или пока обходишься Шурой одной? Ведь с отъездом Умиш тебе самой тоже стало беспокойнее, да еще с Эрнариком. Гульнар, конечно, мало бывает дома. Напиши и об этих семейных делах...

...Ты мне не писала в последнем письме, как решила с операцией, когда точно уезжает Малинин? Мне бы хотелось, конечно, чтобы операцию делали после моего приезда, иначе и с Эрнариком сложно, кроме того и тебе самой лучше, когда я буду около тебя. Но все же решай с врачами. Как себя чувствуешь с этой своей болезнью, не ухудшилась?

Насчет будущего года хочется твердо решить о том, чтобы всей семьей поехать куда-нибудь на море или в Ригу, или же в Крым. Здесь и сейчас полно отдыхающих. Но на это время, очевидно, приезжают настоящие посетители Кисловодска, т. е. такие тучники, что в сравнении со многими из них я просто аккуратный джигит. Во время прогулок то и дело видишь, как движется навстречу или печка, или бочка, в первом случае мужчина, во втором — безмерно округлившийся ваш брат (точнее сестра). Так что громадная копна (мяса и сала) в 100-110 кг — это бывшая дама, а сейчас неизвестно что за масса — не редкость в нашей столовой. Как видишь, Кисловодск на это время, оказывается, привлекает настоящих своих клиентов, которым, бедным, страдания и муки на терренкурах (прогулочных маршрутах) в летнюю жару еще были бы истинной божьей карой, вот они-то и приезжают на прохладные месяцы. Так и наша среда, и как безрадостная, возможная своя перспектива — она удерживает от всего — от чая, жирного кушания, дневного сна, алкогольного, что сейчас я уподобляюсь тому аскету во время поста. Таковы мои дела здесь... Напиши, как работает Абдильда над своим “Джамбулом”. Передай ему и Сарочке большой привет, сообщи — много ли сделано им в своей поэме. Сердечный привет Леле.

Привет домашним всем....

Буду ждать писем, пиши почаще, пусть письма идут, не дожидаясь друг друга, навстречу. Целую долго-долго.

Твой Мухтар.

Сегодняшнее твое письмо было обстоятельное, хорошее, пиши такие же полные, подробные.

¹ Хат Кисловодскіден жазылған.

² Смирнова Нина Сергеевна (1908—1978) — әдебиет зерттеушісі, фольклоршы. Филология ғылымының докторы (1951), профессор (1953). ҚазКСР ҒА-ның корреспондент мүшесі, М. Әуезовпен институтта бірге жұмыс істеген. “Абай жолы” туралы алғашқы мақала жазушылардың бірі. М. Әуезовпен шығармашылық, достық қарым-қатынаста болған.

М. Ауэзов — В. Н. Ауэзовой

№ 8

осень 1950 г.¹

Валечка, родная, милая моя!

По телеграмме (первой) ты поняла верно, как я был обеспокоен своим бестактным, пьяным поведением на вокзале. До этого за столом мы сидели очень хорошо, ты пила за книгу, держа одну из них в руке... А потом эти писатели перехватили меня и со II вокзала обратно позвали в машину. Как я не сообразил, что могу обидеть тебя, и не попросились, как следует. Мне кажется, первый раз в жизни я уезжал, не поцеловав тебя. Зато протрезвление было ужасное, я все стонал и охал, стыдился самого себя и, странно, за все это еще больше люблю, вспоминаю тебя. Вспоминаю горячо, со всеми твоими незаменимыми для меня прелестями и достоинствами, моей родной, хорошей, самой дорогой в жизни, жены.

Мои дела здесь идут неплохо. Скоро в “Литгазете” пойдет большая статья — та, известная тебе². Я ее доработал по части языка — как самого основного признака национальной формы, по определению Сталина. “Знамя” взяло роман с большим одобрением. К моему приезду роман сам подготовил себе почву. Но, оказывается, Муқанов писал туда лживые сведения о том, будто в республике книга “полностью” раскритикована. А я привез изданную книгу. Он хотел опередить, чтобы “Знамя” не издало. А в редакции еще до моего приезда, прочитав роман, сказали: “Книга говорит сама за себя... иных посторонних суждений не нужно”.

Ко мне высказали отдельные пожелания, и я сейчас делаю вставки. Над ними и сижу сейчас, работаю хорошо, добросовестно, как я умею и как известно тебе. Вставок бу-

дет три, все они нужные и хорошие. Похвалюсь тебе одной. У меня было две встречи с редколлегией “Знамени”. Первый раз они, принимая роман, говорили замечания, пожелания. А я ответил сухо и скупое, ничего особенного не обещал, но сказал, что подумаю два дня. А через два дня тому же составу сам принес такие контрпредложения, что они все были удивлены, как я быстро и так поразительно продуктивно мыслю. Главное, не было в городе Соболева³, не видясь с ним, было сделано все, и они убедились, что Соболев-то ни при чем в моих творческих успехах. И после один из членов редколлегии был в Союзе и сказал про меня, что это не талант, а талантище и т. д., и вот теперь этот “талантище” твой из кожи вон лезет, чтобы оправдать это доверие. Путевку отодвинул на 24-е, т. е. должен выехать 22-го, успею до этого все сделать или нет, не знаю. Я-то напишу, но я же обещал перевести подстрочник, вот с этим могу запоздать, м. б., увезу вторую долю, для декабрьского номера журнала, в Кисловодск. Был позавчера у Соболева на даче, все по-старому, по-хорошему на вид. О. И.⁴ вспоминает тебя, Эрнара, оказывается, любит, уважает Лейлю и всякое прочее. Соболевы тоже едут в конце месяца в Кисловодск.

¹ Мәскеуден жазылған хат, аяқталмаған.

² 1951 ж. 4 қазанда “Литературная газетада” шыққан “Қазақ әдебиет тілін дамытудың кейбір мәселелері” атты мақаласы.

³ Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971) — орыс жазушысы, “Абай жолы” роман-эпопеясының 2–3-кітаптарын орыс тіліне аударған, М. Әуезовпен бірге “Абай” (1935) пьесасын жазған. Социалистік Еңбек Ері (1968).

⁴ Ольга Иоановна — Соболевтің зайыбы.

М. Ауэзов — В. Н. Ауэзовой

№ 9

1950 г.¹

Я здоров, регулярно занимаюсь своей гимнастикой, принимаю по утрам холодный душ. Только не удается с прогулкой, мешают заседания. Чувствую себя очень хоро-

шо в отношении сердца, здесь ни разу не было сердцебиения. Но жизненный режим с поездкой в Ташкент и в пути оттуда был сильно нарушен, опасался, что снова пополнию в этих бездеятельных условиях. А сейчас все же чувствую себя в норме. Из Ташкента я ехал в вагоне Нуртаса². Он и его жена, при ближайшем соприкосновении, оказались исключительно приятными людьми. Очень простые, скромные и на радость благоразумные люди. Поездка с ними была полезна для меня еще тем, что дорогой не тратился на карты, не играли азартные игры. Пили очень мало, это тоже было одним из идеальных условий после гостеприимного Ташкента. Теперь несколько слов о делах, из-за которых, я вижу, ты расстраиваешься немало. К моему приезду положение было аховое. “Молодая гвардия” издает 15 тыс.³ – на остальное нужно разрешение ЦК, Гослит еще не решил, издает ли даже 75⁴, так как “Советский писатель” увеличил тираж до 150.

Окончательное решение откладывается из-за Пленума, который тянется вот 7-й день, и будут прения еще и завтра. Все прерывают, то на полтора дня прервали с докладом Фадеева⁵, то на вечер, сегодня, например, прерывают из-за юбилея Исаковского⁶. А во время Пленума не застанешь никого из издателей... Но все же к сегодняшнему дню кое-что выяснилось. Во-первых, окончательно решено, что “Советский писатель”...

¹ Мәскеуден жазылған хат, аяқталмаған.

² Ондасынов Нұртас Дәндібайұлы (1904–1989), партия, мемлекет, қоғам қайраткері, филолог. ҚазКСР Жоғарғы Кеңесі Президиумының төрағасы (1954–1955).

³ “Абай” романы. Л. Соболев редакциялаған автордың өз аудармасы (М.: Молодая гвардия, 1950. 592 б.).

⁴ “Абай” романы. Л. Соболев редакциялаған автордың өз аудармасы (М.: Гослитиздат, 1950. 584 б.).

⁵ Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – орыс жазушысы, қоғам қайраткері. 1934 ж. Жазушылар одағының ұйымдастыру комитеті төрағасының орынбасары, КСРО ЖО хатшысы (1939–1944), КСРО ЖО баскармасының төрағасы және басшысы (1946–1954). М. Әуезов адамгершілік қасиеттерін жоғары бағалаған. 1953 жылы ұлтшыл деген айып тағылып, қамалу қаупі туғанда М. Әуезов Мәскеуге ұшып кеткен. Мұнда оның қамаудан, қудалаудан құтылуына

көмектескен адамдардың бірі – А. Фадеев. А. Фадеев қайтыс болғанда М. Әуезов жүрекжарды көңілмен “Ауыр қаза” атты мақала жазды (Қазақ әдебиеті. 1956. 18 мамыр).

⁶ Исаковский Михаил Васильевич (1900–1973) – орыстың лирик ақыны, “Провода в соломе” (1927), “Поэма ухода” (1930), “Четыре желания” (1936) поэмаларының авторы.

М. Ауэзов – Л. М. Ауэзовой

№ 10

14 сентября 1951 г.¹

Лилюня милая моя!

Что же это такое, так долго не пишешь домой? Плохо поступаешь, и мы с мамой непростительно долго не пишем тебе. А мама тревожится с мыслью о том, не обижаешься ли ты за то, что не выслали денег на пальто. А с деньгами, Ляленька, у меня сейчас очень и очень туго. Ведь еще до сих пор я не уплатил за труд его инженеру – Георгию Герасимовичу. Хорошо, он не торопит. Все ждал перевода денег из двух учреждений Москвы, особенно обнадеживали в издательстве “Советский писатель”. Но вчера я получил телеграмму, сообщают, что расчет возможен лишь в середине октября: из их суммы я и предполагал перевести тебе и уплатить значительную часть своего долга инженеру. Тут еще делается книжный шкаф, он не окончен, и опять нужно дорого доплачивать за труд и материалы.

На днях прошла сессия Академии, я уже не член президиума, это сильно скажется на моем бюджете. Уже подал заявление в университет, чтобы оформили на полную нагрузку. Академия от дел хочет отпустить. Первый том редактировать буду сам же, но эту работу буду, вероятно, вести за счет своих обязанностей действительного члена Академии. Как бы то ни было, сильно разгружаюсь для писательско-творческой работы. Это все к лучшему. Но пока на бюджете имеется существенное отражение.

Вчера закончилась республиканская конференция по сбору подписей. Создали республиканский и избрали делегатов на 3-ю Всесоюзную конференцию, я нахожусь в том и другом составе, так что поеду в Москву в ноябре. Курорт отложил на декабрь – приеду из Москвы после конферен-

ции. Тогда же, думаю, устроить тебя с твоим пальто. Родная моя Ляленька, не обижайся, ради бога, за это опоздание, ведь это впервые, когда я тебя прошу войти в наше положение с деньгами. Строили, и не может это не сказаться на всем. Если бы знала, как скажется на всякие, даже мелочные, издержки, и мама! У меня очень много расходов, плачу многим людям, сама хорошо знаешь об этом, поэтому и дайте мне некоторую льготу во времени, и за этот срок я, вероятно, сумею снова выровнять наш бюджет. А пока пойми меня и потерпи у меня, дружок ты мой.

Была ли ты у Зои²? Как живешь на новом месте? Каково с хозяевами? Напиши скорее обо всем этом. Дома все по-старому. А домиком нашим по-прежнему довольны. Погода у нас очень теплая, солнечная. Жду скорого письма и целую тебя.

Папа.

Привет твоим хозяевам. Как устроилась Саулешка³, привет и ей.

¹Алматыдан Мәскеуге жазылған хат.

²Кедрина Зоя Сергеевна (1904–1992) – әдебиет сыншысы, ғалым, аудармашы, ф.ғ.д. (1974). Сыни-зерттеушілік, аудармашылық жолы М. Әуезов, Ғ. Мүсірепов, Ғ. Мұстафин, Б. Майлин, т.б. шығармашылығымен байланысты.

М. Әуезовпен 1932 жылы “Октябрь үшін” пьесасына материал жинау кезінде танысқан. Әуезов шығармашылығын зерттеумен ұзақ жылдар айналысып, 1951 жылы Мәскеуде “Мухтар Ауэзов” монографиясын шығарған. “Абай жолы” роман-эпопеясының соңғы екі тарауын, “Асыл нәсілдер”, “Білекке білек”, т. б. шығармаларын аударған. Отбасыларымен достық қарым-қатынаста болған.

³Ахынжанова Сәуле – Ләйла Әуезованың М.В. Ломоносов атындағы Москва мемлекеттік университетінде бірге оқыған курстас құрбысы.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой и Л. М. Ауэзовой

№ 11

5 мая 1952 г.¹

Валечка родная, милая Ляленька!

Минувшей ночью, в 11 ч. получил мамину телеграмму. Хорошо, что она длинная, обстоятельная, и ночью же отве-

тил вам. А сегодня все не отгоню тревогу о Ляли... главным образом, о здоровье ее. Поймите же, мне наплевать в конце концов на всякие ученые карьеры, но в жизни Ляля моя самая главная опора из родных (после мамы, разумеется)... человек, друг и кровь моя, обновленная воспитанием настоящим, коммунистическим, дороже всего на свете, и все, что касается ее, живет в сердце моем.

А здоровье ее, жизнь ее важнее всего, потому что знаниями она уже вооружена.

Одно прошу, Валя, и Ляленьку, не перечьте Тлеш², он хорошо знаком с зам. ректора университета, он выяснит, сделает, что нужно для аспирантуры в МГУ, или же он как замдиректора нашего института уладит очень просто с Институтом востоковедения, только не мешайте, не расхолаживайте его. Он хочет уладить вопрос с аспирантурой Ляли.

Мои дела хороши в том смысле, что сценарий понравился товарищам из ЦК. Вчера передавали, “строго между нами”, что прочел самый главный руководитель наш, и ему понравилось. После десятого ожидают обсуждения, надеюсь, будет все хорошо. Это самое главное, потому что я делаю “разведку боем” в современной боевой тематике перед созданием своей серии романов на современную тематику. А денег все же мало, поэтому хочу быстро составить заявку на сценарий “Абай” и заключить договор с Жуминым³. Казлитиздат все не может уплатить аванс за “Дворянское гнездо”, немного денег все же надеюсь получить от него.

Главные мои расчеты:

1) на сценарий, русский текст которого скоро вышлем в Москву авиа по окончании перевода Шуховым⁴. Он работает усиленно, его торопят и из ЦК. Там по первому расчету мне следует 15 тысяч из сценарной студии; 2) на роман в издательстве “Советский писатель”; 3) на договор с Министерством кинематографии здесь.

Хорошо бы Зое или тебе вместе с ней подробнее узнать о сроке выхода романа у Кириянова в “Советском писателе” (там довольно аккуратно платят по выходе книги), или мне лучше прислать телеграфную доверенность, заверенную нотариально, чтобы издательство рассчиталось с тобой? Разузнай, пожалуйста, получше об этом и телеграфируй.

А сценарий, русский текст, Шухов закончит к 15-му и мы посылаем авиа — там, если худсовет утвердит хотя бы на прием вещи, то уплатят 25%, т. е. 15 тысяч.

Так, мне кажется, что все эти три источника реальны, но дело во времени в продвижении вещей.

Собираюсь на пленум, но не поеду, не получив здесь откуда-нибудь денег, хотя бы в размере 15 тысяч. Таковы мои заботы и хлопоты. Остальная моя жизнь идет по-старому. Эрнарлик ведет себя по-старому, т. е. пачкает костюмы так же, но очень хорош в учебе, а это самое решающее. Понимаешь, Валенька, после твоего отъезда вечерами он садится сам за работу и трудится честно, хорошо.

...А сегодня утром вызвал просто умиление у меня. Вчера вечером он с Умиш пошли к Амиру, задержались там, и мы с Григорьевной уложили его сразу после чая. А сегодня утром я встаю полвосьмого и вижу — он сел у себя за работу. Никто его не заставлял, не будил — выходит, такой же деятельный, как мы с Лялей — он в нас, ответственно трудовой человек.

За эту его старательность я повез сегодня его, Амира и Вовку, по его приглашению, за Или. Убили двух сизоворонок, и он одного из них послал Зуле, которая, как сообщила ее мама, и восторгается “воробышкой”, и хочет побить Эрнарлика по лбу за жестокость.

В Союзе все по-старому, ждут, но еще не переменяли неугодных лиц. 16-го республиканское совещание по проверке итогов VIII пленума. Возможно, после него будут оргвыводы. Я беседовал в Академии с Кунаевым⁵, Сауранбаевым⁶, Сокольским⁷, отношения должны наладиться — мои условия всем: убрать прочь подлеца. Они с этим согласны. Ну, целую вас, привет хозяевам, к сожалению, не знаю отчества.

Сердечно Ваш М.

Привет Зое, Абелю Наумовичу⁸, Исхаку⁹ и его семье.

¹ Алматыдан Мәскеуге жазылған хат.

² Шойынбаев Тілеш — тарихшы, Тарих, археология және этнография институты директорының орынбасары.

³ Жумин Райхан — Абай атындағы Қазақ опера және балет театрының директоры.

⁴ Шухов Иван Петрович (1906–1977) – жазушы, “Простор” журналының бас редакторы (1963–1974), М. Әуезовтің біраз шығармаларын орыс тіліне аударған.

⁵ Қонаев Дінмұхамед Ахметұлы (1912–1993) – Қазақстанның мемлекет қайраткері, Қазақстан КП ОК бірінші хатшысы (1960–1962, 1964–1986), Қазақстан Министрлер Кеңесінің төрағасы (1955–1960, 1962–1964), Қазақстан ҒА-ның Президенті (1952–1955).

⁶ Сауранбаев Нығымет Тінәліұлы (1910–1958) – тілтанушы. Филология ғылымының докторы (1943), Қазақстанның еңбек сіңірген ғылым қайраткері (1945), Қазақстан ҒА-ның академигі (1946), Қазақстан ҒА-ның вице-президенті (1951–1958).

⁷ Сокольский Дмитрий Владимирович (1910–1987) – химик, Қазақстан ҒА-ның академигі, Қазақстан ҒА Президиумының бас ғалым-хатшысы.

⁸ Пантиелев Абель Наумович (1913–1977) – орыс жазушысы, аудармашы. З. Кедрианың жолдасы. Әуезовпен тығыз шығармашылық қарым-қатынаста болған. “Көксерек”, “Қараш-Қараш оқиғасы”, “Қаралы сұлу”, “Түнгі сарын”, “Өскен өркен”, “Қилы заман” шығармаларын жоғарғы деңгейде орыс тіліне аударған.

⁹ Дүйсенбаев Ысқақ Тәкімұлы (1910–1976) – әдебиет зерттеушісі. Филология ғылымының докторы (1967), ҚР-ның еңбек сіңірген ғылым қайраткері (1971). ҚР ҒА-ның корреспондент мүшесі (1975), ҚР ҒА Әдебиет және өнер институтының бөлім меңгерушісі (1949–1976).

М. Әуезовпен бірге қызмет істей жүріп, жақын араласқан. “Мұхтар Әуезов” атты зерттеу еңбегінде жазушы шығармашылығын толық қамтыған. Қазақ әдебиетінің тарихымен қоса жазушы жайында әр жылдары жазып қалдырған мақала, естеліктерінде құнды деректер мол. М. Әуезовтің шәкірті және оның әдеби мұрасын жинақтап бастырушылардың бірі.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой и Л. М. Ауэзовой

№ 12

май 1952 г.¹

Валюшенька, миленькая моя, и Ляля, радость моя!

Я вам телеграфировал позавчера, что не еду в Киргизию, они, как завелось там в последние годы, скользят по времени опять, назначая одно число, начинают переносить. Меня уже раздражает одно это детское легкомыслие изменения сроков. Телеграфируйте по точному адресу, а то они посылали на Калинина, 63.

До 24-го мы собирались ехать только с Вале́й вдвоем, вести Эрнарника не решился. Хотя он просился и утверждал, что тоже едет во Фрунзе. Однажды он говорил, что скучать в горах не будет, а буду, говорит, ловить фрунзенских бабочек. Другой раз я ему говорю, что там детей не будет и на даче будут жить одни старшие, и съедутся люди издалека: из Москвы и Ленинграда. А он на это заявил: “Пусть хоть придут из Риги, мне-то какое дело до них”.

Ну вот теперь вышло все по-иному, и мы с ним хотим скорее ехать к вам. Дела мои неплохи, а наоборот все идет к лучшему. На днях закончилось республиканское совещание руководителей партийных работников по проверке итогов идеологической работы после VIII пленума и V съезда. Делал доклад Сужиков², и, касаясь работы среди писателей, он, оказывается, в первую очередь остановился на мне и распространено говорил только обо мне, об остальных упоминал только в порядке перечислений.

А из моих творческих дел он похвалил сценарий о женщине, партийном деятеле, как характеризовал он, говорил о “Пути Абая”, получившем уже признание общественности, и хвалил также мою монографию об Абае. Сейчас я жду только обсуждения сценария. Его хвалил на этом совещании Жаймурзин³. Так что слухи о том, что сценарий понравился т. Шаяхметову⁴, оказались правильными. Только неважно с переводом, сделанным Шуховым. Он отнесся, видимо, как привык к тексту Муканова, легковесно. Всем казахам, читавшим казахский текст, перевод не понравился. А Шаяхметов, Сужиков, Жаймурзин читали казахский текст. Меня торопили из Москвы – Налдеев из сценарной студии, и я послал сразу же по получении русский текст. Но теперь студия – Жумин хочет потребовать от Шухова, чтобы он доработал свой перевод.

В университете дела закончил, теперь остались мелочи в работе – доработки двух подглав в “Истории КССР”, порученные мне благодаря стараниям моих друзей историков.

Не тронуты еще два больших дела договорных – это “Дворянское гнездо” и либретто “Толеген Тохтарова”. Но каждое из них отнимет не более десяти дней в отдельности, м. б., даже выполню их в Москве, если не отнимет много

времени доработка – сценарий после всех обсуждений тут и там.

Да, написал на днях заявление т. Шаяхметову о том, чтобы он урегулировал вопрос о моих избранных, а то издательство не только не уплатило аванс 60% за издающийся роман “Путь Абая”, но и теперь, видимо, настроено удерживать львиную долю гонорара за те мои договора с Ахметовым⁵. Поступило, оказывается, мое заявление к Сандлер⁶, и она оказала настоящую помощь, проявила большую внимательность ко мне. Было весьма приятно это видеть со стороны. Она несколько раз звонила домой сама и информировала меня о прохождении заявления. Во-первых, сказала, что мы доложили ему... А докладывая, видимо, выказала расположение, сочувствие в положительном решении. Затем сообщила очень довольная, что дело передано Сужикову с указанием в положительном смысле. Роман “Путь Абая” на казахском должен выйти в скором времени, и если этот спорный вопрос решится положительно, то известный солидный резерв для труда над новым романом будет обеспечен вполне. На днях заключил договор на сценарий об Абае – срок март 1953 г. Аванс 25% – около 13 тысяч наличных должны перечислить на книжку в ближайшие дни. Это и будет пока единственным источником на поездку, но надеюсь, что в Москве в июле уже можно будет рассчитывать на получки в студии и в издательстве за роман.

Из жизни Союза надо сказать о секретаре нашем. Его мы сняли с секретарства, по партийной линии дали ему строгий выговор с предупреждением и с занесением в личное дело. Но вышестоящая партийная общественность, видимо, не удовлетворена поведением Союза и его партийной организации. На этом, упомянутом мной, совещании Неклюдов – секретарь горкома снова сослался на националистическое выступление поэта Джармагамбетова⁷, а в отчете в “Каз. правде” за 24 мая дважды упомянуто об этом же – один раз в выступлении Неклюдова, а другой раз, когда приводят выступление Жаймурзина... В общем недовольны не только Джармагамбетовым, но и организацией, якобы так мягко поступившей с ним...

...Теперь я расскажу о самом замечательном, неожиданном для вас случае в нашем доме. Дело в том, что у нас в

доме была в гостях Моника Фелтон⁸. Я встречал ее в составе определенных лиц. Затем меня попросил к себе Гарагаш⁹ и по поручению руководства просил, чтобы я пригласил к себе эту особенную гостью. Было около 20 чел. по списку выше, присутствовали все ведущие писатели, в том числе Муканов¹⁰, Мусрепов¹¹ – все без жен, за исключением Сарочки и Зейнеб¹², которых я отстоял в списке, составленном при мне в Совете министров, – как заменяющих отсутствующую хозяйку. Обслуживать прислали двух официанток из II дома отдыха – проверенных лиц, и шеф-повара оттуда же. Но так как надо было угощать и национальными блюдами, то Сара и Зейнеб пришли за день, готовили чак-чак, который понравился Монике и сопровождающим ее лицам. Преподнесли голову, а Моника сама взялась разделять голову, и глаза дала мне и Сабиту. Она, конечно, не ведала о том, что казахи считают: когда два глаза одного барана делят два человека, они останутся глядеть косо друг на друга. Так что если и не о будущем, то о прошлом она угадала взаимных недругов. Были в гостях пред. горсовета – мэр города, люди из обкома. Гостья очень хвалила и дом, и библиотеку, и сад. Эрнарлик в этот день был с Гульнаркой, хотя Гульнара очень хотела быть ближе к гостям, но ей пришлось часто уезжать, удаляться с Эрнарликом. Умиш и Григорьевна только сторожили комнаты то наверху, то внизу.

Когда уезжала гостья, она прошла с Умиш, хваля ее наряд, она была в камзоле... А Умиш долго не подавала руку в ответ на протянутую ею руку, но Роза¹³, которая была все время около, стояла приговаривала “колынызды, колынызды” – руку вашу, руку вашу. Зато бойко вел себя Ваня, он в гараже устроил угощение другим шести шоферам, они там ели вдоволь и пили, танцевал Ваня над своим “Яром” в гараже, даже как будто они пели там... Все это увидел Эрнарлик, и когда я сказал Ване об этом, он все ходил спрашивал, кто сказал хозяину о нас.

За день около нашего дома подправили дорогу, а около дома весь день и вечер ходили переодетые в гражданское люди из органов. Они же, оказывается, днем звонили, спрашивали точный адрес и говорили при этом Гульнарке, ведь прежний точный адрес был Калинина, 75. Вот так мы отбыли заморскую гостью. Она была необыкновенно довольна

вечером у нас... Писатели шутили с ней, по ее просьбе пели песни и даже хором... в котором участвовал и сам хозяин, неизвестный вам певец.

Она не хотела уезжать, а ее должны были везти в филармонию, прошло время, 8.30 — уже без четверти 9... и когда ей напомнили об этом, она сказала “нельзя ли опоздать” — но говорили, что она уже опоздала, тогда она заявила, что по традициям англичан последнее слово принадлежит женщине, и она подняла тост за отсутствующих маму и дочь — за вас и просила непременно познакомиться с вами в Москве, что и обещано, конечно.

Вот и все из моих многих новостей вам... Все остальное в жизни и труде замечательно. У Лейли с аспирантурой все будет так, как сказал Тлеш в Москве. Вчера уже обсудили, утвердили ее в списке новых аспирантов Института истории. Сегодня звонил Тлеш и просит, чтобы Лелюся скорее прислала свое заявление, автобиографию и заполненный личный листок аспиранта. Пусть личный листок достанет сама в университете или Институте востоковедения. Однако пусть это сделает, не откладывая. Тлеш накануне отъезда из Москвы говорил в Институте востоковедения с Брагинским¹⁴ и Жуковым, Авдеев был болен. Эти замы были полностью согласны принять в аспирантуру Лялю, сказали, чтобы только прошла приемные испытания осенью у них... Пока это все, что я знаю о деле Лялечки.

Очень хорошо у нас в саду. Уже скосили задние, старые посева трав... Сейчас ровная зелень во всем саду и так хорошо в тени, цветы. А под пеструшкой такая густая листва и тень, что я часто мечтаю спать ночью вместе всей семьей под ее сенью.

Совет министров отвел нам нашу девятую дачу, ездили туда, будет дом 15 июня. К приезду нашему дача будет ждать готовая. Гугайка собирается выехать в Караганду к 15 июня. Ну, целую крепко-крепко, привет хозяевам.

Вышла Мариам¹⁵, скучает, ждет Лялю.

Особый привет Зоиньке и Абелью Наумовичу, всем им, родным. Посылаю телеграмму на новый адрес, поздравляю с новосельем. Передай привет и Бахытжану¹⁶, если увидишь его.

¹ Алматыдан Мәскеуге жазылған хат.

² Сужиков Мұхамедғали Әленұлы (1910–2000) – Қазақстан Компартиясы ОК идеология бойынша хатшысы (1951–1954), Қазақстан КП ОК Бюро мүшесі.

³ Жаймурзин Әбдірахим (1916 ж.т.) – философ, партия, қоғам қайраткері, философия ғылымның кандидаты, доцент. Қазақстан ЖО төрағасы (1951–1953).

⁴ Шаяхметов Жұмабай (1902–1966) – партия, мемлекет қайраткері. Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің бірінші хатшысы (1946–1954).

⁵ Ахметов Абдрашид – жазушы, аудармашы.

⁶ Сандлер О. А. – Қазақстанның еңбек сіңірген әртісі, Қазақ драма театрының музыка бөлімінің меңгерушісі.

⁷ Жармағамбетов Қайнекей (1918–1974) – акын, әдебиет зерттеуші, Қазақстан ЖО хатшысы болып жұмыс істеген.

⁸ Фелтон Моника – ағылшын қоғам қайраткері, ағылшын демократиялық қоғамы – Әйелдер Ассамблеясының төрайымы (1952). Халықаралық Лениндік сыйлықтың лауреаты (1951).

⁹ Гарагаш А. – Қазақстан Министрлер Кеңесі төрағасының орынбасары.

¹⁰ Мұқанов Сәбит (1900–1973) – жазушы, қоғам қайраткері, казак әдебиетінің негізін салушылардың бірі. Қазақстан ҒА-ның академигі (1954), ҚазКСР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты (1968). Қазақстан ЖО-ның төрағасы (1936–1937, 1943–1951).

¹¹ Мүсірепов Ғабит (1902–1985) – жазушы, ҚазКСР ҒА-ның академигі (1958), Қазақстанның халық жазушысы (1984), ҚазКСР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты (1970). Қазақстан ЖО-ның төрағасы (1957–1962, 1964–1966).

¹² Розмухамедова Зейнеб – Қазақ мемлекеттік филармониясының әртісі.

¹³ Шамжанова Роза – Шетелдермен мәдени байланыстар және достық қоғамының төрайымы.

¹⁴ Брагинский Иосиф Самуилович (1905–1990) – шығыстанушы, Тәжікстан ҒА-ның толық мүшесі, Тәжік КСР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты (1974). Негізінен Орта Азияның мәдениет тарихы мен парсы және тәжік әдебиетінің арасындағы байланысты зерттеген.

¹⁵ Ержанова Мариям – Л. Әуезованың құрбысы, химия ғылымының докторы, профессор.

¹⁶ Ысқақов Бақытжан – Москва қаласындағы ҚазКСР Министрлер Кеңесінің жауапты қызметкері.

Валечка миленькая моя, Ляля родная!

Я вернулся из Фрунзе 11-го, конференция длилась пять дней. Это и задержало побольше, приглашали объехать Иссык-Куль, но отказался, заявил, что приеду с женой и детьми этим же летом. Меня встретили в Киргизии на этот раз особенно тепло, с большим ожиданием серьезной помощи, как от человека, могущего занять положение арбитра. Так и вышло, кажется, в результате. Спорили большинство киргиз с приезжими из Москвы докладчиками – Боровковым² и с этим горланом, конъюнктурщиком, стремящимся нажить капиталец на сваливании всяких грехов на защитников народных ценностей – с Климовичем³. Меня по приезде во Фрунзе сразу пригласили для беседы первый секретарь Раззаков и секретарь по агитации. Разговаривали два с половиной часа. А после моего выступления вся общественность киргиз, т. е. писатели, ученые, работники ЦК, благодарили за настоящее, нужное, убедительное и веское слово – говорил 50 минут. Не знаю, как решат в Москве, но весь киргизский народ от ЦК до школьников и матерей – за свою ценность, и я решил быть вместе с ними. Если ошибся, то тоже с народом советским.

Дома все благополучно. Эрнарлик здоров, время от времени ездим на дачу. Нынче мы взяли дачу Сембаева⁴ – четвертую, потому что нашу дачу забрал старик Джангильдин⁵ – больной, дряхлый, и я не стал спорить. Ехать в Москву нашел нецелесообразным, потому что ушли сроки, а с начала я должен заниматься в институте с заочниками. Для работы над сценарием приехал режиссер сюда, и ехать из-за этого в Москву не нужно. Из-за одного пленума решил не ехать. Вместо этого сажусь для работы по очереди: Тулеген, сценарий, Тургенев. Каждое из этих дел хоть отнимет не по многу времени, но весьма важное и, главное, по каждому договору.

А пока я без денег. Студия аванс 25% не дала, но выдала только часть аванса девять с лишним тысяч 3-го. Из них только четыре тысячи и есть на книжке, что и смогу пере-

вести сейчас. Такого безденежья не было давно. В ЦК здесь скоро обещают решить с избранными. Подал заявление Шаяхметову, он дал положительное указание, но для окончательного решения нужно постановление бюро. Этот проект подготовлен, и, как назло, сейчас все члены бюро в разъезде. После их возвращения должно решиться. За это время я прошу отдел в ЦК дать распоряжение издательству, чтобы хоть на время пока уплатили, который выходит на днях. А в издательстве ждут сегодня-завтра приезда Резника, тогда, м. б., и уплатят за один тираж (основной), я ведь не получал и 60 %... Кроме этих видов нет никаких шансов на серьезные полочки.

Дальше единственное – это “Советский писатель”. Пусть Зоя и Абель приложат усилия и повлияют на Кирьянова, и он уплатит 23-го. Жду твоих вестей, чтобы послать доверенность, и телеграфирую, можно ли послать эту доверенность тебе, не прописанную в Москве? Да, еще “Межкнига” (Кузнецкий, 18) писала, что мне следует по чешскому и польскому изданиям 3300 рублей. Я в мае послал заявление, просил перечислить в Алма-Ату в сберкассу, а они до сих пор не перевели, и я вчера послал телеграмму с ответом на имя главного бухгалтера Алексева, просил сообщить о перечислении или чтобы сообщили, можно ли доверить жене, находившейся в Москве. Возможно, что если они не перевели на этих днях, pošлю доверенность тебе на получение этих денег.

Так досадно, что отправив тебя, не поехал и еще не смогу, как следует по-нашему, снабдить тебя деньгами. Гульнара уехала с семьей в Караганду. Сообщи, пожалуйста, Зое часть письма относительно Фрунзе и особенно относительно Климовича... Привет друзьям, если там – Миле и Тажиевым⁶. Скорее возвращайтесь с Ляленькой. Дома во дворе так хорошо, каждый день Эрнарлик и Григорьевна собирают такую чудесную клубнику. Лялины документы передал в институт. Ну, жду скорее домой, тоскую, скучаю, Валенька, ужасно.

Крепко целую тебя, Лялю. Большой привет хозяйке вашей, ваш папа.

Р. С. Писал у Мұхтара⁷ на его проводах. Жду телеграмму в ответ этому письму.

¹ Алматыдан Москваға жазылған хат.

² Боровков А.К. — шығыстанушы, Әлішер Науаи шығармашылығын зерттеуші.

³ Климович Л. И. — әдебиеттанушы, сыншы.

⁴ Сембаев Әбдіхамит — педагогика ғылымының докторы, профессор, ҚазКСР ағарту министрі (1941–1963).

⁵ Жангелдин Әліби Тоғжанұлы (1884–1953) — мемлекет қайраткері, ҚазКСР Жоғарғы Кеңесі Президиумы төрағасының орынбасары (1938–1953).

⁶ Тажиев Ибрагим (1904–1960) — мемлекет қайраткері, Қазақстан Орталық партия Комитетінің хатшысы (1954–1959). Әуезовтер отбасының жақын досы.

⁷ Жанғалин Мұхтар Омарұлы (21-бетті қараңыз).

М. Ауэзов — В. Н. Ауэзовой

№ 14

май 1954 г.¹

Валечка милая моя!

...Вчера ночью я говорил с тобой и не мог, конечно, расспросить подробнее, однако ты понимаешь ведь, как я и другие люди — друзья, в том числе и в первую очередь Зоя, — интересуемся тем, что было сказано на пленуме нашим дорогим, главным лицом. Также меня интересует доклад Мусрепова, как он вел себя, и что сказали другие писатели по поводу бывшей травли меня, моих трудов. Напиши же или пошли, если есть напечатанные в газетах, в вырезках. Это одно. Теперь скажу, по секрету, об одной новости, а ты пока не рассказывай никому, пойдут, м. б., нехорошие толки. Дело в том, что МГУ собирается дать мне квартиру и на Ленинских горах. Взяли от меня заявление на имя ректора, а он просил передать мне, что он обещает при новом распределении сдающихся корпусов удовлетворить просьбу. На днях партийные и профсоюзные группы и деканат — треугольник — тоже вынесли решение “предоставить в первую очередь”, а их решение очень много значит. Я просил двухкомнатную квартиру, очевидно, такую же и дадут. Обеща-

ют, что этот вопрос может решиться даже до каникул. Для Ляли резиденция будет готова, м. б., к ее приезду.

Роман в своем переводе потребовал очень много времени, и я нанял двух лиц перевести две главы... Вчера была большая, долгая беседа со Смирновой. Она прочла переведенное и дальнейшее узнала из моего подробного, долгого пересказа, и роман оценивает с восторгом и очень высоко. Считает, что каждая книга есть что-то новое, и все выше идет к вершине, и что она имеет большое желание работать над романом. Неприятно только одно, что она больна сердцем. Думает, в начале июня переехать на дачу и там работать все лето над переводом. В МГУ работы будет много — не по части лекций, а по научно-исследовательской работе, многое в этой кафедре нужно создавать, писать. Мы имеем задание создать большую хрестоматию со многими исследовательскими статьями, вот эту работу и начинаю с небольшим коллективом. Зато эта работа обогатит меня, и я тружусь очень много, читая и планируя. Насчет отдыха... В июле, как тебе известно, Абай, я, кажется, там буду докладчиком. А 10 сентября съезд... к 1 ноября срок сценария. Да, еще меня Сабит тут на пленуме Союза выдвинул в состав докладчиков на Союзном съезде 6 ноября. Не знаю теперь, когда тут выкроится отдых для меня. Здесь я должен пробыть до 10 июня в МГУ. В одно время думал вызвать вас с Эрнариком и, если сможет, с Ляленькой в середине мая, а в июне отвезти устроить в Крыму, и самому ехать на юбилей. Ну а потом как? Или мне остаться в Алма-Ате, но это обидно не быть с вами так долго... Не лучше ли теперь остаться в Алма-Ате и взять дачу в горах в первом доме. Тогда, если решите на этом, ведь тут для Эрнара хоть лучше, чем в городе, он там поправлялся лучше, — тогда я пошлю телеграмму в Совет министров Нурумбаевой. Только ты сообщи мне поскорее по телеграфу о вашем семейном решении. А я буду стараться вернуться поскорее, в начале, что ли, июля домой.

Если же вздумаете поехать, то езжайте с 15 мая, побудем здесь до середины июня и вернемся вместе...

...Я, как видишь, много трачу на перевод, и у меня средств тут будет немного, хорошо только — не намереваюсь просить у тебя. Разве попрошу, если вдруг получу квартиру

и понадобится ее хоть как-то обставить, диванами, столами, стульями хотя бы.

Я еще договоров не имею, и покуда перевод не будет закончен по роману, не будет и договора, но будем жить в чайнии этих гонораров осенью...

Очень скучаю по дому, по всем из вас, по Эрнарину, по Ляленьке, ее так не хватает мне тут. Оказывается, совсем иное, когда она тут живет поблизости. Завидую вам по хорошему, радуюсь, думая, что чудесно, наверное, живется моим золотым, моим милым родным у себя в доме. Целую вас всех.

Тебя тысячу раз, моя родная золотая Валенька. Привет Умиш, Вале, Андрею.

¹ Мәскеуден жазылған хат.

М. Ауэзов – Э. Ауэзову

№ 15

14 марта 1954 г.¹

Эрнарлик, мой дорогой, мой любимый мальчик!

Я буду ждать вас с мамочкой в Москве, буду ждать с нетерпением. А ты приезжай с самыми хорошими отметками. Здесь мы тебе покажем много-много хорошего и купим с тобой всего, что нам будет надобно для охоты, для рыбалки. Одно я прошу тебя: не будь шалуном-балуном, а будь таким, какой бываешь на охоте. Послушный, серьезный да смысленый. Слушайся мамочку свою, да люби Лялю. Станьте с ней хорошими друзьями.

Целую тебя крепко.

Твой папа.

¹ Мәскеуден жазылған хат.

М. Ауэзов — Л. М. Ауэзовой

№ 16

23 января 1955 г.¹

Ляленька моя!

Вот 23-го в 5 ч. московского времени мы в Копенгагене. До этого одна остановка была в Осло. Нас кормят завтраком, обедом в самолете, условия полета очень удобные, чувствую себя прекрасно. Здесь мы стоим 40 минут. Впереди остановки в Дюссельдорфе, Женеве, Риме, Каире, Карачи. Самолет внушает полное доверие, мощный моторный. Звони маме, пусть не тревожится. Целую вас всех.

Папа.

¹М. Әуезовтің Үндістанға барар жолында Копенгагеннен Мәскеуге қызына жіберген ашық хаты.

М. Ауэзов — В. Н. Ауэзовой

№ 17

5 декабря 1955 г.¹

Валечка милая, родная моя!

Позавчера получил твои два письма разом. Очень приятно, что они у тебя идут удивительно быстро, а вот мое письмо к тебе, кажется, шло гораздо дольше. Так получилось по нашим с Лялей подсчетам. Писать у меня новостей немного. Сегодня 17 дней позади после операции, чувствую себя хорошо. Уже хожу, профессор все заставляет меня плевать через левое плечо, а сам говорит “слава богу”, все хорошо. Насчет второго свища говорит, что он надеется на заживание без операции на 70% — а вчера даже сказал, что надеется даже на 80%. Но буду месяц на проверке здесь, а затем окончательно станет известно только через шесть месяцев. Тогда еще раз приеду и покажусь для последней проверки. Если не заживет, то сделаю операцию дополнительно. Но я ему верю очень, как верят все без исключения больные.

Лежа в больнице, я читаю литературу братских народов, должен написать одну статью для “Очерков истории казахской советской литературы”, которую редактируем мы с Са-

битом. Со мной в палате — управляющий делами Совета министров РСФСР т. Груздев, замечательный человек. Он и раньше, оказывается, читал “Абая”, и тут потребовал вместе с “Путем Абая” из своей домашней библиотеки, и читает, все беседуя со мной. А беседы у нас бывают очень интересные, содержательные, необычные. Все его знакомые, приходящие к нему из Совмина, знают роман, действительно, как широко стала известна эта моя книжка!

Для Груздева в палате поставили телефон, и им пользуюсь постоянно для разговора с Лялей, хотя другим знакомым в Москве не звоню. А на днях Груздев Иван Михайлович любезно посоветовал мне сам заказать разговор с тобой, и сегодня я жду Лялиного талона.

На Лялю не обижайтесь, она в цейтноте, и это ее очень нервирует. Домой хочется ей до смерти, а пишется работа очень медленно. Эта глава мучит ее недостаточностью фактического материала. На днях я сам говорил также очень требовательно с ней, и мне жалко, очень жаль ее, особенно если помнить ее состояние. Взял с нее клятву, что она пойдет завтра, 6-го, к врачу. У нее частые сердцебиения. Хорошо хоть одно, что я ей устроил быт с едой, нанял домработницу для стряпни... она же готовит теперь и для меня. Помните Лялю, простите ей отдельные промахи ее, она очень нуждается в моральной поддержке, в эту пору в особенности! Пишите ей почаще, письма потеплее, она же истинный ребенок еще в жизни. Трудится честно. К первому января у ней все будет готово. Защита, очевидно, состоится к середине или к концу февраля.

Из Киева перевели 15 тысяч. Киргизы еще не отвечают. Димаш еще не был у меня. Папе Аскара² я сегодня написал письмо, большой привет передайте всей их милой, дружной семье. Твоего рассказа по поводу моих с Габдуллин³ переписок я ждал потому, что мой ответ был очень интересный, хороший, и по языку он был особенно оригинален. Хотелось узнать, какая реакция. С Эрнарником занимаюсь терпеливо, не разочаровывается. У него, придет время, наступит охота к учебе, и выйдет точно толк из него. Только терпения прошу твоего.

Целую, М.

Тебе позвоню еще раз в пятницу. Тогда будет известно, когда выйду из больницы. Так похоже, что выйду к 10-му.

¹ Мәскеуден жазылған хат.

² Қонаев Аскар Мендіахметұлы (1929–1999) – М. Әуезовтің күйеу баласы, ғалым, металлург, техника ғылымының докторы, профессор. Қазақстанның және КСРО Ғылым академиясының академигі, Қазақстан ҒА-ның перзиденті (1974–1986).

³ Ғабдуллин Мәлік (1915–1973) – педагог, жазушы, КСРО Педагогикалық ғылымдар академиясының академигі, филология ғылымының докторы, профессор, Кеңес Одағының Батыры (1943), ҚР ҰҒА-ның Тіл және әдебиет институтының директоры (1946–1951). ҚР-ның еңбек сіңірген ғылым қайраткері (1961).

М. Ауэзов – А. Кунаеву

№ 18

25 декабря 1955 г.¹

Аскаррик, родной мой!

Поздравляю тебя с Новым годом, желаю тебе крепкого здоровья, много успехов в раскрытии дремучих новых тайн в твоих там металлах и металлоидах. Так же, как Эрнаррику, желаю и тебе больших преуспеваний в стрельбе, охоте, спорте.

Целую. Мухтар!

¹ Мәскеуден Жаңа жылмен құттықтау жеделхаты.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 19

1956 г.¹

Валечка милая моя!

Поздравляю тебя и всю твою семью с Новым годом! Желаю тебе крепкого здоровья, бодрого и полного ощущения, здорового, светлого ощущения всего хорошего, достойного, в твоей благополучной, спокойной жизни. Целую крепко.

Твой Мухтар.

¹ Мәскеуден Жаңа жылмен құттықтау жеделхаты.

М. Ауэзов – Э. Ауэзову

№ 20

1956 г.¹

Золотой мой Эрнарлик милый!

Поздравляю тебя с Новым годом. Желаю тебе много, много радостей, счастья в наступающем году, а именно, я желаю тебе быть крепко-накрепко здоровым и затем, чтобы ты ликвидировал “тройки” все и стал полным ударником хоть. Также желаю тебе стать еще лучшим стрелком, пловцом, лыжником, фотографом толковым.

Целую. Папа.

¹ Мәскеуден Жаңа жылмен құттықтау жеделхаты.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 21

24 февраля 1958 г.¹

Поздравляю тебя, всех домашних с днем нашего счастливого семейного праздника. Желаю тебе долгих-долгих лет безоблачного счастья. Целую.

Мухтар.

¹ Мәскеуден құттықтау жеделхаты.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 22

2 марта 1958 г.¹

Валенька родная моя!

Вот второй день, как я нахожусь в больнице, и, представь себе, все здесь нравится мне. Вероятно, тут влияют и ваши с А. Б., Б. Ив.² внушения (ведь еще меня до больницы осмотрел и другой хороший врач, знакомый Зои известный терапевт Андреев). Между прочим, и он очень советовал идти в эту же больницу. А все, кто находится здесь, расска-

зывают о том, как тщательно, всесторонне изучают больного. Меня еще не начали обследовать как следует, но, видно, в течение первых семи-десяти дней будут изучать всячески. Вчера, правда, смотрели главврач и профессор Егоров, это тот, который был в Кремлевке и в числе семнадцати тех врачей. Осмотрели очень внимательно.

Люди в палате, их пять кроме меня, все очень культурные, приятные, время идет незаметно. Сама больница, бывший особняк московского богача в отдельных своих частях: столовая, комната отдыха (зал), коридоры, ковровые дорожки — очень приятные. Во дворе свой садик, и мы ежедневно гуляем там по два часа. Вечером бывает телевизор, который смотрят, как кино, все обитатели больницы. Тут же неплохая библиотека. Питание легкое, но пока еще не чувствую ни голода, ни жажды, потому что кормят часто, хоть понемногу. Во всяком случае полагаю, что здесь выдержу весь срок — курс на 45 дней легко и безрепотно. А вам — тебе и друзьям, в последний решающий момент настроившим меня так энергично окончательно в пользу больницы, — я очень благодарен. Каковы будут результаты, посмотрим потом, во всяком [случае], если даже не потеряю так много, зато пройду стадию хорошего очищения, обновления. Одно то, что 45 дней не будет никаких излишеств, вин и прочее, чего стоит само по себе. Ты написала большое, обстоятельное и хорошее письмо. Пиши также и дальше. Насчет срока твоего приезда я имею вот какие соображения: вероятно, тебе лучше приехать к 5 апреля. А то я выйду 15-го. Не раньше потому, что между 20-30 марта будет декада грузинская. Кроме того, после выборов, обычно, сразу же бывает сессия, не состоится она тоже в эти сроки? В гостинице я предупредил Лилию Яковлевну, она и Агния Никитична Левина будут, как всегда, к твоим услугам. Номер обещают, даже при всех трудных условиях, двухкроватьный большой, одинарный. Я жил в таком именно, номере 750-м. Перевод своей пьесы дал Зое, когда она закончит — передадут театральным руководителям: Завадскому³, Симонову⁴ и Охлопкову⁵. А журнал “Дружба народов” будет готовить к печати. Редактор этого журнала теперь Сурков⁶, и он тоже позвонит, в свое время, этим театрам. В этом и подобном случаях, вероятно, “Дружба народов” будет бо-

лее веским, чем другие. “Знамя”, конечно, останется крайне недовольным за то, что передам новую пьесу на новую тему не им. Об этом очень серьезно говорил Кожевников⁷, когда мы были в гостях вместе с ним у Ив. Ив. Анисимова⁸. Там же были Тихонов⁹ и Рюриков¹⁰ — это был хороший, очень приятный вечер.

Что нового в Алма-Ате? Каков Эрнарник, мой милый, я скучаю по нему, ведь очень хочу, чтобы он весь год прошел вот так на четверках хотя бы. А м. б., дальше придет к нему большее старание, прилежание, и станет учиться очень хорошо. Летом я обещаю интересные поездки со мной. Как мой маленький Кунайчик¹¹? Помнит он меня или нет, ведь я приеду через три месяца, пусть не забудет.

Ты вызови к себе Альжаппара¹² или Мухтара, Габидена, м. б., порасспроси и сообщи мне новости союзные в Академии и в других кругах и т. д.

Как дела у Ляленьки? Что сделано ею теперь по защите, как принимают в ее институте? Что вообще у Кенеспаева¹³ в институте — можешь ведь вызвать Исхака и порасспросить. Как там с выборами новых членов Академии! Как обстоят дела с постановками в театрах. Да, ведь должны выпустить мою книгу “Путь Абая” — четвертый том на русском в нашем Гослите. Купи, пожалуйста, — хотя бы по десять экземпляров. Хотя, конечно, дарить людям я буду издания Гослита (в Москве). Тут к моему выходу, м. б., и выйдут обе книги “Абай” и “Путь” в два тома, и их-то я и хочу разослать друзьям книги здесь и в других городах.

Должны в издательстве еще выпустить мою книгу об Индии. Позвони ты, пожалуйста, Ипмагамбетову¹⁴ и остань авторские, и пошли мне одну из этих книг.

Как жизнь дома? Как себя чувствует Аскар? Как с его темой, диссертацией, как его родные? Привет передай им всем. Как Умиш? Ее здоровье? На время твоей поездки серьезно советую тебе — попроси Андрея¹⁵, пусть живет у нас на это время, пусть питается в это время у нас и ночует каждый день у нас же, ведь это будет самое надежное. Как у ребят будет с квартирою за это время?

Передай привет Андрею, шоферу, домработнице.

Целую тебя крепко-крепко.

Целую всех ребят. Пишите скорее.

Ваш папа.

Адрес мой: Москва, ул. Обуха, переулок Большой Николо-Воробьевский, 3, поликлиника Института лечебного питания. Палата 21. Телефон 13-67 – это внизу (я живу на 3-м этаже), у вешалки. Меня вызовут не сразу. Тут я сам поручил купить Зое разовые талоны. Иногда буду звонить я сам. Посылай иногда наши газеты с интересными статьями – просто сами статьи в письме.

Привет товарищам.

¹ Мәскеуден жазылған хат.

² Никольская Анна Борисовна; Ильин-Какуев Борис Иванович – А. Б. Никольскаяның жолдасы, дәрігер, профессор.

³ Завадский Юрий Александрович (1894–1977) – театр режиссері, актер, КСРО халық әртісі, Моссовет атындағы театрдың бас режиссері.

⁴ Симонов Рубен Николаевич (1899–1968) – театр режиссері, актер, КСРО халық артисі, Е.Б. Вахтангов атындағы театрдың бас режиссері.

⁵ Охлопков Николай Павлович (1900–1967) – театр режиссері, актер, КСРО халық артисі, В. Маяковский атындағы театрдың бас режиссері.

⁶ Сурков Алексей Александрович (1899–1983) – орыс ақыны, қоғам қайраткері. Социалистік Еңбек Ері (1969). КСРО Жазушылар Одағында жауапты қызметтер атқарған. М. Әуезов хат жазған 1960 жылы Жазушылар одағының шетелдермен байланыс бөлімін басқарған.

⁷ Кожевников Вадим Михайлович (1909–1984) – белгілі орыс жазушысы. КСРО Мемлекеттік сыйлығының иегері. Социалистік құрылыстағы еңбек адамдары жайында бірнеше кітаптар жазды. Орталық баспаларда жауапты қызметтер атқарған. 1951–1959 жылдары М. Әуезовпен хат жазысып, кездесіп тұрған. Қазақ әдебиетінің табыстары жайлы бірнеше мақалалар жазған. “Знамя” журналының бас редакторы.

⁸ Анисимов Иван Иванович (1898–1966) – әдебиеттанушы, КСРО ҒА-ның корреспондент мүшесі.

⁹ Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – орыс жазушысы, қоғам қайраткері, Бейбітшілік қорғау комитетінің төрағасы (1949 жылдан), халықаралық Лениндік сыйлықтардың лауреаты.

¹⁰ Рюриков Борис Сергеевич (1909–1969) – сыншы, әдебиеттанушы.

¹¹ Қонаев Елдар Асқарұлы (1958 ж.) – М.О. Әуезовтің қызы Ләйладан туған жиені.

¹² Әбішев Әлжаппар (1907–2001) – қазақ жазушысы, “Намыс гвардиясы” пьесасын М. Әуезовпен бірлесіп жазған (1942 ж.).

¹³ Кенесбаев Ісмет (1907–1995) – филолог-түрколог, филология ғылымының докторы (1945). Қаз КСР ҒА-ның академигі (1946), 1946–1951 ж. вице-президенті. ҚазКСР-нің еңбек сіңірген ғылым қайраткері (1945), ҚазКСР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты (1978).

¹⁴ Ипмағамбетов Әнуар – жазушы-аудармашы. Қазақтың мемлекеттік көркем әдебиет баспасында және Жазушылар одағында қызмет істеген.

¹⁵ Карташов Ахмет – ұлты шешен. М. Әуезовтің үйінде бағбан болған.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 23

14 марта 1958 г.¹

Валечка милая моя!

Вот сегодня 14 дней, как я тут, и сбавил за это время ровно четыре с половиной кг. Жизнь моя тут вошла в свою нормальную колею, я вполне свыкся со своим житьем в шестикоечной комнате, да с диабетиками – больными людьми всерьез. Но они все ходячие, все вполне культурные люди, есть среди них даже один литератор русский, так что разговоры, беседы бывают у нас содержательные, интересные. Я читаю довольно много. Есть ежедневные прогулки, да в два приема. Можно гулять с часу до двух тридцати и с трех до пяти. Я гулял вначале с трех до пяти, но врачи посоветовали гулять с интервалом в два приема. И я теперь перешел на такой режим. Гуляю с 1 часу до 2.15 и с 3.45 до 5. Таким образом, в целом, гуляю два с половиной часа, вместо прежних двух часов. Самочувствие у меня пока прекрасное. Всякие виды воздержаний: в еде, питье, излишних напряжениях – само собою, создают настроение бодрое, такого хорошего очищения, отдыха всего организма (особенно желудка), настроение по-настоящему здорового самочувствия. Работой творческой пока не занимаюсь, хотя, думал, и пописать здесь. Для этого нет условий, потому что негде сидеть за столом без людей. Но жду Зоиных переводов, как прине-

сет она по актам перевод пьесы, буду понемногу писать, м. б., отдельные доработки к пьесе. Очень хотелось бы за время нахождения здесь составить так же, как и в прошлом году по той пьесе, подробный план, либретто своей новой пьесы — второй части дилогии. Ведь я не расстаюсь с мыслью написать об этих же моих героях, перенося их в двухтысячный год. И представь, идеи, образы и мысли у меня нарастают — очень увлекательные, убедительные, хотя эта вещь будет еще более фантастической, на реалистической основе².

Меня в больнице обследовали, как я говорю шутя, — до ногтей. Печень, почки, общий обмен, желудок и даже щитовидку... Между прочим, нашли, что последняя имеет у меня очень пониженную деятельность. Один из врачей заявил, что в этом часть причин ожирения. Сегодня я спросил у девушки, 22-летней толстушки (у ней было 205 кг, сейчас 120 — за два раза, за два года она сбросила 80 кг, сидит со мной за одним столом, как “тучник”), как у нее обстоит со щитовидкой. Она тоже говорит, что снижена ее деятельность и что это у всех тучников без исключения, должно быть, так. Как будет к концу лечения, повысится или нет этот показатель, посмотрим. Мне врач сказал, что это состояние противоположно базедовой — когда деятельность щитовидки бывает чрезмерно повышена. Оказывается, мы с тобой в этом смысле составляли две крайности.

Валечка, большое удобство больницы в упомянутых прогулках. В это время хорошо подышит и сам больной, получая условия санатория с лечением на воздухе. А для встреч родных, знакомых подходяще каждый день. У меня на днях вне воскресенья были и Арфо Ав.³ и Исагали Шарипов⁴. Приедешь ты — можешь приходить каждый день. Теперь я могу посоветовать тебе о числе твоего приезда более точно, говорю теперь, потому что мне известны сроки грузинской декады и также сессии. Последняя, как сказал Шарипов, кажется, должна быть 27 марта. А декада с 21-го до 30-го. Так что, если ты приедешь к 3 апреля, с гостиницей будет вполне в порядке, без всякого сомнения. Вообще, в “Москве” обещано приготовить тебе номер в любое время, но для большей уверенности, м. б., лучше ориентироваться на начало апреля. Что касается меня, то я, конечно, хотел, чтобы ты была по возможности пораньше около меня, соскучился по тебе, по дому, по домашним очень крепко.

Зоя говорит: Валя может остановиться у нас, свой дом, свой человек, что думать о гостинице на первое время. Я сказал, что лучше, наверное, чтобы сразу с дороги обосновалась напрочно. Я понимаю, что это психологически покойнее — я сам по крайней мере всегда бываю настроен так. А то потом ходить, справляться, переселяться — неуютно все это. Ты так и скажешь Зое при своих разговорах с ней по телефону. Как же дела в Союзе, в Алма-Ате, Академии, театрах все-таки? Ты хорошо сообщаем по телефону о своих разговорах с малоречивыми товарищами. А вот И. Шарипов мне сказал, что будто бывший наш сосед с Артиллерийской мутит в сферах высоких там, и не только в отношении литераторов, а пошире вообще, и что из-за этого бы как будто отмечается вниманием оттуда, как, например, состоялось его выступление на одном республиканском совещании. Тебе я советую перед отъездом поговорить с Мухтаром и Абишевым — пусть придут домой, порасспроси в отношении новой пьесы моей. Как она воспринята в Министерстве и в ЦК... была передана секретарю по пропаганде Джандильдину⁵, какие идут разговоры про нее, какие предположения театра. Надо, конечно, поговорить по отдельности. Нужно поговорить и с Есмагамбетом о новостях в Академии и еще, главное, надо с ним поговорить, узнать, что пишет Балтакай⁶ из района относительно моего поручения, помнишь? Если ему или домой напишут, что Миркасым (это казах, который хотел взять на себя сооружение могильного кургана моим родным около нашей зимовки на уроч. Борлы) готов приступить к работе, но ждет аванса, ты переведи (разузнав у Есмагамбета, как и на чье имя перевести деньги) пять тысяч рублей аванса. Эту сумму обещал в своем письме я сам, перед своим отъездом в Москву.

Валечка, перед отъездом ты сделай серьезные внушения Эрнарику, чтобы он учился по-настоящему по всем предметам старательно и помнил, что я ему говорил в отношении казахского языка. Ведь он летом поедет со мной в районы казахские, и нужно, чтобы ни он, ни я не краснели перед старыми людьми в районах. Пусть он чаще говорит с Умиш, Аскарком, Лялей по-казахски, да и уроки по школе делает по казахскому языку самым серьезным образом, пусть, наконец, научится читать на казах-

ском алфавите. Я крепко верю и надеюсь, что теперь-то уже время, когда Эрнарник сознательно, настойчиво и упорно возьмется за учебу, за настоящую хорошую учебу на совесть, а не то чтобы делать урок наспех и глядеть побольше в сторону, хотя бы в сторону посторонних малополезных в учебе книг. Прочитай ему эти строки моего письма о нем, и пусть он это поймет, как мое письмо к нему, и напишет мне сам по этому поводу самостоятельное письмо. А Ляленьке я советую на всех предварительных обсуждениях и на защите вести себя смело, уверенно, без робости. Пусть будет уверена, что немногие члены совета сильнее в науке, чем она сама. Только бы не смущаться вопросов, быть готовой мужественно и уверенно вести суждение по всем вопросам ее диссертации. Ведь на самом деле, кто по этой теме накопил больше знаний, больше понимает, чем она? Ну вот и надо исходить из этого сознания. Будут черные шары, ради бога, пусть ни на минуту не смущается этого. Здесь потом поймут... Это больше, чем где бы то ни было... Очень хотел бы, чтобы до моего приезда состоялась ее защита, тогда май мы будем праздновать с полными радостями всей семьи — два года Эльдарiku золотому, наш возврат после моей больницы, ее защита, да пусть Эрнарник своей учебой тоже подтянется, держась на уровне хотя бы круглых четверок, ну еще более прекрасно будет, если закончит значительную часть своей диссертации и Аскар — вот бы мы все тогда весь май, по меньшей мере, пожили в ощущении здоровом, радостном, достойном для нашей трудовой жизни. А я в этом жизнеощущении написал бы свою еще одну интересную пьесу до лета. В целом также я шлю пожелания вам всем, мои родные, золотые друзья мои.

Очень рад был услышать такой басовитый, необычный в телефоне, низкого тона голосок Эльдарика — он молодец, пусть меня так и зовет — как зовут, говорят, в этой больнице за моей спиной — Абай, Абай. Хочу, чтобы мама приехала без задержек к началу апреля. Будем говорить по телефону не раз, но знайте, что ваши письма будут очень дороги, важны для меня, пишите все. Целую, Валечка, тебя и всех — Лялю, Эрнара, Аскара, Эльдарика. Привет Умиш, Андрею и Павлу Матвеевичу.

А, Аскар и Ляля! Вы поздравили от моего имени Амину Ахметовну⁷, Эдика⁸? Передайте им мое сердечное поздравление, и вы позвали к себе в гости молодых? Это надо сделать непременно...

¹ Мәскеуден жазылған хат.

² Сөз “Дос – Бедел дос” пьесасының 1958 жылы 11 шілдеде “Қазақ әдебиеті” газетіндегі басылымы туралы.

³ Петросян Арфо Аветисовна (1909–1985) – әдебиет зерттеушісі.

⁴ Шәріпов Исағали – мемлекет қайраткері. Қазақстанның Мәскеудегі Министрлер советіндегі тұрақты өкілі.

⁵ Жанділдин Нұрымбек – белгілі партия және қоғам қайраткері. Қазақстан Орталық партия Комитетінің хатшысы (1957–1965). Қазақстан Ғылым академиясының корреспондент мүшесі, философия ғылымының докторы. 1951ж. Қазақстан КП ОК-нің ғылым және жоғары оқу орындары бөлімінің меңгерушісі болған.

⁶ Балтақай – М. Әуезовтің досы, жерлесі.

⁷ Түркебаева (Қонаева) Әмина Ахметқызы – А.М. Қонаевтың әпкесі.

⁸ Түркебаев Едіге Айтжанұлы – Түркебаева Әминаның ұлы, белгілі ғалым, экономист, Ғылым академиясының корреспондент мүшесі.

М. Ауэзов – Ә. Ауэзову

№ 24

19 апреля 1958 г.¹

Эрнарлик родной мой!

Я пишу тебе первому, по получении ваших писем с мамой. Знаешь ли ты, что я остался очень и очень доволен твоим письмом. Прежде всего, какой становится твой почерк – такой ровный, красивый, даже и четкий, четкий. А во-вторых, конечно, для меня это еще более главное, – хорошее было и содержание в твоём письме. Там и у тебя хорошие новости о маленьком, смешные, да все остальное такое толковое, дельное – это и есть настоящее ожидаемое письмо отца от своего хорошего, день ото дня умнеющего любимого сына. Родной мой, Эрнарлик золотой, ты так же, как по английскому, учишь хорошо и по другим предметам. Помни, учи и говори почаще с Умиш по-казахски, летом я

обязательно поеду с тобой по Казахстану. Ну, целую тебя. Передай привет мой Умиш, маленькому и всем родным.

Папа.

¹ Хат Мәскеуден жазылған.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 25

7 июля 1958 г.¹

Валечка родная!

Вот мы в “Кой Сары”. Отвели нам обещанные две комнаты. Здесь полагалось жить пяти отдыхающим — я сдал пять из шести путевок — сделал полную месячную путевку троим. Одна — на восемь дней на троих останется потом, чтобы получилось именно полный месяц, считая с 7 по 8 августа Лишние две койки вынесли, поставили стол.

Имеем по пяти путевкам всегда еду на пять человек. Кушание хорошее. Эрнарику все нравится — здесь нет туберкулезных больных. Таким был санаторий давно, а сейчас это курорт для всех — больные с бронхитом, астмой... — в основном здесь не лечатся, а отдыхают. Но лаборатория и рентген есть. Буду показывать и Эрнарника врачам, с анализами... О нас не беспокойся. Поживем, напишу подробнее, если уж не покажется все здесь нетерпимым, хочу хотя бы один месяц пробыть полностью. Но шофера, не знаю, отпустить на десять дней или нет, по крайней мере на август отпустить не следует ни на один день. Это потому еще, что могут на случай работы театра над пьесой вызвать меня раньше срока. Я так говорил Сулимову² — если театр вернется раньше срока с отпуска и начнут работать раньше, то, м. б., и я приеду пораньше. А так скажи ему, режиссеру, что я вернусь к 10-му, не позднее. Мы по нашим путевкам здесь кончаем срок 8 августа. Адрес: Иссык-Кульская область (Киргизстан), Джетыгогузский р-н. Курорт “Кой Сары”.

Целую тебя, мою родную, целую Лялю, нашего Аскара — привет всем от меня.

¹ Хат “Койсары” курортынан жазылған.

² Сулимов Марк Владимирович — орыс драма театрынын режиссері.

Вот уже трое суток за плечами послеоперационных, самых трудных дней. Жду первой перевязки, после нее станет все-все легче, лучше. Операцию Рыжих проделал на следующий час после моего поступления и теперь вижу, как это было разумно, полезно для меня во всех смыслах. Выпишусь пораньше и успею к избирателям, вероятно, к 20-му, а дальше смогу побыть к 24-му и у киргиз. Зоя, Абель вдвоем привезли меня в больницу, сейчас носят передачи. Я тронут их искренней, преданной дружбою. Трудно достать курицу, но и ее достали, принесли вчера. Сегодня я написал письмо секретарю Южно-Казахстанского обкома Байгалиеву, прошу совета о заезде в Туркестан. Им, конечно, хотелось бы, чтобы я приехал вначале в Чимкент, но теперь, вероятно, сами как-нибудь урегулируют с доверенным лицом и прочими вещами. Узбеки прислали две книги романов в больницу, на их обсуждениях, даже спектаклях, декаде задерживаться не буду, лучше подлечить у самого Рыжих получше и до апреля буду себя чувствовать лучше, а операцию проделаю обязательно и именно у Рыжих. Ведь какая разница между ним и другими хирургами, хотя бы Сызгановым². Последний, помнишь, мне доказывал – в горячую пору воспалительного процесса новокаин не замораживает, боли не устраняет, поэтому я молил Рыжих дать эфиру, общий наркоз, а он сказал: сделаю, как я привык делать, и молчите, никаких болей не будет, и представь себе – я даже не поверил, когда он заявил: я уже кончил и вот ухожу. Так безболезненно и сразу же покончил со всем, и сейчас я просто счастлив, когда все позади. Лежу здесь и опять уже скучаю по дому и тут, конечно, в первую очередь, когда нет тебя рядом, по тебе.

Вчера Зоя написала письмо, и мы с ней находим абсолютно необходимым идти тебе в больницу. Очень прошу, Валечка родная, иди подлечись, покуда я буду задерживаться в путях этих. А в марте поедем в Москву оба здоровые – ты совсем, а я наполовину. Напиши подробнее, как дома? Как с твоим здоровьем, лечением, как Эрнарлик мой

самый дорогой, золотой, как маленький, Ляля... Как решаешь на время своего лечения с Шурой... Говори же с ней открыто, решительно и ясно — будет опять по-прежнему или хочет быть уволенной — все во многом ведь зависит от тебя, как заговоришь, как себя поставишь с ней. А попробуй поговорить суровее, решительнее — послушайся меня — станет шелковой.

Ну целую тебя, детей.

Привет всем.

Твой М.

¹ Хат Мәскеуден жазылған.

² Сызганов Александр Николаевич (1896–1980) — хирург, Қазақстан ҒА-ның академигі, Клиникалық және экспериментті хирургия институтының директоры (1945–1980).

М. Ауэзов — В. Н. Ауэзовой

№ 27

18 марта 1959 г.¹

Валюшенька милая!

Посылаю доверенность до начала мая, включая вторую половину апреля. Как могли забыть! Ни одному не пришло в голову об этом! А сейчас иду на последнее заседание (кажется) перед голосованием. Ничего определенного, и если повезет при этом (на что рассчитываю не очень) — будет большой неожиданностью и для меня самого, хотя каждый день вращаюсь в тех же решающих кругах. Таковы правила тайно голосующих, загадочных лиц, когда остаются люди сами собою, лицом к лицу со своей совестью, что называется... Но письмо дойдет, верно, позже моего звонка, пишу просто о состоянии, предшествующем обстоятельству.

Целую тебя, детей, малышку, Зою, если не уедет...

Во Фрунзе звонил сегодня утром, отказал в машине нашей. Звони и сама почаще. Привет Ляле, Аскару.

Твой М.

Целую еще, еще раз.

¹ Хат Мәскеуден жазылған.

Валюшенька родная моя!

Доехали мы неплохо. Во Фрунзе задержались очень немного. Деньги в сберкассе были, хотя не все (еще не переведено 18). С собою... взял 15 – положил здесь в с/кассу.

Дача оказалась хоть с виду маленькой, но внутри очень хорошей. Комнаты хорошие, высокие, некрошечные, а столовая, как комната Умиш дома у нас в Алма-Ате. Расположение их разумное. Нет света, но скоро, видно, наладим. К нашему приезду еще не закончен был забор – его доделывают теперь. С питанием первые дни было неорганизовано, неважно. Правительственная столовая не открывалась, но теперь, с 3-го мы уже прикреплены к ней и будем питаться в основном из нее. Правда, до нее неблизко, километра три – и от нас ездят за каждой едой – Газиза² и кто-нибудь из ребят. Мурат³, Эрнар. Купаться мы начали со 2-го, сегодня (3-го) на берегу были все, вплоть до маленького и Умиш. Маленькому пока очень хорошо, он веселый, на берегу еще не купается, но бегает полуголый, играет в песках, ест неплохо. Хорошо ведет себя Эрнарик, все время он с Муратом на берегу или дома во дворе – никуда не отлучаются, ест хорошо, особенно ест с аппетитом пищу из столовой, пока с чтениями не пристаю, пусть отдохнет неделю, полторы свободнее.

Сам я начинаю работу с шестого. А пятого думаю съездить на ближайший базар (договориться относительно кумыса). Нет ведь кумыса во всем Чолпон-Ата. У колхозников не стало кобылиц, как и коров – излишки обобществляют, кобылицы не доятся. (Плохо было первые дни и с молоком – коровы отняты, и люди получают из ларька.) В первую очередь дают молоко тем, кто сдавал корову. Только вчера, 3-го, насилу нашли семью, которая согласилась отпускать по два литра молока, из ее же сада получаем черешни. На полтора месяца нанял молодого шофера, с ним тоже было нелегко, нет людей подходящих, ведь деревня. Этот же шофер потом привезет машину в Алма-Ату. Валечка, я написал Мухтару, чтобы он не приезжал до 18-го, когда уедет Му-

рат, тесно еще. В одной комнате я один. Другую занимают маленький с Умиш. В столовой спят Мурат и Эрнар. Газиза расположилась в кухне. С юртой, видно, тоже будет сложно, попробую выяснить в базарный день. Но еще идет застройка забора, а затем предстоит немалая работа по очистке двора, выравнивание бугров, удаление песка... — нельзя будет ставить юрту куда-либо, если даже найдешь ее на это лето. А в целом, когда наладится все здесь, будет очень неплохо — дача наша очень близка к воде, а, с другой стороны, есть и близкие соседи — не на отшибе. Купание, воздух так хороши, что после того, как станет поменьше народа, скажем, после отъезда маленького и Умиш, тогда же уедет (к 1-му августа) и Газиза, было бы идеально приехать тебе, [а] то приехала бы прямо после отъезда Мурата с 18-го. Я очень умоляю тебя, Валюшенька, приехать пожить со мной, с Эрнаром здесь и только отдыхать, купаться — до этого времени мы наладим с отдельными мелочами, недоделками на даче.

Пиши мне скорее. Можно писать:

Чолпан-Ата (Киргизия), дача писателя Ауэзова — на почте уже знают.

Ну, целую тебя крепко-крепко.

Жду очень, мою родную.

Твой Мухтар.

Мухтару позвони о письме сразу по приезде Павла Мат., а то еще соберется выехать теперь же. Можно к нам и позвонить с уведомлением заранее.

Р. С. Фетисов⁴ писал о появлении его статьи в “Алматинской правде”, вышли, если будут и другие подобные статьи, как, например, перевод Усановича из “Юманитэ”⁵ и также статьи Фетисова. Большой привет от нас всех тете Шуре, Андрею.

¹ Хат Шолпан-Атадан жазылған.

² Бисенова Ғазиза — М. Әуезовтің хатшысы.

³ Әуезов Мұрат Мұхтарұлы (1943) — жазушының ұлы, Жамбыл облысындағы Мерке селосында туған. 1965 жылы М.В. Ломоносов атындағы ММУ-дің шығыс тілдері факультетін “қытай филологиясы” мамандығы бойынша бітірген. “Қазақ әдебиеті дамуының ұлттық ерекшеліктері” атты тақырып бойын-

ша кандидаттық диссертация қорғаған (мамыр, 1970). 1970–1978 жж. Қазақстан ҒА-ның Философия және құқық институтында ғылыми қызметкер болып істеді. 1978–1980 жж. Қазақстан Жазушылар одағында әдеби кеңесші болды.

“Қазақфильм” киностудиясының бас редакторы (1980–1987). Қазақстан Жазушылар одағының көркем аударма жөніндегі бас редакциясы коллегиясының төрағасы (1989–1990). Жоғарғы Кеңес депутаты, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесі Парламентаралық байланыс комитетінің төрағасы (1990–1992), Қазақстан Республикасының Қытай Халық Республикасындағы Төтенше және Өкілетті Елшісі (1992–1995). 1995 жылдан Қазақстандағы “Мир” телекомпаниясының көркемдік жетекшісі. Қазақстан Жазушылар, Кинематографистер одақтарының мүшесі, “Орта Азия” журналының редколлегия мүшесі, “Невада–Семей” антидролық қоғамының вице-президенті және ұйымдастырушыларының бірі. “Времен связующая нить” (1972), “Хождения по колодцам времени” (1997) атты кітаптардың авторы. ҚР Ұлттық кітапханасының директоры (2003–2007), 2007 жылдан “Әуезов қорының” президенті.

⁴ Ритман-Фетисов Михаил Иванович (1907–1960) – әдебиеттанушы, филология ғылымының докторы. М. Әуезов шығармашылығы жайлы мақалалардың авторы.

⁵ Bergeron R. Les Livres de Moukhtar Aouezov, ecrivain Kazakh (Қазақ жазушысы М. Әуезовтің кітабы). “Humanite”, 1959.

М. Ауэзов – Ә. Ауэзову

№ 29

5 февраля 1960 г.¹

Эрнарик родной мой, самый-самый любимый!

Мама рассказала, что ты получаешь паспорт. Я поздравляю тебя с твоей наступающей юностью, значит, теперь ты перешел с детства, вернее, с отрочества в юность. Это самая хорошая, счастливая пора. Цени ее, чтобы она у тебя была красивой, разумной, радостной для тебя и для нас, родных твоих. Носи паспорт достойным твоей фамилии, твоего имени.

Эрнарик, два слова совета, если ты поедешь к Багишу². Ради бога, не лезь в воду, она в эту пору там на севере будет очень студеной, ледяной, не промочи ноги. И там бывают сильные, пронизывающие ветры, не ходи налегке, продует, простудишься весной, не трудно заболеть туберкулезом. Говори там с родными по-казахски, практикуйся не стесняя-

ясь. И если ты начнешь говорить, я уверен, заговоришь хорошо и очень быстро. Тогда смысл твоей поездки туда будет очень большой. Еще один совет мой, очень строгий: не вздумай там пить спиртного. Помни, там все будут смотреть на тебя, как на сына твоего отца, и все будут примечать за тобой, хотя не скажут тебе об этом. Таковы иные старшие, но самое главное, нужно заслужить поездку на охоту, т. е. надо хорошо закончить четверть. Думаю, что ты отбросишь лень и будешь учиться с головой, по-настоящему.

Целую тебя крепко-крепко, мой милый Эрнарлик.
Твой папа.

До скорой хорошей, счастливой встречи.

¹ Хат Мәскеуден жазылган.

² Акылбаев Бағфур Әлімқұлұлы (1910–1981) – Абай Құнанбаевтың шөбересі.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 30

15 февраля 1960 г.¹

Я буду далеко, когда подойдет день твоего рождения, поэтому, прежде всего, поздравляю тебя с днем рождения. Целую тебя, мою милую, родную много раз. Желая тебе не болеть, не бояться болезней, чтобы не было никаких твоих поздравлений на рак и т. п.

Прочтешь, о чем я пишу Эрнарлику, требуй всего этого и ты обязательно от моего имени. В тех краях в эту пору будет очень грязно. Хорошо бы даже сапоги с калошами. Но кожаные сапоги ты ему купи непременно, будет ездить верхом, а в ботинках верхом — это только доля беденьких, безденежных людей, жалко будет и смешно. Вообще, без кожаных сапог не пускай даже, я бы сказал.

Валечка, я выслал деньги и Матрене, зарплату и на озеленение. Она должна написать тебе о том, как там, в каком качестве идет работа. Я написал и Гулину, сказал, что если понадобятся деньги, чтобы телеграфировал тебе, и что ты

переведешь в пределах сметы, сколько нужно. Всего около 14 тысяч, я перевел шесть, значит, теперь не надо переводить более восьми. Работу должны закончить к 15 марта, м. б., запросишь Гулина (о ходе выполнения) от моего имени! Завтра, 15-го, мы должны встретиться с отдельными, знающими нашу миссию людьми. Что будем иметь на дорогу, будет знать Зоя. Она поедет, верно, провожать, расскажу ей о последних данных по поездке. Сейчас, в воскресенье, к 8 ч., еду к ним в гости.

Здесь я прочел Шолохова², это было моим полезным для себя трудом. Книга не понравилась: так много Щукаря в ней, что ее я назвал “Щукариадой”. Что польза от того, что словесные узоры хороши. Узоры золотые оправданы, если они наложены на металл, а если наложены на рогажу? Досадный большой крен в воздушную яму, просчет большого художника прямо обиден. Но поучать больше его все равно некому. Ляля звонила, не знаю, какие будут наличные, узнаете, наверное, у Зои, постараюсь ваши поручения выполнить. Передай привет Ляле, Аскару, Эльдарика целую сто раз.

Привет Умиш, Шуре, Андрею. Целую тебя, моя милая Валюша.

Твой Мухтар.

¹ Хат Мәскеуден жазылган.

² Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) – көрнекті орыс жазушысы, КСРО ҒА-ның академигі (1939). КСРО Мемлекеттік (1941), Лениндік (1960), Нобель (1965) сыйлықтарының иесі. Екі мәрте Социалистік Еңбек Ері (1967, 1975).

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 31

24 мая 1960 г.¹

Валенька милая!

В эти часы меня больше всего терзает ваше положение без машины, поэтому сейчас решили отправить Петра Ал., не дожидаясь ремонта “Победы”. Сегодня воскресенье, а Павла нет дома со вчерашнего дня, будет, говорят,

дома только сегодня вечером. Завтра с ним здесь начнем искать нужные части, детали и поставим на ремонт так, чтобы и август машина могла работать и чтобы дошла домой потом своим ходом. В данном виде мотор его (сцепление) так было изношено, что из Фрунзе тоже обратно не смог бы добраться до Чолпон-Аты. Таким образом, Эрнар пока остается с ремонтом машины, а затем, дня через два, не больше, как хочется мне, отправим и его. А Петра я отправил, чтобы скорее организовал машинную доставку продуктов для вас. Мне так жаль Ляленьку, ведь ходить два раза. Петр, в крайнем случае, наймет другого на эти дни. Ему я обещал через Павла достать два баллона к его “Москвичу”. Сегодня он ходил на базар, не нашел. Завтра приезжает из армии Эрнест², ему часть дала блестящую характеристику, 19 благодарностей за время службы. Он поступает в с/х институт. Дома все в порядке. Шуры еще не видел. Если я на свои деньги куплю Петру баллоны, он обещал тебе эти деньги выплатить. Теперь о себе — была врач Дашкина, находит, что это все похоже на грипп. Решила три-четыре дня полечить дома, после, если понадобится, госпитализировать. Еще никого не видел, новостей не слышал. Никто еще не знает о моем приезде. Да, ночью, когда в 3.30 мы ехали по городу, шофер рассказал, что сгорел Зеленый рынок (горел вчера вечером долго). Он сам видел только, как сгорело два магазина. Все шлют вам привет.

Только, Валечка, не обижайся на меня за угон машины. Иначе тогда не получалось, а теперь ремонт серьезный, для того, чтобы могла ты пользоваться ею на берегу (Чолпон-Ата). Целую крепко тебя, вас всех.

Мухтар.

Привет всем-всем на даче.

P. S. Посылаю 300 р., остаток из твоих.

¹ Хат Алматыдан Шолпан-Атаға жазылған.

² Ақылбаев Эрнест (1935–1983) — Абайдың ұрпағы, Бағфур Ақылбаевтың ұлы.

М. Ауэзов – Л. М. Ауэзовой

№ 32

февраль 1961 г.¹

Рад зпт счастлив благополучному исходу зпт появлению на свет Эльдарика второго тчк Передай мой радостный привет Аскару зпт его родителям зпт всей дорогой родне. Целую = Папа.

(Принято 7 февраля 13 ч. 33 м.)

¹ Немересі Қонаев Диар Асқарұлының дүниеге келуіне байланысты құттықтау жеделхаты.

М. Ауэзов – В. Н. Ауэзовой

№ 33

июнь 1961 г.¹

Валечка моя родная!

Вот со вчерашнего дня я в Кунцевском отделении Кремлевки. Сейчас эта группа больниц, так же как и у нас, именуется больницами Главного управления Минздрава, но от того ничего не изменилось, как говорят, к худшему. А эта больница необыкновенно хороша, роскошна и удобна во всех отношениях. Пожалуй, правда, что такой больницы нет нигде за границей. Другое дело санатории – они-то есть и удобные, и лучше, а больницы едва ли.

Меня устроили в терапевтическом отделении, в палате нас только двое – это и хорошо. Не иметь вовсе никого рядом, да в отдалении от дома было бы неважно во всех смыслах. Со мною очень культурный человек, ответственный сотрудник Совмина РСФСР, юрист. Болезнь его частично похожа на мою.

Меня не задержали в Москве – 5-го понедельник – Центральная клиническая больница, поликлиника – и 6-го сами приехали, повезли меня в Кунцево, проводили меня Альжаппар, Ахтанов² и другие писатели.

4-го мы с Абдильдой и двумя азербайджанскими писателями были в гостях у Зои. Зоя уезжает 13-го, в воскресенье

ные обещали быть у меня. Посещение в среду и воскресенье с четырех часов.

Пока ко мне будут ездить Бахитжан и Мурат. Сегодня с утра пошли у меня анализы. Давление 120-70 – говорят, юношеское. Сейчас осмотрели два врача! – одна лечащая, другая заведующая. Состояние мое находят хорошим. Говорят, что консультация будет самая квалифицированная, хотят позвать Тагера, которому дал письмо Балмуханов³. Говорил я о Шнатере. Сказали, что могут пригласить кого угодно и, если не Шнатера, то не менее опытного и знающего хирурга на случай, если понадобится операция. Как сказали мне эти врачи, задерживаться долго решениями не будут. Проведут анализы, консультации самые авторитетные, и все решат после. Тебя будем информировать – будет звонить Бахитжан. Если будет операция, все равно тебе не советую приезжать до сдачи всех экзаменов Эрнара и до сдачи документов на прием в КазГУ. Только, пожалуйста, зорче, строже проследи за подготовкой Эрнара. А по физике и химии, думаю, на июль взять ему репетитора. Хотя бы для регулярной подготовки, повторения, для системы занятий для вузовского экзамена...

Пиши подробные письма: Москва, Кунцево, Загородная больница 4-го Главного управления Минздрава, 2-е отделение, палата 58-я. Буду звонить и скажу о телефоне. Пусть напишет и Эрнарлик. Крепко-крепко целую тебя родную, свою милую навсегда.

Твой М.

¹ Хат Мәскеуден жазылған.

² Ахтанов Тахауи (1923–1994) – жазушы, драматург, сыншы. Қазақстан Мемлекеттік сыйлығының лауреаты. Қазақстанның халық жазушысы (1992).

³ Балмұханов Саим – ҚазКСР ҒА-ның академигі, радиолог-онколог.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

Фатима Ғабитова (1903–1968) Алматы облысында дүниеге келген. 1937 жылдан бастап қуғын-сүргінге ұшырайды. Жамбыл облысының Мерке ауданында Мұхтар Әуезовпен көңіл қосады, сонда Мұрат деген ұлдары дүниеге келеді. Бертінірек Фатима шығармашылықпен айналысады. “Алыптар тағдыры” (1995 ж.), “Өртенде өнген гүл” (1998 ж.) деп аталатын кітаптары жарық көреді. Естелік түріндегі бұл кітапта сол заманның көп шындықтары айтылады. Мұнда Фатиманың М. Әуезовпен жазысқан хаттары және ол жөнінде шындық сырын ашқан естеліктері де бар.

М. Әуезов өзінің белгілі шығармалары “Қараш-Қараш оқиғасы” мен “Қилы заманға” деректер жинау және оқиға өткен жерлерді өз көзімен көріп, көкейіне тоқу, сіңіру үшін Талғар мен Кеген жеріндегі Қарқаралы өңірлерін түгел аралайды. Ол кезде Ленинград университетінің шәкірті еді, алғашқы жазған хатында осы жағдайлардың шет жағасы айтылады. Содан кейін заман өзгеріп, қилы-қилы жағдайлар, тағдырлар шырғаланы өмірге күтпеген өзгерістер алып келді. Ілияс репрессия құрығына ілінді, өрімдей өсіп келе жатқан балалары заманның сергелдеңіне түсіп, анда-мұнда жер аударылады, Меркеге тұрақтайды. Осы қиын тұста М. Әуезов қолынан келген көмек-жәрдемін аянып қалмай, мүмкіндігінше қарайласып тұрады. Келе-келе тағдыр оларды ерлі-зайыпты етіп қосты, екі бөлек тұрғанмен, хабар-ошар алысуы мен байланыстары үзілмеді.

Бұлардың қатарында кей нәрседе көмек беруін өтініп, Мерке ауданының азаматы Мәрзияға жазған хаты да кездеседі.

Ес кіріп, хат жазатындай жасқа жеткенде Мұраттың өзі де жаңалық-өзгерістерді хабарлап, тілек-ұсыныстарын білдіретін болды. Әке оның жақсы оқуын, айрықша азамат болып жетілуін қадағалады. Жоғарғы оқуға түсуі де әкенің қалауымен жүзеге асты, сонда Мәскеу университетінің шығыс тілдері факультетін, соның ішінде қытай тілін таңдауы әкенің көрегендігі еді. Әкенің туып-өскен ортасы қандай екенін ұлы да көрсін, білсін, сезінсін деген оймен 1961 жылдың жазында К. Оразалинге: “Қымбатты

Кәмен! Мынау Мұрат Әуезов – менің туған балам. Москва университетінде оқушы еді. Қазір жазға Семейге, содан әрі Абай ауданын – әкесі туған жерді, елді көруге бара жатыр. Осыны ауданды аралатып, елді, жерді көрсетіп, танытуға өзің бар, Балташ бар, көмек етулерінді сұраймын” деп хат жазады. Облыс басшылығында қызмет атқаратын Фаридадан Мұраттың елді көріп-білуіне көмектесуін өтінген хаты да беріліп отыр. М. Әуезов Ләйла атты қызы мен Ернар деген ұлының Мұратпен аралас-құраластықта өсуін қатты қадағалаған. Тұтас алғанда, бұл хаттардан өмірдің әрқилы бел-белестерімен қатар, кейде шығармашылықтың да қилы-қилы көріністері елес береді.

М. Әуезов – Ф. Ғабитова мен Б. Сүлеевке

№ 34

7.IX.27 ж.

Қадірлі Фатима жеңгей, Біләл!

Сіздерден кеткеніме талай күн болса да, Ленинградқа кеше ғана келіп жеттім. Қызылордасы бар, жолы бар, 17-18 күндей уақыт алды. Бірақ жеке санағанда көп сияқтанғанымен, осы мөлшерде Ленинградқа жеткенімнің өзін де олжадай көріп отырмын. Өйткені Қызылордада бірталай жұмыстарым бар еді. Аз күннің ішінде бітер деген үмітім жоқ еді, ар жағынан келе жатқанда, жазғытұрым көріп кеткен сұрқы болса, Қызылорда болымсызбен бөгеп, көпке шейін жібермей, қысы байлайды-ау деп май ішкендей болып келіп ем. Кей жұмыс шала-шарпы тез істелді, өзгелеріне біржола табыс ететін болды, не болмаса жақын заманда бітер деген үміт бермейтін болып анықталды. Сонысына болса да ырза болып, Қызылорданы жайлаған кісімсініп 4-5 күн тұрып жөнеліп бердік. Қызылорданы қай заманда кісі мақтаған, бірақ қазіргі күнде әсіресе оңбай тұрған ерекше сұрықсыздығы. Өзім білетін кісілердің көбі демалысқа кетіп қалған екен.

Кеткеніме талай уақыт болса да, хабар бермей, хат жазбай бөгеліп қалдым. Фатима жеңгей ұрсатын уақыт болып қалды ғой деген күдіктен де аман емеспін. Көз көргенше

ұмытпастай болып тұрып, көз тайған соң, қайда көрдім дейтін кісілердей көрініп қалсам, маған содан ауыр жаза жоқ. Әсіресе сіздердің көңіліңізге ондайдың келуі тым-тым ауыр болар еді. Сіздерден көрген аға-жеңгелік ықыласын мен еш уақытта ұмытамын деп ойламаймын. Жүрерде ішкілікпен, жиынмен жүріп сол көңілімді бірде-біріңізге дұрыстап айта алмай кеткеніме қатты өкініштімін. Жол бойы осыны есте тұтсам да, Ленинградқа жетіп, анық адресімді білдіріп, орнығып отырып жазармын деп кеше ойлап қалдым. Енді осы хатта адресімді айтамын. Бұдан былай көргенде үйлеріңізде жатып кеткен бір соқпа қонақ ретінде емес, сіздерді әрқашан ұдайы құрметпен есіне алатын достарыңыз, тілеулес жолдасыңыз есебінде болып өтемін. Жазысып, жай-күй білісіп тұрмақ ниетіндемін.

Алматыдан 21-і күні жақсы компанияны тастап, бір күн де болса олжа көріп асығып кетсем де, Бішкекте Ғибад хазірет қуып жетті. Қызылордаға шейін бірге келдік.

Бұнда әлі сабақ басталған жоқ. Бір айсыз басталмайтын да шығар. Осы уақытпен пайдаланып, өз бетіммен, біразырақ жұмыс істемекші болып отырмын. Ненің жайынан не істеп шыққанымды келесі хатымда жазамын. Өздеріңіз осыны алысымен жазыңыздар.

Жаздыгүні үй-жайларымды бір сұрағандарыңызда шын жайды толық айтқан жоқ едім. Осы күнде бұрынғы хал өзгеріп отыр. Үй-іш тұрмыста “ептеген жаңалық” бар. Өз жайымнан әзірше айтатын әңгімем сол. Кейін толығырақ жазысармыз, Фатима жеңгей! Әниіңізге, балаларға тегіс көп-көп сәлем айтыңыз.

Мұхтар.

Адрес: Ленинград. Центр. Улица Декабристов, д. 14, кв 1. Ауэзову.

¹ Сүлеев Біләл (1893–1937) – Фатиманың жұбайы, педагог, ақын, драматург.

Қадірлі досым Фатима!

Дос деген сөзді шын жүректен сүйсініп, ақ көңілмен айтамын. Дос деп өзіңіз атап қуантқан едіңіз. Әнеугі көрген күнім әлі күнге көз алдымда, есімде. Талай күн, талай рет еске аламын. Сүйікті ғазиз Фатима, өзгеше қадір тұтам асыл қасиеттеріңді. Сондағыдай көрісіп, сөйлесіп, жақын көңіл, жан лебін естуден, сезініп ұғынудан еш уақытта бас тартпас ем, тоймас ем.

Бірнеше жексенбі өтті. Бос күніңіз жалғыз жексенбі ғой. Кей сағаттарда барсам ба деп алас ұрам да, іркіліп қалам. Бірақ соңғы айдың басында сол сағаттың өзін жексенбі күн үнемі табу да қиын боп жүр. Бір айдан бері әскер ойынына барып жүрмін де, жексенбі күн түске барып босаймын. Сол босаған сағаттың кезінде уақыт аз ғана демалысын бұзармын, үй басшысы болған соң сол демалыс күннің өзінде де шаруасы болар, алаң етермін деп тартынып қап жүріп ем. Бірақ көріспеген күндер осындаймен ұзап барады. Бір ғана көрініп, қайта жоқ боп кетуім өзімді әлдекімге ұқсатқандай болады. Жүз көріскенде жап-жақсы боп көрінетін кейбір арзан қолды адамдағы жылтыраққа ұқсап кеткендей боламын.

Шынында менің көңіл-жайым ол емес. Сізге, сіздің басыңызға арналған құрмет достығым ол емес. Сол себепті тым құрыса бір хат жазып, хабарымды айтайыншы дедім. Өзіңіз де сәлем хат жазып жіберуіңізді тілер едім. Тосамын.

Құрметпен, Мұхтар.

Адрес: Местное, Пролетарская, 3. Союз писателей. Маған.

Құрметті Мәрзия¹ жолдас!

Сіз мені білесіз, бірақ бұдан кейінгі өмір, бәлкім, бір-бірімізді таныс етер. Барлық жайды Фатима өзіңізге айтады.

Ол қазір адам өмірінде болатын өзгеше бір халмен барады. Жалғыз сенген жақыным, жан ашырым деп барады. Менің айтатыным, Фатима кім болса сол емес, асыл адам еді. Қазір оның басындағы хал жеңілдіктен, шалалықтан болған емес, әркімнің басында болатын бір амалсыздықтан осындай болар. Оның ішіндегі баласы атасыз емес. Атасы менмін. Қазір Қазақстанда екіқабат болып жүруі мүмкін болмағандықтан кетті. Бірақ түбінде баланы мен бір жасқа келген соң анық әкесі болып, өз қолыма алуға бекінгемін. Аламын. Ол жағы менің қарызым, менің мойнымда. Осыны сізге білдіремін және барлық жазған сөзім, болған халге кешіріммен қарап, тек азаматша түсініп қарауыңызды бар көңіліммен өтінемін.

Хат жазушы Мұхтар Әуезов.

¹ Ильдарова Мәрзия – Фатиманың туған әпкесі.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 37

10.XI.42 ж.

Бәтима!

Сен киноның бір адамынан хат жаздым деген едің, сол хатыңды көп тостым. Жіберген кісің кім екенін де білмеймін. Әлі күнге әкеліп те берген жоқ. Әлиладан азды-көпті жайыңды естідім, мәз ештеңе жоқ деп жазыпсың. Қазіргі уақытта сол өзің орналасқан халдан артық жай ... бар. Алматы тұрмысы ондағы сендер жағдайыңнан көп төмен. Асхана бар, тамағы тіпті нашар. Жаңа қызметкердің өзінен, өзінен басқа үй-ішіне түк бермейді.

Хатың больницада жатқан кезімде келді. Мына мейрам қарсысына екі жұмаға шығып ем, 15-інен соң больницаға қайта жатып, операция жасатам. Ауруым көп, еңбегім аз, менің тұрмысымның да өнімі аз боп жүр.

Біраз уақыт ішінде біздің туыскандар арқылы бес жүз сом жіберемін. Содан әрі мыңын болғанынша үзбей тұруға тырысамын. Бірақ өзіңнің адресінді көрсетіп, босанысыңмен, больницадан шығып тұра алысыңмен хат жаз. Шыққан болсаң да хабар ет. Пролетарская деп союз атына жаз,

өз қолыма тиеді. Мен больницадан декабрьдің басында шығамын. Сол кезде ақша жіберем.

Ол жердегі туыскандардың жайы-күйін көріп танитынынды мәз емес дегенінен оншалық ырза еместігінді сезгендеймін. Тек бір тілегім, кінәламай үйлесе, ұғыныса білсең екен. Бар керегіңе жарай бере алмаса да, отын, үй, соғым деген сияқты шақты шаруаның ғана жайы ғой. Қиналмай, қынжылмай да келісіп тұра алсаңдар, ырза болар ем. Мен сенің жайыңды ойламайды емеспін. Көңілде сенің балалы болған халің бірде-бір уақыт ұмытылған емес. Сен кеткелі өзінді сағынып та, дос жүрекпен соншалық жақын тұтып та көп-көп ойлаймын. Кейде уайым етіп, кейде адамшылық қайратыңа, бас қасиетіңе сеніп, үміттеніп қуанышта еске аламын. Болашақ кішкенеңің тірлігіне, саушылығына үміт артып қуанамын.

Сүйікті, сағынышты, ыстық балам болады, Бәтиматай. Осыныма сен. Қыжылданбай, қатты болмай, дос жүрекпен сен.

Балаң ертең бала болса, атын қарапайым қазақша қойма. Өз аттарымдай кітапша ат қой. Мен Хайдар деген атты ұсынар едім. Амандық-саулықпен босанған жайыңды айтып хат жаз.

Сағынып сүйген досың М.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 38

13.XI.42 ж.

Ардақты Фатима!

Хатыңды кеше ғана 12-сінде алдым. Союзда жатып қалыпты. Кешігіп тигеніне өкінемін. Өйткені мені кінәлаған, маған ұрысқан, ренжіген көңілің бұрынғысынан да ренжіп кінәлай түсті ғой деп қысыламын.

Мен соңғы рет барып қайтқаннан кейін қиналып шығып ем. Барлық ажарыңда айтылмай қалған қаталдау үкім бар еді. Мен әбден танып ем, соны, сен ауырып отырғандықтан айта алмадым депсің. Ол ғана емес, біз іштей аз сөйлескен адамдармыз. Сенде ашу да бар, сол ашуды жеңетін ақыл да бар. Сенің тәрбиен, ақыл-сезімің ол жолы мені әлдекімдей

арзан адамдар қатарына қосуға қимаған болу керек. Сондықтан аядың, іркіліп қалдың. Оныңды да бағаладым. Кінә айтыпсың. Сен түсінгендей дәл болса, оның бәрі орынды. Ренжитін қисының бар.

Бірақ мен алғаш көріскеннен кейін үйге айтқамын. Оңашалаған еш нәрсем жоқ еді. Телефонға келген әйелім болмау керек, менің Ләйла деген қызым да ержетіп қалған ғой (ол 12-де). Соның даусы дәл шешесінің даусы сияқты. Сұрамай шақыра салатын сол. Үйге келтіру, балаларды араластыру, бұрынғыша қадірлі, дос таныс есебінде қабыл алу деген менің кезектегі өз-өзіме байлаған нәрсем еді. Оған ешбір жан бөгет емес, бола алмайды. Үйдің адресін бермедің деген сөзің де орынды. Бірақ ол соншалық саған беретін нәрсе ме, Фатима? Ойлашы, өз ішінді азғантай шолып, байқап өтші. Кінәлап ренжіңкіреген көңіліңе о да бір бада-надай нәрсе боп көрініп қалған жоқ па? Болмаса кенсе мен үйде кезек жүретін адамға қай адресің қанша мәні бар?

Бәрінен сенің “жанымды ренжіткен” деген сөзің қатты қинады. Фатиматай, мен ондай топас жан болмаспын деуші ем. Әсіресе сен туралы ондайға әдейілеп біле тұрып баспас едім. Көңіліңе реніш салсам, енді айттыр оны. Реніш бір басқа, бірақ “менің дос көңілім алғашқы қалпында қалады” депсің. Мұнына ішімнен сан рет алғыс айттым.

Билесің бе, Фатима, мен соңғы рет болғанда бір жағынан ауру мазалаған, бір жағынан ішіндегі екіұдай ой алаң қылған жүзінді ұмытқам жоқ. Ол сондай бір дана және соншалық өзгеше бір нұрлы жүз еді. Екеуіміз де айтысар сөздерді айта алмай айырылды. Сен ренішті айтар ең, мен шешіліп сөйлесем, ренжігендей ажарың бар ғой. “Ішінді, барынды айтшы” дер ем. Айтпай, жай сырт сыпайылықпен кетістің, үйреніспегеннің салдары болу керек. Сонда да және бүгінге шейін де ойыма келетін бір нәрсе, соны айтайын. Біз іштей көп сөйлеспегенмен, бір-бірімізді сырт ауыз сөзден гөрі іштен көбірек танып, көбірек сеземіз. Сол себепті жүз көріскенде біраз қитықтанып айта алмай тұратын нәрсені хатпен айтысып алғанның өзі жақсы ғой дейім. Мысалы, сен мені өзгеден гөрі аяңқырап бетіме ұрыспадың. Сенің ашуланғанда ұрысып тастай алатыныңды мен жақсы білем. Бірақ оны маған жүзбе-жүз істемедің, ал хатыңда шешіліп тұрып ұрсып алыпсың. Ішіндегі бірақ мазасыздық сияқты

боп жүрген жайыңды хатпен айтқызып жеткізіпсің. Мен де осы хатта ұзақ сөйлеп отырғаным сол себептен. Сондықтан тағы да хат жаз, тағы да не сын, не ұрсарың бар. Немесе не деп түсініп, ұғуың бар мені, соны айтып жібер. Соның артынан жүз көріскенде де айту, кінәласу оңай болады. Сен кінәны жалғыз мен айтады екем деп ойлама. Менің де айтар кінәларым табылады. Бірақ оны жүз көріскен кезге сақтаймын.

Бір нәрсені есінде тұт. Фатима, ең алғаш көрген күндерімнен (27-інші жылдан) бастап Фатиманың өзі ғана боп көрінетін. Тек қадірлі, қасиет иесі Фатима боп бағаланатын. Қасында кім бар? Жоқ әлде ешкім жоқ па, бәрінде де – жолдасы анау еді деп қараған емеспін. Кейбір әйелді жолдасы арқылы білу, бағалау болса, сен оны іздейтін кісі емес едің. Өз басын достыққа да қадірлісің, құрмет тұтуға да кемел еді, толық еді. Сол көзқарас, сол бағам ауған емес, орнында. Кісі саған жақсылық қасиет қосудан бұрын, сен өзін ол адамға алдын ала салмақты бағалылық бақыт алып баратын кісі боп көрінетінін маған рас, бұған қарап тіпті сынамайды, мін таппайды екен деме. Сенің аз-мұздап мінейтін жерлерің де бар. Бірақ мынандай бір нәрсені ойлағаның бар ма? Адам көп заман (ол барлық тірі жанға қас сипат қой) бақыт таппай, сол бақытты күтіп жүреді. Таппай, құр күтумен жастығы өтеді. Толған мағыналы шағы өтеді. Сондай бір жүдеу күйлерін ұзақ кешіп келген кезінде, бір сәтте сол жанның терезесінің түбінен жаңағы өмір бойы күткен бақыты бұның тосып отырғанын білмей, сезбей, жай бір жүргіншідей өтіп кеткен болса – не болар еді?

Өмірде көп-көп жандардың тірлігінде осындай хал болады. Мен сенімен көрісіп жүретін, көріспей алыста жүретін, бірақ сені біртүрлі бір көп рет есіме ала беруші ем. Сонда әрбір дәлелсіз, себепсіз осы жаңағы күнді еске ала беруші ем. Сонда ешбір дәлелсіз, себепсіз маған өзге адамдардың бақытын қызғандырушы ең. Фатиматай, арзанға сайма бұл сөздерді. Ойланып, кезек ойланып, ақылмен қара. Бір есеппен қараған сөз емес. Бітті деп өзім шығарып қойған, қолға түспес қиялдың ең соңғы рет айтылған арылмас арманы. Сен бұған ашулансаң, мен ренжимін, онынды шолақ ойлағандық деп бағалар ем. Кіршіксіз, есепсіз дос көңілдердің бұндай мұңдары бір-біріне мәлім болса, ол шамданатын, әсіресе

жазалайтын нәрсе емес. Құр ғана таза, айыпсыз достықтан басқа түк есебім, мақсұтым жоқ.

Өзіңнің берік, іші ұстамды көңілің қандай болса, мен де сондаймын. Мынау таза білісіп, жақсы білу үшін өзіне мәлім болсын деген ғана бір жай. Еркек пен еркек достай кінәсыз таза көңілдемін бұл күнде. Мен де, сен де көптің бірі емеспіз, әлдекім емеспін. Қадірінді ешбір есепсіз қош тұтамын, құрмет етемін. Осыны ұқ, ұстан, бәріне сын жаса, осыны ойлай ұрыс ұрыссаң да. Саушылығыңның түзелгеніне қатты қуандым, енді ауырма. Жәнібектен хат алатының да жақсы, сүйеніш екен. Сау бол, хат күтем. Тағы бір жексенбіде барып әңгімелесіп отырып қайтқым келеді. Бірақ хатыңды тостым.
Құрметпен, Мұхтар.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 39

04.XII.42 ж.

Құрметті Фатима!

Ноябрьдің бас кезінде Разақтардың¹ адресіне саған тапсырылсын деп бір хат салып едім, алған-алмағаныңды білмеймін. Сонда Венжирден жазған хатыңның әлі күнге тимегенін жазып ем. Ғажап хал, сондағы жазған хатың бүгін міне, декабрьдің 4-і күні больницаның ішінде қолға тиіп отыр. Осында Киевтің бір адамы больницада жатыр еді, соның әйелінен Венжир жіберіпті. Сен хат апарушы дос әйелім депсің. Ол айта ма, жоқ осы Венжирін біле алмайым.

Ноябрьде жазған хатымда соңғы кездегі жайымды, аурулығымды айтып ем. Екі жұмаға больницадан шығып, қайта жатам. Операция жасатам деп едім. Қазір 15 күннен бері операцияға әзірленіп жатырмын. Осы декабрьдің 7-сінде болмақшы. Декабрьдің 20-сына дейін жатармын деймін. Анау хатта босанысымен хат сал, союзға жаз, баланың кім болғанын айт деп ем және больницадан шығысымен ақша жіберем, өз адресіңді жаз дегем.

Қазір мынау сентябрьдің 28-інде жазған хатыңды оқып, жаман қиналып та, қысылып та отырмын. Сен соншалық көп бейнет көріпсің. Мен Разақтардың үйінде бір ай тұрды, орналасты, сыр алды, пәтер тапты, қызметке орналасты де-

ген хабарларды олардың хатынан естіп, одан әрі жайынды біліп едім. Разақпен өзім жүз көріспей ұғысу қиын болғаны ғой. Әйелінен айтқан сәлем де түгел жетпес. Әлила келгенде маған сенімен тәуір сөйлесіп, жайынды ұққан кісідей айттып еді. Барлық нәрсесі бар, бірақ тез қапалана береді дегендей еді. Жаман, жайсыз бір ауыз сөз айтқан жоқ. Менің жақыным деп жайды жақсы ұғынысқан кісінің түрін көрсетіп еді. Және онымен де бір-ақ көрістік, мен больницада едім, соған шақырып алып, әдейі сенің жай-күйіңді сұрап ем.

Енді не де болса бейнет күй кейпінде қалған екен. Тұрмыс бір сабаға келген сияқты, саушылығыңа қуанамын. Балаң есен-сау болса екен деп үлкен үміт-тілек етем. Ертең бала болса, атын қарапайым, қазақша қоймай, өз атымдай кітапша қой. Меніңше, Хайдар қой деп ем. Кешікпеген болсам, ертең бала болса, осы атты қой. Жақсылап өсір. Біз жас қыз бен жігіт емеспіз, қалған ұят адыра қалсын. Аяулы, қайратты, мейірбан ана бол. Тілесен ол қайрат та, ол жүрек те сенен табылады. Қанша ренжіп кетсең де, мені іштей жат көрмейтін, сыйлайтын және сүйетін де жүрегің барын сезгендей болдым. Хатың, жаңа ғана қиналып әлденеше рет оқып шыққан хатың соны баян етті. Шынымен адамшылыққа, қайрат, сабыр, қасиетіңе барынша ырза болдым.

Сен жалғыз-ақ ызақорсың, ренжігішсің. Менің осы сөздеріме сенбей, өзіңше нашар жорысаң, амалым жоқ, қиналар едім.

Больницадан шығысымен 1500 сом ақша жіберем. Содан әрі ай сайын 500 сомнан жіберіп тұрамын. Декабрьдің 20-сынан қалдырмасқа тырысамын. Жіберуін содан кешіктірмеймін. Почта бөгесе, білмеймін. Әйтеуір больницадан шыққан күні жіберемін.

Жақында Қырғызстан бір жиналыс болады деп мені арнайы шақырыпты. Айтуларыңша, декабрьдің екінші жартысында болмақ. Егер декабрьдің аяғында болса, операция дұрыс өтсе, өзім сапар жүруге жарайтын болсам, сол жиналысқа барамын. Онда қайтарда жолшыбай Меркеге соқпақпын. Бірақ мәселе ауруымда және жиналыстарымның кешен болуында. Егер 15–20 декабрьде болса, оған бара ал-

маймын. Осы жолға барып, сенің босанған халіңді көріп, балаңды өз көзіммен көріп-біліп қайтсам деген қатты құмартып ойлаған ойым осы. Больницаға ноябрьдің 20-сында түскенде, декабрь ортасына шейін әбден жазылып шығам деп түсіп ем. Бірақ ауруым қайта ұстап, ауру үстінде операция жасамай, енді міне, әлі созып әкеп отыр. Осы қырсық, қатты қырсық боп тұр.

Фрунзеге декабрь аяғында баратын болсам, Разақтарға телеграм соғамын. Разақтың өзіне осымен бірге хат салдым. Әзірше қош.

Сүйдім. М.

¹ Әуезов Разақ Омарханұлы (1885–1956) – Әуезовтің ағасы.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 40

26.I.43 ж.

Құрметті Бәтима!

Хабарыңды Разақ пен Қапыш жазған хаттардан жанада білген едім. Аман-есен айықканыңа қуанышты болдым. Аты кім екенін әлі білмеймін. Кішкенеңнің өмірі ұзақ болсын. Кеше ақша жөнінде берген телеграммыңды алдым. Дәл осы уақытта ақшадан шылпи болып тұр едім. Енді ұзаса бір ай шамасында молырақ қып жіберем, екі-үш ай шамасын бір-ақ жібермекпін, ренжи көрме, кінәлай көрме. Бір ғана осы ай болмаса, кейін бөгемей жіберіп тұрам. Тым құрыса бір қысқа хат жазсаңшы.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 41

26.II.43 ж.

Қадірлі Бәтима!

Соңғы хатың келгелі бірталай болып еді. Осы күнде тағы науқас болып больницада жатқаннан жаза алмадым. Алғашқы хатыңды қашан кешігіп алғанымды жазыпсың.

Октябрьде жазған хатынды декабрьдің аяғында больницаға әкеп бергені рас. Бала жайындағы жазған өз сөзіне қатты куандым. Аты да жазылды, саушылығын күте көр. Айына бес жүз дегенім деген. Осы күнде одан көпке шама жоқ, ренжіме. Бірақ кейде екі айды бір-ақ қосып жіберемін. Түңілме, мойныма қарыз етпеспін. Разаққа өзің жазған мәслихат бойынша алғыс айтып жаздым осымен бірге. Хат жазып, жөніңді айт, бала жөнін жаз. Майдандағы балаңнан хабар бар ма, аман ба? Больницадан шыққан соң ақша жіберемін март үшін.

Қош. М.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 42

Құрметті Бәтима!

Осыдан бұрын екі хат жазып ем, барды ма, бармады ма, білмеймін. Бірақ ешбір амандық хабарың да, жазған хатың да жоқ болған соң мынау ашық хатты тағы жазып отырмын. Разақтарға жазған хаттарымда да сенің жайыңды жазып жіберіңдер деп сұрап ем. Балаларың сау ма? Өзіңнің саушылығың қалай? Жөніңді айтып хат жазып жіберуіңді тосамын... Мен больницадан шыққанымға үш-төрт-ақ күн болды. Хат күтемін.

Сәлеммен, М.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 43

5.I.45 ж.

Фатима!

Аман-сау жүрмісің, балаларың есен бе? Кішкентай Мұраттың саушылығы, өсуі қалай? Жақынырақта бір хат жазған екенсің. Содан кейін Ташкенге кетіп, мезгілінде

жаза алмадым. Ақшаны да үш айдыкін бір-ақ жіберіп отырмын. Бұным да дұрыс болмады. Ай сайын жібер дегенің дұрыс, енді кешіктірмей жіберемін. Әзір 1500 сом жібердім. Бұл октябрь, ноябрь, декабрь үшін. Өзің анда-санда Мұрат жөнін, өз күйіңді жазып тұр. Кейде аса қатты көргім келеді. Қызығыңды аз көргеніме өкініп те қоям.

Қош. Мұхтар.

Жаңа жыл құтты болсын. Мұратайым жақсы өссін...

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 44

13.VI.45 ж.

Фатима!

Телеграмдарыңды алып отырмын майдың, июньнің ішінде. Өзім де екі телеграм жіберіп ем. Не ғаламат екенін білмеймін – не жіберген ақшамды алмайсың, телеграмым бармайды. Қыстыгүні ақшанды алмадым деген соң февральдің 23 күні бұндағы почтаға арыз бергем, олар сол күні Меркеге телеграм беріпті. Өзім марттың бірінде Мәскеуге кетіп, майдың 10-ында келіп тексерсем, почта Мерке почтасынан әлі жауап алмапты. Сонан соң тағы тапсырып, тағы іздетіп отырмын. Саған соңғы берген срочный телеграммамда қалай жіберем, қай адреспен жіберем дейсің деп соғып ем. Менің жібермеген айларым тек март, апрель, май үшеуі. Оны, алдыңғы екі переводым бармаған соң амалсыз іркіп, қатынасушыдан жіберем деп жүріп ем. Қазір мына Әбжанов¹ деген опера артисінен 1500 сом март, апрель, май айларының ақшасын жіберіп отырмын. Бұрынғы айлардың бәрінің жіберілген квитанциясы қолымда. Ол туралы саған мен екі айтпаймын, Фатима. Мәскеуден келсем, ақша алмағанымға тоғыз ай болды деген телеграмманды көргенде қайран қалдым.

Меркенің почтасында менің жіберген ақшамды үнемі ұстап, жеп жүрген жауыз иттер бар ма деймін. Әлде адреспен таба алмай ма? Мен ылғи былтыр өзің көрсеткен Октябрьская, 8 дегенге жіберем. Осыдан сенімді адресің болса, соны жазшы. Мына ақшаны алғаның туралы және Мұраттың

кандай болғаны туралы, саушылығы, өсуі туралы толық жазып жіберуінді көп-көп сұраймын.

Өзіңе ақша жіберуден басқа өткен қыста сағынып та бір хат жазып ем. Оны да алмапсың. Почта арқылы іздеу салып, бұрынғы ақшаларды өзіңе төлейтін етемін.

Енді ай сайын-ақ жіберейін, бірақ басқа бір адрес, школ адресі секілді болса, соны анықтап жазып жібер. Жәйін қалай, толық жаз.

Мұхтар.

Р. С. Мұратқа бір кішкене туфлиді Мәскеуден әкеп ем, аз үлкендеу ме, өлшеуін біле алмадым. Біраз кеңірек болса, еш нәрсе етпес дедім, болмаса дәл туфлиге айырбастап аларсың. Серғалидан Умияға бір мың сом жіберттім. Оның жөнін айтындар деп телеграмдар соғып ем, жауап ала алмай қойып, осы жолы әдейі арнап хат жаздым. Ғафураға да екі рет телеграм бергем, оның күйеуіне Умияны өз қолдарыңа алындар дегем. Осының бәрін көрсең, Умияға айтарсың. Бір көрсем деп көптен ойлаймын. Келмек ойың болса, жазып жібер.

Қош. Мұхтар.

¹ Әбжанов Серғали – Қазак КСР енбек сіңірген әртісі.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 45

12.XII.46 ж.

Фатима!

Хатыңды алдым. Мұратай қандай болды, жазылды ма екен деп тағы хабарыңды тосып жүрмін. Телеграмманды алған соң сол күні жауап жібергем аз күнде ақша жіберем деп. Артынан екі мыңды бір жіберіп, қалғанын аз күнде тағы жіберем деп телеграм соққам. Сенің хатың соңғы ақша барғанша жазылыпты. Екі арада бес-алты күн өткен екен. Сол күндердің ішінде-ақ мені кінәлай бастапсың, талай айтсам да, мені кінәлай сөйлеуге асығып тұратын еркелігің бар ғой.

Жарайды, онда көп өкініш, реніш жок, тек Мұратайың жақсы өссін. Мені ойлап, “қашан ағам келеді” деп жүргеніне қатты ырзамын, ішім аса қуанып жылайды.

Әнеүкүні дәл кетер күндерінде өте мазасыз, ойда жок жайсыздық болды. Құдай ұрған шофер иттік қылыпты. Бірақ сен соңғы звонить еткен артынан машина иесі өз үйінен Малая станицаға шоферді іздетіп кісі жіберіп, сағат 11 шамасында шофер маған телефон соққан. Мен қазір анау үйге бар, одан кетіп қалса, горвокзалға бар, жет, бар жерді карап тауып, арғы станцияға апар деп жібергем. Нәписаның үйіне барып, кемпірмен сөйлесіп, арттарыңнан горвокзалға барып, одан кетіп қапты деп келді.

Қатты өкіндім, амал болмады. Әлде сонда суық тиді ме екен деп Мұрат үшін көп қиналып жүрмін. Менен көп-көп сәлем айт, көп-көп сүйдім. Жақсы көзінен, шолақ мұрнынан, томпиған аузынан көп сүйдім деп айтты де.

Мағыстың әйелі Галя ғылымдық дәрежесін қорғау жұмысымен маған бірнеше сөйлесті. Үйге де кеп кетті. Ісіне көмектесуге өзім де кірісіп ем. Кейбір жолдастарды да араластырып ем. Әзірше кітабының өзі толық болып жазыла қоймаған сияқты. Бірақ ғылым дәрежесін алуы алыс емес тәрізді.

Фрунзеге барсаң, бар жәйді айтып жаз. Мына хатты аласаң, алғаныңды айтып телеграм соқ. Мұраттың жазылғанын телеграммен білдір. “Көз тиді” деген сандалған сөз ғой. Баксы-құшынашқа көрсетіп, көңілге алаң салып керек емес. Олардың емінен бірде-бірін істеуші болма. Ол шарлатандықта нең бар.

Қош. Мұхтар.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 46

Фатима!

Бір хат, бір откыртка екеуін де алдым. Амандықтарыңа қуаныштымын. Мұрат туралы жазғандарыңның бәрі қызық. Оқытушы алғаның үлкен ақыл болған. Үйретіп бастықтыра беріңдер. Өзінің мінезі, Болат екеуінің арасындағы аға, жақсы бала болғалы тұрғаны мені қатты қуантады.

Бүгін үш мың сом жібердім. Бұл 20-ның есебіне. Аз күнде февральдің 2 мыңын жеке жіберем. Март ішінде 20 мың есебіне тағы жіберем. Оны бөлек санап сақтай бер. Бірақ майға түгелдемесем, өкпелеме. Үйткені май дегеніміз үй алсақ, Фрунзеге барсақ деген мөлшермен айтылғанды. Әйтеуір 20-ны айлықтан тыс биыл түгелдейін. Мүмкін болғанынша күзге шейін өтеймін. Соны ескер. Мұрат туралы осылайша жақсы қып, жиі жазып тұр. Мен саған үлкен хат жазғам. Екі хат жазып ем, қайда жүргенін білмеймін. Біреу мектептерінде алып, директорға да, саған да бермей жүрсе, барып тұрған сүмелек иттің өзі екен.

Қош. Мұратайға көп сәлем.

М.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 47

24.V.47 ж.

Фатима!

Үйге жазған екі хатынды алдым (открыткалар). Мұратай туралы жазғандарыңа қатты ырзамын. Көп қызығып қайта-қайта оқыдым. Менің Мұратым жақсы балам болады деген зор сенімдемін. Мен туралы ойлайтыны, сөйлеп жүретіні қандай жақсы. Биыл да, аманшылық болса, апаң екеуің келіп, менімен көрісіңдер. Мен июльдің 20-сында Мәскеуге жүремін. Сентябрьге шейін сол Мәскеуде боламын. Сентябрь бастарында Мәскеуден қайтарда телеграм соғамын. Мені Луговойдан тосып аласыңдар. Мен сонда Мұратайға көп базарлық әкелемін. Апасы қазір маған хат жазса жарайды. Сонда айтып жіберсең, Мұратайға үш дөңгелекті велосипед пе, жоқ екі дөңгелекті велосипед керек пе, осыны мен біліп алғаным жөн.

Ақшаны осылайша жіберіп отырып, жақында уағдалы жиырмаға жеткіземін. Сен ұқыпты адамсың ғой, бұл ақшаны бөлек ұстап сақта. Кейінірек кесек бір керектеріне әзір запас болсын. Өзінді көрсем жақсы болар еді. Кейде еске ала беремін. Қош, екеуінді де сүйдім.

Мұхтар.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 48

6.VI.48 ж.

Фатима!

Хаттарың жақсы. Бәрі де онды. Бірақ бір мәселе жөнінде айтқан сертің орындалмады деп есіттім. Көріскенде ұғысармыз. Мен Ташкентке кетіп, хатыңа мезгілімен жауап болмады. Бірақ кеше бір кішкене отырып келіпті. Бірақ сондағы әр сөзің жетті де. Жазып отырмын, бір ғана жайсыз нәрсе бар, менің жүрегім нашарлапты. Комиссия қарап, мені Кавказға қуып жатыр. Ағұс айында сонда емделу шарт деп, ағұс, сентябрь екеуінде екі курортта болатыным анықталып отыр. Келген соң сөйлесеміз.

Сол июль басында келгендерің мақұл болар.

Айналайын Мұратайым!

Сенің тәтенә ерік бермей, маған хат жазғызғаныңа мен сонша қуанамын. Сен ақылды болып келесің. Ағанды ойлағаның сол ақылды болғандығыңнан. Енді бұдан былай аз-аздап сабақ та оқи беру керек. Тәтенә саған жеңіл кітаптар оқып беретін болсын.

Өзіңді көруге асықпын, осы күнде велосипедтер де бар болса керек. Енді сен келгенде екеуіміз сол велосипедті қараймыз... дегенің әзір қолдан келмейтін мәселе. Оны келіп алып іздеспесең, басқа мүмкіндік жоқ.

Әзірше қош. Мұратай, өзіңді сүйдім.

Мұхтар.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 49

29.06.47 ж.

Фатима!

Март айында және апрель басында жазған екі ашық хатыңды бүгін алдым. Көптен союзға бармай мен жүрсем, сол хаттарды алған управделами ауырып, столына салып кетіпті. Менің талайдан жазған хаттарымның бірі барыпты. Енді мынасы да жетіпті.

Сен тағы да майға шейін жібер, әйтпесе мен де бұзыламын деп зіл көрсетіп жазыпсың. Осы мінезді қашан қоясың? Тағы ұрсысамыз ба? Мен әнеугі өзің алған асық хатта жазғамын: 20 мыңды беремін, бірақ ол майға шейін түгелдей алмаспын, осы жазда, күзге шейін толтырамын дегемін. Солай болады. Қазір, бүгін 2900 жібердім. Сол ақшаның есебіне жібердім. Әнеукүні 3 мың жібергем, ол да сол есеп.

Ай сайын екі мыңды жеке жіберіп жүрмін, ол өз бетіне. Әзірше сөйтіп 2 мыңның есебіне 5900 жібердім. Енді 14 мың бар. Соны күзге шейін түгендеймін. Сен бұл ақшаны бөлек ұста. Үй аласың ба, пәтер аласың ба, сонына арна.

Мен жақында, осы май ішінде өндіріп жіберсем деп жүрмін. Бірақ бір жолда он мың, я алты-жеті мың жіберуі сенімсіз. Поштаң ба, разносщик пе, не бөгеп, не жоқ қып қойды мыңын.

Сен қазір үй сатып алып жатқан жоқсың, сондықтан ақшаң тиеді. Оншалық дігірлетпей, мезгілімен түгелден ала бер деп жазғам. Соны ескере жүр.

Сенің хатыңды бүгінгі ақшаны жібергеннен кейін алдым. Сенсіз де ол тәрізді өзім берген уәдені мен ұмытпаймын. Тек мезгілі кешендеу болды деп әбігер жасама.

Мұратай әнеугі әйелден тәрбиелене ме, жоқ па? Бірақ оны жақсы көрмейді деп ең, ол хабар маған жақпап еді. Бұл күнде қалай? Онан соң Болаттың кішкене інісін мазактауы қызғануы болар. Ондай жағын сен жақсы бағып, тыйым салып жүрсеңші. Мұратайды мен арқылы ренішке бергізу сенің де онша қызық көретін ісің болмас. Тәтеңнің жек көргені де жетер.

Өзіңнің жаз туралы қандай ойың бар? Хат жаз. Май ішінде, жақында бір-екі рет ақша жіберемін. Мұратайға көп сәлем... Тәтене де сәлем.

Мұхтар.

Бұдан былай хатты үйге жазшы. Мен жиылыста, болмаса союзда көп болмаймын. Осы күнде аса тығыз жұмыстармен үйде отырып, тіпті үйден шықпаймын. Адрес: Алма-Ата, Калинина, 63, кв 29. 2900 сом жібергенім туралы телеграм жібергем.

Фатима!

Үш-төрт күн бұрын ағұс-сентябрь ақшасын жіберіп ем, ертең октябрьдікін жібергелі отырмын. Мейрам тұсында Мұратай ақшалы болсын. Өзін қатты сағындым. Қандай боп өсіп қалды екен? Немене қызық өлеңдер, сөздер айтады екен. Бойы да өсіп, ақылы да өсті ме екен деп ойлаймын. Мәскеуден қайтқанда сендер Алматыда болар деп ем. Жазғы ойлаған ойларыңды орындамаған себепті ұға алмадым.

Мен екі айдай Кисловодскіде болдым. Жүрек емдеу ретінде арықтау керек болды. Докторлар жүрегің шаршап қалған екен дейді. Екі айда бірталай арықтадым. Енді қайта семіріп кетпесем, осы күнгі қалпым жаман болмас еді. Мен ол жақта жүргенде мұнда В.Н. науқастаныпты. Оныкі базедова болезнь. Қазір сол науқастан емделіп Мәскеуде жатыр. Ноябрьдің аяқ шенінде Алматыға қайтады. Өзім кішкене баламен Алматыға келдім, әзір мұндамын. Азатты оқытатын профессордың бірі менімен таныс еді. Оқуды жақсы ын-тамен оқитын сияқты. Профессорға жайын ұғындырдым. Түскен бөлімі жақсы бөлім, дұрыс таңдаған сияқты.

Мейрам артында болсын бір жұмаға келіп қайтсандар теріс болмар еді. Мен Мұратаймен біраз бірге болар ем. Оған да жақсы болар еді. Бірақ келгендей жағдай бар ма, жоқ па, мектеп босата ма, оны өзің білесің. Мұнда Ғалия наукас дегенді есіттім. Әзірше барғам жоқ, жақында кіріп шықпақпын. Мұратайға тиісті нәрселер Алматының өзінен табылады. Керегін айтып, жазып жіберіңдер. Мәскеуде “Мосторгте” баланың киімі сатылатын болса, айықпас өшірет. Тіпті тәуір нәрсенің бәріне сондай шіреттер. Өзіме де, ешкімге де еш нәрсе алмадым. Қайта өзіме керек пальто материалын Алматыға келіп сатып алдым. Мәскеуден зат әкелмеді деп Мұратайды маған өкпелетпендер. Керегін осыдан алып жіберемін.

Хат жаз. Көңіл, тұрмыс-күйің қандай, тегіс жаз. Дос көңілден сәлем. Сүйдім.

Мұхтар.

Мұратай, көп-көп сүйдім. Оны Октябрь мейрамымен құттықтаймын. Ағаң.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 51

4.11.48 ж.

Фатима!

Жақында Ғалияны көріп ем, сенің анаң қайтыс болыпты деп есіттім, ақырының қайырын берсін. Анаңа көп көңіл бөлуші едің, аса қадірлеп, жақсы көретініңді байқаушы ем. Уайымдап қалған боларсың. Бірақ жасы жеткен шағында ол кісінің өзінің ендігі тілегі де сол ғой.

Қырғызстаннан қайтсам бір ұзақ хатың келген екен. Оның ішінде Мұрат мені өз қасына Меркеге келуге шақырады депсің. Мен бұны сенен бұрынғы уақытта естімеп ем. Сен қайта маған басқаша айтушы ең. Менің өзге балаларыма көрініп үйіме келмейсің. Оларға сені көрсете алмаймын деп ең.

Мен Фрунзеден қайтарда талай оқталып ем. Меркеде түсіп, Мұратайды көріп, қасында біраз болып кетейін десем де, сенің жанағы сөзің және жұп жеңгейдің қабағы қалай болады деумен бекіне алмадым. Мынау соңғы айтқаныңды білгенде өзіңнің қасында да болуым жөн-ақ екен. Қазір жұмысбастымын. Әйелім Мәскеуге қызына кетіп еді, апрельге шейін болады. Қазір қолың босар болса, келіп кетпейсің бе?

Бүгін февральдің 4 мың сомын жіберіп отырмын. Бұдан соң дәл жіберіп тұрармын, айлықты 9-ы күні аламын. Көбінше 10-ында жіберіп тұратын болармын. Хат жаз. Ал құшақтадым.

Мұхтар.

М. Әуезов – М.М. Әуезовке

№ 52

Мұратай!

Айналайын жақсы балам. Тілі тәтті, өзі тәтті Мұратайым. Сен мені сағындың ба, мен сені көп ойлап, көп сағынам. Қашан тағы көрер екем деп ойлаймын. Енді көргенде Мұратайым маған тағы қандай әндер айтып берер екен деп ойлаймын. Сен әнді жақсы айтушы едің. Осы күнде тіпті көп өлең, ертегі білетін болған шығарсың. Үйрене бер. Ең болмаса қаріптер үйрен. Тәтеңе айтып маған өзің де хат жаз.

Жаздығүні мен саған велосипед әперем, алдамаймын, айналайын жаным. Ал бетіңнен сүйдім.

Хат жазған ағаң.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 53

Фатима!

Сен жыл басында бір жылдық қосымшаны бір-ақ аудар деп сұрағансың, мен бір жылтын бірден аудару ауырырақ болған соң, жарты жылдың үш (3) мың сомын аударғамын Мәскеуден. Енді тағы үш мың мына июльден бергі екінші жарты жыл үшін болады. Өзім больницадан жаңа шықтым. Келесі жұмада дүйсенбі, сейсенбіге үйден шығамын.

Сонда үш мың өткіземін. Сенің ай сайын алатын қосымша 500, жыл бойғы 6 мың. Ал 12 мың дегенің ұмытқаның болар.

Мен келгелі Мұратқа 5-6 рет телефон соқтым, больницадан да соқтым. Телефонға бір жан келмейді. Ол өзі маған неге хабарласпайды?

Осы хатты алысымен маған телефон соқсын. Телефондарың танертең де, түнде, кешке де ұйықтатпайды. Мұрат хабарын тосамын. Мен больницада 20 күн жатып шықтым.

Мұратқа киім жайы былай болсын, мен оны биылғы каникулде қыста Мәскеуге шақырғам самолетпен. Ернармен екеуі барады. Мен сонда болам.

Сол шақта келешекте түсетін ВУЗ-ын да көреді, аралайды, самолетпен қайтады. Әзірге күздік қана пальто. Қысқа костюм, қысқы пальто, бөрік, бәрін Мәскеуден өзіне өлшеп, өзім әперемін. Маған тек жылдам телефон соқсын.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 54

Фатима!

Хаттарыңды алғанға бірнеше күн болса да, госэкзамен кездері кешендеу жауап жазылып отыр.

Хабарларың ұнады. Әсіресе жағдайларың жақсы болған тәрізді. Екі жарым айға өзің қоса қалғаның ақыл болған. Сенен телеграм келісімен мұнда министрмен сөйлесіп, санаторийға орналастыруға сол күні телеграм бергізгемін. Ол санаторий Мұратты ақшасыз тегін алмақ болатын. Сен ол жайды неге анықтап жазбағаның? Өзіңмен бірге тұратын санаторийға бермедің бе? Болмаса оны сонда “емі, күтімі дәл болсын” деп берсең де, өзің бөлек жайда бас-көз болу үшін жай тұрсаң нетуші еді? Тек өз қолыңда тұру санаторий жағдайымен, еммен бірдей бола ала ма? Бұл жайла-рын толық түсіне алмадым.

Сол телеграм бұдан берілгенінен кейін, бір жұмадан соң үйлеріңе телефон соғып ем, әйел балалардың бірі сөйлесті. Ильфа¹ ғой дедім. Ол сенен хабар ала алмағанына киналатындарын айтты. Мен бұдан телеграм жіберілгенін білдірдім. Осы күні хабарларыңды алған, білген болар. “Шомыламыз, балық аулаймыз, Мұратай бір нәрсе жазып жүр” деген хабарлардың бәрі көңілге жайлы, жақсы тиеді. Ал ақша жағынан айтқандарың бар екен, оның да негізі дұрыс тәрізді.

Анығында, биыл облигация қайтадан көбейіп кетті. Жақында барып кассадан ақшадай сендерге қанша тиетінін білейін. Анығында, қазір сол 2500-ден артпауы мүмкін. Мен ертеде бір сен айтқан ретпен облигацияны бекер жіберіппін. Ақшадай сол 3300-ді толықтырып тұрармын. Ал менің қызмет жайым әлі өзгерген жоқ. Екі жерде жарты ставкадан аламын. Оның МГУ-ін сентябрьден бастап қалдырмақпын

(босаймын). Екі қалада істеу жеңіл емес. ҚазГУ де әзірге ғана, келер жылда да тек жарты ставкада боламын. Қызметі жазушылыққа қалың бөгет болғандығынан мүлде босанып шығу мақсатым бар.

12 мың деген өзіннің асыра сермеуің болар. Бес мыңды бердім ғой бас-аяғын түгендеп. 3300-ден келтіремін. Одан бір азғантай артық болса, күзде жыл аяғына жақын кітабым шығуымен ғана байланысты қосармын. Санын сен байламай, өкшелемей сабыр ет. Жақсылап демалындар. Мұратайды жазып ал, өз каражатын өзіне ұстай түс. Сен әлі оған ауыса қойған жоқсың. Мөлшер мәлім ғой ... мазасыз емес, мазалы, жайлы хат жаз.

Мұхтар.

¹ Жансүгірова Ильфа Илиясқызы.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 55

17.XI.48 ж.

Фатима!

Мұратайды жібергеніңе көп рақмет айттым. Басында ойда жоқта түн ортасында келгенде мәні-жөнін ұға алмай, бұ не боп қалды екен деп қалып ем.

Сен телеграм беріп, хат-хабар етсең де бір сәрі еді. Бірақ артынан бұл жіберісінді аса жақсы ұғындым да, жақсы бағаладым. Бұндағы Ернар деген кішкене інісі, үйде шешесі жоқ болған соң, бассыздау, тентектеу еді. Екеуі бірде тату, бірде қағысып қап жүрді. Мен екеуіне де сендер бір туғансыңдар, екеуің де менің баламсың, екеуің тату болсаң, жақсы көрем, бірінді бірін жақсы көр деп көп айттым. Бірге суретке түстік, жақында әзір болған соң жіберемін. Науқасын больницада жақсы қараттық. Анализ, прививка, просвечивание – бәрі болды. Өкпесі сау. Жөтелі бұрынғы грипптің қалдығы дейді. Дәрісін әпердім.

Мұратқа Ғұмар екеуіміз көктемде барамыз деп уағда бердік. Жер кебісімен бармақ ойымыз бар. Қазір машинаға Қордай қиын, қауіпті, сондықтан қыс қатынаса алмаймыз. Сен көктемге шейін тоқтамастан семіре бер, мен сенің

семіздігінді сүйемін, Хуппи¹ жеңгейдің келгеніне қатты ырза болдым. Мұратайдың ол кісі де қамқор анасы екен. Көзім жетті. Бар балаңа сәлем.

Сүйдім.

Мұхтар.

¹ Хуппи – Фатиманың нағашы апасы.

М. Әуезов – Ф. Ғабитова мен М.М. Әуезовке

№ 56

19.V.50 ж.

Мұратай, Фатима!

Жақсы күн құтты болсын. Мұратай, оқуды азамат боп бітіргеніңе қуанамын. Қайырлы болсын.

Мұғаліміңе киім жібергем жоқ, басқа лайық сый жібердім. Осы күнде мұғалімге киім сыйлау ұят болар еді. Бұрынғы молда мен бай емеспіз.

Прибор сыйласа – орынды, осыны беріңдер және үш кітап жібердім. Аттарын білмегендіктен мен сөз жазбадым. Оны Мұратай өзі жазсын.

Сәлеммен, Мұхтар.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 57

12.06.50 ж.

Фатима!

Мұратайлар барған соң жазған хатыңды алғамын. Ырза болып жазғандарыңа мен де ырзамын.

Бүгін Мәскеуге жүргелі отырмын. Жана жылдың басына шейін сол жақта боламын. Азатты көремін. Айтқандарың дұрыс, қолдан келген жәрдемді етемін. Мынау Мұратаймен біздің түскен суреттеріміз. Мұрат күліңкіреп тыныш тұрмап еді, онша жақсы түспепті. Өзіне толық ұқсаңқырамай шығыпты, жалпы жаман сурет емес. Ағасы мен інісі Ернардан ескерткіш болсын.

Ноябрь ақшасын әзір жібере алмай кеттім. Және Мәскеуге аз ақшамен барамын. Саған бүгін перевод етемін деп бұдан жалақы алам ғой деп ем, ала алмадым. Бір айдың жалақысын түгелімен бере алмай отыр кеңсеміз.

Орайы толық келсе, Мәскеуден жіберем, болмаса, ренжімей қайтқанымды тоса тұр. Екі айды бірден жіберем. Өзіңнің хатыңа ырза болдым. Уәделі мырза құшағыңа әсіресе ырзамын. Сүйдім.

Мұхтар.

...тәтеңе, Мұратайға, балаларға көп-көп сәлем. Мұратайды көп сүйдім.

М. Әуезов – М.М.Әуезов пен Ф. Ғабитоваға

№ 58

Мұратай, Бәтима!

Сендер білмейтін шығарсың, мен 2-июньнен бері больницада жатырмын. Жеңіл операция жасаттым. Бірталай ауырдым. Енді бір жұмадай жатамын. Осы хатпен әдейі науқасымды білдірмекпін. Болмаса Мұратайды шоферді жіберіп алдырып, далаға шығармын деп ем. Ернар да әлі больницада, тәуір болып келеді. Соңғы хатыңды алдым, больницада алдым. Ырза болдым, Бәтима. Солай болсаң әр кезде оңай ұғысамыз.

Мұхтар.

М. Әуезов – М.М. Әуезовке

№ 59

28.XI.1953 ж.

Мұратай!

Мен сені енді ержетті, есі кірді деп, менің кітабымды оқитын, білетін кезі де жетті деп “Абайды” жіберіп отырмын. Асықпай тәтеңмен бірге оқып біліп ал.

Папаң.

М. Әуезов – К. Оразалинге

№ 60

Қымбатты Кәмен!

Мынау Мұрат Әуезов – менің туған балам. Москва университетінде оқушы еді. Қазір жазға Семейге, содан ары Абай ауданын – әкесі туған жерді, елді көруге бара жатыр. Өзіне саған, Балташқа бар дедім. Осыны ауданды аралатып, елді, жерді көрсетіп, танытуға өзің бар, Балташ бар, көмек етулеріңді сұраймын. Өзім сен өз үйіңе түсірсең деймін.

Мен ауырып Москвада больницада жатырмын, жайымды Мұрат айтар. Үйіңе көп-көп сәлем.

Мұхтар Әуезов.

Елдегі бар ағайынға мың сәлем. Балташтікіне жайды ұғындырып өзің алып барарсың.

М. Әуезов – М.М. Әуезовке

№ 61

30.III.1954 ж.

Мұратай, айналайын алтын балам!

Денің сау, оқуды оқып жүрсің бе? Мектептегі әлеуметтік қызметің өрге баса ма? Мен Москвада тұрып жатырмын. Июнь айына дейін осында боламын. Содан соң Алматыға барғанда жазғы планды ақылдасып шешеміз. Сен жақсы оқып, сау, сұлу, мықты боп өсе бер. Көп сүйдім.

Ағаң.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 62

15 ноябрь 1954 ж.

Фатима!

Амандығыңды есіттім. Айтқан сәлеміңе де қандым. Ақша жібермейді деп ренжіпсің. Мен саған февральдің аяғында бір мың сом жібергем, ол январь, февраль айла-

ры үшін болатын. Әлилаға квитанцияны көрсеттім. Оны жіберумен бірге өзіңе телеграм да жібергем. Ақшаны алған боларсың, алмасаң жазсаң етті. Немесе Әлилаға алғаш жіберген мың сомын алдым десең нетуші еді. Егер осы күнге шейін алмасаң, осыны алысымен хат сал, мен мұнда сұрау саламын, табамын. Енді сенің айтқаның бергі айлар болса, рас, март, апрель ақшасы әлі жіберілген жоқ. Оны сен ескертпей-ақ, Әлила келместен бұрын да өзім қатты ойлап жүрем. Осы Әлила келер алдында 20 күндей больницада жатып қалдым. Ақша да, қам да сондықтан мезгілді бола алмай қалды. Енді біраз күндер ішінде (бір жұма, не он күн шама-сында), не қылсам да жіберемін, май айын қоса жіберем. Мың жарым сом жібермекпін.

Әнеугі жазған ашық хатта айтып ем, тегінде, екі-үш айдан қосып жіберіп тұрармын деп. Үйткені ай бас сайын белгілі санмен бір адреспен жіберіліп тұрған ақша көзге түскіш, сезікті бола ма деймін. Себеп сол ғана. Болмаса саған беретін айлық қаражатқа менің ешбір жалтағым да, қиянат өтірікшілігім де болмайды. Оны тіршілік болса көрерсің, көзің жетер. Бір-екі ай ақысы кешіксе, оған қарап қорытынды жасама. Ренжігіш, өкпеші қорытынды жасама.

Онан соң бұл жолы мың жарым сомды Әлиланың атына жібермек боп уәделестім. Кейде солай болып адрес ауысып отырсын. Ол өзіңе хәлетсіз табыс етеді. Тапсырдым.

Тағы бір сөз, осы жәйімізді бір жолдастарыма айтыпты. Онысы қалай дегендей бопсын. Бұл кім айтқан сөз? Мен әлі күнге бірде-бір жанға бір ауыз айтып көргенім жоқ. Есінде болсын, мен бұдан былай да оны айтпақшы емеспін. Хатында жазыпты дейсің. Онда жаңсақ ұққан боларсың, мен ол сөзді саған жазғаным жоқ. Баласын жақсы көреді дейді Әлила, бұған қуандым, тек аман болсын, сау боп өссін. Өзіңе де амандық, саулық тілеймін.

Кейде ашық хат жазам, оның себебі ашық хат бүгінгі поштада жылдамырақ жүреді. Аңада жіберген мың сомның квитанциясына жаңа қарап ем: №504. Өзін январьдің 12 күні жіберіппін, телеграммен...

Қош, сүйдім.

М.

Мынау жіберем деген мың жарым сомды Әлиладан жіберсем жақсы болар еді, бірақ банк май алдында бермей, тиетін ақшам тимей бөгеліп, ақшасыз болып қалдым. Бірақ халет қылмаймын, өкпелемей тұра тұр.

М. Әуезов – М.М. Әуезовке

№ 63

Алтын балақайым Мұратай!

Мен ноябрьде болатын жазушылар съезінің жұмысына шұғылданып, осыдан тығыз тапсырма алып, соның соңында отырып қалдым. Әзірше Алматыға да қайтпаймын, басқа жаққа да съезд өткенше бармаймын.

Біздің съезд 25 ноябрьде болады, мен Алматыға, тегі, Жаңа жылға қарсы қайтармын.

Саған, әсіресе Азат¹ туралы мамаң екеуіңе жазғалы отырмын. Мен саған форма сатып алып жібертейін деп едім. Соны сатып алуды, почтамен жіберуді Азатқа тапсырайын десем, ол келмейді.

Мен бұнда келгелі 25 күн болды, содан бері бір-ақ рет телефон соқты, келем деп уәде қылды, бірақ әлі келген жоқ.

Университеттің кафедра бастықтары да Азат келмейді, қайда жүр, мәлім емес дейді. Өзінің мәселесі университет тарапынан жақсы жайда. Бұдан ұсыныс жасап, министрстводан рұқсат тосып отыр. Соңғы заңдар бойынша ВУЗ-ды бітірген соң екі-үш жыл істеп келіп қана аспирантураға түсуге болады, сол себепті Азаттың бітіргеніне бір-ақ жыл болғаннан МГУ жоғарыдан рұқсат сұраған. Бірақ рұқсатын аламыз деп сеніп жүр. Өзін маған прикрепить етпек руководство ретінен.

Ал осы халді Азат рұқсат тосуда күдіктенбесін деп әнеугіде телефонмен сөйлескенде сенімді қып айтқан едім. Бірақ көрінбей кетті.

Енді маған, Мұратай, сенің размерінді айтып жазып жіберіңдер. Бұнда кіші балалар формасы оңай табылмайды, үлкенірек, жоғарғы класс балаларынікі бар дейді. Сенің қалпағың 58 бе екен? Размерің китель 42-43 пе, бок 1-нші ме, екінші ме? Осыларды анықтап алып жіберіңдер

және Азатқа тапсырындар, менен тапсырма алып, посылка жіберсін. Мамаңа көп сәлем.

15 ноябрьде Москваға В.Н. келмекші. Маған хатты: Москва, Воровского, 52, Союз писателей. Бюро нац. комиссии, для меня... деп жазындар.

Гостиницада айға жуық тұрып қалдым. Адрес ауыстырам, сол анықталғанша мынау постоянный адреске жазындар. Мұратай, оқуың қалай, толық жаз. Сүйдім, мамаңа көп сәлем!

М... папаң.

¹ Сүлеев Азат – Фатиманын алғашқы жолдасы Б. Сүлеевтен туған баласы.

М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға

№ 64

23.XI.1954.

Фатима!

Көп сәлем. Әнеуігі бір хатындағы күдіктерің жөнінен тағы бір ауыз сөз айтайын деп ем. Сен жауаптарыңды айтып ең ғой. Біз болсақ, одан бұрынғы 27 жылда көңілмен табысқан адамдар емес пе ек? Осыдан бар жауап та, шындық та туады ғой. Балалар болса реніш, кейіс көрген жоқ – бұның бәрі қиянат емес, өмірлік дәл шындық қой. Шындықтан тура, орынды және әділ хал бола ма? Соны алдыма салсаң салқын, әділ ойлы адам ұғынбасқа жол емес. Осыны ескертейін деп едім. Мен Жаңа жылға қайтамын. 25-нде жазушылар съезі бітеді. Сол күні шығам деген ниетім бар.

Қош, М.

М. Әуезов – М.М. Әуезовке

№ 65

23.11.1954.

Москва

Айналайын Мұратай!

Азат жіберген посылканы енді алған боларсындар. Белдік жібермепті. Ал Москва балалары сенікіндей түймелі

китель кесе, белдік тақпайды. Күздігүні көшеде сондай жүргендерін көрдім.

Өзің жақсылап оқып, ақыл мен білімді көп жия бер. Мен сенің сондай алтын бала, асыл азамат болатыныңа сонша сенем де, көп-көп қуаныш етем, жаным.

Маған хат жазсаң, Союз писательге национальная комиссия атына жаз, гостиницадағы адрес ауыса береді. Қош, көп-көп сүйдім.

Папан.

М. Әуезов – М.М. Әуезовке

№ 66

28.VI.1955.

Мұратай!

Тәтең жазған хаттан жәйінді жақсы ұғындым, қуанамын. Мықты боп сауығып шығасың деп көп сенемін. “Бурабай” деген маған арнаған сый-сарқыт әкелсең, мен барынша шат болып қарсы алармын өзінді. Ең алдымен саулық, саулық... Әсіресе ең көп күтетін, сене күтетін қуанышым сол болмақшы. Қайық, балық, шомылу – бәрі де мені де соншалық қызықтырады. Солайша уақытты көңілді, қызықты өткізіндер. Әсіресе әуеде, әуеде көп болыңдар. Сондайдан күнге күйіп, жел қағып қара шұнақ, қып-қызыл нарттай балғын бала боп келуінді тосамын. Күздігүні далада көп жүріп қорықтық (сондай қойшылар істеп ішетін сүт тамақ болады, тәтең айтып берер) ішіп, қыза бөрітіп семіретін жас қойшылар болады. Дәл сондай боп келсең деп күтемін.

Хат жаз, суға жүзуге (малтуға) жақсы үйренсең, аса қымбат табыс болады. Қош, айналайын алтын балам. Сүйдім.

Ағаң.

М. Әуезов – М.М. Әуезовке

№ 67

5.XII.1955.

Мұратай, жан балақайым!

Аман-сау жүрмісің? Денсаулығың мықты, жақсы ма? Денің сау болса, оқуың жақсылығыңа сенемін. Мен Москваға ноябрьдің 10-да келіп, 15-де больницаға түсіп едім. Қазір, міне, 20 күн болды больницадамын. 18 ноябрь күні операция болған. Ол жақсы, дұрыс боп өтті. Сонымен енді қазір тұрып, жүре бастадым. Енді 5-6 күнде больницадан шығамын. Бірақ профессордың бақылауында бір ай болуым керек. Сол үшін январьдың ортасына шейін осында тұра тұрам. Больницадан шығып, гостиницаға орналасқан соң саған тағы хат жазып, адрес айтамын. Сен маған жауап жазасың. Өз жөніңді, тәтең туралы жазарсың. Мектебінде не жаңалық бар, өзін қандай спортпен шұғылданасың, оны да айтарсың. Тәтең Тәшкенге бармақ еді, барып қайтты ма, оны да жаз...

Ал әзірше қош, жаным. Көп-көп сүйдім.

Папаң.

М. Әуезов – М.М. Әуезовке

№ 68

15 апрель 1957.

Москва

Айналайын Мұратай!

Мен Алматыдан жүрер алдында өте тығыз жұмыстар, жиналыстар болып, сенімен көрісе, сөйлесе алмай кеттім. Бірақ тәтең оқу туралы ойлану керек, төрттері көбірек дегенмен, сенің жақсы тапсыратыныңа сенгемін.

Төрттер жоққа тән, азамат боп шықтың деп сенемін. Аз күнде Алматыға қайтамын, сонда жақсылап көрісіп, әдемілеп әңгімелесеміз. Жақсы оқы, жақсы ойлап ақылды, алтын ұлым болып өс, жаным.

Сәлеммен, ағаң. Тәтең көп сәлем айт.

М. Ауэзов – М.М. Ауэзову

№ 69

20.VI.1957.

Муратай милый мой!

Поезжай сейчас с Ваней в “Медеу”. Путевка на 12 дней до 1 июля. Когда подойдет время, т. е. к 30 июля, я приеду сам и постараюсь еще продлить на полмесяца, если только понравится тебе там. Ну езжай, поправляйся, твой Папа.

М. Ауэзов – М.М. Ауэзову

№ 70

1 апреля 1959 г.

Муратай!

Здесь рассказывают о порядках получения в загсе метрики. Оказывается, загс не выдает на руки человеку, а посылает по запросу загса другого по месту жительства гражданина. Тебе надо взять ходатайство от своего загса (своего района, его адрес) и привезти в Мерке обязательно эту бумагу.

Я написал письмо (отношение) записку пред. райсовета. Если пригодится, используй и это. О перемене фамилии на мое имя нужно через милицию особо, об этом после. Сейчас возьми только метрику, какую по закону они должны дать там тебе, или отправят в загс вашего района по представленному тобой отношению от вашего загса. Оставляю для тебя и паспорт свой. Целую.

Папа.

М. Ауэзов – Председателю Меркенского райсовета

№ 71

1 апреля 1959 г.

Товарищу председателю Меркенского райсовета!

Настоящим своим обращением в райсовет я прошу содействия Вашего на получение моим сыном Ауэзовым Муратом в загсе г. Мерке метрического свидетельства о его рождении (необходимо для его поступления в вуз) – пер-

вичное метрическое свидетельство было утеряно. Он вписан в мой личный паспорт как Ауэзов, а мать Габитова. Прошу указания на основе первичных данных загса дать метрическое свидетельство на фамилию Ауэзов.

Писатель, академик,
депутат Верховного Совета КазССР Ауэзов.
г. Алма-Ата.

№ 72

17.VIII.1959 г.

Дорогой Исеке!

Я обращаюсь к Вам с великой просьбой помочь моему сыну Ауэзову Мурату с его оформлением в МГУ – Институт восточных языков при МГУ.

Он сдал все экзамены на отлично, и хорошо только по р.языку. Но он принят по решению приемной комиссии, зачислен в Алма-Ате в МГУ и об этом имеет направление Совмина КазССР. Однако в этом направлении указан МГУ, но не назван Институт восточных языков при МГУ. Так написали в нашем Совмине, не уточняя факультеты, все направления этого года, и если получатся недоразумения, осложнения из-за этого у вас, при постпредстве у Сулейменова или Бакирова есть копия приказа М.В.О. СССР с приложением. Там указано о представлении пяти мест в Институте восточных языков для казахстанцев, и Ауэзов Мурат едет как принятый именно в этот институт.

Я прошу Вас, чтобы в случае недоразумений Ваши товарищи уладили бы этот вопрос и помогли беспрепятственному принятию в институт данного студента-новичка.

С дружеским приветом, Мухтар Ауэзов.

Фатима!

Амандық сәлем жолдайын. Мен қазір Мәскеудемін, енді аз күнде шет елге жүрмекпін. Шамасы, Жаңа жылға қарсы Алматыға оралармын.

Әзірге айтар жайым Мұрат жөнінде. Оның дені сау, менімен жиі көрісіп келіп тұрады. Бір күн өзім машинамен тұратын жеріне – Черемушкийге апарып салып, үйлеріне де кірдім. Төрт студент бір бөлмеде, бөлме үлкен, жап-жайлы, таза.

Сабағы жақсы басталған тәрізді. Маған қытай иероглифтерін жазып та көрсетеді, сөйлеп айтып ..... жақсы меңгеріп келе жатқан сияқты. Өзі бұл мамандығын аса ұнатады, ол ең жақсы белгі. Аман болса, 2 жыл осында оқытып, қытайша тілге төселіп алған соң, қалған 3 жылын Пекинге жіберіп, заграницада оқытсақ деген ойым бар. Сонда бұл ғылым саласына мейлінше жетігіп шығады. Студенттерді жыл сайын солай Мәскеу-Пекин арасында айырбастап алып тәрбиелеу дәстүрі бар. Сол ретте баратын болар. Институтта көп оқушы емес, онысы жақсы. Әр профессор әр жеке студентке жақыннан көмек-жәрдем етуге оңай болады.

Мұраттың үстіне бірнеше жақсы киім әпердім. 2500-ге пальто алды. Әрі күздік, әрі қыстық. Астарымен қара қаракөл жағасы бар. Керегінде олары бөлек алынатын болып тігілген. Күзде жаға салмай, мақталы астарды қабаттамай киеді. Күн суық болса, соларын қосып киеді.

Екінші жақсы көк костюм әпердім. Кешкі уақыттарда жиынға, театрға барса, кешкілік киім болсын дедім. Ақ көйлектері, галстук те бар. Әдемі қара бантик те алдық. Енді соларын түгел кигенде көркем, сыпайы, өнерлі жігіт болып шыға келеді.

Саушылығыңды көп ойла, бір жағынан демалыс, таза ауа, тәуір тамақ, спорт сияқтыдан да қол үзбе дедім. Соңғы әсіресе Мәскеу ауасында аса қажет.

Енді осы жайлармен байланысты саған айтарым мынау – сен алдағы декабрьден бастап жеті жүз емес, сегіз жүзден жіберіп тұрғайсың. Тек тамаққа күніне 20 сомнан 600 кетеді. Жүз – метро, трамвайға, кір жууға кетеді. Тағы бір жүз – театр, кино, тәуір тамақ, усиленное питание керек. Әзірге қатты тиын санап қинала жүреді екен. Кей күндер бір емес, екі жүріп қалатыны болады. Жексенбі сияқты демалыс күнінде өздері тұрған общежитиенің буфетінен тамақ ішсе де болар еді. Ол бірақ сәл қымбатырақ, мысалы, ертеңгі ас 9-10 сом, ал ... 7 сом дейді. Қасында бірге тұратын шет жастары 900-ден алады, тамақты көбінше тұрғын жер буфетінен тәуір ішеді екен. Мұратай аса қысылмас үшін, сөйтіп айына 800-ден жіберіп тұр демекшімін. Каникулдың алдында экзаменді ертерек беріп, Алматыға барып қайтам дейді.

Алғашқы жыл үйірсек, сағыныш та болар. Солай етіп барып қайт дедім. Мен қайтып үлгерсем, екеуміз бірге де барармыз. Әзіргі жайлар осылар, көп сәлем. Үмітке¹ айрықша сәлем. Мұхтар. Ол Мұратайға камкор екен. Онысын қатты ұнаттым.

¹ Жансүгірова Үміт Илияскызы.

№ 74

25 июня 1961 г.

Дорогая Фарида!

Сейчас я нахожусь в Москве, в Кремлевской больнице, лечиться буду, вероятно, долго, о подробностях расскажет податель сего – мой сын Мурат Ауэзов. Он студент МГУ, едет по заданию своего вузовского комсомольского комитета читать лекции на популярно-научные темы. Я адресую его к Вам, помня нашу хорошую добрую дружбу с Вами. Помогите, пожалуйста, ему организовать его неприспособленный быт (с гостиницей что ли) и чтобы ему дали почитать его положенные лекции. Кроме того, он хочет поехать на родину своего отца в Абаевский район. Очень прошу помочь ему в этой поездке с попутной машиной или посоветовать ехать другим транспортом, а в район написать кому следует, чтобы там его устроили, помогли ему повидать, что он хочет. Есть там учитель, писатель Камен Уразалин, м. б., на-

пишите ему: очень-очень сожалею, что я в прошлом году не смог воспользоваться добрыми дружескими приглашениями коллектива мясокомбината и общественности поехать на открытие надгробия Абая. Но поправлюсь от болезни, эту поездку совершу обязательно. Прошу Вас передать мой привет товарищам из обкома и облисполкома.

Крепко жму Вашу руку.

С дружеским приветом, Мухтар Ауэзов.

Мой адрес: Москва, Кунцево, Загородная больница.
4-го глав. управления Минздрава, хирургии отд. Мне.

P. S. Семей туралы, өзіңіз туралы аз сәлем хат жазып жіберсеніз, үлкен сый, қадірлі сәлемдеме болар еді. М.Ә.

Л. СОБОЛЕВ ЖӘНЕ БАСҚАЛАРМЕН “АБАЙ” РОМАНЫНА ҚАТЫСТЫ ЖАЗЫСҚАН ХАТТАРЫ

Жазушының елу томдық академиялық шығармалар жинағының редколлегия мүшелерінің шешімімен М. Әуезовтің Л.С. Соболевке (1897–1971) 1948 жылдың 20 қаңтарынан 1950 жылдың тамызына дейін жазған 6 хаты жеке бөлініп берілді.

Бұл хаттар – әуезовтанушылар, әдебиетшілер, аударма теориясын зерттеушілер және жалпы ғылыми-көпшілік үшін бағалы мұралар.

“Абай” трагедиясын жазған кезден бастап (алғаш “Сборник современной казахской литературы” жинағында (М., 1941. С. 121–189) берілген) М. Әуезов пен Л. Соболевтің достығы, шығармашылық байланысы үзілмеген. Олардың алғашқы таныстығы 1935 жылы ленинградтық жазушылар тобының құрамында Алматыға келіп, Шығыс Қазақстанға бірге барған сапарларынан басталған.

Қазақ халқымен рухани жақындығы, мәдениетін етене қабылдауы Л. Соболевтің орыс әдебиетінде қазақ тақырыбын кеңінен таратуына мүмкіндік береді. Оның шығармаларында қазақ халқы өкілдерінің реалды бейнелері, тұрмыс көріністері, табиғат суреттері, қазақ тарихынан поэтикалық образдар мен мысалдар көптеп кездеседі.

1935 жылы республиканың 15 жылдығына орай шыққан “Қазақстан” жинағында оның очеркі және қазақ әдебиетінен аударған алғашқы шығармасы – М. Әуезовтің “Крутизна” (“Шатқалаң”) әңгімесі жарияланды.

1937 жылы сәуір айында өткен Қазақстан Жазушылар одағының I пленумына Л. Соболев ленинградтық жазушылар атынан делегат ретінде қатысты. Ол осы жылы жолма-

жол аударма бойынша М. Әуезовтің “Абай” романынан үзінді (“Как запела Татьяна в степи”) аударды.

1938 жылы М. Әуезовпен бірге “Очерки истории казахской литературы”, “Эпос и фольклор казахского народа” атты зерттеулер жазды. М. Әуезовпен бірлесіп жазған “Абай” трагедиясы қазақ әдебиетінің классикалық туындысына айналды. Л. Соболевтің қазақ халқы туралы жана әңгіме, очерктері жариялана бастады, қазақ театры Ленинградқа апарып қойған “Ер Тарғын”, “Қыз Жібек”, “Жалбыр” опералары туралы мақалалары шықты.

Л. Соболевтің ерекше еңбегі ретінде оның қазақ әдебиеті шығармаларының орыс тілінде шығуына жасаған үлкен көмегін атап айтуымыз керек. “Песня степей” атты қазақ әдебиетінің алғашқы антологиясына (1940), “Лирика и поэмы” атты Абай шығармаларының жинағына алғы сөздер жазды. “Поэт и мыслитель” атты алғы сөзі Абайдың 1945, 1954 жылдардағы жинақтарында да берілді.

1941 жылы шыққан “Современная казахская литература” жинағында “Абай” трагедиясы басылды. 1945 жылы М. Әуезовтің ұлы эпопеясының 1-кітабы Л. Соболевтің редакторлығымен жарық көрді. Кейін Л. Соболев 1-томды аударушылардың құрамына кіріп, А. Никольскаямен бірге 2-томын аударды (1948).

1951 жылы “Знамя” журналында “Абай жолының” Л. Соболев аударған алғашқы тараулары жарияланды. Бұл том Мәскеуде 1952 жылы басылып шықты.

М. Әуезов пен Л. Соболевтің бірігіп істеген қажырлы еңбегі, “Абай жолын” аударудың барысы төменде берілетін хаттардан көрінеді. Бұл жұмысын алғашында редакторлықтан бастаған Соболев кейін өзі де эпопеяның көп бөлігін аударды.

Л. Соболев 1967 желтоқсан айында Алматыға келіп, М. Әуезовтің 70 жылдығына арналған жиылыста сөйледі. Сонымен қатар Орталық әдебиетшілер үйінде өткен мерейтойлық жиналысты кіріспе сөзбен ашты. “Правда” газетінде М. Әуезов шығармашылығына арналған “Талант и эпоха”, “Литературная Россия” газетінде “Духовный брат Абая” атты мақалалары шықты.

1971 жылы Алматыда Л. Соболевтің “Десятилетия дружбы. Очерки и статьи о Казахстане” атты кітабы жарық көрді.

Л. Соболев: “Мұхтар Әуезовтің “Абайы” – бұл нағыз роман, басқаша айтқанда, өмірдің тұтас қыртыстарын қотарған, тұрмыстық адамдар арасындағы құштарлықтың, махаббат пен өшпенділіктің айқын бояулы картиналарын жасаған және – ең бастысы – есте қаларлық жарқын образдар арқылы халық тарихының өмірлік процестерін жинақтаған, құлашы кен кітап.

Бұл романды мен соншалықты рақаттанып аудардым. Образдарының бедерлілігі мен әсемдігі, тілінің айқындығы мен бояуы, терең поэтикалық сезім – осының бәрі қажетті сөздерді сарыла, сарғая іздеуге мәжбүр ете тұрса да, қуанышты болды; мені тағдыры өзіме көптен жақын да қымбат болып кеткен қазақ әдебиетіне деген мақтаныш сезімі билеп алды”, – деп жазды.

Томға берілген соңғы үш хат әр түрлі адресаттарда болғанмен, бұл бөлімге Л. Соболевпен хат жазысқан кезеңге тән болғандықтан берілді.

Ауэзов М. Абай. Роман. Авторизов. пер. с казахского. Под ред. Л. Соболева. М., 1948, 800 с. То же: Алма-Ата, 1949. Кн. 2. 429 с.; М.: Молодая гвардия, 1949. 588 с.; М.: Молодая гвардия, 1950. 592 с.; М.: Советский писатель, 1949. 286 с.; М.: Советский писатель, 1950. 836 с.; М.: Гослитиздат, 1950. 584 с.

Ауэзов М. Абай. Роман. Авторизов. пер. Под ред. Л. Соболева. Свердловск, 1951. 608 с. То же: М., 1955. 590 с.

Ауэзов М. Абай. Роман. Авторизов. пер. Под ред. Л. Соболева. Предисловие М. Каратаева. Алма-Ата, 1957. Кн. 1. Пер. А. Никольской, Т. Нургазина, Л. Соболева. 411 с., кн. 2. Пер. А. Никольской, Л. Соболева. 418 с.

Ауэзов М. Путь Абая. Роман. Кн. 1. Авторизов. пер. Л. Соболева. 396 с. Кн. 2. Пер. Н. Анова, З. Кедриной. 448 с. Послесловие: М. Ауэзов. Автобиография.

Ауэзов М. Путь Абая. Роман-эпопея: В 2-х кн. Авторизов. пер. Вступит. статья З. Кедриной (с. 3–28): М. Ауэзов. Автобиография.

Ауэзов М. Путь Абая. Роман. Авторизов. перевод Л. Соболева. М., 1952. 399 с. То же: Алма Ата, 1957–1958. Кн. 1. 396 с., кн. 2, 448 с. То же: авторизов. пер. Под ред. Л. Соболева. Предисловие М. Каратаева (с. 7–29). Алма-Ата, 1960. Кн. 1. 864 с., кн. 2. 844 с.

Ауэзов М. Путь Абая. Роман-эпопея: В 2-х томах. М., 1965. Предисловие З. Кедриной: М.О. Ауэзов (с. 5–18).

Дорогой мой Мухтарушка, наконец, кроме основной работы, закончил и всю мелкую возню с правкой, с ловлей блох во всех восьми экземплярах и сдал все по издательствам. Сажусь писать это письмо, в котором будет множество деловых вопросов. Чтобы тебе легче было в них разобраться и проще ответить, разбиваю письмо на главы.

1. Об издательствах

Роман получился объемом в 21 печ. лист (точнее — 20,84 п. л.). Кроме естественного сокращения многословности Никольской, которая, видимо, брала из подстрочника все варианты (напр.: его худое, истощенное, испитое лицо) часть сокращений вызвана и самим тобой: у тебя часто встречаются повторения. Напр. (с. 566—567 Ник.) дважды говорится о том, что Абай поручил Жиренше и Уразбаю поехать в Сыбан и Керей для расследования. Много повторений в буране, когда совещаются о дороге. Кроме того, я сокращал повторения типа: “Он не был согласен с ним, ему казалось, что все должно сделать иначе. — Нет, — сказал он, — мне кажется, это надо сделать совсем наоборот”. Это я сочинил, но могу, перелистав рукопись, привести тебе множество таких оборотов. Сокращение этих кусочков в целом дало порядочное число строк.

Присланные тобой сокращения для “Дружбы народов” сделаны тобой очень удачно. Они дали по моему готовому тексту 4,52 п. л. К ним прибавились мои (внутри фраз, главным образом) на 2,44 л. Вариант получился неожиданно для меня удобочитаемый, плавный и хороший: откровенно говоря, я очень опасался такого сильного сокращения. Кое-что из выкинутого тобой я восстановил: напр., мысли Кунанбая после разговора с Даркембаем в 1-й главе. Это очень важно для образа Кунанбая, о котором и так во второй книге говорится немного. Есть и ошибки, которые я понял, уже перечитывая начисто отпечатанный вариант. Нельзя было не оставить хоть коротенький разговор с Азимбаем, иначе

непонятно, как Такежан снова стал волостным. Попробую восстановить это в гранках. Неверно и то, что вылетела вся главка встречи Абая с детьми (конец 5-й гл.), она важна в теме: Абай – русская культура.

Черновой экземпляр варианта “ДН” я посылаю тебе, он может пригодиться для работы для “Молодой гвардии”, о чем ниже.

Работа по сокращению сильно задержала общую работу над романом. Скосырев торопил сдать в набор к началу января, а такие сокращения внутри абзацев – вещь кропотливая, отнимающая очень много времени.

Со здоровьем мне не повезло. В начале декабря, в разгаре работы, меня неожиданно хватил сильный приступ моей жабы: вышел из строя на девять дней, совсем не мог садиться к столу, видимо, сказалась усталость за ноябрь, когда я просиживал над романом по 14-16 часов в день, что врачами мне было вообще запрещено. Но иначе сделать ничего было нельзя: когда я пробовал облегчить работу и править Никольскую по ее экземпляру, получалась форменная чепуха, настолько плохо сделан был ею текст. И приходилось опять брать машинку и перепечатывать исчерканные страницы.

К концу декабря, когда остался лишь конец 6-й главы и 7-я, у меня открылась моя дырка на шее, на этот раз очень серьезно. Пролежал неделю, провалялся и Новый год, встретив его в бреду, в котором, кстати сказать, между прочими персонажами участвовал и наш милый Абай.

Это вышло очень досадно, ибо до этих моих несчастий работа шла хорошо, и я был уверен, что сдам все 15 декабря, О. М. не успевала даже печатать, пришлось вторые три экземпляра дать другой машинистке.

Труднее всего далась 5-я глава (о Михайлове), на нее ушло неожиданно много времени, отчасти из-за плохого текста Никольской, отчасти из-за Чернышевского. Монолог Домны был абсолютно безвкусен: она сделала его в отвратительном ложно-народном стиле с всякими “хучь”, “пушай” “анчихристовой лестью” и прочими красотами пейзанского разговора, совершенно в традиции дам-писательниц из “Задушевного слова”, сюсюкавших по-простонародному.

Вообще, Мухтарушка дорогой, только из любви к тебе и к Абаю я закончил эту бессмысленную и вредную работу

очищать перевод от Никольской. Если будет время, в конце письма я выпишу наиболее занятные перлы этого “перевода”. Повторяю — если ты хочешь, чтобы я закончил для русского издания весь твой роман, — избавь меня от Никольской. Это — мое твердое решение, или, как говорят у тебя: “Это мое самое дорогое редакторское пожелание о тебе”.

С Чернышевским пришлось лазать в книги и справочники, ибо у тебя что-то неладно получилось с годами его ссылки, отсюда изменилось многое и в монологе Михайлова. Об этом смотри во втором разделе письма, в замечаниях.

Итак, экземпляры сданы:

1-й — в Гослитиздат	1-й — в изд. “Советский писатель”.
2-й — тебе	2-й — Сталинский комитет.
3-й — мне для гранок	3-й — ушел на сокращения “ДН” и посылается тебе для “М. Гв.”

Кроме того, перепечатан вариант для “ДН” — 333 с. — 13,8 п. л. Пришлось еще раз перепечатать и потерянную тобой 1-ю главу, которой в гостинице не нашли. Оригинал ее я положил в экземпляр для Сталинского комитета (лучше читать), а копию — в твой.

Не хватает, оказывается, еще одного экземпляра — для читки художникам, в Госиздате, чтобы не задерживать их работы. Дам им читать свой.

В посылаемом тебе экземпляре (без 2-й главы, которую ты получил у меня в Москве и, надеюсь, не посеял) я пометок не делал, рассчитывая, что его же ты передашь Есбатырову. Его я так и не увидел в Москве, так как редко приезжал с дачи, все время работая, а уехал он неожиданно: собирался ехать в начале января, и я хотел послать с ним 3-6-ю главы тебе, но неожиданно он сорвался в ночь под Новый год, о чем я узнал после. Так что договора с ним я не подписывал, поручаю это тебе. Хотелось бы назначить гонорар как в Госиздате — по тысяче.

В этой части письма, называемой на дипломатическом языке преамбулой, следует упомянуть и о том, как прошло выдвижение “Абая” на Сталинскую премию. Я имел

до этого разговор с Фадеевым, опасаясь, что будут возражения со стороны остальных членов президиума — мол, никто не читал. Фадеев обещал всячески поддержать мою рекомендацию. Но вышло даже и не так. Я сговорился с Евгеновым, что он выступит первым от нац. бюро (Скосырев лежал больным), а я — после него, когда выяснится настроение остальных. Евгений отговорил, потом слово взял Фадеев и произнес дифирамб, сказав, что “Абай” — лучший из романов не только национальных литератур, но, пожалуй, и вообще в советской литературе этого года; что упреки в “любовании прошлым” — необоснованны и вздорны; что роман дает вполне законченный образ Абая и т. д. Когда он кончил, и я попросил слова, он меня перебил: “Леня, стоит ли еще говорить, вопрос вполне ясен для всех”, — и тут же предложил голосовать. После такого залпа все руки поднялись. Так что — поздравляем, на чаек с вашей милости, а лучше — на водку, ибо чаек нынче больно дешев. Таким образом, комит-алса, надо полагать, что Фадеев так же будет вести себя и в комитете. Таня, которая эту неделю живет у нас, на даче, по утрам приходит ко мне со стандартной фразой: “Привет от Абая через Дандибая и Даркембая”, — это она набралась от О. М., крутясь возле нее, когда та печатает. В последние дни она заменила стариков — Какитаем и Кисатаем.

Этим же приветом тебе я кончаю преамбулу, айналай-ын роман твой.

2. Вопросы и замечания для исправления в гранках.

(страницы идут по моему тексту, страницы по Никольской оговорены буквой Н: 245-Н). Прошу тебя ответить на все вопросы по порядку — да, нет — в случае моих переделок и подробно при пояснениях.

Вопросы идут по порядку страниц независимо от важности. Часть этих замечаний учти при издании на казахском.

1-я глава

1. 2 с. Переделал “сходство с Такежаном” на “сходство с Абаем”, иначе читатель 2-й книги ничего не поймет.

2. 9 — Дай сноску — “хазрет”.

2-я глава

3. 62 – Проверь сноску об ауле. Кроме того, сообщи, как по-казахски “соседи” (“консы”, что ли). Лучше ввести это слово по всему роману, подобно жатакам, а то “соседи” очень путают.

4. 69 – Служанка Айгерим – Катша – упоминается один раз, а дальше везде – Злиха. Лучше оставить одно имя, сообщи какое.

5. 71 – Биржан поет: “Не жди от меня ни пользы, ни зла”. Неприятно “ни пользы”: вроде теории “чистого искусства”, и не сходится с оценкой Биржана, даваемой Абам на 72 с. Так ли у тебя, или это сочинение Никольской, Пришли подстрочник.

6. 74 – Абай здесь говорит с Базаралы на вы, а дальше везде на ты. Что правильно?

7. 106 – Здесь хорошо было бы вставить строфу “Жиырма бес”, она хорошо подготовит импровизацию Биржану (тема молодости). Надо взять четыре строки – о двадцати пяти годах, пришли подстрочно.

8. 116 – Кровожадный Абдильда (с. 148) – так ли?

9. 89-Н. Тут Биржан – среднего роста, а на следующей странице высокий. Учти в каз. изд.

3-я глава

10. 148 – В приезде Оспана сделал перестановку фраз для ясности его настроения.

11. 152 – Сколько лет Шаке? И сколько в это время Шубару? (Это связано с пунктом 70.)

12. 159 – Атайку я выкинул – по Далю, она водится на Камчатке (2) – оставил только варнавок. Проверь, та ли дичь (по раскраске).

13. 165 – Параллель с “Дубровским” у Ник. совсем непонятна. Сделал, как понял. Так ли.

14. 172 – Выкинутую тобой “щедрость” Кунанбая я восстановил, добавив оценку ее Каратаем (2-й абзац). Мне кажется важным подчеркнуть ханжество Кунанбая. Кроме того, при выкидке этого пропадает мотивировка Нурганым об одежде. Подтверди согласие.

15. 172 – Смягчи физиологизм отношения Нурганым к Базаралы.

16. 174 – С Фаизовой разобрался, что у тебя нет этой пошлятины о “красивой полной груди”, которую выпятила Нурганым.

17. 175 – Очень важно. Подозреваю сильный вздор. В казахском тексте здесь нет слова “шабарман”, а есть “атшабар”. Я понимаю остроу на с. 181 так, что “атшабар” переделали в “шабарман”. По Никольской же получается, что есть два слова: “шабарман” – посыльный и “сабарман” – мучитель. Так ли это?

А если не так, тебе нет оправданий. Как же ты просмотрел это. Ой, Мухтар, ты же и не читал произведения Никольской, ей-богу: признайся, теперь уже все кончено...

18. 176 – Разговор Абая со стариками я выбросил: он повторяет все, что они говорят дальше в позднейшей твоей вставке.

19. 186 – Переставил абзац, он здесь более к месту.

20. 193 – Изменил выкрик Кошкина – а то непонятно, почему бьют Базаралы, если нагрубил Уразбай.

21. 194 – Переставил вход Лосовского, а то теряется последовательность событий и смысл его реплики о непоправимой ошибке. У тебя он говорит это, когда юрту уже ломают. Учти в каз. изд.

22. 199 – Ты знаешь, как зовут Акбаса – имя, отчество, фамилия. Что такое “Андреевич” – фамилия или отчество? В устах русских “адвокат Андреевич” звучит нелепо, если это отчество. В авторском тексте тоже звучит нехорошо – Акбас, адвокат Андреевич, просто Андреевич.

23. 200 – Надо установить, кто такой Лосовский. Что ты имеешь в виду, говоря “советник”. Должность в обл. управлении или чин (надворный советник).

24. 202 – Рассуждения Абая об общности гнева народов несколько туманны. Я понимаю, что Абай не мог прийти прямо до мысли о классовости общества, но сравнения с тигром и орлом уж слишком общи.

Перевод Фаизовой мне ни в чем не помог. Надо что-то прояснить тебе самому. Место кардинальное, тебя могут покрыть.

25. 211 – Акбас добился административного разбирательства. А во вставке (с. 213) это сделано Хорьковым из

своих соображений. Неувязка. Или оставить. Никто не заметит...

26. 211 – Переделал вход Михайлова, иначе читатель его не узнает, а фамилии его в этом абзаце никак не дашь – все идет в восприятии Абая, он же Михайлова еще не знает. Учти в каз. изд.

27. 213 – Во вставке изменил фамилию: Хомутов у тебя надзиратель каталажки.

Старик Золя заводил картотеки второстепенных персонажей. Метод, очевидно, правильный.

Вообще вставку эту я порядком изменил. Подтверди согласие или выправь.

28. 216 – Хорьков у тебя говорит Абаю на вы. Мне показалось лучше изменить на ты, чтобы подчеркнуть либерализм Лосовского, да и вряд ли крупный чиновник стал бы говорить со степняком-киргизом на вы. Даже мировые судьи говорили с крестьянами на суде на ты (Чехов, Короленко). Как ты думаешь?

29. 219 – “Тройка рыжих” – по-русски звучит комично. Кроме того, в русском лошадином языке нет ни белого, ни рыжего коня: есть “серый” и “гнедой”. Заменяю на гнедых.

30. 220 – Проверь мотивировку Абая. У Н. написано: “Иначе он чувствовал бы себя преступником”, а почему – непонятно.

31. 224 – Манас острит с Баймагамбетом об Абае с деушкой. Значит, он уже узнал, что Абай с ней наедине. Тогда непонятно, почему он так поразился, войдя, что даже не пил кумыс. Я выкинул это.

32. 226 – Последняя строка – “человек справедливый” не сходится с характеристикой Лосовского, данной Михайловым во вставке. Учти в каз. изд.

33. 245 – Непонятно, что раньше думал Абай об истории ислама. Почему он обрадовался словам Михайлова – потому ли, что Михайлов подтвердил его собственные мысли, или потому, что тот сделал для него открытие?

4-я глава

34. 272 – Дутбай – это он впоследствии волостной (в 6-й гл.). Надо там об этом сказать.

35. 273 — Мне показалось очень заманчивым закончить стихи полностью — очень подходит к состоянию Абая (“Теперь я его забыл — тот язык...”) в его расхождении с Айгерим. Но полез в Абая, увидел, что стихи помечены 1894 г., и оставил эту мысль.

Потом все же вставил конец стихотворения в 7-й главе (см. п. 87), там очень хорошо монтируется со следующим абзацем.

Хотел бы, чтобы ты согласился, хотя и в 7-й главе стихи еще Абаем, выходит, не написаны, но почему они не могли в нем звучать?

36. 275 — Несколько прояснил мотивировку Есхожи. Подтверди.

37. 278 — Перевод стихов был ужасен: Никольская неосторожно обошлась со словом “сэри” и сразу запахло отжогим местом: “Усери для полета”...

Сделал свой. Оцени, так ли.

38. 280 — Когда же успели поставить юрту, если она шла вместе с поездом невесты? Вычеркнул ее в описании каравана, черт с ней, может ее отправили багажом большой скорости вперед.

39. 280 — “Дождавшаяся свадебного веселья молодежь” не вяжется с недружелюбной встречей сэри и портит умное решение Дутбая. Вычеркнул и советую сделать то же и тебе в каз. изд.

40. 288 — Абай отвечает отцу: “Как хочешь...” Это очень невыразительно в такой драматической сцене. Не знаю, как было у тебя. Я поставил резче: “Уйду. Навсегда”, — чтобы подчеркнуть полный разрыв с отцом. Скажи свое мнение.

41. 289 — В словах Амира у Н. был какой-то бред: “Если горькой жизни нашей тебе жаль стало”. Получается, что Кунанбай жалеет их. Я оставил лишь тему отчаяния и юношеской непреклонности Амира — “не боюсь я тебя”.

42. 291 — Переставил фразы в монологе Шаке. Проверь, так ли.

43. 291 — Надо бы здесь сделать коротенькую вставку о наружности Шаке, в смысле элемента времени — он только что был мальчиком в охоте со стволом, а теперь в бурне — уже взрослый.

44. 292 — Все-таки решение Абая пустить Амира к Кокше не очень правильно, и Айгерим в своей критике абсо-

лютно права: выходит, Абай позволяет Амиру дразнить Кокше и раздувать утихшую было вражду. Я прибавил фразу “а Кокше уже успокоились” – но и это не очень выручает Абая. Подумай всерьез.

45. 298 – Неладно со временем: когда же Абай успел летом купить Карашолака, если он вернулся из города поздней осенью. И как Турганбай мог следить за его летней линькой. Придумай что-нибудь, может, в прошлом году купил, что ли?

46. 305 – Вставил: “Видимо, кто-то – Шаке или Смагул – выпустил птицу...” Иначе всем надо удивляться, откуда взялся еще один беркут, и неожиданность появления Карашегира пропадает.

47. 307 – С трудом разобрался, кто же выехал навстречу Абаю, и поняв, перечислил их всех, чтобы читатель не мучился, подобно мне.

48. 309 – Каламбур о Карашегире не поддается переводу. Я заменил другим. Подтверди.

49. 309 – “Гончая на него выгонит” – у Ник. Вероятно – гонщик? Ибо – 1) откуда взялась собака. Чем же хвастаться, если лисицу берет не беркут, а собака.

50. 311 – Сделал перестановку – замысел Жиренше, а то разбивается действие.

51. 312 – Сноску о чае, коей горжусь справедливо как исследователь, безвозмездно отдаю тебе для каз. изд.

52. – 313 и дальше. Внимательно прочти весь розыгрыш Жиренше. Я кое-что подчеркнул, кое-что проявил, чтобы читатель понимал смысл розыгрыша. В частности, усилил хвастовство Абая беркутом.

53. 320 – Уточнил, кто куда едет.

54. 323 – И дальше. В буране кое-что сократил, было много повторений.

55. См. раздел 3. Опять неладно со временем. Когда Айгерим успела родить второго сына? Ведь прошло одно лето? Кроме того, если так, как Тураш мог начать учиться в четыре года?

5-я глава

56. 352 – Начало несколько переделал, все дал через Байторы.

57. 353 — Опять неладно со временем: 1881 год (убийство Александра II), значит, Абаю 36 лет. То есть с начала романа прошло 10 лет. А этого времени не чувствуется.

58. 357 — Чудеса!.. В переводе Ник. (с. 444, 5-я стр. сверху) они выехали на тройке, а едут на паре (там же, стр. 17-я сверху). Предположим, один конь подох. Но тогда Абай, отдав жатакам одного коня (388 с., 427-Н), должен уехать домой на одном коне. Уезжает же он все же на паре. Конь чудесным образом воскрес. Но, видимо, эти переживания бедного коня не прошли даром: подох он саврасым, а воскрес рыжим (с. 484-Н).

Будучи человеком не мистического нрава, я эту историю с временной смертью коня из романа выпустил, предоставив Абаю путешествовать на тройке без особых приключений.

В каз. издании можешь, конечно, это оставить, но советую тебе сделать отступление, объясняющее это чудо.

59. 358 — В репертуаре Баймагамбета числится “Хромой француз”. Ты об этом забыл, и Абай во вставке к 7-й главе рассказывает Лессажа впервые. Надо вычеркнуть тут или изменить в 7-й гл. (с. 490).

60. 361 — Все, что говорит Михайлов об освобождении Чернышевского, пришлось выпустить. В материалах о Чернышевском я не нашел ничего, что говорило бы хотя бы о проекте его освобождения. Он просидел в Вилюйском остроге (а не в Нерчинске) до 1883 года, и в 1881-м говорить об этом рано.

Не знаю, какие были основания у тебя. Проверь, и тогда измени мой текст. Но пока что, во избежание разговоров в изд-вах, на что мне нечего будет ответить, я оставляю так, как посылаю тебе.

61. 363 — Помнится, ты подчеркивал “Ишютин”. По материалам моим — Ишутин.

62. 364 — Поставил старый стиль — 19 мая.

63. 368 — Бытовало слово “сицилист”, а не “социалист”.

64. 371— Прибавил: “рядовой, да еще и отставной”. Со-гласен.

65. 378 — Переставил сюда входной абзац из начала следующей главы.

66. 384 – Карашолак Кзылмолинской волости. И беркут – Карашолак. Назови другой аул.

67. 403 – У тебя (или у Ник.) “три сына Кунанбая”, а Шубар – 1 внук, а не сын, и это путает читателя.

68. 402 – “Четыре рода – Тобыкты, Сыбан, Керей и Уак”. У тебя то Сыбан, то Найман, так же и в тяжбе Салихи – кереям противопоставляются то сыбанцы, то найманы.

Я оставил везде только Сыбан, а то русский читатель запутается.

69. 406 – Реплики Шаке, объясняющего церемонию встречи, я передал Асылбеку: как бывший волостной, он не может удивляться этому.

70. 407 – Шубару 24 года, а он у тебя младший брат Шаке. Значит, Шаке сейчас не меньше 26. Спрашивается, сколько же лет ему на с. 158. Там он совсем мальчик, лет 14-15. Либо прошло 20 лет, что не сходится по детям Абая, или тогда ему было добрых 22 – и он не юноша, как описан.

Вот, Мухтарушка, еще загвоздка времени. ...Я сделал Шубара просто братом Шаке, не так заметно.

71. 407 – Характеристику Шубара я перенес из сцены с Байкокше сюда, она тут более уместна.

72. 414 – Почему Такежан, в особенности Шубар, говорят старику Байкокше на ты и так грубо? Надо это объяснить.

73. 415 – Какая печать (2-я стр. снизу) – старшины или волостного? Непонятно. Если Дутбая – как Кокпай ее заполучил? И зачем ты подчеркиваешь, что Кокпай – родственник Дутбая?

74. 419 – О толмаче (3-я стр. сверху) я вставил, чтобы не получалось впечатления, что Кокпай слушает Лосовского по-русски, иначе пропадает эффект его обращения к Абаю на с. 421.

75. 430 – Сделал вставку о Лосовском, чтобы подтвердить мнение о нем Михайлова. Согласен ли? По-моему, она очень нужна.

76. 433 – Разъяснил по своему разумению насмешку Шубара (предпоследний абзац).

77. 438 – У тебя: “Абай и вида не подал, что заметил это” (т. е. что решение его тяжело для Такежана. 554-Н), а тремя

строками ниже он говорит: “Я отлично вижу, что вы мое решение считаете тяжелым”.

78. 449 – Абай рассматривает лицо Салихи (570-Н), и ты пишешь: “Но, стоило ей заговорить, как...”. Когда же Абай это увидел, если она заговорила лишь после первого его вопроса, а рассматривать ее он начал, лишь когда они остались вдвоем.

Я переставил это ниже.

79. 450 – Абай говорит Салихе на вы, и это очень хорошо. Но надо обусловить переход на ты (если это не Ник.).

Я сделал это в его первой фразе последнего абзаца. А может быть, весь разговор надо оставить на вы?

80. 452 – Я переделал бредовые стихи Ник., где в воде черви едят тело. В воде этим занимаются главным образом рыбы и раки. Соответственно изменил и слова самой Салихи (1-я стр. сверху).

81. Абай определяет пенью: “двойной калым”. Но керей получили на 50 верблюдов основной и 25 дополнительный. Тогда “двойной калым” составит $75 \times 2 = 150$ верблюдов, а у тебя 100. Изменил слова Абая: пенью в 25 верблюдов.

82. Конец главы. Выпустил сватовство Акылбая – оно ничего не дает, лишнее.

83. 461 – Опять проклятый вопрос времени: “двенадцатилетняя Гульбадан”. След., с 1-й главы прошло четыре года (с. 54 – ей восемь лет). Если же считать по Абаю, которому сейчас уже 36 и в первой главе 26, то Гульбадан сейчас уже 18, Абишу 20, Магашу 13.

84. 466 – И тут же опять: у Салтанат уже двое ребят. Девочку я своей властью сделал грудной, но и это не помогает. За два года народить двух детей, да еще так, чтобы один бегал на Полковничьем острове, немислимо даже при стахановских темпах.

Так-то, Мухтар дорогой, пошевели мозгами, спасай положение.

85. 464 – Уф... Еще заметил: если Гульбадан сейчас 12 лет по с. 461, то Абишу со с. 54: $10 + 4 = 14$, и он не переросток для школы, а Магашу $3 + 4 =$ только 7, и отдавать его в школу рано.

Если же верить возрасту Абая, то Гульбадан сейчас 18, Абишу 20, и его надо уже не учить, а женить.

Волк, коза и капуста... Мухтар, разберись ты со своими детьми и со временем и установи что к чему. А то досужий критик подсчитает все это, как я, и съест тебя, да и меня в придачу!

86. 470 — Мне не нравится мотивировка псевдонима Абая. “Правдивая и требовательная душа” выбрала бы несуществующее имя, а не сваливала бы свои стихи, в качестве которых она сама не уверена, на живого поэта. Не очень это этично, подумай сам. И поправь. Лучше бы объяснить это юмористически, как это идет в 7-й главе, а не столь превыспренне.

87. 475 — См. п. 35. Ввел весь текст стихотворения.

88. 477 — Вместо “Я вам пишу” взял эту цитату, она сразу дает свежесть.

89. 490 — “Хромой бес”, см. п. 59.

90. 478 — Абай и Мухамеджан говорят мулле на ты. Я изменил, мне кажется это невероятным.

91. 491 — Ты не выполнил обещания: надо дать вставку, как Шубар — волостной с тенденцией вырасти в жулика — стал акыном, да еще уважаемым. Обязательно надо объяснить.

92. 491 — Опять время. Магашу 18 лет. А по п. 85 ему было в 6-й главе 7. Ну пусть “несколько лет” первой фразы 7-й главы [равняется] четырем-пяти годам. И то ему только 12.

Если же ему и впрямь сейчас 18, то Абишу в 6-й главе было 20. Опять не выходит...

93. 492 — Исхак, сын Ирсяя. Имя путается с волостным Исаком, братом Абая. Кроме того, у Н. он на с. 616 сын Рыспая, а на 625 — сын Ирсяя.

Чей же, в конце концов, сын этот сукин сын?

94. 615-Н. — Копай вдруг стал “человеком геркулесовского сложения”, каким он не был в 6-й главе. Я убрал, учти в каз. изд.

Шубар — один из младших братьев Абая. То же.

95. 492 — Надо выправить остроу Шубара: “Если этот старик будет всё цвести”.

Во-первых, Абай еще не старик, ему только пятьдесят, а то и мы с тобой — старики, а это обидно; во-вторых, луч-

ше дать что-нибудь ближе к цветению; дерево, куст, не знаю что.

96. 493 – Рассказ Кокпая надо привести в соответствие с поправкой по п. 86.

97. Кокпай во вставке назван “юношей”. Не выходит. Учти.

98. Не знаю, чего в тебе больше: лености или упрямства. Буду ругаться: сколько раз просил я тебя дать подстрочник подлинного абаевского перевода письма Татьяны. Так и не дождался.

Сочинению Никольской я плохо верю. Чувствую, что из этого можно было сделать настоящую конфету – подумай, как интересно прозвучали бы абаевско-пушкинские стихи.

Видимо, ты не хочешь. Оставляю это на твоей совести.

99. 501 – Несправедливо много о Какитае – появился в конце романа: а о нем целая страница. Ну, пусть живет. Да и денег жалко – целую страницу выкидывать.

100. 501 – Ввел начало стихов, так много лучше, а то не поймешь, где Абай, где Пушкин.

101. 507 – Перевод дал Липкина. Не ахти какой, но все же лучше виршей мадам.

102. 512 – Пришли подстрочник стихов. Перевод Н. удивительно сер и невыразителен, даже ритма не чувствуется.

103. 514 – Взгляд Улжан полон ненависти. Так ли? Я поставил – “презрения”.

Фффу... Все. Если чего не забыл.

В ответ на все это прибавь и собственные замечания по страницам. Сделаю все в гранках, которых жду не раньше чем через месяца полтора.

3. О времени, протекающем в романе

Ты был абсолютно прав в самокритическом замечании, что с временем у тебя неблагополучно.

Давай условно считать время действия глав, начиная с твоего утверждения, что в 1-й главе Абаю 26 лет. По содержанию и по его образу этот возраст ему подходит. Итак 1-я глава происходит в 1871 году.

Произвел анализ по времени, и вот что выяснил. Часть замечаний, приведенных выше, отпадает (в частности, я спутал Абиша с Акылбаем на с. 54, от которой танцевал).

Вот что получается:

1-я глава. Абаю 26 лет, следовательно, 1871 год. Глава начинается весной, кончается этим же летом. Абай женился на Айгерим. Возрасты: Абай – 26, Акылбай – 10, Гульбадан – 8, Абиш – 6, Магаш – 3.

2-я глава – выходит, тот же 1871 год: Айгерим – молодая келин, свадебный платок. Глава начинается и кончается летом. Возрасты те же.

3-я глава – по моим подсчетам занимает три года: 1875, 76 и 77-й.

Опорный пункт – возвращение Кунанбая из Мекки, где он провел четыре года. Т. е. $1871 + 4 = 1875$ (первая главка).

Тут же дети учатся у Кишкене: Гульбадан $8 + 4 = 12$, Абишу $6 + 4 = 10$, Магашу $3 + 4 = 7$. Возможно, мог родиться и Тураш, ему два года. Шаке тут по описанию лет 14-15. Запомним это.

Вторая главка – бунт в Ералы. Очевидно, лето того же 1875-го. Третья главка. Абая берут на поруки летом (с. 210, Макиш говорит: чуть лето – все в горы. Летом и разговор с Салтанат – “горячие летние лучи” с. 222) Какое же это лето – того же 1875 или уже 1876 года? Если 75-го – Абай сидел в каталажке, видимо, совсем недолго.

В этой же главке он проводит всю зиму в библиотеке. Значит отъезд с Лосовским на выборы летом происходит в 1876 или 77 году.

4-я глава – видимо, 1876 год. Она начинается тем же летом (крики Дильды). Абай осматривает зимовку, вряд ли ее строили два года, значит в каталажке он сидел недолго, и все кончилось тем же летом 1875 года, и выехал он в степь в 1876 году осенью (с. 258). Этой же осенью происходит и свадьба Умитей (осенняя заря, с. 285).

В третьей главке – глубокая осень и зима 1876 года. Но в конце ее ползает второй сынишка Айгерим. Раз ползает – ему около года. Значит, родился он зимой 1875 года. Возможно, но жаль, что об этом ничего не было сказано.

5-я глава. Точная дата, убийство Александра II: 1881 год. Вторая главка – лето.

6-я глава того же года, третья – то же. Возрасты в третьей главке:

Абаю — 36. Гульбадан — 18. Гульбадан уже девушка, а в повозке она выглядит действительно двенадцатилетней. Абиш — 16: Абиш уже юноша, а он написан как мальчик. Магаш — 13. Магашу 13 лет, а он говорит как восьмилетний.

Значит, вот где ошибка, она и путает восприятие.

Надо что-то делать, Мухтар! Образы детей не те.

Замечание о Салтанат отпадает: они виделись с Абаем в 1876 году или в 75-м, прошло пять или шесть лет, и мальчик, точно, мог бегать по острову. Видимо, поэтому я интуитивно вставил на с. 466 фразу: “Встречалась ты с ней за эти годы?”.

7-я глава — дата точная, время перевода “Татьяны” — 1887-й, Абаю — 52, значит, он не старик (п. 95). Магашу 19 лет, а не “нет еще восемнадцати” (п. 92).

Выводы: 1) В начале 3-й главы надо дать ссылку, что прошло четыре года, но конечно не сухо. 2) То же в начале 5-й главы — еще четыре года. 3) Исправить описание детей в поездке в город.

Тогда никто не придерется.

4. О названиях глав

Названия глав не устраивают никого — ни меня, ни издательства, ни журнал. В них нет подтекста, нет системы, перевести их крайне трудно, так чтобы звучало по-русски. Хотя бы 1-ю главу: “По скользкому насту” — образ зимы, а в главе весна и лето. Передать по смыслу: “Легкая дорога”, “Накатанный путь” — получается похабство, если вспомнить что в этой главе Абай женится на Айгерим. Главное же — я не вижу выражения событий и чувств этой главы в образе скользкого наста: в чем здесь легок путь Абая. В том, что он делает важный шаг в жизни, который причинит ему потом столько неприятностей в семье, — вторую жену?

“В песне” и “Снова в песне” — куда ни шло, но это не вяжется с системой названий глав образами пути.

“На охоте” — невыразительно и не по существу. В этой превосходной главе (едва ли не лучшей во всей книге) идут такие события, как разрыв с отцом, встреча с Тогжан, охлаждение Айгерим — и вдруг “На охоте”... Совсем нехорошо.

“На новом перевале” — единственно подходящее название из этой системы.

“На холме” — требует объяснения в тексте поэтическим образом холма суда, холма вражды.

Нет, Мухтарушка, ты ленив, как Абай и Ербол вместе взятые: ты тоже предпочитаешь свежий кавардак тому, чтобы сесть на коня и ехать на охоту. Вернее — ты предпочитаешь кавардак системе. Время у тебя есть, подумай и сочини хорошие, выразительные и поэтические названия глав.

Словом, одевайся и садись на коня. Иначе я своей властью оставлю в книге — глава первая, глава вторая... что я пока и сделал впредь до получения от тебя новых названий.

5. О переводе Никольской

Характер мой, в высшей степени добродушный и покладистый, тебе хорошо известен. Но и моего терпения чаша переполнилась. В данном случае я со всей резкостью и уже без всяких шуток хочу представить тебе всю беспомощность “перевода” Никольской, крайне дурной ее литературный вкус и непростительную небрежность.

Переводя те контрольные куски, которые я выбрал для того, чтобы хоть что-нибудь понять, что именно написано тобой, Фаизова сказала очень метко: “Это не перевод, а гимназическое переложение”. Чистить этот текст было мучкой — и чем дальше, тем все хуже, самое обидное — это то, что тратя столько времени и сил, все же остаешься в полной неуверенности, верно ли я передаю по-русски — твой текст.

Доля вины ложится и на тебя. Мне удивительно, с какой легкостью ты отнесся к ее работе. Ведь ты знаешь русский язык превосходно, и стилистические нелепости не могли не кинуться тебе в глаза. Роман же свой ты знаешь уж наверное лучше всех. Как же получалось так, что я делал для тебя открытия в первых главах, когда смысл написанного тобой искажался на ее страницах или просто исчезал, не говоря уже о том, что не оставалось и тени от твоей образности и выразительности.

Объяснить это я могу лишь твоим огромным доверием ко мне — все равно, мол, Леонид сам все найдет и дотошно выправит. Это мне очень лестно, но право же невыгодно. Я не поленюсь взять сейчас экземпляр Никольской и выписать оттуда наиболее примечательные ее перлы. Покажи их

любому – и любой ахнет и скажет, что это не литературная обработка подстрочника, а просто искаженный подстрочник.

Суди сам...

...Перелистал рукопись – и пришел в ужас: если выписывать все, придется перепечатать почти все 600 страниц. Но для любопытства – и отчасти из корыстных соображений, чтобы записать эти обороты, которых выдумать решительно нельзя, но которые крайне пригодятся мне для бесед с молодыми писателями, я все же попытаюсь выписать сюда некоторые из них. Пусть останутся для истории.

а) Она совершенно не понимает смысла того, что “переводит”:

с. 41 – прочитай описание заката: “Над горизонтом повисла желтоватая мгла...” и дальше: “Туманное зарево на миг похолодело и снова сгустилось темно-багровой, чтобы потеряв последнюю прозрачность”. Как мгла могла оказаться прозрачной?

с. 63 – “Травы, покачиваясь от ветра... шепчутся однообразно и нежно. У каждой травинки свой голос”... Как это может быть.

с. 64 – Абай “слагает элегические строфы: ты – наслаждение души”. При чем тут элегия?

с. 36 – Из песни Биржана: “О юноши, прошли дни нашего свидания, уходит и моя юность. Прощайте!” – она делает такие вирши:

Вы – моя молодая семья,

Покидая ваши края,

Я шепчу: Прощайте, друзья!

Похоже, как гвоздь на панихиду. И потом – почему “шепчу”, если дальше в тексте голос Биржана на этом шепоте звучит на целый ягнячий перегон, отчего и песня стала называться Козы-кош.

с. 147 – Здесь у Сугура табуны серо-пегих коней, на 169 – черно-пегих.

203 – Сокол был избит крыльями свободной атайки?.. Свободной от чего? от смысла?

208 – “Сейчас этот Базаралы стал для него неузнаваемо чужим” – вместо простого слова “совсем чужим”. Почему неузнаваемо?

213 – Айгерим поет сложенную Абаем поминальную песню с искренним чувством, а Н. пишет: “Это был тяжелый горестный напев, подобный сегодняшнему материнскому причитанию Каражан”, о котором сказано, что он был настолько холоден и формален, что Абай даже перестал плакать.

215 – “У сокола, что всех смелей, В когти злой недуг птенца схватил...”. Когти у недуга рядом с птенцом и самим соколом – все путают.

249 – Бунт в Ералы. Абылгазы и Ербол повели за собой толпу. Это подытоживается так: “никто из них не был ни бием, ни старшиной, но в эти минуты они приняли на свои плечи всю тяжесть народного возмущения” – То есть, выходит, приняли на себя удар, направленный против начальства.

208 – Давно Абай не ощущал в сердце такого круговорота разнообразных чувств: обиды, раздражения, обмана, вероломства, жалости... Значит – обман и вероломство – это чувства?

279 – Салтанат краснеет – “даже милovidный прямой нос вспыхивал вместе со всем лицом и лишь потом принимал свой обычный цвет”.

Масса прелести в этом пассаже: нос, оказывается, может быть “милovidным”, он может “вспыхивать”, и у него есть “обычный цвет”. Бред, извиняюсь за рифму!

294 – Салтанат вообще не повезло. Ты описываешь ее лицо в свете луны, Абай по сему поводу разразился целой импровизацией, а Н., не соображая, что к чему, “переводит”: “Абай сидел против нее. Лунный луч как будто вычерчивал его прямой нос, овал больших глаз и узкие длинные дуги бровей и мягким блеском освещал его гладкий открытый лоб, не тронутый загаром”.

Это не описка. Чернилами вписано “его”. Значит, верно. Все отняли у бедной Салтанат, а у меня – время, пока я разобрался с Фаизовой, с чего это Мухтар вдруг кинулся описывать лицо Абая, коли рядом сидит такая красавица, которую читатель жаждет рассмотреть?

313 – Слезы, по Никольской, оказывается, могут замерзнуть в самих глазах: “Слезы, готовые было брызнуть из глаз, сразу высохли. Только две крупные, холодные, как льдинки, капли застыли возле широко раскрытых глаз”.

Язык литературы беспощаден. Можно сказать “слезы застыли, как льдинки”, даже “как холодные льдинки” — но иначе поставленные слова дают эффект комический, вроде этого.

319 — На одной и той же странице умещается такая нелепость: “Длинный пожелтевший ковыль...”, “Низкорослый ковыль уже принял свою серебристую окраску...”.

333 — Искажено настроение и смысл песни “Жирмабес” переводом:

“Веселись и пой — тебе двадцать пять, Этигоды к тебе не вернутся назад”. Чего же, спрашивается, веселиться? Одна грусть, что не вернутся. Скажи яснее “Торопись веселиться...”

346 — Амир, сидя верхом на коне, вдруг “бросился к Умитей”. Как это бросился? С коня вниз головой, что ли?

342 — Амиру тоже не везет, юноша делает совершенно комические поступки в трагических обстоятельствах. Увезли его возлюбленную, и он, убитый и отчаявшийся, тоже уехал, “напевая какое-то печальное причитание”.

Восхитительно это “напевая”: так и слышится труля-ля! Нельзя же так не чувствовать русский язык,

344 — Неудачность “усери” я уже приводил. Но и продолжение строки не лучше: “У сэри для полета упруга сильная грудь”... Это должно означать: “Проснулась душа сэри, распрямляя крылья”.

Не говоря уже о пошлости звучания “упруга сильная грудь”, пропал весь смысл, а осталась пошлятина, попахивающая и упругой грудью мужчины, и отхожим местом.

350 — Как это можно “сверкнуть своим единственным давно потухшим выцветшим глазом”. Уж коли давно потух, тут не сверкнешь.

354 — Кстати о Кунанбае. Неужели “переводчик” настолько не видит героев романа, что пишет: “Кунанбай сверкнул на него налитыми кровью глазами...” Это не небрежность, а равнодушие.

356 — В такой сильной и великолепно написанной сцене, как проклятие Кунанбая, Никольская вдруг вводит такой равнодушный регистрирующий оборотик, что вместо драматического эффекта достигает обратного, комического: “Опустившись на колени, он совершал свое проклятие

над распростертым перед ним внуком, время от времени указывая костлявой рукой на Абая”...

Время от времени... И как язык повернулся!

371 — Еще чудесный перл для начинающих, чтобы навечно запомнили: Охотник втиснул льдинку в клюв беркута и “потом, охватив пищевод птицы тихо пошевеливал пальцами, пока льдинка не растаяла”...

И это вместо понятного и грамотного оборота “охватив пальцами шею птицы”!.. По этому рецепту следует писать: “Оралбай нежно положил фаланги пальцев на левую грудную железу Коримбалы, и она в ответ глубоко вздохнула бронхами и поцеловала его лобную пазуху, почувствовав сильное волнение в левом желудочке сердца”. Да здравствует анатомия!

Шутки шутками, но это же безобразие чудовищное!

372 — И как можно было изгадить чудесное виденье Абая — купающуюся красавицу (охота с беркутом), введя купеческое словечко белотела.

404 — Что это за “наездники по тракту”. Как она сама объяснит это словосочетание?

506 — Узнав о взяточничестве Жиренше и Уразбая, Абай горько говорит: “И я сам привлек их к делу”. Абай хочет сказать, что он сам вывел их в бии, а получается, что он привлек их к ответственности. Вот как получается, и ничего не сделаешь.

225 — Еще изумительный по своей безвкусице и полному невиденью того, о чем пишет Никольская, перл, — и опять в месте драматическом, где благодаря такому обороту она достигает эффекта, совершенно обратного задуманному тобой.

Разоренный аул, утащили у жатаков юрты, выкинули весь их скарб. “Кое-где под открытым небом стояли старые сундуки, деревянные треножки для очага, валялись седла и поломанные кровати. Местами из этого хлама торчали детские головки. Наконец, показались старики и старухи, одетые в остатки старых шуб...”.

Ты представляешь себе “детские головки”, которые “местами” торчат из сундуков, деревянных треножников и седел (ведь сказано “из всего этого хлама”). Я так и вижу их отрубленные, как кочаны, и раскиданные местами, тут

и там. И удивительно, как это “наконец показались старики” — я тоже вижу их, как они, раскидывая седла и треножники, “наконец показываются”.

Вот ведь бред, и вредный притом! А ведь у тебя все ясно: дети спят под открытым небом, и головки, вероятно, торчат из-под ветоши и рваных одеял.

536 — Чудовищный перевод поговорки я уже с тобой выправил, но факт остается фактом. Вместо “Добрый конь познается не в начале скачки, а в конце ее” Никольская предложила вниманию читателя такой ребус: “Минута испытывает, время терпит”.

574 — Только полным нежеланием понимать то, что сам пишешь, можно объяснить такое интересное открытие Никольской:

Пусть черви источат тело, что ночью ласкал старик,
Сказала — и в темные воды со скал метнулась она.

Если девушка и точно желает отдать тело червям, ей следует лечь в нормальную могилу, ибо черви водятся там. В реке замысел ее обречен на неудачу: на червей ловят рыб, следовательно, в воде все черви уже скушаны сами, а девушку могут источить лишь рыбы и раки, что не поэтично.

579 — Надоело переписывать этот бред. Привожу последнее: “будь заплатой разорванному, клином лопнувшему”. Клин, как известно, символ как раз обратного действия: его вбивают для того, чтобы окончательно разодрать что-либо на две части.

Ну как можно было все это написать?

И как ты, Мухтар, всего этого не видел? Ведь это же бросается в глаза, кстати, вспомнил:

512 — Шубар был очень доволен, “что ему удалось броситься в глаза начальству”. Нелепости Никольской могут бросаться в глаза, но человек, да еще такой плотный, как Шубар, никак не может. Да и начальство бы обиделось, если такой дядя бросился бы ему в глаза. То-то дров бы наделал!

б) бедность языка Никольской просто поразительна.

На одной и той же странице попадают рядом: “сочные весенние травы” и двумя строчками ниже: “прилипли к сочной зеленой траве” (192). Птица нападает с “отчаянной

храбростью” и пятью строчками ниже – “разгар отчаянной борьбы” (202).

“Надо судить и вскрывать все болячки” – и через строчку “Насколько я могу судить”... (466). “Никто ничего не заплатил”, “Абай ничего не знал об этом” – это уже не через строчку, а в одной фразе (476). То же и здесь: “Даркембай не стал утаивать от него нового злодеяния родичей. Во время его рассказа новый прилив стыда охватил Абая” (477). Опять в одной фразе: “Лосовский... начал рассказывать ему о деле, с которым только что начал знакомиться” (521).

Порой эта бедность языка неожиданно дает такие фокусы, которые и не придумаешь для примера. Их прямо можно собрать в качестве пособия для литуниверситета: “Будьте осторожны со словами”. Например: “Все четверо поочередно подходили к Карашалоку” и строчкой ниже “К нему подходила его кличка” (381). Или: “Возвращаться в шалаш, чтобы попробовать кавардака” и двумя строчками ниже “Надо попробовать его еще раз” (беркута на охоте) (380). Или: “Всадники спешили и стали перед конями. Все стали советовать” (400). Или еще замечательный пример бесчувствия к языку: “Вместо того, чтобы камнем броситься на лисицу, тот летел низко над землей, чуть не касаясь камней крыльями” (370).

Перечислять это тоже можно без конца. Но порой Никольская как бы устыдившись такой бедности словаря, вдруг щедро разбрасывает слова в одном абзаце, вспомнив, что надо подыскивать их разные, и пишет о барашке, которого втащили в юрту для заклятия: “Позаботимся насчет барашка... Втащили овцу, предназначенную на убой. Ягненок, напуганный ярким пламенем, упирался” (с. 44-45 на протяжении девяти строк). Вот это богатство словаря...

в) несколько примеров отточенного стиля Никольской (едва одна десятая пометок на страницах):

“Вне себя от досады, хлопнули себя по бедрам” (389).

“Жиренше добился своего. К концу дня они кликнул своего жигита гонщика” (391).

“Бошей, который ружьем бил архаров” (392). Бить можно палкой, но зверя бьют из ружья.

“Внимательно вслушивался в ее слова, оценивая их глубину” – глубину слов (21).

“Весна твердила ему о своем наступлении” (23).

Или такая бухгалтерская фраза из годового баланса: “Сына удерживали в городе дела по расчетам с разными лицами порученные ему Кунанбаем” (36).

На тарантасе Никольская обнаруживает “багажник” (36), а самый тарантас пышно называет “экипаж” (275).

Кони у нее очень избалованы: они ездят на чем, на такси или на тройке себе подобных, неизвестно. “Чем ближе кони подъезжали к юртам” (42), “поэтому — он (саврасый) ехал, укрываясь, за головным конем” (399). Кроме того у них имеются “бедра”, на которые опускают камчу, а не на вульгарный круп. А всадники, в порядке низкопоклонства перед рыцарским западом, изменяют родной камче, “пришпоривая коня” на многих страницах. Представляешь себе Абая со шпорами. У коней, оказывается, имеются “подмышки”: “Каблуки бурок мелькали из-под мышек гнедого”. Вон как. Грудь героев, кроме способности быть упругой для полета, обладает у Никольской замечательными качествами: в ней может делаться черти что. Например: “Он почувствовал стремительные взмахи крыльев своего поэтического дарования, точно спавшего в его груди” (65), “Как будто в его груди широко открылся путь к его заветным желаниям” (64).

Узнаешь ли ты свой язык в таких канцелярских фразах: “Порка, действительно, имела место” (274), “Решение внезапное, родившееся во всей сложности его переживаний последних суток: и не терпящее отсрочек” (66), “И после того, как все встречавшие разошлись, между Абаем и Дильдой тепла не возникло” (71). “Таково должно быть первое объятие влюбленных, от которого теряется сознание” (337) — что за ультиматум — должно быть? Или такая божественная фразочка: “Возможно, что на Баймагамбета, как более молодого и не умеющего скрывать своих переживаний, книги накладывают отпечаток, более заметный внешне”. Но в таком случае, не это думает Абай!.. Ай, ай, ай...

Абай забрасывал Михайлова вопросами, “стараясь не только углубить и уяснить себе отдельные стороны их прежних бесед” — уяснить стороны? да еще отдельные? — “и получить ответы на бездну новых недоумений” — ответы на бездну (450).

“Будучи студентом... он попал под влияние своего зятя, мужа старшей сестры, Шелгунова и Чернышевского” (461). Сколько людей на него влияло? “Скупое передавал эти сведения” – прямо протокол допроса (Там же). “Каждый разговор, затрагивающий вопросы жизни, неизбежно приводит к реальному претворению в их быту” (467), “Абаю казалось, что все свои беззакония этот брат вытаскивает прямо из его, Абаева, кармана” (471) – даже остричь не хочется...

“Он мыслил шире” (95), “свои рассуждения вел шире” (185) – где тут русский язык и чем этот “перевод” отличается от подстрочника? “Перешел через брод” (178), “обложился словарями и комментариями” (178) – это же голый подстрочник! “За холодными чертами лица он видел сочувствие” (189), “сняв одежду на руки Злихи” (343), “нам ли с тобой по-зимнему бурану разыскать шалаш” (405), “куда потерял их? (слова)” (428), “бросая колкие шутки в сторону Абая” (513), “должность утвержденная за Асылбеком” (560), “корни вражды были в этом скоте” (560) – корни в скоте, смесь зоологии с ботаникой! – “говорил им то же, что думал для самого себя” (566), “нужно опять ехать сколько можно быстрее” (401), “приказав не замедлять быстрого хода коней” (19), “последние следы принужденности и стеснения исчезли” (127)...

Что же все это такое, в конце концов? Отвечу определенно и жестко. Покажи это любому эксперту, и он скажет, что это – подстрочник и при этом очень небрежный, в котором зачастую нет попыток докопаться до смысла записанной фразы.

“Литературность” же этой работы заключается лишь в необычайно пошло сделанных описаниях песен, приводить которые невозможно – надо выписывать целыми абзацами. Как где ни запоют – а в твоём романе это случается часто, – так начинается: песня то взвивается, то опадает...

“Айгерим... казалось не пела, а вила тонкую шелковую нить” (59). Образ автора понятен – песня казалась тонкой шелковой нитью, а “перевод” огрубляет и обесмысливает образ. А дальше идет окололитературный набор красивых слов: “Это не были обычные земные звуки, это было таинственное дыхание чего-то неизведанного” – старомодный словарь, полная абстрактность и чудная, обаятельная,

божественная красивость. Или идет отсебятина, вроде ритмической прозы: “Певец мой, поднимись и крылья распрями! В вечерний час, неясных звуков полный, душа стремится тайны открывать, и сердце чистое печали скрыть не может... Для тех, кто полюбил, преграды быть не может, нет сил таких, которые любовь не побеждала... Где ты, бесценный мой друг? Узнай меня, любимый, найди меня, прекрасный, черноокий...”.

Экая пошлятина, прости господи: часть ее Никольская, устыдившись, вычеркнула сама. Но и оставшееся никак не соответствует тексту автора. Вот сделанный тобой подстрочник этого пышного пассажа: “Певец искусный, взмахни крыльями. В вечер, наполненный звуками, сердца изольют свою грусть. О воле, о самом дорогом для них, поведуют искренние души”. Вот и все.

Как песня – так и прут всякие красивые слова, которых на казахском языке и нет: мелодия, ритм, строфы и прочая оперная итальянщина. Айгерим “ухитряется вкладывать в прихотливые узоры ритмов все старание” (122) – действительно, надо стараться: где в них сыщешь узоры, в ритмах-то, да еще прихотливые? Интересно, что у тебя в тексте? Наверное, что-нибудь мужественнее, проще и лучше.

Совершенно чуждо и эпохе, и народу романа звучат такие слова, как “деликатно выразив предположение” (294), “изящно поддерживая чашку точеными пальчиками” (279) и множество таких же салонных слов, никак не отвечающих строгому и чистому стилю твоего романа.

К этому надо прибавить удивительное отсутствие чувства звучания слов. Ну, можно ли писать такие словосочетания, как будто нарочно придуманные для скороговорок: “стройные нарядные ряды” (332), “уехала с тоя” (351) и “возвращалась с тоя” (250) – экое упорство в желании убедить читателя, что можно ехать с тоя; “Скажем, чтоб коней пастись пустили” (386) сплошное псст; “осилил лисицу” (372) – придумать надо; или ... “опозорил наш шалаш” (379) – сплошное шшшш... “Сказать тебе одну странную вещь? Вещи сны...” (62).

Ну и для окончательной убедительности добавлю еще то, что нашел на отдельной записке, сделанной во время ра-

боты, — жемчужины моей коллекции: “тем свободнее звучала ее песня, еще недавно сжатая неумолимыми тисками: и ядом тягостного насилия и унижения, и горечью одинокого переживания...” (125); “повторяла она между судорогами всхлипываний, обжигавшими все ее тело” (322) — судороги обжигают; “Он то и дело притягивал к себе Айгерим и, обнимая и целуя ее, глотал ее слезы” (323) — что Никольская сделала из тебя? Да еще в такой трогательной и чудной сцене?

“Не жертвуй им, не отрезай языком нашего счастья” (324).

Вот истинное слово: Никольская своим языком отрезала мое счастье, довела до жабы, прирезала и освежала.

Нет, Мухтар, сведя все это в систему, я ужаснулся сам. Ведь все это показывает очень низкое качество “перевода” Никольской.

В первом томе я слиберальничал. А ведь там было то же самое. Я же даже не поставил на титуле “перевод Л. Соболева и А. Никольской”. В результате ее где-то даже похвалили за перевод.

Теперь я дурака валять не буду. Хватит. Нечего ей таскать каштаны из огня чужими руками.

Деньги она за свою недоброкачественную, небрежную и не имеющую никакого отношения к художественному переводу работу, слава богу, получила и будет получать на переизданиях. Но на втором томе я ставлю на титуле: “Перевод Л. Соболева по подстрочнику А. Никольской”. Это будет справедливо и не введет никого в заблуждение. Работа ее и есть только чуть-чуть тронутый подстрочник; не говоря о том, что она малополезна, она даже и вредна, ибо за красотами стиля, выдуманными ею, погибает очень часто твой подлинный язык и порой система образов. Я могу доказать это кому угодно с рукописью Никольской в руках, которую, будь покоен, я уж поберегу в архиве со всеми восклицательными знаками, из которых сюда вынесена лишь малая часть.

И твердо говорю тебе: окончание романа я беру на себя лишь при двух условиях: иметь сделанный тобою подстрочник и не иметь никакого дела с Никольской.

Письмо это можешь показать ей, ибо писать ей специально я не буду. Здесь все абсолютно ясно. Попадись такой перевод в приемной комиссии, ее просто не приняли бы в Союз. Рассматривать этот перевод можно только как подстрочник, точнее – обработанный “местами” подстрочник, но не более.

Если же это ей обидно и нежелательно – пусть роман идет в том виде, в каком я получил его от Никольской, а свою работу я готов похерить, тем более, что за нее я денег с издательств еще не брал. Но не знаю, будет ли это хорошо для самого романа.

6. О варианте для “Молодой гвардии”

На первый взгляд это сделать не очень трудно: 1-й том по “Октябрю” занял, кажется, 15 листов, а второй по “Дружбе народов” – 14, – вот только 29.

Но это решение мне кажется неверным. Я советую тебе взять за основу эти два варианта, но восстановить то, что выпущено, учитывая интерес выпущенного для молодого читателя. В частности, по второй книге надо восстановить все выброшенное о детях Абая, восстановить розыгрыш Жиренше на охоте, восстановить охоту Шаке, – это то, что помню. Вероятно, найдется и еще кое-что ценное.

Очень советую, повторяю, прибегнуть к способу “пересказа”, чтобы не рвать последовательности событий. Это может дать многое в смысле сокращения.

Специально о “М. Гв.” я еще не думал – буду читать гранки, тогда одновременно поищу способа сокращения. Очень было бы хорошо, если бы ты сообщил мне свои намерения. Срок сдачи у нас 15 мая. Следовательно, мне надо иметь твои предложения не позже 1 апреля. Редакторской работы и борьбы с Никольской уже не предвидится – останется перевод твоих “пересказов” и работа по сокращению, которая не будет уже такой кропотливой, как для “ДН”, – основное сделано.

7. О расчетах с машинистками

Я писал уже, что пришлось давать работу еще одной машинистке на тех же условиях, что Ольге Митрофановне.

Весь роман, отпечатанный дважды (3+3 экземпляра) по 519 с. каждый, составляет 1038 с.

Для “ДН” отпечатан сокращенный вариант – 333 с.

Перепечатана заново потерянная тобой 1-я глава – 61 с.

Бумага: часть купил ты, часть я. Кроме того пришлось купить в литфонде еще 4 кило и копірку, – $80 + 40 = 120$ р.

Расчет справедливо разложить на трех плательщиков, включая и Никольскую: никто не обязан платить за перепечатку ее негодного перевода. Будь он приличнее, в издательства пошел был редакторски-правленный ее экземпляр. Здесь же не осталось ни одной не исправленной строчки.

Итак:

1. Весь роман   519 с. $\times 2 = 1038$ с.
2. Вариант “ДН”   333   333   1371 с.

1371×2 р. 50 к. = 3427 р. 50 к.

бумага и копірка 120 р.

3547 р. 50 к. : 3 = 1182 р. 50 к.

1-я гл. 61 $\times 2$ р. 50 к. = 123 р. 50 к.

3671 р.

“Расчеты с разными лицами” (вот здесь это уместно):

Мухтар – 1182 р. 50 к.

1-я глава 123

1306 р.

Никольская   1182   50

Соболев   1182   50

3671   00

8. Авторизация перевода

Оба издательства и журнал просят тебя авторизовать перевод. Это нужно сделать отдельным твоим письмом в Госиздат, в СП и Скосыреву. Пришли вместе с ответом на вопросы.

Все, Мухтарушка дорогой. Письмо длинное, подробное, неприятное; но необходимое. Целую тебя, обнимаю и поздравляю и с окончанием работы и с будущей Сталинской премией.

Леонид Сергеевич родной!

Переводом и редакцией романа я очень доволен. Тут, я вижу, ты трудился в поте лица, и оправдан этот беззаветный, честный труд.

Посылаю ответы на все твои замечания. Попробовал разобраться во времени, протекающем в романе, в letech героев, и выходит не так уж страшно. Переменил и названия глав. Добавил в конце и свои замечания на твой текст. По первому тому дал поправки только к сноскам. Увидишь все и, по-моему, легко разберешься. Самое главное, тебе не так много работы по моим ответам. Ты сам, сомневаясь в отдельных местах книги, уже многое сумел сгладить, выполнить. И твои вариации я воспринял, во многих случаях, не споря. Поэтому в ответах гораздо больше согласия с тобою, чем возражений или поправок новых.

Это обстоятельство весьма кстати и при новых ситуациях издания, когда роман должен в Гослитиздате набираться прямо в верстку. Не будет затяжных, сложных изменений, как полагали, в гранках.

Не знаю, как воспринимают в Сталинской комиссии отсутствие перевода в печати.

Ведь перевод 1-го тома и казахское издание 2-го тома туда представлены. Кроме того, как сообщаем ты, представлен туда и один экземпляр твоего перевода. Это все вдобавок к тому, что, по статусу комитета, книга может быть представлена на любом языке народностей Союза.

Здесь наш ЦК партии проявляет большую заинтересованность в судьбе “Абая” в комиссии.

Секретарь ЦК по агитации и пропаганде т. Омаров послал телеграммы Фадееву и Головенченко — прося их торопить издательства с подготовкой книги для комитета, хотя бы в гранках. Важен печатный текст, очевидно, для Совета министров накануне его решения. А сам же Фадеев знает русский текст.

Омаров дал поручение и постпреду Атамбаеву, чтобы он, с одной стороны, размножил на машинке для комиссии сданный тобой один экземпляр.

Твоя телеграмма относительно ускорения набора романа пришла одновременно с телеграммой Головенченко и Рябиной на имя Омарова. Там они также сообщают, что книгу сдают в набор в феврале. Думаю, что все это поможет представить книгу (2-ю) для Совета министров в русском тексте в марте месяце.

Послал также авторизацию по нужным адресам.

С Никольской вопрос очень тяжелый, но я после твоего письма не мог ничего придумать лучше того, что уже сообщил по телеграфу.

Предлагаю титул второй книги – авторизованный перевод с казахского под редакцией Соболева.

В денежных расчетах с издательствами, имея свои договора, она разберется сама.

Валентину Николаевну я снабдил доверенностями на заключение дополнительного договора по второй книге с Гослитиздатом и “Дружбой народов” и на получение 60% в Гослитиздате, “Советском писателе” и “Дружбе народов”.

Если не доставит тебе больших трудностей, прошу помочь ей (хотя бы телефонными звонками) в получении этого гонорара.

Еще одна последняя просьба – о машине.

Обещание личного секретариата Вячеслава Михайловича относительно “Победы” пока не сбывается никак. Но деньги остаются там. И, думаю, пусть пребывают за Министерством.

А сейчас я советую В. Н. купить хотя держанную заграничную марку. Лучше бы всего “Оппель супер” или “Оппель Капитан”. Тебя прошу свести ее с Дмитриевым, чтобы он подыскал одну из таких машин.

Ну пока все, спасибо тебе родной мой за все, за дружбу, за дела твои.

Обнимаю тебя, твой Мухтар.

Ответы на замечания

Сначала отвечаю на твои замечания. А свои, новые замечания перечислю по страницам ниже. Итак, по твоим замечаниям (страницы по твоему тексту), нумерация замечаний в том же порядке, как у тебя.

1-я глава

1. 2 с. — Правильно.
2. 9 — Сноска “хазрет” — у тебя уже дана в 1-м томе (с. 11).

2-я глава

3. 62 с. — Оставь “соседи”. “Консы” вводить не нужно, потребует много поправок.
4. 69 с. — Убери Катшу, пусть живет Злиха.
5. 71 с. — Вторая строка “Не жди, народ, от меня ты зла”.
6. 74 с. — Пусть будет “ты”.
7. 106 — Подлинный текст “Жиырма бес”:
Была пора, радостей полна,
Жигит не чуял конца,
Но юности расходится ярмарка,
И нас теснят к краю шумного торжества.
8. 116 с. — Не кровожадный — хитроумный.
9. 89-Н. — учту.

3-я глава

10. 148 с. — Хорошо.
11. 158 — Советую выкинуть фразу “Значит, ты совсем вырос!” В остальном он не мальчик, а юноша, не сомневайся.
12. 159 с. — Хорошо.
13. 165 с. — Хорошо.
14. 172 с. — Согласен.
15. 172 — Хорошо, молодец!
16. 174 с. — Хорошо.
17. 175 — Шабарман посыльный, сабарман — избивающий, мучитель. Они у меня приведены по созвучию и в рифму. У тебя все благополучно.

18. 176 – Правильно.
19. 186 – Хорошо.
20. 193 – Очень хорошо.
21. 194 – Хорошо, молодец! Учту в казахском тексте.
22. 199 – Андреевич – у меня фамилия. Имени и отчества не давал в первой книге, исходил из тогдашнего восприятия русских имен у Абая. А дальше менять не хотелось. И теперь вовсе поздно искать ему отца...
23. 200 – Казахи не разбирались, и называли только один титул “советник”. Лосовский должен быть “тайным советником” при канцелярии губернатора. Но теперь уже поздно добавлять.
24. 202 с. – “Кардинальное место” советую обойти просто, вычеркнуть две строки с тигром и орлом.
25. 211 – Люди не заметили бы, но раз заметил ты, не смогу спать спокойно. Предлагаю закончить фразу на словах “а в административном порядке”, остальные полторы строчки вычеркнуть.
26. 211 – Хорошо, даже особое спасибо тебе, учту в казахском.
27. 213 – Согласен.
28. 216 – Ты прав.
29. 219 – Правильно.
30. 220 – У тебя вышло как надо.
31. 224 – Правильно.
32. 226 – У тебя страница указана не точно. Это на с. 231 и нужно сохранить, как сказано у тебя. Ведь это первоначальное мнение Абая. Для него это пока вполне логично.
33. 245 – У тебя все в порядке, не беспокойся. Для Абая открытие то, что отдельные моменты в истории ислама включаются в мировую историческую эволюцию как этап в развитии общественной мысли в Европе. Абай до этого воспринимал эту историю изолированно.

4-я глава

34. 272 с. – О Дутбае – волостном, вставка не обязательна. Внимательный читатель поймет это и в 6-й гл. – по роду Кокше.
35. 273 – Хорошо и весьма важно.
36. 275 – Сделано правильно.

37. 278 — Перевод вполне удовлетворительный, изменять не нужно.

38. 280 — Помог моей слабости. Конечно, большой скоростью! Особенно если учесть волынку с Амиром.

39. 280 — Фразу “дождавшаяся свадебного веселья молодежь” ты не вычеркнул, и ничего от этого не страдает, фраза не мешает Дутбаю. Молодежь ведь не знает многого.

40. 288 — Очень хорошо вышло у тебя — энергично и лаконично. У меня тоже не “как хочешь”, но у тебя лучше. Пусть будет как у тебя.

41. 289 — Правильно.

42. 291 — Хорошо.

43. 291 — Он не был мальчиком, там мы выкинули фразу, и пусть себе растет.

44. 292 — Абай, по-моему, не может поступить иначе. Пусть это даже ошибка его. В нем тут превалирует не разум, а соучастие, сочувствие душевным порывам поэта и влюбленного. И пусть даже ошибется Абай при этом, но эта ошибка его нужна для каких-то сторон характера его. Она по-новому выявляет его эмоциональность поэта-гражданина.

45. 298-99 — Он мог же купить, сторговавшись с Тулаком, даже в городе летом, хотя знаменитый беркут мог быть в это время в ауле Тулака! Здесь твоему спокойному восприятию просто мешает памятный мне еще по пьесе “Абай” Художественный театр.

46. 305 — Удачно вставил.

47. 307 — Хорошо сделал.

48. 309 — Замена удачная.

49. 309 — Пусть будет гонщик, хотя у меня была и гончая, потому что здесь Абай хвастался не только Карашолаком, а общим количеством трофеев с одной стороны. Но беды нет. У тебя вышло гладко.

50. 311 — Правильно сделал.

51. 312 — Сноску о чае принимаю с наслаждением, как чаепитчик.

52. 313 — Замечательно проявлено все, молодец.

53. 320 — Хорошо.

54. 323 — Сделано прекрасно. Сокращения были и у меня в изданном тексте. А у Н. оставались еще прежние длины.

55. 350 с. – Второго сына Айгерим, по твоему наущению, я вернул в ее утробу и вычеркнул пока.

5-я глава

56. 352 – Хорошо.

57. 353 – О временах и годах особо, ниже.

58. 357 – Все у тебя правильно и вышло гладко.

59. 358 – Здесь “Хромой француз”, а в 7-й главе “Три мушкетера”.

60. 361 – О Чернышевском, о его возвращении из ссылки в 1881 году пишет Вал. Полянский. Посмотри в Большой сов. энциклопедии (т. 61) с. 374, там сказано буквально: “В 1881 г. Александр II был казнен Народной волей. Испуганное правительство, заигрывая с обществом, разрешило Ч. вернуться в Россию. Поселили его сначала в Астрахани, потом разрешили переехать в Саратов”. Во избежание недоразумений, очевидно, ты подал сведения о нем тактично. Но для характеристики Михайлова было бы лучше, что будучи в ссылке он так осведомлен, и особенно близко осведомлен о своем учителе.

Это важно было бы и подтекстом. Вообще я не хочу называть Михайлова народником, из “Народной воли” он связан главным образом с Чернышевским. Поэтому на 366 с. у тебя фразу “Михайлов – настоящей народник” я бы заменил – “Михаилов – настоящий человек... В нем гражданская совесть и т. д.” Теперь посмотри сам. Если трудно будет вставлять и так много менять в верстке – пусть остается как у тебя, где все подано с тактом.

61. 363 с. – Пусть будет Ишутин.

62. 364 – Хорошо.

63. 368 – Правильно.

64. 371 – Очень хорошо.

65. 378 – Правильно сделал.

66. 384 – Аул назвал “Ахимбет”.

67. 403 – У казахов – сыном может именоваться, в таких обобщениях, не только внук, но и правнук. Оставь как у тебя, большого греха не вижу.

68. 405 – Хорошо сделал.

69. 406 – Очень правильно.

70. 407 – Шубар просто брат – разумный выход из моего “временного” тупика. А относительно Шаке не сомневайся, предыдущее исправлено, и он там юноша без определенных лет, где-то между 15 и 18 лет.

71. 407 – Правильно сделал.

72. 414 – Объясняться не нужно, это вызвано их раздражением, надменностью, и это все ясно из диалога.

73. 415 – Печать аульного старшины, и об этом сказано у тебя же Лосовским, так что Дутбая он не получил. О родстве, просто для будущего и между прочим.

74. 419 – Хорошо.

75. 430 – За вставку спасибо, внесу и в казахский текст.

76. 433 – Хорошо.

77. 438 – Сделано хорошо, внесу поправку и в казахский.

78. 449 – Правильно сделал.

79. 450 – Правильно, что говорит на “вы”.

80. 457 – Сделано хорошо, менять не нужно. Но между прочим, за червей грешен сам старик.

81. 458 – Абай хорошо сделал.

82. – Сватовства Акылбая – действительно не нужно.

83. 461 – О сроках ниже.

84. 466 – Грудную девочку Салтанат убрал, пусть себе рождает после, и так жалко ее фигуру.

85. 464 с. – Разберемся ниже.

86. 470 – Вычеркни слово “правдивая”. А то, что он писал под именем Кокпая, исторический факт. Не было УПОХАВ, и нравы, в свойском обращении с друзьями и авторским правом, были простецкие.

87. 475 – Хорошо сделал.

88. 477 – Правильно.

89. 490 – Не “Хромой бес” – а “Три мушкетера”.

90. 478-89 – На “вы” правильно.

91. 491 – Даю вставку: “Этот Шубар, смещенный на последних выборах с должности управителя, будучи в душе тщеславным карьеристом, завидовал все растущей славе Абая-поэта. И сейчас, числясь в кругу молодых друзей Абая, изо всех сил тщился стать поэтом и певцом одновременно”.

92. 491 – Магашу вместо “восемнадцати” исправил “ему еще нет шестнадцати”. Ему сейчас на самом деле около 15 лет или чуть больше.

93. 492-503 – Исхак сын Ирсаля, вполне прилично. Это во всем романе всего только два Исхака. Не смущайся. Справляются же и с доброй дюжиной Иванов в одной книге.

94. – Правильно у тебя.

95. 492 с. – Исправил старика в Чинара, так будет и в казахском.

96. 493 – Рассказ Кокпая пусть остается, как у тебя.

97. – Кокпая было 24 года, не юноша, конечно.

98. – О подстрочнике “Татьяны” – сейчас уже вносить поздно. Грех беру на себя, ты тут во многом прав. Но с другой стороны, страницы романа превращать в исследовательско-сравнительные сопоставления с обнажением приемов, принципов перевода, мне кажется, и не нужно.

99. 501 – О Какитае нужно все, он нужен для третьей книги, а здесь чувствуется будущая светлая личность из сформированного самим Абаем окружения его.

100. 507 – Хорошо.

101. 510 – Пусть лучше Липкин.

102. 512 – Подстрочники: “Обновилось слово, обновись, слушатель, и ты”. Медленными шагами подхожу теперь к тебе.

Второе двестише:

“Тобыкты – неугомонный среди всех родов. Наполнен наконец хитрецами, смутьянами”.

103. 514 – Хорошо.

Ну вот, это все по твоим замечаниям по пунктам. Теперь о времени в романе.

1-я глава – Абаю не 26, а 29 лет, Акылбаю – 12, Гульбадан – 6, Абишу – 4, Магашу – 2 года. Надо танцевать отсюда.

2-я глава – Возрасты не те же – события этой главы происходят спустя два года. Абай женился, значит не в первый год сватовства, а на следующий год.

3-я глава – Начинается спустя еще три года. Значит Гульбадан 6 + 2 + 3 – 11 лет, Абишу – 9, Магашу – 7, Абаю же 34.

4-я глава – Ты прав, здесь проходит еще год, не больше.

5-я глава – 1881 год, Абаю – 36, Акылбаю – 19, Гульбадан – 13, Абишу – 11, Магашу – 9.

6-я глава – Начинается в тот же год. Но третья подглава через год или два.

7-я глава – Здесь события происходят спустя четыре-пять лет, и Абаю 41-42 года.

Твой подсчет – 52 года вообще ошибочен. В 1887 году ему только (с 1845 года) – 42 года. Вот так я выхожу из “запутанного времени”. Правда, чувствую я твою правоту, с временем все же есть муть. Но это сейчас уже не нужно править и не нужно пытаться обосновать перечислением пройденных лет от главы к главе или от подглавки к другой.

На 416 с. я вычеркнул “двенадцатилетняя” в отношении Гульбадан. Немного не вяжется с ее возрастом, почти пятнадцатилетняя (даже по моим подсчетам), но для первой казашки, обучающейся по-русски, это допустимо, тем более она легкомысленна и долго учиться не будет, скоро выйдет замуж. Этому ее будущему, по-моему, соответствует ее полудетское легкомыслие в повозке.

О названиях глав

Расхождения с казахским изданием в названиях глав – мне казались самыми нежелательными. Это первое, на что обратит внимание любой читатель-казах, и будет в предубеждении везде выискивать несоответствия. А казахские же названия пусть нарушают (в трех случаях из шести названий глав) систему образов пути, но они так же, как в первом томе, обозначены везде одним словом и отражают длительное пребывание (как в пути) в каком-то особо памятном состоянии. Поэтому в казахском тексте каждое название дано в одной падежной форме.

Но ты буквально бастуешь, чувствую, что трудно примириться тебе, и очевидно, некоторые названия действительно не переводимы в одном же слове. Ввиду всего этого, скрепя сердце, предлагаю новые названия, продолжая образы пути для единства с первым томом. Называть же только “первая, вторая и т. д. глава” – нельзя ни в коем случае. Особенно это невозможно для Гослитиздата, выпускающего обе части одной книгой.

Итак, новые названия:

1. “Вброд” или “Бродом” – смысл для Абая, поиски знания и поиски жизненного обновления.

2. “На жайляе” или “На летовке”.

3. “По взгорьям” – или “На взгорье”.
4. “По ухабам”.
5. “На перевале”.
6. “На распутье”.
7. “На вершине”, в скобках: “Как запела Татьяна в степи”.

Не знаю, удовлетворяют ли тебя эти названия. Но я уже почти исчерпал весь свой географический (русский) лексикон рельефа. В этом варианте название есть и подтекст, главное – единство, связь с первой книгой, так что, пожалуйста, теперь уж исходи из этого круга.

Таким образом, я закончил свои ответы на твои запросы и замечания.

Теперь послушай мои замечания. Страницы указаны твоего текста.

Замечания к тексту

Во-первых, по сноскам первого тома. Мне во Фрунзе один серьезный тюрколог, профессор К. К. Юдахин дал следующие бесспорные свои замечания по имеющимся сноскам (страницы книги) (1-й том).

1. 7 с. – Медресе – духовная школа, нужно зачеркнуть “при мечети”.

2. 25 – Не “барымты”, а “барымта”.

97 – Алаша – палас.

4. 116 – Баурсаки – шарики из теста, жаренные в масле. А за “пирожки” меня подняли на смех в Киргизии.

5. 116 с. – Кавардак – крошеное жареное мясо, вид бефстроганов. А “мясное блюдо из внутренностей” вовсе нелепо.

6. 131 – Казы – конская колбаса. А все приведенное в сноске не точно.

7. 139 – Нар – одногорбый верблюд, символ силы и могущества.

8. 152 – Не кент, а жент – нужно исправить в тексте и в сноске само слово. Объяснение правильное.

9. 249 – Козлодранье – конно-спортивное состязание, скачки в погоне за перехватываемым всадниками козлом, убитым специально для этого случая.

10. 256 – Жатак – сторож зимовья и оседло устроившиеся бедняки.

11. 278 – Бастангы – игры, развлечения молодежи по случаю отъезда кого-нибудь из членов семьи.

12. 308 – Ходжа – проповедник религии, обычно выходец из Аравии или из городов Туркестана. Это все по первой книге, и только по сноскам. Какие ты вносишь редакционные изменения в текст, я не знаю. Но тут помочь в чем-либо я не в состоянии сейчас и всецело предоставляю эту часть работы на твое усмотрение.

Замечания по второй книге

1. 141 с. – Преждевременно упомянут Михайлов – замени Акбасом.

2. 143 – Не Лаухулнама – Лаухунама.

3. 144 – Мантык и Гакаид.

4. 145 – Лаухунама.

5. 152 – Не бег коня – а стригуна.

6. 156 – Не Хакас – Уакас.

7. 158 – “Значит ты вырос” – выкинуть.

8. 161 – “Вижу теперь, что ты совсем взрослый” – выкинуть.

9. 166 – “Двухлетнего” – выкинуть.

10. 176 – “Жатаки” – бедняки, не имеющие своего скота и живущие оседло.

11. 178 – Эней – Анет.

12. 202 – Зачеркнуть две строчки относительно тигра и орла.

13. 210 – В списке “по-арабски” – зачеркнуть.

14. 211 – Из первых трех строк – зачеркнуть последние полторы, начиная со слов “чего добился...”.

15. 259 – “Трехлетнего Тураша” – зачеркнуть “трехлетнего”.

16. 267 – В юрте “не Изгутти” – а “Ескожы”.

17. 296 – Не дикого козла – а “дикого барана” – архара...

18. 307 – У тебя опечатка “Карашегиром” – надо “Карашолаком”.

19. 320-324 – Не Бугалы – а Бугылы.

20. 350 – В предпоследнем абзаце выкинуть полторы строки о втором сынишке.

21. 358 с. – Не Бахтижар – Бахтажар, не Ширкин – Шаркен.

22. 366 – Вместо “народник” лучше “человек”, и следующая фраза начинается так: “В нем гражданская совесть” и т. д.

23. 383 – Не Балагаш – Белагаш, не свели – увели.

24. 384 – Вместо Карашолак – Ахимбет.

25. 394 – Не Батакан – Ботакан.

26. 402 – Выкинуть фразу – второе предложение в реплике Ербола. Остается – “Чего ты хочешь? Признайся...”

27. 409 – Не Тойсыры – Тойсары.

28. 445 – Танирберды.

29. 452 – Шаке говорит Абаю на вы – поэтому нужно “пообедать оставили”.

30. 461 – Богеш, “двенадцатилетняя” выкинуть.

31. 462 – “Маленький”, “малыша” в отношении Магаш – выкинуть.

32. 463 – Тай (сноска) – жеребенок-однолетка.

33. 466 – “Грудную девочку” – выкинуть.

34. 473 – Не Алаяр – Аллаяр. “Невай” прошу заменить “Фзули” – ввиду предстоящего юбилея Навои и чтоб не было у нас с тобою конфуза на торжестве.

35. 483 – Фразу: “наказывать его нечего” выкинуть. А после слов “его правда” вставить фразу: “А украденное он заставил тогда же уплатить истцу”.

36. 490 с. – Вот сразу: “по-настоящему сблизившим Абая с Пушкиным” я вставляю после слова “Абая” еще “поэта”. Это весьма существенно. Просто читателем Пушкина он стал давно. Здесь важен день духовного общения с гением Пушкина. Ниже последний абзац перед 2-й подглавой нужно переделать... прочитанный роман Дюма “Три мушкетера”.

37. 495 – Предлагаю о Кокпае: “Кокпай когда-то учился в медресе, чтобы стать муллой, а затем вернулся в степь, стал певцом”. Не с “девушкой Тлеукабах” – “с девушкой рода Тлеукабак”.

38. 516 – Начало абзаца “Там однажды” выкинуть слово “там”. Потому что Тогжан не в тех родах, а в Тобыкты.

Дорогой мой Мухтарушка!

Вчера неожиданно узнал от В. Н., что она уезжает 1.IV, и сажусь за это письмо. Постараюсь, чтобы оно не было пуганым, хотя времени мало, а сообщить надо много. Итак:

1. О варианте для “М. гв.”

Понимаю, что тебе некогда, но торопиться с ним надо. Я не был у Евгеньева и не звонил ему об отсрочке, чтобы не напортить дела: узнав о задержке, он может и отказаться от мысли об издании. Поэтому буду ждать присылки твоего варианта, и с готовой рукописью приду в изд-во, тогда легче будет разговаривать, несмотря на опоздание.

Я предлагаю так: сообщи телеграммой (подробной), какие страницы 1-го и 2-го тома идут в основу варианта. Они должны составить листов 28-29. Один-два листа надо оставить в запас для тех связующих вставок, о которых мы с тобой говорили (пересказ того, что выпущено). Эти вставки ты дошлешь почтой или оказией, а я пока отдам перепечатывать основной текст. Вставки же, по получении, можно будет вложить в уже отпечатанный экземпляр.

За основу можно взять текст “Октября” 1-го тома, но значительно добавив в него то, что выпущено зря. Там было, кажется, 13 листов. (У меня нет под рукой журнала.) Этого мало, надо восстановить лист – два. 2-й том – за основу можно взять вариант “ДН” в нем 14 листов (точно 13,8). Обязательно надо восстановить главу об охоте (розыгрыш Жиренше), это около листа, и сцены с детьми (решение отдать учиться по-русски, разговор Абая с детьми и с Азимбаем, всю третью главку пятой главы (это около 1/2 листа). Значит, всего будет около 15 листов.

Выходит всего 30 листов. Но учти, что я всегда смогу убрать моим способом сокращения (по фразам) из тридцати листов – листа два свободно, освободив место для нужных вставок-пересказов. Всю работу взять на себя одного я не могу: нужно, чтобы ты сам решил, что выпустить, что восстановить в сокращенных вариантах “Октября” и “ДН” и

что превратить во вставки-пересказы событий, и чтобы ты написал эти вставки.

Основная линия сокращения: побольше оставлять текста, касающегося юности — и самого Абая, и всего, что связано с молодой душой (Амир, Абиш, вопросы воспитания, детей и т. д.) с любовью (Тогжан, вся линия, Салтанат, Айгерим). Но, может быть, отношения Абая и Куандык будут не к месту. Впрочем, неуверен.

Оставлять надо и все батальные места: вражда и бои в 1-м томе, бой из-за Коримбалы, схватка с Тентек-оязом — все это обязательно нужно.

Сокращать же можно: отчасти (если не превратить в пересказ) ас Божея, всю линию Базаралы — Нурганым, начиная с 1-го тома, постройку зимовки, ее осмотр, смерть Макулбая.

Повторяю, поторопись с этим: грубо говоря, жалко терять гонорар за это издание, материально оно самое выгодное (тройной тираж). Советую тебе послать Евгеньеву подробную телеграмму о том, что вариант мол высылается и т. д. и будет представлен тогда-то.

2. О ГИЗе

Идет медленная тягомотина. Торопили со сдачей, рукопись я сдал давным-давно, 25 февраля, а она все еще не в наборе. Вчера выяснилось, что были заказаны рисунки какому-то Сейфуллину, и что он над ними потел, а без рисунков типография не принимает в производство. Рисунки эти, наконец, вчера я увидел, и из 16 забраковал шесть-семь. В. Н. сообщили, что книга будет делаться месяцев восемь. Это преувеличено, конечно; буду следить и торопить, но все же, видимо, книга выйдет не раньше июля-августа.

Насчет оплаты 60% второго тома я договорился с Головенченко... но В. Н. тебе расскажет, что в секторе возникли “препятствия”, и она уезжает без денег...

Редактор книги Кульманова Зинаида Петровна — человек дотошный, осторожный и несколько слишком целомудренный. Поправки ее свелись к следующему:

1) Совершенно справедливо она обратила внимание на путаницу понятий “род” и “племя”. Теперь в обоих томах

мы приняли такую систему: Тобыкты, Найман и пр. — это племена. Внутри них — рода: Иргизбай, Жикитек и т. д. Все это выправлено и в 1-м томе. Так как и у нас с тобой была тут неясность, я решил согласиться с предложением Кульмановой.

2) С трудом я отбился от ее предложения совершенно выкинуть эпизод Базаралы — Балбала: она считала, что легкомысленное поведение Базаралы, который ночью лезет к девке в юрту, справедливо наказано Манасом: не лазай, куда не надо. И что такое поведение Базаралы бросает тень на его образ передового казаха.

Удалось все же уговорить ее, что это не так уж порочно. Но, чтобы не дразнить гусей, я на с. 100—101 выправил текст, убрав предосудительный факт залезания Б. в юрту. Теперь получается не так грубовато. Убрал также и упрек Нурганым на с. 103.

3) Кульманова заподозрила Абая в дон-жуанстве и в изысканной светскости: она отметила, что он “целует ручки дамам”: раз в сцене Салтанат, второй — Тогжан (в болезни). Опасается, что на Востоке не принято целовать ручки дамам. Я убедил ее в том, что это не совсем светкость, а скорее порыв души, к чему она все же отнеслась с подозрением, но оставила.

4) Высказывания Михайлова о неверности тактики террора смущают ее, отчасти и меня. Но, учитывая, что в “Советском писателе” это не вызвало ничьих сомнений (кроме Скосырева, об этом ниже), я все же оставил это. Но характеристику Михайлова Акбасом, несколько повышенную, снизил во всех изданиях, и это правильно: он у тебя без пяти минут вождь, а это, конечно, не так.

5) Мы сошлись на наименовании Акбаса. В ответ на мой вопрос ты сообщил, что Андреевич — это его фамилия. По-русски она звучит скорее как отчество или отдает сильно Польшей, чего нет в его характеристике. Переделал везде (и в 1-м томе, конечно) в Андреева, пояснив, что казахи называли его “Акбас Андреевич”.

6) Правильно было замечено ею, что введение понятий “Олжай” и “Айдос” в конце большого романа только путает. Соответственно это вызвало сомнение и в “СП”. Олжай

я убрал как класс, а айдосов заменил понятием “родичи-посредники”.

В поправках, посылаемых тебе, я этих страниц не указал, полагая что для издания в Казахстане это не так уж страшно. Если нужно, дошло.

7) В общем, роман ей очень и очень понравился. Отмечает, что язык второго тома несравненно легче, понятнее и лучше первого.

В разговоре с Фадеевым (см. ниже) я просил его подтвердить Головенченко, что решение комитета не должно отразиться на тираже романа. Фадеев говорил с Г., и тираж будет 30 000 наверное.

3. В “Советском писателе”

Здесь отношение к роману в общем хорошее, но замечается разница между мнением Граника (гл. ред.) и Кириянова (внутрен. редактор). Этот последний по совместительству работает и в “Дружбе народов” у Скосырева, что, несомненно, и сказывается на его несколько прохладном отношении к роману. Он признает, что это лучший роман, который он читал в изд-ве из национальной литературы, но бурного патриотизма к нему не проявляет. Более того: первый разговор по прочтении им рукописи начался с того, что он показал мне рецензию некоей Бакишвили или что-то вроде, в которой снова повторяется старая песня: роман де перегружен описаниями роскошной, байской жизни, сцены, где действуют угнетенные классы, написаны с меньшей яркостью и производят впечатление вынужденных, что автор в послесловии пишет, что Абая преследовала полиция, а в романе этого нет, и что наконец Абай выступает в романе не как поэт-публицист, не как политический деятель и просвещенец, а как любовный лирический поэт и покровитель юных любовных пар.

Прочитав это, я мгновенно надулся, побагровел, почувствовал приступ жабы, выругался и выругал Бакишвили, и тут же попросил отпечатать для меня копию сего увража, чтобы показать Фадееву, который публично говорил о том, что упреки подобного рода к твоему роману – глупости и вздор. Кириянов тут же дал отбой, сказал, что это “внутренняя рецензия” и что она никакого отношения к мне-

нию его (и издательства) не имеет, и что он показал мне ее “просто для сведения”. После чего стал более шелковым, и разговоры наши по роману приняли более мирный характер. Он ограничился пустыми стилистическими поправками, в которых повинен я, не досмотрев кое-чего из отходов Никольской. По существу и серьезного им ничего предложено не было.

Граник же, прочтя рукопись, сказал мне, что он восхищен романом, что это лучшее, что он прочел за эти годы по национальной литературе. Говорил с ним об образе Михайлова, он ничего не мог сказать против.

Рукопись здесь уже в наборе, сроки не очень ясны, но кажется, что здесь книга выйдет раньше, чем в Гизе, и это для нас — невыгодно — ибо тираж тут не будет больше 15 000, следовательно, первое издание окажется тут с малым тиражом... Оформление будет без рисунков.

4. “Дружба народов”

Сразу напрашивается — каламбур: это не дружба народов, а вражда народов. Только не пускай этот каламбур в свет, ибо за ним таятся серьезные вещи, и дойди это до Скосырева, как бы не было хуже.

Дело тут обстоит так. Поведение Скосырева, при всей моей малой склонности к подозрительности, все же вызывает на размышления. Начать с того, что он обманул меня со сроком: в декабре торопил со сдачей рукописи, чтобы роман пошел в мартовской книжке. Я сдал рукопись в назначенный им срок — 3 января. Раз пять-шесть он при встречах торопил меня со статьей о романе (была такая мысль), утверждая, что набор вот-вот сдается в типографию. В такие сроки, занятый отделкой романа для обоих издательств, я статьи написать не успел.

И только 9 марта я узнал, что рукопись в набор еще не сдана, и что роман выйдет в майской, а не в мартовской книжке. Это первое.

Второе. Взяв 9 марта рукопись, чтобы внести в нее стилистические поправки, сланные для обоих издательств, я обнаружил, что в сокращенном уже варианте Скосырев выкинул еще около двух листов (хотя при сдаче рукописи, узнав, что мы с тобой довели ее до 13,8 листа, он сказал, что

этого достаточно и что сокращать он больше ничего не будет).

Сокращения же он сделал безобразные: в главе “На жай-ляу” – весь эпизод Базаралы – Балбала (ну, это бог с ним, поскольку этой линии в этом варианте и нет). Но сократить всю сцену “дела девушки Салихи”, речь Абая на суде, разрыв с Жиренше и Уразбаем – уже возмутительно. В 7-й главе – выкинута вся сцена разбирательства с конокрадами. В 5-й – все об исламе, многое из разговоров с Михайловым.

Наконец – по внешней, бюрократической линии. Договор я приходил подписывать пять раз, и все шло абсолютно непонятно: то мне предлагали подписать договор на себя одного, без Никольской, на что я пойти не мог. То совместно с ней, на что почему-то не согласился Ярцев. Наконец последний вариант был составлен так: 22 листа по 600 рублей мне (что с Никольской – не знаю), вместо 13 листов по 1000 мне и 13 по 500 Никольской. Этот договор я в ярости порвал, бросил на стол и попросил отдать мне обратно рукопись, сказав, что не приставай так Скосырев к нам, чтобы печатать обязательно у него, мы давно бы пустили роман в “Октябре” и не 13 листов, а 15-16 и без всяких закулисных тайн.

Эта угроза подействовала – журнал остался бы без материала. Договор был на следующий же день составлен нормально (иначе, суди сам, по выходе журнала мне посчитали бы по 600 р. за то, что фактически есть в журнале – то есть за 13 листов). Выкинутый текст восстановлен (Салиха и конокрады). Что же касается Михайлова, то Скосырев сообщил мне, что тут он непреклонен и что будет убеждать тебя по приезду в Алма-Ату, что такое сокращение только полезно для тебя и что ты, несомненно, согласишься.

Кстати, и прочие сокращения он объяснял тем же – желанием улучшить роман. Не без яду он сообщил, что вот де роман Кербобаева “Решающий шаг” был больше 20 листов, а он сократил его до десяти, и теперь этот роман получает первую премию, а “Абая”, мол, отложили. На это я ответил – какой роман: иной лучше сократить до одного названия, и все будет в порядке.

Повторяю – я не подозрителен, и ты знаешь, что всякого рода литературные интриги всегда вызывают во мне та-

кое отвращение, что я предпочитаю верить, пусть ребячески, в честность отношения и литераторов к литературе. Но невольно думается — нет ли здесь тонко рассчитанного хода. Уж очень подозрительна настойчивость Скосырева, чтобы роман был напечатан у него, а не в “Октябре”, подозрительно и то, что будучи вначале настроен к роману более чем прохладно, он по прочтении слишком восхитился им, а в результате — задержал выпуск на три месяца, сократил тайно от меня так, что об “улучшениях” не может быть и речи. Подозрительно и торжество по поводу Кербабаева: все-таки своя, туркменская губерния, а тут такой конкурент... И еще — вся эта дружба с Сабитом, который околачивался в Москве больше месяца, избегая говорить со мной об “Абае”, но все время видясь со Скосыревым.

Мерзко это. А мы с тобой провалили. Конечно, надо было давать в “Октябрь”.

Все это учти соответственно при разговорах со Скосыревым в Алма-Ате, но сделай вид, что все это пришло тебе в голову самому. Пожалей мою жабу и не впутывай меня в разбирательство этой межродовой вражды. С Фадеевым я кое-что об этом говорил, но он не считает, что дело зашло так далеко, чтобы Скосырев стал помощником Сабита в этом грязноватом деле.

5. Кстати — о разговоре с Фадеевым.

Когда пошли слухи о том, что “Абай” в Комитете отложен, я стал искать места и времени для спокойного и подробного разговора с Фадеевым. Говорить с ним в Союзе — вздор. Там он разывается на части, слушает невнимательно, думая о другом. Наконец 11 марта аудиенция состоялась утром на даче. Разговор был подробный и спокойный. Фадеев по-прежнему настроен и к тебе, и к роману чрезвычайно положительно. Он подтвердил, что решение комитета было — считать роман “Абай” подлежащим обсуждению после выхода обоих томов в печать, в числе романов 1948 года на премию будущего года. Объясняется это формально тем, что 2-й том не вышел еще и что читатель его не знает. Присуждение же премии по казахскому только тексту, мол, трудно.

Он сообщил, что литературная секция комитета прочла перевод, и все были единогласно за премию. Но кроме секции, есть еще комитет, и выше... где романа еще не знают — второго тома, а по первому тому все помнят критику, которая была, и критику самого автора по другим работам (Академия). Разбить это предубеждение можно лишь самим материалом второго тома, что сделать трудно, поскольку нет опубликованного русского текста и опубликованных статей о втором томе и о романе в целом. Настаивать же на решении литературной секции было бы неверно, так как, если представление книги на премию не будет утверждено наверху, то второй раз представлять ее в будущем году будет уже нельзя. Следовательно, выгоднее отложить представление до будущего года. Так он и поручил мне объяснить тебе.

Закулисную сторону дела я объяснил, как умел, но Фадеев говорит, что это преувеличено, и посоветовал мне не волноваться за тебя и обождать будущего года, когда все пройдет чисто и наверняка.

Я думаю, что ты можешь представить себе, как повлияло на меня известие о переносе обсуждения на будущий год. Я был совершенно уверен в присуждении премии — в этом меня дезориентировал и сам Фадеев, который, по всей видимости, был так же уверен в этом. Я не думаю, чтобы отношение его к роману изменилось с тех пор. Но новость подействовала на меня плохо: после разговора с Фадеевым заиграла жаба, я два-три дня приходил в себя — и это может послужить тебе доказательством, как близко к сердцу я принимаю всю эту историю. Рассуждая философски, можно и подождать годик, но жабу философией не успокоишь.

6. Об издании в Алма-Ате

Я неосторожно сообщил тебе, что договор с Ахмедовым я подписал здесь, в Москве. Это неверно: договор он заготовил, но потом уехал в Ленинград, а по возвращении его я, по своей деревенской жизни, не застал его в Москве, он так и уехал, не подписав договора. Поэтому окажи и мне услугу взамен моей возни с издательствами здесь: я посылаю тебе доверенность, подпиши договор. Условно — мне 1000 за лист, с Никольской пусть как хотят, видимо, ей — пятьсот. Плохо, что выходит только второй том. Поправки ко второ-

му я высылаю с В. Н. Там все понятно — страницы по твоему экземпляру, кроме последней главы и эпилога, которые в моем экземпляре почему не сходятся с твоими. Тут я заметил не по строчкам, а по абзацам, но ты разберешься.

Вот, Мухтарушка, то, что накопилось за время с прошлого письма. Повторяю, главное теперь — это “Молодая гвардия”. Не для установки себя на пьедестал в твоих глазах, а просто для ясности обстановки, сообщаю тебе, что на днях мне предложили по флотской линии интересную поездку месяца на два, но я отказался, ибо выезжать нужно тотчас же, а надо мной висит и окончание возни с издательствами, и, главное, вариант “М. Гв.”. Пришли ты его раньше, я бы уехал, что сделал бы с наслаждением, как тот Антей; попал бы в родную среду без всяких интриг братьев-списователей. Но остался и буду ждать варианта, сдам его в “М. Гв.”, после чего буду считать себя свободным в действиях до тех пор, пока ты не обрадуешь меня очередным томом твоей пятилетки, которую я очень приветствую и в которой желаю тебе больших успехов.

В. Н. сообщит тебе мое мнение о присланных тобой страничках, писать об этом долго, а пора обедать, седлать “Москву” и ехать из деревни в столицу, чтобы передать В. Н. это письмо... Желаю и в этом деле тебе заслуженного успеха и одоления супостатов.

Передай мой салем друзьям, кто меня помнит.

Обнимаю тебя от всей души. Твой Леонид.

Опечатки извини — выправлять некогда.

Р. S. В. Н. любезно рассчиталась со мной за перепечатку за тебя, но как хорошая хозяйка сказала, что Никольская должна рассчитаться со мной сама, с нее — 1182 р. Ты мне ничего не писал, согласен ли ты с моей разверсткой этих расходов. Если согласен — сообщи, как произведет Никольская расчет — может быть, вышлет доверенность на “Дружбу народов”, где ей причитается получить. Если нет, надо разложить на нас ее сумму пополам, т. е. по 590 р. И как быть с перепечаткой для “М. гв.”???

Поправки к 2-му тому

Стран.	Строка	Напечатано	Следует
Титул		Перевод с казахского	Авторизованный перевод с казахского под редакцией Леонида Соболева
Оглавление		Глава 1, 2 и т. д.	Перед бродом На жайляу Взгорьями По рытвинам На перевале На распутье На вершине Эпилог
1		Глава 1	Перед бродом
	4 св.	на тюрки	на древнеузбекском языке,
	-	мог читать	читал
	7	к нему сегодня	у него нынче
	10	погрузившись	погружаясь
	12	оторванный чем-либо	оторвавшись
	14	книги на тюрки вводили	книги вводили
	7 снизу	Со стороны	Со страниц
	6 снизу	ему в глаза	перед ним
	1 сн.	(сноска)	(вычеркнуть сноску)
2	7 св.	-	Вычеркнуть “себе эти”
	8 снизу	Это и была старшая... и т. д.	Это и была его старшая сестра Макиш, жившая здесь, в Семипалатинске, замужем за сыном Тинибая, хозяина богатого городского дома, где остановился Абай. Вторая женщина...

4	9 св.	дороги	пути
	13	ее нахмуренные	нахмуренные
	7 сн.	но живет	живет
5	16 св.	убранной	прибранной
	17	Сюда вошли... и т. д.	С Кунанбаем вошли только Изгутты и хозяин дома – Тинибай ...
6	8 св.	но высокое и плотное его тело ...	но, высокий и плотный, он держался...
	6 сн.	братья Жакип...	братья его – Жакип
	7 св.	прекратили	перестали
9	1 св.	быть его спутником	сопровождать его
	2	до самого конца	до самой Мекки
	7	им придется	придется
	15	провизия	еда на дорогу
	6 сн.	молитв	молиться
10	1 св.	старые	ветхие
11	6 сн.	и молодежь	и молодежь -
12	5 св.	Вслед за Кунанбаем и т. д.	Вслед за Кунанбаем из толпы провожающих вышли Майбасар и Такежан и присели возле него. Абай...
15	11 св.	вычеркнуть “и говором”	
	12,13	высыпали из домов, провожая...	с любопытством провожали...
	15	вычеркнуть “ехавшая впереди”	
	17	растягиваясь	растягивались
	18	в его годове	впереди.

15	7, 6 сн.	видит спокойную... и т. д.	видит перед собой водоем, спокойная глубь которого вдруг всколыхнулась и помутнела от брошенного камня.
16	9 св.	поговорить	возможность поговорить
17	11 сн.	обсуждал их вместе с ними.	принял участие в беседе.
	10, 9 сн.	отправляясь с ним	сопровождая его
18	16 св.	переставить:	на лбу, стиснувшей его голову, словно обруч горькой неволи.
19	5 св.	круглой волне,	пологой волне,
20	10	опять побледнел	побледнел
	13	испорчено	тронуто
	15	двадцати шести лет	двадцати девяти лет.
	12 сн.	взоры других	взоры
21	2 сн.	Абай вздрогнул и весь вспыхнул.	Абай нахмурился.
23	9 сн.	медной стружкой,	медной проволокой,
24	7 сн.	медная стружка	медная проволока,
26	9 сн.	поехал шагом вдвоем	поехал рядом
28	4 св.	набил ими	набил книгами
	13	Абай усаживал мать	когда Абай посадил мать
29	4 сн.	как ни трудна	как бы ни трудна
30	2 св.	было состязание	шло состязание

30	5, 6 св.	здесь даже не решались проехать посылынные...	здесь не решались проехать даже посылынные...
	14	племени Байшора рода Мамай	рода Байшора племени Мамай
	4 сн.	статьями	статями
32	15 св.	вычеркнуть “спасаясь от дождя”	
	-	прижимались	прижались
	4 сн.	назойливый гам этого сброда	этот назойливый гам
33	9 сн.	слыхал	слышал
	8 сн.	племени Байшора	рода Байшора
36	14,13 сн.	Переставить: Но он никогда не видел своего друга	Но он никогда не видел своего друга в таком возбужденном состоянии
40	12 св.	длинными голенищами.	высокими голенищами.
42	3 св.	племени Еламан рода	рода Еламан племени Мамай,
43	12 св.	конечно, сверстники мои, зачем же нам...	зачем же нам...
44	1 св.	Отступное:	Отступного:
	10-12 св.	это была красивая... и т. д.	эта была та же красивая грустная песня, которую недавно пела сама Шукиман, но слова ее, тоскующие и страстные, были новы для нее:

47	9 св.	Айгерим... Айгерим!..	Айкорим... Нет, Айгерим!..
51	1 св.	Вычеркнуть: “ничего не ответили”	
	17	племен Иргизбай,	родов Иргизбай,
53	4 сн.	больше десяти	двенадцать
	2 сн.	восьмилетнюю	шестилетнюю
	1 сн.	шестилетнего последыша Магаша	четырёхлетнего Маленького Магаша
54	4 сн.	все еще заговорила:	все же заговорила:
56	5 сн. 10 сн.	рода Мамай	племени Мамай
57	3 сн.	и пытался	пытаясь
59	12 св.	решения Жиренше,	объяснения Жиренше,
62	1 св.	в песне	на жайляу
63	2 св.	белым юртам,	белым гостиним юртам,
	3 св.	вычеркнуть “юрт”.	
	7 св.	Жители края аула	Жители этого края аула
64	11 сн.	и так и не	так и не
65	6 св.	тот, кто	который
67	3 св.	стоит, останавливаясь	стоит, замирая
	6 сн.	управление “с коня”	“управления с коня”
	6-5 сн.	принадлежало Майбасару	принадлежало его младшему брату Майбасару

67	5 сн.	В отсутствии его суро-	В отсутствии суро-
68	5 св.	овцы доятся	овец доят
69	2 сн.	Катша	Злиха
71	2 св.	озаренные	озаренным
	Стихи	ни пользы, ни зла	народ мой, зла: Я вольный...
74	11 сн.	– Вы правы, Базеке, всегда правы!	– Ты прав, Базеке, всегда прав!
	10 сн.	вы!	ты!
81	4 сн.	пышными косами,	пышными косами, отливавшими бронзой
89	16 св.	его.	его...
91	12	злости мести.	злости и мести.
	5 сн.	это мое личное дело,	это только мое дело,
93	10 сн.	пригласили его	пригласили певца
	8 сн.	род Тобыкты	племя Тобыкты
	8	оказал	оказало
95	9 св.	вычеркнуть “сдержанной и”	
96	3 св.	петь их сам,	петь сам,
100	7 сн.	улегся не раздеваясь.	не мог заснуть
	6 сн.	осторожно вышел и осмотрелся.	вышел из юрты.
	2 сн.	но едва... и т. д.	вдруг из тени соседней юрты вынырнула
101	14 св.	вычеркнуть “на ее пороге”	
	2 сн.	как только кони выехали	едва они выехали

103	16-22 св.	вычеркнуть: два абзаца	“Отдайте Базекену” до “в тот же день”
	8 сн.	ей удальство, суматоху, свалку.	ей суматоху и свалку, где можно было бы показать свое удальство.
111	3 св.	вычеркнуть	“у него Балбала из головы не выходит”
112	11-12 св.	белую стройную шейку.	белое горлышко.
	6 сн.	чем ближе было урочище, тем яснее...	теперь все яснее
113	4 св.	так тесно заставленном аулами.	где стояло множество аулов.
	13-14	и ее женге Капа были...	и Капа, жена ее брата Акимхожи, были...
113	1 сн.	ногами,	копытами,
114	сноска	добавить: “между ними и их семьями”	
116	13 сн.	кровожадный Абдильда	хитроумный Абдильда
	сноска	мясное блюдо, род селянии	жареное крошеное мясо
119	8 сн.	помогать молодым	содействовать молодым
	7 сн.	добиваясь узнать	пытаясь узнать
	6 сн.	Коримбале бежать от жены, Акимкожа	бежать Коримбале от Капы, Акимхожа
	5 сн.	упрекал Капу в том	упрекал жену в том

123	7 св. 13 св.	племени Топай четыре племени рода Айдос	рода Топай четыре рода
124	7 сн.	этих племен Ай- доса	этих родов
125	7 св.	жизнь попусту	дни попусту
126	3 св. 7 сн.	два крупных племени нажимает силь- нее	два крупных рода наседает сильнее
130	1 сн.	но казалось	но как будто и
131	12 сн. 9 сн.	не впервые, с его отданной пикой	не впервой с его пикой
133	17 сн.	немедленно	тотчас же
134	8 св.	выслал	прислал
135	9 св. 10	по решению сбора сбор постано- вил	по решению старейшин старейшины постано- вили
137	13 св.	пошел за остальными в соседнюю юрту	пошел в соседнюю юрту звать остальных к ужи- ну
139	11 св. 15 16	глава 3 ее всю своей стуча своими крохотными сохраняя свои	Взгорьями ее своей стуча крохотными спасая свои
141	4 св.	о Михайлове	об “Акбасе Андрееви- че”. (Если же будет печататься только второй том, то: “о его новом русском друге, адвокате Андрееве”)
142	1 сн.	всякое доброе деяние	всякое благое начина- ние

143	6 св. 17 сноска	лаухулнама Собравшуюся тучку	лаухунама Набравшую тучку Набор слов, по звучанию напоминающий арабский язык Корана.
144	13 сн. 3 сн.	вычеркнуть “редкого” “Мантык Гакаид”	“Мантык, Гакаид”
145	2 сн.	лаухулнама	лаухунама
147	6 св.	анетам,	кокше,
148	8 сн.	от бессонной	после бессонной
151	3 сн.	табуны стада	табуны и стада
152	3 сн.	бега коня	бега стригуна
156	4 св.	хакас	уакас
158	10 св. 15 6-5 сн.	я не я буду отражением тоже искусство... и т. д.	не я буду отраженным тоже искусство, и оно требует большой настойчивости... Ну, показывай...
161	12-11 сн.		жигиту!.. (Вычеркнуть далее: “вижу теперь, что ты совсем взрослый!”)
165	9 сн.	казалось вместе с конем он гнал свои мысли...	вместе с конем он как будто гнал и свои мысли...
166	14 сн.	вычеркнуть “двухлетнего”	
169	15 св.	нежно глядя	с нежностью глядя
178	8 св. 9 сн.	эноя ложки супа	Аннета ложки шурпы

179	5-6 св.	Абай сидел... и т. д.	Абай в глубокой задумчивости с болью в душе слушал Даркембая. Он то хмурил
181	9 св.	раскиданных	выброшенных
182	12 св.	сорока племен	сорока родов
183	13 св. 11 сн.	за верховым повесой... вычеркнуть “слово писание”	за бездельником на коне...
186	16 св.	рода Найман	племени Найман
188	2 св.	вычеркнуть “Мы к нему непричастны”	
189	15 св.	Жиренше предлагал	Жиренше говорил
190	5 св. 6 сн.	вычеркнуть “ближайшим” сказал ему – вычеркнуть “ему”	
195	15 сн. 1 сн.	юрта сплющилась действовать им	юрта осела действовать им самим
198	7 св.	покрыватели	укрыватели
199	11-10 сн.	Адвокат “Акбас... и т. д.	адвокат Андреев (“Акбас Андреевич”, как называли его казахи), с которым
200	8 св. 10 сн. 6 сн. 1 сн.	адвокат знал и адвоката вычеркнуть “для заработка” вычеркнуть “и властного”	Андреев узнал и Андреева

201	3 св.	перестал волноваться.	перестал тревожиться
	14 сн.	Вычеркнуть “присущей ему”	
	1 сн.	и суп,	и шурпу,
202	4-3 сн.	Вычеркнуть всю фразу	“разъяренный тигр...” до “Разные люди”
205	4 сн.	огромную	великую
208	стихи	Пусть лучшего	Хоть лучшего
209	6 св.	И адвокат	И Акбас
	7 св.	Адвокат говорит	Акбас Андреевич говорит
210	сноска	Вычеркнуть “по арабски”	
211	2-4 св.	Вычеркнуть всю фразу “чего добился...” до конца абзаца	
	10	адвокат Акбас Андреевич	адвокат Андреев
	14	Лосовский показал... и т. д. до конца абзаца	Лосовский что-то сказал ему, и тот улыбнулся и внимательно посмотрел на Абая. Оба они сели позади него.
	5 сн.	карнаухий	корноухий
212	5 сн.	на их языке.	на русском языке.
	4 сн.	Вычеркнуть “русских”	
	2 сн.	красноречивые выражения	образные выражения
	1	сам переводил на русский язык	сам и переводил.

213	12 св. 14 св.	адвоката Акбаса, Акбас легко	адвоката Андреева Андреев легко
214	9 св. 10 св. 9 сн.	Вычеркнуть “личных” с адвокатом того за счет унижения самого Кошкина.	с Андреевым того, пожертвовав достоинством его, Кошкина.
215	8 сн. 3 сн.	запуталось столько самоуправства	Сплелось столько поведения
216	2 сн.	Акбас, Лосовский	Андреев, Лосовский
219	11 св. 12	Встретившись с Акбасом Презрения.	Встретившись с Андреевым, Возмущения.
221	12 св. 4 сн.	ей самой выдать Абая на поруки было отказано. не привел,	выдать Абая ей на поруки отказали. ни привел,
225	6 св.	вот знакомлюсь с положением дела, я ведь...	вот советуемся, что делать дальше: я ведь...
226	8 сн.	яростное женское	простое женское
227	1 св. 11 св.	вычеркнуть “простого” “Вот самое ценное место в городе”	“вот где самое ценное во всем городе”

229	15 сн.	вычеркнуть “первой от входа”	
	12-11 9 и 8	Адвокат Акбас часто Вычеркнуть “петербургских и московских”, “и современных политических эмигрантов” (вырос под влиянием представителей передовой русской мысли.)	Андреев часто
	4	Переставить:	Наоборот, в заключении и в ссылках, находясь среди лучших...
	2-1	Михайлов воплощал в себе лучшие качества своего народа...	Михайлов был одним из лучших людей своего народа...
231	1 св.	стычками	в стычках
232	12 сн.	отшатывались от Лосовского	сторонились Лосовского
233	10 св.	Михайлов тоже рассмеялся...	Михайлов рассмеялся...
	2-1 сн.	В этой беседе...	Эта беседа была для меня большим полезным уроком...
234	11 св.	будут вам самыми верными друзьями	будут самыми верными вашими друзьями.
	1 сн.	Переставить:	и перенесенных ими страданий.

236	10 св.	Вы действовали тут... и т. д.	Кошкина вы проучили хорошо!... А знаете, что вам помогло? То, что вы верно угадали...
237	4 св. 9 св. 10 св. 2 сн.	Через Акбаса дожидались его уже не видели его: Абай пропал... увеличил овалы ее больших глаз,	Через Андреева дожидались отъезда уже Не видели Абая: он пропал... Увеличил ее большие глаза
238	9-10 св. 1 сн.	женитьба на Айгерим принесла ему большие неприятности в семье. Вычеркнуть фразу: “кто он, каков он, я толком и не знаю, даже увижу его в первый раз” – иначе непонятно дальше, почему Салтанат пойдет за кого угодно, только не за него. Почему, если она и не знает, кто он, каков он?	женитьба на Айгерим была встречена родными холодно.
239	12	Бог взял меня к себе	Бог отнял у меня жизнь
244	6 св.	И по общей.....	И по всеобщей истории, и по истории Европы.... (вычеркнуть “старой”)

244	8 сн.	Арабское учение — ислам — в течение...	Арабская культура в течение...
	7 сн.	оказывало	оказывала
	6 сн.	способствовало	способствовала
245	7 св.	Мусульманство со всем его...	Мусульманский мир со всем его...
246	12 сн.	мой род Тобыкты	мое Тобыкты
247	15 св.	а ведь от них путь к	а ведь они очень близки к
	9 сн.	Адвокат присоединился	Андреев присоединился
251		Глава четвертая	ПО РЫТВИНАМ
	10-9 сн.	высокая и жилистая... и т. д.	костлявая и жилистая смолоду, она казалась теперь совсем высохшей.
254	16 сн.	чувствовала,	чуяла,
255	1 сн.	Вычеркнуть “прямоугольной”	
256	10 св.	Вычеркнуть “новом чистом”:	В доме, полным тени и прохлады,
257	7 сн.	карагана	карагача
258	5 св.	ковыль шелестит	ковыль шевелится
	6 св.	шумя	шелестя
	15 св.	особенно сильно	с особенной силой
259	2 св.	придававший ей особенную красоту.	особенно красивший ее.

259	4 св.	трехлетнего Ту- раша	маленького Тураша
262	4 св.	она ничего не ответила	ничего не ответив на мольбы Абая, она под- нялась с места,
	6-5 сн.	Вычеркнуть: Оно требовало, чтобы он на- шел себе ново- го верного и му- дрого друга.	
267	14 св.	в юрте Изгутты	в юрте Есхожи
268	7 св.	среди других со- звездий	среди других
	11 сн.	те спешились	Сэри спешились
269	13 сн.	подошли два.	подошли две.
270	1 сн.	облегавшими ее маленькие нож- ки,	облегавшими малень- кие ножки
271	4 св.	его голубой ат- ласный	голубой атласный
274	6 сн.	ему не хотелось	Дутбаю не хотелось
275	4 св.	вычеркнуть “Друг к другу”	
277	14 св.	мысль о нем	мысль о встрече
286	15 сн.	Будь он собакой	Будь он хоть собакой
287	2 сн.	Направив их на Абая и на Ами- ра, который...	Обратив их к Абаю и к Амиру, который...
	1 сн.	переставить:	вышедшими из орбит глазами
292	4 св.	его все еще го- няют все,	его гоняют все,
294	15 св.	только выросло ее сознание, мы	только расширился ее кругозор, мы

294	6 сн.	на разных берегах, без брода.	на разных берегах, не находя брода.
296	3 св.	дикого козла	дикого барана
	5 св.	заря.	заря,
298	6 св.	знающему и уход за ловчей птицей и тренировку ее.	знающему уход за ловчей птицей.
299	1 св.	Вычеркнуть: “купленный летом Абаем”	
306	9 сн.	провел в его руках около...	пробыл у него около...
307	7 сн.	Карашегиром	Карашолаком
310	12 сн.	уже считался	уже стал
312	12 св.	которых выгнал	которых выгонял
319	4 св.	он обратился	Абылгазы обратился
320	12 сн.	Бугалы	Бугылы
331	6 сн.	единственная светлая	единственная, светлая
333	14 сн.	действительностью	явью
	7 сн.	Нас. Что на тебя — наитие нашло. Разве...	Нас. Свыше тебя осенило, что ли. Разве
344	11 св.	Тогжан полная	Тогжан, полная
348	3 св.	поведении Тогжан	поведении молодой келин
	5 св.	состоит их невестка	состоит Тогжан
350	13 сн.	тальник	камыш

350	8 сн.	В город с полными корзинами книг, привозя Абаю единственную пищу души.	В город, привозя Абаю полные корзины книг – единственную пищу души.
	6, 5, 4 сн.	Вычеркнуть весь абзац	“Сидя в комнатах”
351	4 св.	отдалила ее	отдалила Айгерим
	6 св.	причину ее охлаждения.	причину охлаждения.
	7 св.	говорить с ней о	говорит о
	8 св.	простить ей ее	простить Айгерим ее
352		Глава 5	НА ПЕРЕВАЛЕ
353	4 св.	прочитанных им книгах	прочитанных книгах
356	2 сн.	“Областные известия”	“Областные ведомости”
358	10 св.	Шаркин	Шаркен
	15 св.	Вычеркнуть “европейских и русских”	
	9 сн.	усваивал	усваивая
363	15 сн.	Вычеркнуть: “И это произошло каких-нибудь два года назад!..”	
	5 сн.	Вычеркнуть “Но изумление его перешло все границы, когда”	
364	6 сн.	Вычеркнуть: “упрямо и близоруко”	

365	6 св.	Рабство навале-но ни их голо-ву дворянами-помещиками,	Народ держат в рабстве дворяне-помещики,
366	13 св.	настоящий на-родник: Это че-ловек, в кото-ром...	настоящий человек. В нем...
367	1 сн. 1 св.	Вычеркнуть “единственная во всей России”	
	14 св.	Вычеркнуть: “Абай был убежден, что Михайлов мог бы сам стать од-ним из руково-дителей передо-вого движения”	
368	9 сн.	Силентий	Силантьев
371	9 св.	Гонил	Гонит
373	14 св.	сколько у вас болячек	сколько болячек
375	4 сн.	Акбас,	Андреев
379	13 св.	ночью	в ночной беседе
381	1 сн.	родов Сыбан, Тобыкты и Уак,	Сыбана, Тобыкты и Уака,
383	13 св.	Балагаш	Белагаш
	18 св.	свели	увели
384	2 св.	Карашолака	Ахимбета
	11 сн.	Карашолак	Ахимбет
394	3 св.	Батакана	Ботакана
	13 св.	помогал ему	помогал Базаралы
399	10 св.	Прижав к себе Абиша,	Обняв Абиша,

401		Глава шестая	НА РАСПУТЬЕ
402	14 сн.	Вычеркнуть фразу “Когда человеку...” до “Признайся”...	
	3 сн.	четыре рода	четыре племени
403	4 св.	крупных родов	крупных племен
	12 св.	родом Тобыкты, две – родом Сыбан, две рода Уак	племенем Тобыкты, две племенем Сыбан, две – Уак
405	1 сн.	родов Сыбана,	Сыбана
406	1 св.	Керей и Уак.	Керея и Уака.
407	5 сн.	чуть заметно изрытого	чуть заметно тронутого
409	10 св.	товарищи	спутники.
	9 сн.	Рода Сыбан.	Сыбана
	8 сн.	Тойсыры	Тойсары
	7 сн.	Из племен Тобыкты	Из родов Тобыкты
410	7 св.	между родами Тобыкты и т. д.	между Тобыкты и Кереем, Кереем и Сыбаном, Сыбаном и Тобыкты дел...
	15 св.	между родами Керей и Сыбан.	между Кереем и Сыбаном.
411	8 сн.	Байкокше, приняв... и т. д.	Приняв домбру из рук Абая, Байкокше тут же...
412	14 св.	до твоего труда и мигом очернит его!	до тебя и мигом очернит твой труд!
415	4 св.	которое подают несколько племен	которое составляют несколько родов

415	3 сн.	печать своего старшины	печать аульного старшины
	1 сн.	гадкое	мерзкое
417	6 сн.	придется в качестве	придется действовать в качестве
419	16 св.	Мамай, сильный род, Олжай, тоже богатый род.	Мамай, сильное племя, Тобыкты тоже богатое.
421	9 сн.	слабо знаю	плохо знаю
422	11 св.	поступок	проступок
425	1 св.	что вы акын,	что и вы акын,
428	13 св.	наш род Тобыкты,	наше Тобыкты,
429	12 св.	Андреевич	Андреев
	13 сн.	вынесено	состоялось
	4 сн.	смастеривших	состряпавших
432	3 сн.	четыре рода	четыре племени
435	5 сн.	родами,	племенами,
436	6 сн.	Кара-Шолак	Ахимбет
440	6 св.	получше и угостит	получше примет и угостит
	1 сн.	Серкибай,	Серикбай,
445	3 св.	поступившие к нему от	поступившие от
	9 св.	Таниберды	Танирберды
	13 св.	Вы и боретесь и скот угоняете	Вы и скот угоняете
447	9 сн.	калым на невесту	калым за невесту
452	12 сн.	пообедать оставил:	пообедать оставили.
461	5 св.	Багеш	Богеш

461	9 сн.	Вычеркнуть “двенадцати-летняя”	
462	2 св.	маленького	
	14	маленький	
	15	огорчала малыша больше	огорчала его больше
466	14 св.	Вычеркнуть “и грудную девочку”	
	16 св.	остров. В лодку взяли и т. д.	остров, они взяли в лодку кумыс и еду и провели...
468	13 сн.	жила учительством,	жила уроками,
469	10 св.	рода Мамай	племени Мамай
470	14 св.	Вычеркнуть “детям”	
	3 сн.	“правдивая”	
471		Глава седьмая	НА ВЕРШИНЕ
	2-й абзац	Его имя как поэта	Как поэт он был в то время уже известен повсюду.
	3-й абзац	стремлений и влюбленная	стремлений, влюбленная
		подбирала напевы	подбирала к ним напевы
4-й абзац	от хлопотливой и тягостной обязанности неизменно привлекало	от хлопотливой обязанности постоянно привлекало	
472	1 абз.	в это солнечное зимнее	в солнечное зимнее
		теплились лампы мысли,	светилась настойчивая мысль,

473	посл. абз.	суфи Алаяр и даже Новаи.	суфи Аллаяр и даже Фзули.
474	2 абз.	книга раскрывается слева,	книга раскрывается влево,
476	2 абз.	заговорить скромным казахским языком.	заговорит казахским языком.
		Он вспомнил Кокпая и Муха:	Он подумал о Кокпае и Муха:
	4 абз.	Перечитывая это, Абай думал о	Перечитывая это, Абай вспомнил о
	посл. абзац	помутневший смягченный взор	смягченный взор
477	абз.	“Абай без перебива...”	
		В восторге он выбросил из-за губы старый насыбай	Довольно улыбнувшись, он выбросил из-за губы насыбай и
478	абзац:	“И чтобы не забыть...”	
		узковерхий – рода Уак	узковерхий – племени Уак.
479	абзац:	“Задавая им обычное вопросы”	
		истец Сарсеке из рода Уак,	истец Сарсеке из Уака,
	там же:	получил полностью своих коней...	получил возмещение за своих коней...

481	абзац:	“Снова бесконечные препирательства”	
		Вычеркнуть: “Как утомляются эти люди и как они губят душу”.	
482	абзац	“Слушая его, Абай...” –	Вычеркнуть “слушая его:” исправить: Абай долго пристально смотрел на него, думая про себя:
483	абзац	“Наказывать его нечего”	Вычеркнуть начало. Будет: – Считайте, что он дал мне крупную взятку. Эта взятка - его правда... Пусть вернет Уакам стоимость угнанных коней – и кончайте на этом...
484	стр.	посл. абзац, переставить фразы:	Засиживаясь в зимнее время подолгу дома, Абай зазывал к себе таких игроков в кумалаки, как Макишев Исмагул, как Маркабай или Корпекбай, и заставлял их гостить неделями. Сам Абай...
487		– Ишь как испортил все этот дохлый	– Все испортил этот дохлый...
489		Эта бедная девушка, в самом деле	– Бедная девушка, в самом деле...

490		стр., абзац: “Вы пожалуй правы” Но только, как же. Он ведь был достойный, ...	Но как же быть. Он ведь недостойный, а...
	абз.	“Весь вечер Абай сидел над Пушкиным” – вставить после слов “Сблизившим Абая с Пушкиным”:	...Пушкиным: он читал теперь пушкинские стихи не глазами читателя, а всем своим сердцем поэта. Закрывая перед поздним ужинном книгу, Абай сказал вслух:
	посл. абзац главы	книгу Лесажа и т. д.	роман “Три мушкетера”.
		первый абзац главы переставить:	На западной окраине... сошлась вечером молодежь.
491	вместо абзаца	“Другим почетным гостям”	Другим почетным гостем был Шубар, племянник Абая. Потеряв на последних выборах должность волостного управителя, он решил приобрести известность как акын и певец. Честолюбивый и тщеславный, он завидовал все растущей славе Абая-поэта, и в кругу молодых акынов держал себя так, словно ему принадлежало первое место. Одевался он тщательно, холил себя, золотая цепь недавно куплен-

491			ных золотых же часов блестяла на жилете. Поглаживая свою густую черную бороду, он говорил сдержанно и значительно, в особенности в отсутствии Абая, считая себя много выше остальных казахов.
491	абзац	“Здесь был еще...” – Ему нет восемнадцати лет	Ему нет еще шестнадцати лет
493	2-й абзац	Вычеркнуть последнюю фразу: “Лучше говорит, я сам это напишу – и отобрал...”	
494	2-й абзац	Гости изнемогали от смеха, а жена Танжарыка...	Общий хохот прервал его, даже жена Танжарыка...
495	абзац	“Пусть старшие” – девушкой Тлеукабах..	девушкой из рода Тлеукабах...
498	абзац	“Через два дня Муха...” – вечеринку рода Уак.	вечеринку к Уакам.
499	абз.	“Михайлов уже порядочно...” – он вскочил с места, оживленно охватил Кокпая за плечи и	он вскочил, оживленно охватил его за плечи и

500	посл. абзац главы	этот перевод был	перевод Абая был
	первый абз. главы:	сегодня в Акшоки	на зимовку в Акшоки
501	2 абз.	связаны совсем исключительной дружбой.	связаны искренней дружбой.
512	абз.	“Рядом с Такежаном сидели”... – Поняв по их лицам, что и стихи Абая и эти слова их обозлили, Оспан...	Увидев, что и эти стихи, и слова его обозлили их, Оспан
516		Там однажды вечером крайней...	Однажды вечером крайней бедной юрте далекого большого аула...
517	абзац	“Абай с молчаливой...” – Абай с молчаливой удовлетворенностью слушал	Абай с молчаливым удовлетворением слушал

М. Ауэзов – Л. Соболеву

№ 78

20.04.1948 г.

Леонид Сергеевич родной мой!

Вот, кажется, я закончил и работу для “Молодой гвардии”. Продумав посерьезнее, я решил, что лучше восстанавливать ранее пропущенные (в сокращенных вариантах), художественно отделанные нами куски, чем писать схематич-

ные, либреттные куски-склейки. При чем работать приходится насилуя текст, упрощая, выхолащивая его.

Кроме того было много пропущено хорошего и в “Октябре”, и для “Дружбы народов”.

Сейчас я представляю тебе двоякую работу.

Одна — восстановление готовых кусков, другая — мои вставки. Последних по первому тому пять, а по второму — тринадцать. Всего нового текста вставок около одного печатного листа. Так что эта работа не должна отнимать много времени у тебя.

Для порядка, вначале я изложу свои соображения по восстанавливаемым кускам, а потом особо перечислю вставки.

По первому тому

Первая глава “Возвращение”, страницы по журналу “Октябрь” № 7 — восстановить:

1. Две с лишним страницы из книги о приезде Жиренше и об охоте мальчиков. Печатать на с. 65 после фразы “вы накиннули ее на свою собственную шею”.

2. Полстраницы — разговор Улжан с Жиренше из книги. Печатать на с. 66 после слов “беззвучно шевеля губами”.

3. Две страницы до конца подглавки об Оспане (из книги). Печатать на с. 66 к концу подглавки после слов “было необычайно тихо”.

4. Полторы страницы из книги о репертуаре Дулата про нужду народа (вечерний репертуар). Печатать на с. 68 после слов “они жадно слушали пение”. Восстанавливать начиная со слов: “И когда наступал вечер”.

По второй, третьей и четвертой главам восстанавливать ничего не нужно.

По пятой главе “По предгорьям” восстановить:

1. Всю первую подглавку — 13 страниц из книги, печатать в самом начале с. 134 журнала № 8.

2. Сократить относительно Куандык — с. 167 после слов “они только шутили” до конца подглавки, сохранив лишь один абзац, начинающийся со слов “он оценил Куандык” — кончающийся словами “равной ей не было и не могло быть”.

По второму тому, по твоей рукописи восстановить:

1. Страницу об Абилгазы, о его разведке – с. 119.
2. Розыгрыш Жиренше – с. 303.
3. Воспоминание об Асе.
4. Об изучении детей (одну страницу) – с. 375.
5. Третью подглавку о детях, об Азимбае – с. 390.
6. Расспросы, выяснение Абаем полученного калыма – с. 447.
7. О детях в повозке – с. 462.
8. О хозяйке квартиры – с. 468.

Теперь по порядку о вставках. Здесь я даю перечень всех вставок по двум томам, а дальше отдельно прилагаю эти вставки с указанием страниц журнала или твоей рукописи.

По первому тому (пять вставок):

1. Вставка первая на с. 138 журнала № 8 – о старейшинах. Вставить после слов “и наконец рассорились”.

Да еще на этой странице ниже нужно вычеркнуть имя Бабура – остаются “Навои и Аллаяра”.

2. Вставка вторая на с. 139 – пересказ о деле Кунанбая. Вставить после слов “чтобы разузнать что-нибудь”.

3. Вставка третья на с. 147 – о вечере у Кудайберды. Вставить после слов “Абай почувствовал искреннюю радость”.

4. Вставка четвертая на с. 150 – о Жумане. Вставить после слов “опьяненный властью Кунанбая”.

5. Вставка пятая на с. 173 – о ночевке у Кудайберды. Вставить после слов “а Абай отправился в Карашоки”.

По второму тому (тринадцать вставок):

1. Вставка шестая к с. 3 рукописи о шутке Улжан. Вставить после слов “можно накрывать, несите”.

2. Вставка вторая на с. 4 относительно Макиш. Вставить после слов “помедлил ответом”.

3. Вставка третья на с. 6 относительно Изгутты. Вставить после слов “ходил ли он или сидел”

4. Вставка четвертая на с. 16 относительно прощания с Улжан. Вставить после слов “пересиливая в себе ярость”.

5. Вставка пятая на с. 22 относительно Такежана. Вставить после слов “продолжали путь молча”.

6. Вставка шестая на с. 30 относительно дальности пути. Вставить после слов “ночлег, не встречалось”.

7. Вставка седьмая на с. 35 относительно Бекея и женихов. Вставить после слов “конечно, девичья”.

8. Вставка восьмая на с. 175 относительно постройки, о самообразовании, о детях, об охоте. Вставить в самом начале главы.

9. Вставка девятая на с. 335, о беседе Ербола с Абилгазы. Вставить в самом начале страницы.

10. Вставка десятая на с. 356 о рассказах Баймагамбета. Вставить после слов “с Баймагамбетом в Семипалатинск”.

11. Вставка одиннадцатая на с. 430, о думах Абая. Вставить после слов “его тело избито”.

12. Вставка двенадцатая на с. 444 о выборе родов. Вставить после слов “советов его слушаются”.

13. Вставка тринадцатая на с. 445, о биях. Вставить после слов “помощниками в разборе тяжбы”.

За этим отдельно приложены самые вставки по обоим томам.

Я оценил и понял всю твою тревогу об этом варианте, потому начал работать сразу же по приезду В. Н.

За последнюю неделю подал три телеграммы по 70, 60 слов, с просьбой ускорить печатание, там же сообщал свои соображения о восстанавливаемых кусках. Но странно, не получаю ответа твоего. А свои телеграммы, их отправку я здесь провел через контроль телеграфа, и они посылались буквально через несколько минут после моей подачи. Если ты посылал за эту неделю мне телеграммы, то прошу тебя телеграфно обратиться к уполномоченному министру связи Позднякову. Это очень хороший человек, знает и тебя. Пусть он взыщет со своих служащих здесь; если они не виновны, то просто можешь устроить скандал у себя на почте.

Договор от твоего имени заключил. Условия — тысяча рублей за лист тебе. До сих пор задерживалось это дело из-за того, что сокращали, выясняли окончательный листаж в местном ЦК. Аванс 60% обещают пятого мая.

Получу — вышлю сразу же. Телеграфируй, нужно ли перевести аванс Ольге Митрофановне.

Ну, теперь я буду просить тебя об ускорении сдачи варианта в издательство “Молодая гвардия”.

С приветом, твой Мухтар.

Вставка к первой книге романа “Абай”

(Подстрочный перевод автора)

Вставка 1-я, к 138-й с. журнала “Октябрь”, № 8

Виденное и пережитое за этот последний год все заставляло Абая взрослеть преждевременно. Когда противники его отца называли Кунанбая насильником, Абай полагал, что эти лица истинно пекутся о народе. Они любили повторять “Кунанбай обирает бедноту, отнимает земли народа, ввергает в слезы неимущих”. Но почему же теперь, когда сила оказалась на их стороне, в их руках, эти старейшины сами так же обманывают, обижают народ? Почему же, вместо того чтобы вернуть самому народу отнятое у него Кунанбаем, они сами норовят обобрать еще больше этот народ? Разве не вышло так, что насильно отнятое одним Кунанбаем поделили теперь между собою пять Кунанбайчиков. Начали борьбу за честь и память Божея и почему же все это продали за полученные самими зимовки?

Думая над этими вопросами, Абай понял, как обманут народ, и как вместе с ним был обманут и он сам. Он понял, что заступник народа не выйдет из этой среды старейшин, которые по расчету сегодня с Кунанбаем, а завтра против него. Народ должен выдвинуть своего заступника из людей другого круга и склада. “Ворон ворону глаз не клюет” — сказал народ, очевидно, глядя на таких “попечителей” — думал Абай.

Вставка 2-я, к 139-й странице ж. “Октябрь”, № 8

В каждый свой приезд в аул Кунке вместо того, чтобы услышать новости об отце, Абай слышал слова вражды и соперничества. Кунке беспрестанно возводит хулу на Улжан. Особенно резко и прямо высказывает она Абаю эти обвинения. Она представляет себя единственно озабоченной женой о муже.

Вокруг ее аула много зимовок, потому много гостей приезжает к ним. Кунке злят издержки из ее хозяйства. А аул Улжан в Жидебае, подальше от большинства рода, туда меньше наезжает гостей. Кунке берет зависть за то, что Улжан мало тратится в эту зиму. Она обвиняет Улжан еще за то, что она будто не печалится о Кунанбае. Память мужа бережет только аул Кунке. А Улжан не только сама, но даже со всеми своими детьми и домочадцами не жалеет Кунанбая.

Абай хоть слушает эти слова с грустью, но не может высказать свое недовольство этого матери. Но когда обида, наносимая мачехой, переполнила его терпенье, он, только однажды, в отсутствии родной матери, пожаловался бабушке.

Рассерженная Зере вызвала к себе Изгутты и через него послала суровую отповедь Кунке. “Одoleвает соперничество, так пусть хоть не отравляет детей”, – требовала она. Но как бы ни было, и это обстоятельство жизни угнетало сердце Абая как неотвязная горечь. Абай неизменно замечал, как в доме Кунанбая, за его спиной между многими женами существовала неизлечимая язва ненависти, соперничества. Невозможность открытого обсуждения этих болей, особенно невозможность обсуждения с родной матерью, все больше загоняла Абая в одиночные, скрытые думы, какие бывают свойственны взрослым людям.

Чем дольше тянулось отсутствие Кунанбая, чем больше Кунке, не взирая на запрет Зере, продолжала интриги соперницы, тем больше с той же горькой усмешкой, как о старейшинах, думал Абай о родительском доме.

А ожидание Кунанбая его родными затянулось на этот раз надолго. Еще первые вести, посланные Кунанбаем сразу же после приезда в Каркаралы, были безрадостные. Во-первых, из этой вести явствовало, что он отстранен от должности ага султана. А новый ага султан и прежний майыр его дело предали следствию. Еще из Омска, для разбирательств по делу бывшего ага султана, приехал крупный чиновник с особым поручением. Пусть сторонники Божея, заполучив земли, теперь перестали показывать на Кунанбая, но это теперь, а раньше они успели подать множество жалоб на него.

Чины, взявшиеся за дело, теперь склонялись к тому, чтобы примерно наказать Кунанбая. Ага султан Куспек, однажды смещенный Кунанбаем, теперь вернул свое положение

ние и теперь не прочь добить Кунанбая так, чтобы он больше не смел поднимать голову в соперничестве и тяжбе с ним. Все это говорило за то, чтобы следствием опутать Кунанбая в Каркаралах и решение в виде сурового приговора вынести в канцелярии корпусного генерала в г. Омске.

Когда дело приняло неблагоприятный оборот, Кунанбай посылал гонцов в Чингиз, оттуда гнали скот для продажи, а вырученные деньги Кунанбай готовил во взятки чиновникам и на дорогу для себя.

Наконец его дело уже начало клониться к худшему исходу, нависла угроза приговора на каторгу. Но в этот самый момент приезжает в Каркаралы для спасения Кунанбая его знаменитый сват Алшинбай. А с его приездом постепенно начинает меняться характер кунанбаевского дела. Алшинбай, дав почувствовать о своем значении при выборе ага султанов, прежде всего унял Куспека. Чиновнику из Омска он сунул крупную взятку. Правда, на эту взятку требовалась большая сумма. На нее не хватало денег, находящихся в наличии у Кунанбая. Но тут Алшинбай привел Кунанбаю нового друга. Это был крупный Семипалатинский купец Тинибай, прибывший в Каркаралу с огромным караваном, нагруженным всеми необходимыми для степи товарами.

Он опирался и на власти, и на влиятельных в степи лиц, как Алшинбай. Через них он вел торговлю в среде отдаленных кочевых родов, а плату за товары брал сколько хотел и как хотел. Этот Тинибай года два тому назад просил у Кунанбая посвататься и породниться с ним. Но владетельный человек степи, Кунанбай тогда считал очень для себя унижительным выдавать дочь за городского торговца, неродовитого и разбогатевшего только торговлей. Просьбу Тинибая он оставил тогда без ответа. А теперь, когда понадобились деньги этого купца, Кунанбаю пришлось изменить свое решение. Тинибай же предлагал через Алшинбая и свою помощь и, повторяя прежнюю просьбу о сватовстве, намекал, чтобы Кунанбаю согласиться выдать свою дочь за сына Тинибая.

Посредник и в этом случае Алшинбай сделал сватами двух своих приятелей. У Кунанбая и Улжан была дочь Макиш, воспитывавшаяся у Айбаз. Сейчас ее-то и просватали сыну купца.

Деньги Тинибая были переданы собственными руками Алшинбая Омскому чиновнику и Майыру. Успел часть взятки получить и Куспек.

После этих операций Алшинбая совсем по-иному обрачивалось дело Кунанбая.

Правда, Майыр и Куспек не сочли возможным отпустить Кунанбая прямо из Каркаралы. Они успели много поговорить о вине Кунанбая, и теперь быстро решить дело в его пользу считали неудобным для себя в глазах населения. Весь округ заметил бы, как взятка очистила запятнанного, как она омывала преступление.

Да и для авторитетного чиновника из Омска также лучше покончить с этим делом где-то подальше отсюда, в стороне. Этим соблюдалось бы необходимое приличие, соответствующее важности персон.

Потому и пришлось Кунанбаю после всей передачи взятки, после всех точных решений о способах прекращения дела все же поехать в Омск.

Чиновник из Омска уехал одновременно с ним, как бы делая вид, что он повез Кунанбая для суда. Но, не доехав до Омска, в пути, в условленном пункте, именно в Кереку, они учинили совместный большой подлог. Устроив мнимый пожар в квартире, они сожгли все бумаги, обвиняющие Кунанбая. Все прошения, жалобы на Кунанбая, накопившиеся с прошлого года, попали в его собственные руки, и он своей же рукой сжег в печке. За этим Кунанбай ненадолго поехал в Омск, но за отсутствием документов, уличающих его вину, был легко оправдан, и он вновь приехал в Каркаралы.

Вставка 3-я к с. 147 журнала “Октябрь”, № 8

Он не отпустил Абая и Ербола, оставил гостить в своей юрте. У младшего брата, возвращавшегося от невесты, он расспрашивал об обычаях увеселений там. Исполняя просьбу любимого Абаем старшего брата, Ербол и сам Абай спели в этот вечер много песен рода Божан.

Тут же Абай сказал о том, что их род Тобыкты отстает в песенном искусстве от Бошанов.

Кудайберды отвечал шуткой на это заключение брата. Он говорил “видимо, не Бошаны певцы, а певуче сердце моего брата, достигшего свидания со своей невестой”.

Но Абай решил доказать свою правоту делом. Поэтому и исполнял с Ерболом все вывезенные новые песни.

Оказалось, что все эти их песни были новы для Кудайберды. В спокойном, уверенном исполнении двух лучших певцов песни действительно оказались безвестными прелестями далекого рода. Приведенные женихами песни “Статный конь”, “Прелестная”, “Белая береза” начиная с этого вечера должны были разнестись по жайляуам Тобыкты.

Кудайберды и сам похвалил эти песни и добродушно откровенно признал правоту своего брата, ответившего ему не словом, а делом — пением. Он говорил об этом, как бы обрадованный тем, что его брат вырос окрепший умом, характером и искусством своим.

Вставка 4-я к с. 150 журнала “Октябрь”, № 8

Майбасар сидел возле Жумана. Сам он как будто свыкся с замечаниями, осуждениями Зере. Потому он перевел ее слова в шутки, высказанные им полупшепотом.

— Драчуном она, конечно, называет меня. Указала прямо, что тут поделаешь! Но вот кого же она назвала болтуном-то? Разве и такой есть у нас? — спросил он у Жумана. В глазах его искрилась хитрая насмешка.

А Жуман, кроме болтливости своей, еще был наивным человеком. Он начал со всей откровенностью и правдой пояснять Майбасару:

— Ну, раз драчун ты, значит, болтун это должен быть я! Другого такого, конечно, не найдет среди Иргизбаев, — сказал он. И тут Майбасар, Абай и даже Улжан, сидевшие близко к Жуману, рассмеялись. Абай вспомнил об одной, ставшей ныне легендой среди Иргизбаев болтовне Жумана. Вспомнив это, юноши смеялись долго, не будучи в силах удержать себя.

Однажды, при разговоре о том, сколько верст может быть между Мусакулом и Жидебаем, Жуман, оказываясь, высказал, как истинный болтун, о невообразимой мере измерений.

— Я высчитал собственными руками во время праздника Айт, во время молитв в честь него. Это расстояние ровно одна тысяча двадцать девять раз повторенная молитва “нет бога кроме аллаха, а Магомет его пророк”.

Вспоминая эту фразу Жумана, Абай думал: “Чтобы прославиться болтуном, вполне достаточно одного этого”.

Вставка 5-я, к с. 173 журнала “Октябрь”, № 8

По приезду в Кара Шоку Абай пошел к отцу, а пришел к больному брату Кудайберды и эту ночь провел у него. Самый любимый из мужской родни Абая Кудайберды теперь страдал тяжелым недугом. Он лежал в чачотке. Теперь он не был в состоянии даже подняться с постели.

Жалость к брату вызвала горестные слезы у Абая. Но примирившийся со своей участью Кудайберды сам успокаивал его.

В этот вечер братья заговорили о намерении отца поставить во главе волости Абая.

И Кудайберды советовал ему не слушаться на этот раз отца и отказаться от власти, которая обрушит только несчастья на его голову. Этот совет приходился по сердцу и самому Абаю.

Больной брат еще в эти часы высказал свой завет Абаю, он поручал ему воспитание и заботу о его малолетних детях, оставшихся после него. Абай держал в своих объятиях мальчиков Шаке, Нуртазу и Шубар и дал перед лицом больного брата свой обет – заботиться об этих своих племянниках больше, чем о своих детях.

Младшие ребята Нуртаза и Шубар в эту ночь спали рядом с Абаем. Они ласкались к нему и, обнимая его с обеих сторон, как бы тягались за любовь дяди. Абай держал их обоих в своих объятиях и рассказывал им сказки.

Вставка ко второму тому

Вставка 1-я к с. 3 рукописи

Улжан с первого взгляда заметила, что Абай не спал эту ночь. Она в шутовой форме выразила свое сомнение о возможности усвоить книжную мудрость сонливыми глазами. И это она сказала примером ночного сторожа аула Кодыж. Однажды этот старик, оказывается, подпустил в стадо волка, и когда Улжан спросила о причине этого, он объяснил, что под утро одолел сон и... верблюдов вместо двух казались удвоенными, и тогда-то он не различил волка от собаки.

Вставка 2-я, к 4-й странице рукописи

Выданная замуж очень молодой, Макиш жила постоянной тоской о родителях и близких родных. Она жалеет каждого из них, никого не хочет видеть в несчастьях и страданиях. А с тех пор, как узнала, что старый отец едет в опасный долгий путь, она часто плакала в горе. Абай, глядя на ее печаль, старался не говорить о неприятностях и опасностях. Но теперь, когда мать и сестра одновременно настойчиво просят его рассказать настоящую правду, он решил уже не скрывать своих действительных мыслей.

Вставка 3-я, к с. 6 рукописи

Кунанбай тревожился из-за своих преклонных лет. Поэтому в эту дорогу вместе с собой берет Изгутты, которому хоть и было за сорок, но он был энергичен и силен, как молодой жигит. Сейчас перед отъездом Изгутты завтракает вместе с Кунанбаем. В комнату вошло еще несколько человек из близкой родни.

Вставка 4-я, к с. 16

Наконец, одолев через силу мстительной гнев свой, Кунанбай вспомнил об Улжан, сидевшей рядом с ним. Он говорил с ней тоном предсмертного прощания с близким, родным человеком. Как будто он хотел оставить в близких людях глубокое чувство жалости к себе.

Сдержанный характер и природный такт не позволили Улжан говорить в данный испытательный момент об обидах. И она тоже отвечала мужу в тоне, соответствующем последнему прощанию.

Вставка 5-я, к с. 22

Особой группой верховых ехал Такежан со своими жигитами. Сам он не старался вникать мыслями в трудности пути отца. Он больше прислушивался к тем, кто говорил успокоительные вещи на этот счет. И сейчас большую часть пути он провел в насмешках над Габитханом. При поддержке своих жигитов Жумагула и Дерхана он подсмеивался над наивной доверчивостью муллы и над его нечистой, полутатарской речью.

Вставка 6-я, к с. 30

От города до Чиликтинского холма считалось сто тридцать верст. Такой путь в один день могли проехать лишь редкие гонцы или участники побегов. Но Абай с Ерболом не будучи ни теми, ни другими решили как бы испытать себя в терпеливой стойкости. В этом проворстве они молодо и задорно соревновались между собой. Это и помогло им такой необычный путь одолеть за день... Двухдневный путь всех путников они покрыли за этот трудный день.

Вставка 7-я, к с. 35

Бекей заставил жену варить побольше мяса. Он дал знать жене, что к ужину сюда необходимо пригласить в гости и жениха с молодежью. После этого он послал жену предупредить эту молодежь, находившуюся в юрте своего брата.

Вставка 8-я, к с. 175

Прошло три года. В раннюю весну этого года Абай откочевал от Большого аула Улжан.

Взяв Айгерим и нужных себе соседей, он прикочевал в Акшоки, отстоявшей на 40 верст от Жидебая ближе к городу. И ко всему, отдалившись от всего Кунанбаевского гнезда, на этом обособленном участке Абай строил себе зимовку. Акшоки в месте постройки зимовки представляет собою груды холмов. А спереди к ним прилегала широкая долина с богатыми лугами. Их поливает протекающая в пяти верстах речка Аазису. Эти луга и долины носят название Корык. В этом участке речка образует широкий разлив и в многоснежные зимы растекаясь в огромную ширину долины, дает обильные покосы.

При выборе участков для своей зимовки Абая манили эти луга. Здесь-то он думал обосноваться поближе к городу и отстраниться от бесплодных тяжб и интриг степной жизни.

Постройкой зимовки руководили Ербол и Айгерим. Абай же, собрав им мастеров, рабочих и все необходимые инструменты, материалы, теперь почти не занимался самой постройкой.

Зато он предавался непрерывному чтению солидно накопленных им книг. Рядом со своей юртой он и Айгерим

поставили другую юрту и там обучают гостей. Там Акимбай, Кульбадай, Абиш и маленький Магаш, впервые взявшиеся за учение сейчас, обучаются у Кишкене-муллы, татарина, ставшего родным своим человеком данной семьи.

Кроме детей Абая у Кишкене-муллы обучаются и дети бедных соседей этого аула. Сейчас все эти ученые муллы заучивают свои уроки в голос, повторяя заданное, их гомон доходит до Абая порою как блеяние маленьких ягнят. В одиночестве Абай читает прозу Пушкина и Лермонтова. Она стала теперь впервые понятной ему. И это радовало его, как большое достижение в теперешней его жизни. Не как в прежние годы, когда ему приходилось заглядывать в словари.

Порой Абай с радостью сообщал Айгерим, Ерболу и Кишкене-мулле о своей огромной находке этой весны. Он гордился тем, что его постройка как будто уже доходит до своей цели.

Айгерим и Ербол дружески понимали его, высказывали свои одобрения. Но Кишкене-мулла ничуть не восторгался этим. Он не хотел признавать за большое дело овладение русским языком, часто спорил по этому поводу с Абаем. Мулла доказывал, что достижением можно назвать самостоятельное понимание лишь книг арабской, мусульманской премудрости. Сколько бы Абай ни доказывал о вреде подобной ограниченности мусульманского фанатизма, мулла не хотел признавать его правоту. Абай то злился на него, то желчно подсмеивался над упрямой самоуверенностью его. А свои книги он то перечитывал, то пересказывал своим домашним.

Изредка Абай ездит к реке на охоту и привозит на удовольствие своих детей подстреленных им уток и гусей. Позже в долину Корык прикочевали по ежегодному весеннему обычаю многие аулы Кунанбая.

Абай съездил туда только два раза для приветствия старших родных. В первую свою поездку он встретил своего племянника от Кудайберды – юношу Шаке. Это был охотник с ястребом. По его приглашению Абай целый вечер участвовал на охоте, и с огромным возбуждением он наблюдал за красивой, захватывающей охотой хорошо дрессированного сильного ястреба на уток и гусей.

Приехав в аул матери, он встретил там и своего отца, побывл около родителей полдня времени. Самое яркое чувство от этих поездок он пережил в час охоты. Но зато возле отца он пережил скуку и тяжелую обреченность, а еще больше вокруг него он познал много вражды, ревности, злобы людей друг к другу. Абай спешил оттуда воротиться в свой тихий аул к своим мудрым книгам, да к прекрасной певичке, изящной красавице и другу своему – к Айгерим. Еще он спешил к детям, таким чистым и безвинным, к птенцам своим, детскими крылышками рвущимся к знанию.

Вражда, злоба и мстительные расчеты в ауле отца были направлены против Базаралы. Старший Такежан и младший брат Оспан – задорный и упрямый, готовят козни против Базаралы. Узнав об этих замыслах, Абай с гневом наложил запрет на Оспана.

Но давно подготовленная Такежаном вражда против жигитов и особенно против Базаралы сейчас привела к огромным столкновениям. Начатая Такежаном интрига задела одной своей стороной и Абая. Началась эта борьба на урочище Каралы, находящемся недалеко от аула Абая.

Вставка 9-я, к с. 335

Ербол, ехавший сейчас впереди Абая, все восторгается искусством Абылгазы, расспрашивает о его секрете одолевать бураны степи. Абылгазы рассказывает ему о слепом старике Токпае, еще в юношеские годы Абылгазы поучавшем его. Токпай садился на коня и один находил далекие аулы, даже на незнакомых ему урочищах. И при том он, оказывается, доверял свой путь ветрам. Старик говорил, что если вас ведет дорога, меня ведет ветер. С тех пор и Абылгазы научился в зимние бураны, в дождливые темные ночи держать свой путь по ветру. Рассказав о своем подробном опыте, Абылгазы говорил о своем теперешнем намерении довести своих спутников до какой-нибудь зимовки, которая должна быть по его расчетам в этих горах.

Он не хотел их вести в холодный охотничий шалаш, а хочет привести в теплое жилье и согреть их у какого-нибудь уютного очага.

Ербол и Шаке, как и все остальные их спутники, сейчас мечтали только о таком теплом жилище, потому торопили Абылгазы лишь скорее доехать до него.

Вставка 10-я, к с. 356

За эту поездку, длившуюся на весь день, Баймагамбет рассказывал Абаю длинную повесть.

Он рассказывал содержание романа “Черный век” и Марта” неизвестного Баймагамбету автора. Роман повествовал о злобном и суровом суде инквизиции, о доблестных и безвинных героях, преследуемых этим судом. Это был роман с запутанными сложными путями борьбы героев, трудный для запоминаний и устного пересказа. Он еще был очень длинным произведением.

И его-то рассказывает Абаю Баймагамбет. Абай слушает его с увлечением, не отрывая своего взора от рассказчика.

Этот роман вначале был прочитан самим Абаем и тогда же был рассказан им Баймагамбету. А теперь, пользуясь свободным временем и для сокращения пути, Баймагамбет пересказывает. Это было у них в обычае. Баймагамбет должен этот роман рассказывать в народе и для этого должен свой рассказ отшлифовать перед своим образованным другом. Они оба придают большое значение этим своим занятиям.

Вообще за эти года Баймагамбет уже прославился как самый искусный сказочник. Среди рода Тобыкты, среди аулов по дороге на Семипалатинск и во многих домах в городе рассказы Баймагамбета были в огромном почете и известности. Необычным было еще и то, что рассказываемое Баймагамбетом являлось доселе неизвестным любому казаху. Абай теперь с огромным вниманием рассказывает Баймагамбету каждую новую остро интересную книгу, прочитанную им.

Он высоко ценит в своем товарище его прекрасную память и умение талантливого рассказчика.

Сейчас через передачу Баймагамбета расходятся по шире казахской степи романы русских и французских писателей. Как устные творения народов, они обретают здесь новую жизнь для себя, жизнь, приспособленную для степей, как у их обитателей. И первым, после Абая, распространителем их стал Баймагамбет. И как теперь замечает Абай, его друг не только рассказывает искусными речами, но также искусно представляет переживания, поступки людей богатым актерским мастерством. Слушая Баймагамбета сегод-

ня, Абай внимательно наблюдает за ним и одновременно думает об одной утешительной и для себя мысли. Многолетняя дружба с Абаем и восприятие смысла многих книг, как теперь кажется Абаю, сильно изменила и самого Баймагамбета. Пусть он неграмотный, пусть читает не сам, но он живет в лице этих книг. Потому иногда и подшучивают близкие люди Абая над Баймагамбетом. Они говорят, что он теперь мало походит на казахов, он иной и характером своим. Не льстивый, а прямой, откровенней справедливый в своей резкости он напоминает им хороших русских людей.

Убедившись в правоте этих суждений, Абай сегодня впервые подумал и о том, как в его друге-сказочнике нашла отражение часть перемен, происшедших и в нем самом. Перевоспитанный книгами, Баймагамбет как бы говорил ему о том новом, что становится новой природой и самого Абая, формируемом в нем любимыми книгами – друзьями его.

Вставка 11-я, к с. 430

Под тяжестью теперешних чувств он забыл обо всем происходящем вокруг и не заметил поспешно подъехавших к нему Жиренше и Кунту. Их послали старшины рода узнать от Абая, утвержден ли Асылбек. Абай очень коротко объяснил этим лицам об утверждении. Но сам он оставался печальным, был во власти тяжелых дум о Базаралы. Жиренше произносил похвалу Абаю за то, что впервые назвал Асылбека сам, и за то, что добился у властей его утверждения. Абай почти не слушал этих слов и не было никакого оживления на его лице.

Не отвечая Жиренше, он рассказал о другом, о своем горе. Сообщил о Базаралы, угнанном в невозвратимый путь, и что особенно тягостно для него, это его беспомощность в настоящем деле. Такая грусть о дорогом человеке сейчас полностью заслонила радость людей за Асылбека.

Вставка 12-я, к с. 444

Роды Сыбан и Керей сопоставляли Абая и с остальными сыновьями Кунанбая – управителями. Но те в их оценке выглядели одними из многих волостных, из многих удачливых дельцов. Как все управители, ни умом, ни речами они никого не превосходят. Если думают о чем-нибудь, то думают

не о народе, а самом себе. Подобны коням, статным только на вид и не имеющим ни силы, ни резвости. А Абай не волостной, но справедливости его не встретишь ни в одном управителе. Если есть хоть один человек, который пришелся бы по душе народу – таким может быть только он. И власти слушаются потому, что знают его цену перед народом.

Совет двух родов решил, что если свое дело поручить тобыктинцам, то в нем держаться только за Абая. Об этих же решениях роды сообщили своим уездным начальникам. А о совместном решении родов и властей по поводу нового поручения Абаю сообщил ему Асылбек.

Вставка 13-я, к с. 445

О привлечении Абаем на помощь себе этих двух биев люди Сыбана и Керей не возражали. Но представляя волю самому Абаю, они об одном этом решении сказали поразному. Тюре Барак от сыбанцев посоветовал Абаю взять биев для расследований, но решение выносить только самому – одному. А Тойсары из кереев заявил коротко, открыто – “мы тебе доверили – поступай, как хочешь”.

После ухода этих биев Жиренше высказал Абаю свое впечатление о них. Ему показалось, что когда керей доверили Абаю без обиняков, Сыбаны и особенно их тюре испытывают Абая этим своим поручением, они будто расставляют силки.

Л. Соболев – М. Ауэзову

№ 79

4-5 апреля 1949 г.

Дорогой Мухтарушка!

Четвертая и пятая главы нашлись: оказалось, за время моей поездки была предзимняя уборка на Тверском, и пакет с главами, лежавший на бюро, был бережно уложен в нижний шкаф, в архив, в упокоение вместе с подстрочниками 1-й и 2-й книг.

Я прочел. Вот мое впечатление, несколько сбивчивое, излагаемое не по степени важности, а в том порядке, как вспоминается.

1) В этих главах (как, впрочем, и во всей новой книге, к сожалению) очень мало пейзажей, степи, воздуха — всего того, что придавало такую прелесть первым двум книгам.

Возможно, ты торопился гнать содержание и действие и потому не дорабатывал обертонов. Лишь в одном месте я с удовольствием услышал, как ты запел: это в описании ночи, когда Абиш возвращается от Даркембая.

Такие пассажи надо еще вписать по всей новой книге, не меньше чем в трех-четыре местах, а то она сейчас уж больно деловая, сухая, негде вздохнуть.

Сейчас мне трудно подсказать, где именно нужно “попеть” о степи, о ночи, о весне, зиме и т. д. Но ясно пока одно — что категорически нужно дать мрачноватый пейзаж в сцене заговора семерых (1-я глава), всунув сюда и описание могилы Кенгирбая. Об остальных местах поговорим по приезду.

2) Во всех части маловато юмора. Подумай, где еще можно посверкать такими бриллиантиками, как Жуман, и где еще (в двух-трех местах) можно вставить сцены, подобные сцене с портретом Мансыжара; тогда вся часть засверкает.

Одно место я вижу: в 5-й главе было бы очень кстати поиздеваться над аткаминерами. Пусть Баймагамбет или Байкокше, а может и оба вместе, запугивают их, преувеличивая благоволение жандарала к Абаю, пусть уверяют их, что Абай стал первым другом жандарала и что тот даже прочит его в уездные... И надо дать это целой сценой — не с Уразбаем, конечно (тот не поверит), а с кем-либо другим. И пусть тот в свою очередь раззвонит об этом другим. Тогда подхалимные визиты аткаминеров к Абаю заиграют ярче, да и афоризм его о скале и славе прозвучит лучше.

Потребуется твоя помощь в переводе некоторых острот и каламбуров, которые ты подчеркиваешь как образец красноречия (Абиш, Дармен, например), с. 10–15, а также в сцене в пещере, и еще в других местах.

3) Кстати о пещере. 3-ю и 4-ю главки 3-й главы я был вынужден отдать Исхакову для перепечатки: они напечатаны слепо, без интервала, и все поправки чернилами, написанные сверх печатных букв, совершенно не поддаются прочтению. Кроме того, перевод, видимо, сделан наспех — есть места, смысл которых непонятен. Все абзацы

даны произвольно, не поймешь, прямая ли это или авторская речь. А там такой сложный переплет интриг, о которых рассказывает Дармен Абишу, что все должно быть крайне четко и внешне и по существу. Есть подозрение, что и ты написал об этих интригах малость запутанно.

4) Есть серьезный недостаток в композиции 1-й части. В видах ли экономии текста или в силу торопливости, но ты очень важные места (важные и в сюжетном отношении, и для понимания всего романа в целом, и в отношении значительных персонажей его) — даешь в реминисценции, а не в показе.

К этому относится: смерть Улжан, смерть Оспана, разорение жигитеков в результате набега Базаралы, данное в пересказе Даркембая (с. 18–20 4-й главы). Даже в мелочах тебя почему-то тянет к пересказу вместо показа: так, например, описание отношения Лосовского к Абаю (с. 90–91 — 5-я) явно не на месте: ты говоришь об этом в сцене разговора Абая с губернатором.

Лучше же дать это прямой сценой Абай — Лосовский и поставить раньше, до встречи Абая с жандаралом. Тогда драматическое напряжение будет больше — все против Абая! — да и поганство Лосовского будет противнее. Кроме того и положение Лосовского, который пришел с доносом, но напоролся на благоволение губернатора к Абаю, будет более смешным.

Тему двурушника-карьериста надо бы продолжить и на с. 97: дать хотя бы короткую сцену Лосовского с уездными, где он к удивлению Маковецкого (кстати, почему уездный — он, а не Казанцев) вдруг меняет фронт и выдвигает Абая в бии съезда. Этим ударом ты окончательно разделаешься с фигурой Лосовского и успокоишь наконец Филатову, которая все еще никак не может понять “человечность и мягкотелость” Лосовского. Не забудь, что всякая книга должна ориентироваться и на дурака-читателя, не говоря об идиоте-редакторе.

Также надо переставить со с. 87 на 85 (2-я гл.) объяснение присутствия Азимбая на пастбище: данное в сцене боя оно раздражающе задерживает движение этой стремительной сцены.

5) И все-таки я не отстану от тебя с вопросом о набеге Базаралы. Уверяю тебя, что это крайне, очень важно.

Несмотря на объяснения Даркембая, все же остается неясной объективная оценка набега Базаралы. Что же полезного, хорошего, нужного для народа было в его поступке. Ведь в конце концов набег Базаралы ударил не по богачам, и даже не по Такежану: тот получил вдвое больше, чем потерял. Набег Базаралы разорил народ, а не баев.

Речь Б. на суде хороша: ясно, что он показал народу, как надо расправляться с богачами-насильниками. Это так. Но что понял, что вынес из этого сам народ. Из слов Даркембая можно понять лишь то, что народ “обратился к ремеслу, к труду”, что после этого “народу не страшна никакая нужда”.

Ошибка и в том, что сам Абай никак не оценивает поступка Базаралы и – главное – последствий его (после решения суда). Между тем и для образа Абая (и для всего романа в целом) кардинально важно дать мысли Абая об этом событии.

Надо дописать, Мухтар. Ведь это событие – в новой книге стержневое в жизни народа, да и последствия его огромны – разорение целого рода. Несомненно, что об этом думали и спрашивали и ученики Абая, думал и он сам, знал об этом и Абиш. А что они думали, как оценили это небывалое в степи происшествие, в котором впервые выразилось подобие классовой борьбы – неизвестно.

Возможно, что ни Абай, ни молодежь не смогли объяснить этого, как не сумел объяснить самому себе (и читателю) и Даркембая. Но думать об этом они были должны, иначе получается форменный отрыв Абая и его группы от жизни народа.

Не поможет ли здесь Долгов и отчасти Абиш. Не затеять ли разговор об этом между ними. Если Абай не понял или ошибся в своей оценке поступка Базаралы – Долгов (и даже Абиш) могут его поправить. Кстати, это разъяснение придаст и Долгову значительность и ум.

Итак – очень прошу тебя задуматься вместе с Абаем над тем, что же в сущности натворил Базаралы. И почему разоренные окончательно жигитеки (не богачи) должны его уважать, а не ненавидеть за опрометчивый поступок.

В связи с этим на с. 96 3-й гл. надо подчеркнуть классовый характер возмущения набегом Базаралы: как отнеслись к этому не только богатеи Тобыкты, о которых ты пишешь, но и сам народ. Об этом у тебя ни полсловечка, а это крайне важно.

Между прочим, вероятно, в понимании народа Базаралы в какой-то степени ассоциировался с Оралбаем и Балагазом: ведь те тоже грабили баев и кормили их скотом голодающих бедняков. На поверхностный взгляд, Базаралы лишь повторяет практику братьев, разница лишь в масштабах: те отнимали у баев по десятку коней, а этот ахнул сразу 800. Но есть существенная разница: от тех народ получал помощь и ничем за это сам не заплатился, а роскошный жест Базаралы вконец разорил тот же народ, которому он хотел помочь.

Позволь мне дать тебе такой совет, как бы глуп он тебе ни показался: поставь себя последовательно в положения:

а) бедняка, который полакомился жирной кобылой, пригнанной к нему жигитами Базаралы, а через месяц-два остался без штанов,

б) середняка, который сделал то же и отдал потом своих двух коней,

в) Абая, к которому пришли эти два человека, проклиная (да) проклиная чертова Базаралы, который ввел их в такую невыгодную сделку,

г) и попробуй не только ответить им от имени Абая, но и толково объяснить это Магашу, Дармену, Акылбаю и Какитаю, у которых, несомненно, было свое отношение к событию,

д) и если не сумеешь ответить — стань на место Долгова, читавшего и Чернышевского, и Герцена и слышавшего кое-что о классовой борьбе — и тогда разъясни всю эту музыку читателю и мне, переводчику.

Так-то, Мухтарушка. Назвался груздем — полезай в кузов: тронул такую тему — объясняй, что к чему. Не забудь, что в прочитанных мною главах все, связанное с набегом Базаралы, является единственно социальной темой: все остальное в них дела семейные или поэтические. Так что не заслоняйся заклинанием “МХАТ!” — а дописывай недописанное. Уверяю тебя, это не моя придирка и не каприз — а существенно важный вопрос.

Теперь идут замечания и вопросы помельче. Отдохни. Что Каумен? Помер? Если нет – как встретил сына (43-П).

2) Давай подстрочник абаевского “Ноября”, я переведу сам, как сумею, ближе к содержанию сцены в юрте.

3) Кирилл в рассказе Базаралы (74-П): надо разобраться в годах: он на каторге 20 лет, а крепостное право отменено в 1861 г. Значит он старше, и на каторге по крайней мере 30 лет.

4) Кем приезжает Абдрахман в 3-й главе – юнкером или офицером? Судя по дальнейшему – он еще в училище, то есть юнкер. Долгов же и сам он о себе говорят – офицер. И форма его неверно описана.

5) В 3-й главе было бы хорошо вставить авторскую оценку русской речи Абиша, что-нибудь вроде “он говорил по-русски свободно, часто прибегая к литературным оборотам, что поразило Абая...” Это покажет в полной мере фигуру нового Абиша и оправдает имена Герцена, Пушкина, Чернышевского. Надо подчеркнуть и отцовскую гордость Абая; пусть он поговорит об этом с Долговым – ведь мечта его об Абише осуществляется.

6) В отношениях Абая с Долговым мало интимности, душевности, глубины.

Говоря откровенно, Долгов меня несколько разочаровал: я думал (по воспоминаниям о наших разговорах, когда писали пьесу), что Долгов в жизни Абая – это Михайлов на новой, высшей основе, более близкий друг, да и более человечный, жизненный, близкий (в смысле интимности дружбы, – Михайлов все-таки для Абая больше наставник, чем равный друг).

Получилось же не совсем так. Правда, Долгов вышел у тебя живее Михайлова (он и подшучивает над Абаем, и острит, и играет на скрипке, и очень хорошо разговаривает с Абишем), и его видишь гораздо более ясно, чем Михайлова, который все-таки несколько абстрактен и поучителен. Но в этих главах нет ни одного серьезно-откровенно-душевного разговора Абая с другом. Разговор о Герцене и Чернышевском (137 и дальше) не снимает моего упрека, как не снимает его и очень хорошая сцена с характеристикой Абая Долговым (лень).

Я говорю о другом. Мне хотелось бы, чтобы в жизни Абая Долгов оставил более глубокий след, чтобы он дал Абаю что-то новое высшее. Ведь и Абай не тот Абай, что говорил с Михайловым. Следовательно, и вопросы его более глубоки, более весомы.

И если, думая об этом, заставить Абая поговорить с Долговым не на абстрактные темы, а на кровно его интересующие, и получить ответы, расширяющие горизонт Абая, то лучше всего такой разговор провести на теме набега Базаралы, заодно убив и второго зайца, о чем я писал выше – разъяснить читателю сущность поступка Базаралы.

Это одно. Второе – очень было бы хорошо, если бы Абай поговорил с Долговым об Абише. Здесь тоже два зайца. Первый – это дружеский, интимный, сокровенный разговор о сыне, о мечтах, связанных с ним. Второй – проявление лица нового Абиша (в оценке Долгова). Если хочешь, есть и третий заяц: становление казаха-интеллигента в лучшем смысле этого слова.

7) Пропала Дильда!!! Все-таки Абиш – ее сын, а о ней в этих главах нет ни слова. Надо где-то сказать о ней: что она, где она, какая стала. И неужели же она не впуталась в интригу вокруг Еркежан. Это ж для нее хлеб!

А может быть, она волей автора незаметно дала дуба по примеру прочих персонажей, о которых тебе некогда думать.

Но ты все-таки подумай – и расскажи о ней хоть коротко.

8) 105 с. 3-я гл. – Нет, милый мой, я не дам тебе отделаться одной фразой о Политехническом институте. Абиш – фигура настолько значительная, что такой важный поворот в его жизни, как вынужденное вступление на военную службу, надо изложить серьезнее, глубже, подробнее. Тем более, что дальше сам Абиш приходит к мысли о просветительской деятельности и хочет стать учителем.

Надо рассказать, почему он попал в Мих. артил. училище вместо гражданского учебного заведения. Ведь не по внутреннему призванию он это сделал. Видимо (как я догадываюсь), он не выдержал конкурсного экзамена в институт, а в военные училища прием был легче. Пусть провалится по русскому языку, что ли.

Имей кстати в виду, что по закону офицер имел право уйти в отставку лишь отслужив по полтора или два года за год обучения. В арт. училище (как и в Сорском корпусе) считалось по два года за год; курс в нем — три года; следовательно, Абиш не мог уйти в отставку раньше чем через шесть лет офицерской службы, — но он мог уйти по болезни.

В связи с этим — несколько слов о его болезни. Ты даешь намеки на нее, но уж очень слабые, их поймет лишь тот, кто знает биографию Абиша, читатель их не заметит. А для драматизма книги читателю нужно понимать что к чему. И вот случай: а что если Абиш признается в своей чахотке Дармону и попутно изложит и свою историю поступления в Мих. артил. и свое отношение к войне и военной службе. И что он, мол, пошел туда потому, что решил сразу же по окончании выйти в отставку, пользуясь своей болезнью (серьезности которой он сам не подозревает, но все же отцу пока что о ней не говорит).

Подумай-ка, Мухтарушка, об этом.

9) 113 с. 3-я гл. Напев “темное место” и история его — очень хороши. Желательно было бы точнее знать, какая именно это русская песня.

10) Будь добр дать подлинные цитаты из Чернышевского и Герцена (с. 137–138), а не в переводе: нас побьют.

11) Сцена с губернатором хороша очень — не потому, что я ее тебе присоветовал, а по существу. И очень хорошо ты нашел для губернатора мотивировку: миссионерство, пример других губернаторов и т. д. Надо лишь переставить абзацы о Лосовском; об этом я, впрочем, уже писал.

12) Похищение Оспаном Уразбая — здорово! Оспан очень живой.

13) Хороши получились бабы — особенно Манике и Зейнеп. Но Еркежан надо бы расписать поярче.

Бесконечную путаницу родственных наименований и всяких Ахкем, Айнекем, Шрак и прочих абысын и аменгеров придется сильно кастрировать, ибо в перевод это никак не лезет. Все перепутается, или надо пестрить сносками.

Кстати, везде в авторском тексте я буду ставить не Абиш, а Абдрахман, оставляя Абиша только для диалогов. А то путается с Абаем.

14) Поздравляю с удачной находкой – любовная сцена Абая и Айгерим перед началом темы Еркежан: очень правильно, все будет на своем месте.

Ну вот, дорогой мой лавреатушка, легкие мысли о крупных вещах. Не обижайся за придирчивость. Предупреждаю, что это еще не все – это только этюд по “прочтении Данте”, а остальные придирки к тебе будут в процессе работы.

Хотел послать письмо в Кисловодск, но забоялся, что ты с ним разойдешься, поэтому оставляю на Тверском. Прочитай, подумай – и при встрече скажи, с чем согласен, с чем нет.

В городе мне бывать сейчас очень трудно. По приезде давай устроим разговор на даче подольше, обратно я тебя отвезу.

Обнимаю.
Твой Леонид.

Л. Соболев – М. Ауэзову

№ 80

6 августа 1950 г.
Перedelкино

Дорогой Мухтар!

Первые три главы для октябрьского номера сданы мною в редакцию. Первая и вторая главы с тобой согласованы, поправки по второй главе все сделаны. Третью главу высылаю вместе с этим письмом, чтобы ты, как обычно, прочитал ее, сделал свои замечания и просмотрел бы мои, которые приведены в этом письме. Они идут по страницам, номер каждого замечания вынесен в рукописи на поле против того места текста, к которому это замечание относится.

Прошу тебя при возвращении рукописи ответить на каждый пункт. Пока в редакции будут читать, я надеюсь, твое письмо уже придет, и я сумею выправить все оставшиеся мне непонятными мелочи.

Итак, начинаю.

Страница рукописи – страница подстрочника

1) 159 – 2 – Здесь в подстрочнике – саврасый конь, а дальше – светло-буланый. Хотя это почти одно и то же, но лучше выбрать что-либо одно. Я выбрал – буланый.

2) 159 – Я заметил, что в этом экземпляре подстрочника везде пишется Кактай вместо прежнего Какитай. Не думаю, чтобы такая транскрипция была удачной – очень путается с Кокпаем: посуди сам – “Кактай и Кокпай поехали рядом” звучит одинаково. Да и по зрительному восприятию читатель будет их путать. По-моему, не надо бояться неблагозвучности имени Какитай в смысле “как” и оставить прежнюю транскрипцию.

3) 162 – Я добавил, что здесь Магаш перешел на казахский язык. Вообще по всей этой главе из-за Долгова надо везде оговаривать, на каком языке ведется разговор, особенно это важно дальше в беседе о Ломброзо и Базаралы.

4) 163 – 7 – В подстрочнике сказано: “звенел медный колокольчик “Дар Валдая”. Я это опустил, мне показалось чужеродным. Если настаиваешь, можно восстановить.

5) 163 – 8 – Тут я сделал перестановку текста – сперва закончил разговор Долгова с Абишем о дружбе юношей, а потом перешел к его наблюдениям над типами лиц.

6) 104 – 10 – Некоторые изменения: слова Долгова о Герцене передал Абишу, а Долгову дал реплику о Воробьевых горах. Мне кажется, такая деталь подчеркнет и знание Абишем биографии Герцена и взаимоотношения Абиша и Долгова. Сообщи, согласен ли.

7) 165 – 10 – В подстрочнике получается, что Кокпай с его длинной козлиной бородой напоминал Долгову тип древнего римского патриция. Я это исправил.

8) 165 – Еще одна перестановка: вывод Долгова о разнообразии типов поставил сюда.

9) 168 – 14 – Вставил мотивировку, почему Абиш не попал в Политехнический институт. У нас с тобой это было обговорено, видимо, ты забыл вставить.

10) 168 – 15 – В подстрочнике непонятно изречение Балгожи. Оно и не вяжется со смыслом последующих слов Абая. Будь добр, разьясни.

11) 169 – 16 – Видимо, разговор идет не о том, что “хозяйин аула не возражает против прибытия Долгова”, как говорится в подстрочнике, а именно о том, что сделано в переводе – о подписке.

12) 170 – 18 – “Аул Ускембаева”, “Абдрахман Ускембаев” – это будет читателю совершенно непонятно (так же, впрочем, как и мне самому). Я поставил – Кунанбаев.

13) 171 – 20 – Эти две реплики – насчет того, почему Абиш не сообщил Долгову о слежке за аулом – мне кажутся очень нужными. Они подчеркивают бесстрашный загородный характер Абиша, поэтому я их вставил. Согласен?

14) 171 – О переводчиках вставил в соответствии с п. 3.

15) 172 – 20 – Здесь почему-то “Барлыбаевская” долина, а в начале главы река называется “Барлыбек”. Сообщи, что правильно.

16) 172 – 21 – По-моему, лучше, чтобы штраусовские вальсы привез из Петербурга Абиш. Долгову в ссылке вряд ли они попадались, лучше дать ему русские романсы и песни, что я и сделал.

17) 173 – 22 – Не сходится биография Мухи. Здесь ты пишешь о нем совсем не то, что в уже вышедшей книге (с. 777, Гослитиздат, 1948 г.). Кроме того, и в самом этом абзаце путаница: “по совету Магаша он похитил девушку и поселился в абаевском ауле”, говорится в подстрочнике, а двумя строчками ниже – “Муха, встречаясь в городе с Абаем и Магашем, очень понравился им и стал их неразлучным другом...”. Как это получилось?

Пока что этот вариант биографии я оставил, конечно, с исправлением насчет города. Но тебе следует подумать о совмещении с уже напечатанным.

18) 174 – 23 – Здесь “Муха берет скрипку, протянутую Магашем”, а на предыдущей странице ему передал скрипку Абиш. Между тем там же, на 22-й странице, Муха подбирает новые напевы не на скрипке, а на домбре. Все это я соответственно исправил и сообщаю тебе на предмет согласования в казахском тексте, так как, видимо, здесь ошибка не переводчика, а твоя.

19) 175 – 25 – Совершенно непонятный абзац в подстрочнике: “Такова была первая встреча сверстников и друзей, братьев и родственников с прибывшими с дальнего пути учеными способными гостями, по которым они стосковались. Они иногда своими мудрыми назиданиями, а иногда красивыми вежливыми словами находили между собой общий друг другу язык и высказывали расположение”. Чистый набор слов, который я перевел по догадке.

20) 176 – 25 – Опять непонятно в подстрочнике о коне: “Чтобы он не истомился, Абиш велел выхаживать его, не давая наедаться досыта; около месяца конь не был под седлом...” и т. д. Здесь все непонятно: 1) каким образом Абиш месяц тому назад велел его выхаживать? Письмом что ли? 2) Что обозначает “чтоб он не истомился”? Все это перевел, как понял.

21) 178 – 28 – Опять небрежность подстрочника: кто где живет? “В большой юрте жила теперь старшая жена Оспана Еркежан. Половина аула вместе с юртой Дильды укочевала на Шакпак”, а четырьмя строчками ниже оказывается, что где-то не то на Шакпаке, не то здесь – Дильда и Еркежан были вместе. Опять сделал все по догадке, в которой сам не уверен. Просмотри внимательно.

22) 179 – 29 – Я опустил фразу о скатерти, разостланной во время чтения молитвы. Деталь интересная и ее надо восстановить, но для этого нужно понять, какая скатерть, где расстилается, зачем расстилается? Поминальная что ли.

23) 179 – 29 – Обращение “калкам” я здесь опустил, как совершенно непривычное и новое для читателя. Но так как в пятой главе у тебя появляется неожиданно много таких родственных обращений, надо подумать, как быть – приводить ли их, или опустить, как сделал я здесь.

24) 187 – 36 – Абиш заканчивает свои слова приглашением “идемте, немного пожалеем себя”. Это противоречит ходу разговора – ведь мысль о прогулках подает не Абиш, а Долгов. Поэтому эту фразу я опустил.

25) 190 – 40 – Все-таки мне непонятно, читал ли ты сам подстрочник? Если читал, как же мог ты не разъяснить такой фразы? “С первой же ночи, когда они прибыли сюда, это обстоятельство (остров возрождения что ли?) очень удовлетворило их обоих, было значительным. Наряду с высказываниями Долгова Абиш гордился оформлением своих близких в такое своеобразное интересное общество. Однако это само по себе. Беспokoившие его мысли, высказанные им сейчас Долговым, касались того, чтобы Абай отмежевался от ненужных интриг в ауле, предался только своему искусству, “живя спокойно”. Вряд ли такое написал ты по-казахски. Согласись, что привести это в какой-либо порядок – крайне затруднительно.

26) 191 – Как зовут Долгова Ербол, Какитай, Дармен – в глаза и за глаза, неужели просто – Долгов? Или Нифонт Иванович? Просто – Нифонт. А может быть, как-нибудь интересно-искаженно, вроде Нипонт или Долгып? Подумаю, это очень оживит текст и даст сочную краску быта аула.

27) 193 – 44 – Неувязка: здесь лицо Мынжасара “искривленное”, а дальше – красивое с правильными чертами (с. 46 подстрочника).

28) 193 – Правильно ли я понимаю, что Мурын – это один из родов Наймана и как называть людей оттуда: мурыны (по нашей системе) или мурынцы? Я – за первое.

29) 193 – 45 – Попытался понять непонятную фразу подстрочника: “наряду с рассказом о своих злоключениях, они бросали упреки и на самого Абая, как на почтенного человека в Тобыкты, человека совести”. Какие упреки? Что-то не то...

30) 194 – 46 – Совершенно загублено подстрочником интереснейшее место, где чувствуется и юмор Абая, и горечь, и гнев. Что можно понять из этого: “Что за позорное имя, какие бедные родители дали его, наверное, они молились, чтобы он не умер. Во что превратилось это чистое святое желание! Ведь превращение бескорыстного желания в гнусное позорное желание есть наказание человеческому обществу”. Очень прошу тебя разъяснить смысл всего этого.

31) 195 – 47 – Пустяк – но впрочем: когда Мынжасар начинает клясться и божиться – выходя из юрты или еще слушая Абая?

32) 197 – 49 – Конец фразы Мынжасара пришлось сделать по догадке, в подстрочнике не очень ясно. Проверь.

33) 200 – На каком языке Абай говорит против Ломброзо? Видимо, на русском, так как он отвечает Долгову? Как же тогда слушают его остальные, которые “ожидали интересной беседы”?

34) 201 – Очень длинный монолог Абая. Лучше бы разбить авторской ремаркой.

35) 202 – 55 – Опять аул Оскембая... Выпустил.

36) 207 – 61 – Не очень понятно, почему за шутку Долгова извиняется Абиш: “если мы наговорили колкостей”. Эти слова я передал Долгову.

37) 207 – 61 – Какие свои стихи цитирует Абай? Хорошо бы дать по сборнику. Подстрочник в этом абзаце совершенно непонятен: “Хотя мой степной образ жизни и вреден мне, он уже перешел в привычку. Разве мало недостатков в нашей жизни, которые проходят в постоянных столкновениях неровно? Поэтому я считаю себя концом старины, а вас началом нового поколения... Я провел свою жизнь в столкновениях. Не следуйте по моему пути!”

В чем тут дело? О каких столкновениях говорит Абай и о каком степном образе жизни, который уже перешел в привычку? Одно из двух: или он соглашается с упреками Долгова в лености и неподвижности, либо он проводит жизнь в столкновениях. И почему именно поэтому он считает себя старой эпохой? Проясни логику его слов. И проверь мой текст.

38) 208 – 62 – На этой и на следующей странице дай, пожалуйста, подлинные цитаты Герцена и Чернышевского или перефразируй их без цитирования. Пока что оставляю их в том виде, как они приведены в подстрочнике (видимо, в двойном переводе – с русского на казахский и обратно).

39) 208 – 62 – То же в отношении взяточников-волостных.

40) 209 – 63 – Здесь и на 210-й странице прошу тебя внимательнейшим образом проверить подстрочник и мой текст. Место важнейшее, а между тем эти две страницы, видимо, запутаны подстрочником: прямого ответа на вопрос Абая о расхождении между Чернышевским и Герценом здесь нет. Цитаты путают и невыразительны.

41) 210 – 65 – Тоже совсем неясна в подстрочнике мысль Абая о труде, как неясна и его фраза: “пожалуй, мне не нужно догонять вас, а достаточно извлечь пользу из критики Шаукенбая”. Почему догонять?

42) 211 – 65 – “За утренними и вечерними прогулками Абиш часто беседовал с Долговым” и т. д. Какие прогулки, если только сегодня Абиш и Долгов решили их начать?

43) 212 – 67 – Опять совершенно смутный подстрочник: “Вопросы Долгова открыли Абаю новые глубины мысли. Ранее, читая Герцена и Чернышевского, Абай понимал большинство их рассуждений; но иногда он лишь ощущал великую правду, скрытую в их глубине. Слова Долгова на-

поминали ему эти книги”. Я понял это так, как выразил в тексте. Подтверди, правильно ли.

44) 216 – 70 – По подстрочнику выходит, что Даркембай только после набега Базаралы перешел на земледелие. А этим он занимался еще во втором томе. Кстати, здесь почему-то он именуется братом Дармена, а не его дядей.

45) 216 – 71 – Я не могу сейчас проверить, был ли Степан Разин “закопан в землю живым на Красной площади”. Что-то я об этом не читал. Подтверди. Пока что выпустил.

46) 218 – 74 – В начале этой подглавки мысль о поездке в Конур-Аулие принадлежит Абаю, а на 81-й странице подстрочника оказывается, что эту поездку придумал Дармен. Согласуй это.

Кстати, почему Конур-Аулие переводится – “святой Коныр”, а не Конур?

47) 219 – 75 – Здесь Абай поручает раскрыть могилы Кокпаю и Акылбаю, причем это внутренне мотивировано тем, что посторонних свидетелей не будет (видимо, именно поэтому Абай и решается помочь Долгову). Между тем на странице 120 подстрочника Абиш просит о том же Байтаса, постороннего человека, который, естественно, с ужасом отказывается. Байтаса я выкинул совсем, иначе не сходятся концы.

48) 219 – 76 – Я перенес сюда описание одежды Абиша в ауле. Здесь оно более уместно, чем на странице 79 подстрочника во время поездки в степи.

Кстати, почему и здесь, и в четвертой главе настойчиво повторяется, что сапоги у Абиша были “американские”? Какие это? Если ты имеешь в виду краги, то, во-первых, это нехарактерно для русского юнкера тех времен, а во-вторых, по-моему, краги появились лишь в начале столетия, во время англо-бурской войны.

49) 220 – 76 – В подстрочнике общие фразы: “чувствовалось, что он следует по пути Герцена, самоотверженно борющегося с царизмом из заграницы”. Я добавил студентов, все-таки конкретность.

50) 221 – 77 – Точную цитату Герцена о Пушкине!

51) 223 – Неясно, как разговаривают с Абишем братья и друзья. Видимо, Магаш и Дармен говорят ему на “вы”, а

он им на “ты”. Разъясни. В четвертой главе Дармен говорит Абишу “ты”, а здесь “вы”.

52) 227 – 87 – Откуда Абиш знает с такими подробностями историю этого аула, если только что Дармен называл ему имена хозяев. По предыдущим страницам создается обратное впечатление – что Абиш, как и Долгов, попадает сюда впервые.

53) 236 – 95 – В подстрочнике – “второе письмо Онегину”, хотя текст приведен из первого письма (если вспомнить последнюю главу второго тома). Я соответственно изменил.

54) 242 – 102 – Степные интриги изложены очень запутано, в словах Магаша нет логики (неясно, например, когда Такежан решил перестать враждовать с Уразбаем). Кроме того, откуда Магашу известны тайные мысли Уразбая и Оспана по поводу съезда? Лучше было бы дать это не в прямой речи, а от автора, и при этом возможно яснее. Это относится ко всем страницам до 106-й. Здесь множество противоречий. На 103-й странице Оспан “не допускает мысли, чтобы Такежан покинул его”, а на 104-й странице думает “если они сговорятся, то границы злодейства сойдутся...” На 105-й странице говорится о том, что Оспан “вот уже неделя, как выехал за Уразбаем, убежавшим в город”, а на 131-й странице выясняется, что Уразбай был в городе всего два дня. Кроме того, здесь Магаш говорит о погоне Оспана, как о совершившемся уже факте, а в 4-й подглавке Магаш об этом же узнает от Ербола, как о только что совершившемся событии.

55) 243 – 104 – В соответствии с этим перевел прямую речь Магаша в авторскую – из соображений, что Магаш не может знать тайных замыслов Уразбая и Оспана.

56) 244 – 105 – Об этом было сказано выше в п. 54.

57) 244 – Видимо, Магаш говорит Абишу на “вы”?

58) 245 – 106 – Я опустил фразу подстрочника “он был подавлен и рассержен, что маленькая кучка...” и т. д. – здесь маленькая кучка относится к врагам, а несколькими строками выше Магаш утверждает наоборот, “нас маленькая горсточка, а злодеев вокруг бесчисленное множество, как густой сосновый бор”.

59) 246 – 107 – Мне осталась непонятной фраза подстрочника: “сейчас такая решительность Абиша в защиту отца навела и самого Магаша на мысль, что больше этого ничего не осталось делать”. Ведь, собственно говоря, Абиш только повторяет слова самого Магаша.

60) 247 – 108 – Пришлось опустить фразу: “при свете факелов камни не походили на обычные, что лежат в горах, они были скорее похожи на темные слившиеся скалы” – ввиду ее непонятности. А между тем тут чувствуется что-то любопытное. Сообщи, в чем дело?

61) 248 – 110 – Снова вопрос языка. Абиш имеет целью запугать Алмагамбета, а сам говорит с Долговым, т. е. по-русски – следовательно, Алмагамбет ничего не понимает. Исправил, как смог.

62) 249 – 111 – Опять вопрос языка: Долгов говорит по-русски, а Алмагамбету “снова стало не по себе”.

63) 249 – 111 – Непонятность в подстрочнике насчет рыбы: “длина около полутора аршин. По величине как 13-14-летний мальчик”. Как это?

64) 250 – 112 – ...

65) 251 – 113 – Эти две страницы очень трудны для понимания читателю. Не говоря о том, что подстрочник запутан в ответе Долгова настолько, что я вынужден был оставить его пока нетронутым, мне кажется, что и твое изложение не очень ясно, идеалистические суждения Михайловского не вытекают из того, что говорит о нем Долгов. Надо изложить это совершенно понятно. Не забывай, что Долгов рассказывает об этих сложных вещах аульным жигитам, и будет замечательно, если ты найдешь для него простые и убедительные слова.

Словом, эта страничка должна быть написана так, чтобы слова Магаша о науке, освещающей дорогу как факел, не висели в воздухе как сейчас. Я жду от тебя нового варианта этих двух страниц.

66) 254 – 117 – Я выпустил фразу “Дармен передал этот ответ и Магашу, и Какитаю, и родителям”. Когда же он передал? Действие идет все время в пещере. Фраза сюда не лезет.

67) 255 – 118 – Не очень понятно – изваяние ли это или игра природы? Разве казахи высекали из камня фигуры?

- 68) 255 – 119 – Объясни в сноске, кто такой Тостик?
- 69) 256 – Проверь сноску о тамге.
- 70) 256 – Об этом сказано в п. 47.
- 71) 257 – 121 – Непонятен вопрос Долгова: “Разве ваши предки были вооружены луками?” А чем же другим?
- 72) 258 – 123 – Непонятно, почему Долгов называется здесь археологом. Я это убрал.
- 73) 261 – 127 – Здесь кое-что сократил, встречались повторения.
- 74) 262 – 128 – Противоречие со вторым томом: там Оспан сам просил дать ему должность волостного, а здесь он сделался волостным по настоянию родных. Я привел в соответствие с напечатанным.
- Пришлось выпустить поговорку “над тяжелым скользит, под легким ходит”. А жалко. Сообщи ее смысл.
- 75) 264 – 131 – Противоречие со страницей 105-й подстрочника.
- 76) 265 – 132 – Не лучше ли перевести так: “Право старшего – гневаться, обязанность младшего – приходиться с повинной”.
- 77) 265 – 133 – Каким образом Баймагамбет стал кучером у Оспана. Совершенно непонятно и неоправданно. Я это убрал.
- 78) 266 – 133 – Противоречие образа. Оспан схватывает Уразбая, как черный беркут зайца, и бросает его в угол повозки, словно барашка.
- 79) 267 – 134 – Названия иргизбаевских аулов, впервые появляющиеся во всех книгах, я для облегчения выпустил.
- 80) 267 – 135 – В подстрочнике противоречия: Абай “не присоединяется к тем, кто осуждал Оспана”, а в то же время в своем салеке сам осуждает его, утверждая, что тот “поступил неправильно”. Абай “не выступал в роли человека, который защищает Уразбая от плена Оспана”, а сам в салеке просит Оспана “немедленно отпустить его”. Постарался все это сгладить
- 81) 269 – 138 – Верно ли перевел поговорку?
- 82) 270 – 138 – В подстрочнике совершенно непонятны слова Оспана и пропадает какой-то каламбур – “пусть пропадет пропадом возмещение” – говорит Оспан, “пусть про-

падет твоя должность” – отвечает Такежан. Разъясни, надо доделать.

83) 270 – 139 – Совсем неясно, что такое “казах-шылык”.

84) 270 – 139 – Неясно, почему из этих слов Такежана Оспан делает свой вывод, что Такежан решился изменить?

85) 272 – 141 – В подстрочнике удивительно смутно сказано: “Такежан тоже ушел, не зная, каким образом приостановить эту вражду, но внутренне он одинаково злился и на Оспана, и на Абая, укрепив свою вражду к ним”.

86) 272 – 141 – В подстрочнике говорится, что Медеу “стал посылать людей к Азимбаю немедленно после отъезда Уразбая в город” (с предложениями о сватовстве), между тем еще в 3-й подглавке Магаш рассказывает Абишу об этом сватовстве и о каргибау. Следовательно, Медеу посылал людей много раньше. Я примирил это противоречие.

87) 272 – 142 – Неясно, кому было ясно, что аул Такежана был бессилён что-нибудь предпринять и т. д. Кто это думает? Сам Такежан? Абаевская молодежь? Абай? Автор?

Ответы прошу прислать с упоминаниями номеров вопросов, у меня осталась копия, и по ней я быстро разберусь в рукописи. Неясные места требуют твоего подстрочника или твоей проверки подстрочника. Свои замечания по переводу вноси прямо в рукопись, но лучше на левых страницах.

Ответ лучше не затягивать, чтобы исправления вносить не в гранках, а еще в рукописи.

Шлю привет.

М. Ауэзов – А. Фадееву

№ 81

16.11.1948 г.

Дорогой Александр Александрович!

При наших встречах в Баку и в Москве Ваши высказывания о моем романе “Абай” явились для меня самым дорогим, навсегда памятным признанием скромного моего вклада в советскую литературу.

Не скрою, впервые за долгие годы я почувствовал в те дни уверенность в свои, еще малоизвестные союзному чи-

тателю возможности писателя. Очевидно, тут играло роль и авторское тщеславие, в чем в разной степени грешны мы, литераторы. Но авторское самолюбие, проявляемое нами по поводу любого своего произведения, конечно, ниже достоинства и чести советского писателя. Однако проявление этих слабостей в отношении таких вещей, над которыми человек трудился долгие годы и которые в конце концов вылились в законченный труд, мне кажется, как-то носит в себе и смягчающие вину обстоятельства.

“Абай” же для меня являлся таким трудом. И когда работаешь над такой вещью, порой мысленно оглядываешься вокруг и начинаешь видеть в числе возможных твоих читателей отдельных лиц нашей родины, чьи бы мнения хоть в немногих словах явились бы теплым откликом на твой труд.

Особенно остро ощущаем это мы, писатели национальных литератур, мы, так мало еще сказавшие и сделавшие в поднятии литературной культуры наших республик и еще очень немного внесшие в общую сокровищницу союзной литературы.

При этом внутреннем оглядывании на лиц, скажу без тени лести, как человека и художника (абсолютно не принимая во внимание Ваше официальное положение) я вспомнил и Вас, дорогой Александр Александрович!

Пишу об этом потому, что получил письмо Леонида Сергеевича Соболева, где он сообщает об обстоятельствах прохождения романа через президиум по Вашему представлению на Сталинскую премию.

Сердечно благодарю Вас за то теплое слово, которое сказано Вами о книге. Вы это сказали не на основе информации со стороны, а на основе Вашего личного знания книги, как первой, так и второй части.

Считаю необходимым теперь добавить и довести до Вашего сведения о том, что после Ваших замечаний к последней книге я внес ряд серьезных поправок. Л. С. Соболев работал над последней редакцией книги, включая эти поправки. Сейчас книга закончена и литературным переводом, сдается в набор 25 февраля в Гослитиздате и, согласно последней телеграммы Соболева, в целях ускорения издания сдается в набор прямо в верстку. Очевидно, это делается для того, чтобы члены комиссии могли читать перевод книги не

с машинной рукописи перевода, которая сдана в Сталинскую комиссию еще в январе, а в печатном виде.

Пишу об этих подробностях русского перевода потому, что по сообщениям отдельных лиц, возвращающихся из Москвы, почему-то говорят, будто вторая книга романа представлена без перевода, и будто поэтому выбывает из числа представленных ныне произведений.

Не мне вмешиваться в дела комиссии. Но фактическую справку о том, что книга вышла на каз. языке в истекшем 1947 году и что книга представлена с законченным литературным переводом в комиссию, я счел необходимым довести до вашего сведения.

Один тот факт, что книга оценена глубоко понимающими свойства и задачи художественного произведения людьми, — уже радует и так морально поддерживает меня, что пусть даже не будет никаких организационных выводов по книге, все равно я от всей души и бесконечно благодарен Вам.

Дружеский привет.

Мухтар Ауэзов.

¹Фадеев Александр Александрович (27-бетті қараңыз).

М. Ауэзов — А. Фадееву

№ 82

1 декабря 1951 г.

Дорогой Александр Александрович!¹

Как, вероятно, известно Вам, партийная организация Казахстана проводит сейчас важнейшие, насущно необходимые исторически справедливые мероприятия по очищению идеологического фронта в Казахстане от всех ранних и поздних проявлений буржуазного национализма, конкретно, в связи с раскрытием феодально-монархической реакционной сущности движения Кенесары Касымова.

Критикуя деятельность историков, литературоведов, писателей и многих иных деятелей, наша общественность справедливо сурово указала и на мои ошибки. Критика моих ошибок, главным образом, базировалась на моих

научно-исследовательских работах. К ним относились: 1) моя редакторская работа по 1-му тому “Истории Казахской литературы” (фольклор), 2) ранние исследовательские статьи по изучению биографии казахского классика Абая и его поэтического окружения, так называемой “Школы Абая”, 3) мое участие в качестве оппонента при защите диссертации Мухамедхановым на тему “Школа Абая” в 1951 году. В этом же ряду порой упоминалась моя пьеса “Хан Кене”, написанная в националистическом духе еще в 1928 году.

Искренне и глубоко осознав свою личную ответственность в поднятых партией требованиях правильного, идейно-воспитательного воздействия на сознание масс, я решил ответить не только заявлениями, декларациями, но делом, т. е. своим художественно-творческим трудом, на справедливые указания общественности. Результатом этих моих устремлений и усилий явился роман “Путь Абая”, напечатанный в 8-м и 9-м номерах журнала “Знамя”.

Данный роман имел три редакции в пути своего идейно-художественного созревания. Первая редакция была напечатана в 1949 году в журнале “Әдебиет және искусство” в объеме 14 печ. листов. Вторая редакция в объеме 20 печ. листов вышла до начала критики идеологических ошибок историков и литературоведов в Казахстане.

А третью, самую последнюю и основную редакцию романа “Путь Абая” в течение целого года, т. е. с середины 1950 года до середины 1951 года, я переработал, при огромном творческом содействии коллектива редакции журнала “Знамя”, переработал, учитывая все критические замечания, касавшиеся моих ошибок исследователя, научного работника. В результате возник роман, по признанию отдельных критиков в Казахстане и в Москве, исправляющий ошибки не только автора, но и многих других исторических, историко-литературных и иных трудов на тему о прошлом Казахстана.

По признанию читателей, “Путь Абая” гораздо более, нежели роман “Абай”, раскрывает и укрепляет исторические корни дружбы между великим русским и казахским народами, он развенчивает пантюркизм и зарождающиеся предпосылки казахского национализма.

Роман должен был бы служить примером убедительного отрицания буржуазного национализма. Казалось бы, он должен был служить примером творческого исправления ошибок давнего и недавнего прошлого в отношении буржуазного национализма, и как таковой мог бы быть использован сейчас в пору разоблачения этого национализма в республике.

Между тем, роман предан умолчанию в Казахстане. А в докладе первого секретаря ЦК ВКП(б) тов. Шаяхметова, опубликованном в газете “Казахстанская правда” от 13 октября, вместо должной справедливой оценки последнего, переработанного варианта, дана ссылка лишь на первый вариант и сказано: “некоторая идеализация личности Кенесары Касымова нашла место и в романе М. Ауэзова “Акындр Агасы”, напечатанном в 1949 г. в журнале “Әдебиет және искусство”.

Было бы законно сказать о романе так, если он остался в том же варианте 1949 года. Но почему же не упоминается в докладе вариант последний и окончательный, тем более исправленный почти на 40% и изобличающий национализм? Почему не учитывается тот факт, что этот последний вариант романа пока что является единственным деловым творческим ответом на критику национализма в Казахстане? Ведь ясно же, что и “История Казахской ССР”, и учебники, и вузовские пособия, ранее составленные с ошибочных позиций, еще не написаны заново и тем более не изданы. А роман “Путь Абая”, опубликованный в журнале “Знамя”, уже стал достоянием читателя в массовом распространении. Почему руководство партийной организации Казахстана не хочет использовать этот труд как факт делового исправления ошибок в результате благотворного влияния партийной критики на сознание и трудовые усилия ранее ошибавшегося автора? Кому же на пользу это непонятное молчание? Неужели ошибки, допущенные мною в отдельных исследовательских работах, должны заглушить и заслонить мои положительные, правильные с партийной, идейно-исторической точки зрения труды в моем писательством творчестве?

Дорогой Александр Александрович, с этими своими недоуменными вопросами я обратился письменно к товарищам Г. М. Маленкову и М. А. Сулову. Одновременно с

письмом к ним счел нужным поставить в известность и Вас, и хотел бы лишь одного, чтобы хоть в Союзе писателей и хотя бы в одном Вашем лице роман был бы понят и учтен той своей идеей, которой определяется вся сущность данного произведения.

С сердечным приветом,

Мухтар Ауэзов.
тел. К-2-24-16.

¹Фадеев Александр Александрович (27-бетті қараныз).

№ 83

8.08.1950 г.¹
Алма-Ата.

Дорогой Сергей Леонидович!

Я получил присланное Вами редакционное заключение. Отвечу на него, прежде всего, несколькими справками по книге и переводу. Они, надеюсь, помогут изд-ву получить последние, верные сведения по роману.

Подстрочник, на который написана присланная Вами рецензия, был действительно слабый, сырой. Он приблизительно в полтора раза длиннее оригинала, т. е. многословный, потому разжижающий, если можно так выразиться, текст оригинала. Однако Соболев получил после не только этот, а переработанный, сокращенный и во многом улучшенный, подстрочник. Кроме того, самая существенная справка — ведь и сам роман в последней редакции мною сильно доработан. К казахскому отдельному изданию (кстати, выходящему на днях) и вашему изданию добавлено глав, подглавок объемом всего около 6 печатных листов. В рецензированном у Вас подстрочнике отсутствовали эти два существенных изменения, т. е. сокращения, улучшения самого подстрочника и большие изменения, внесенные в роман.

Еще одна подробность — ведь в подстрочнике, имевшемся у вас, не было целой главы (третьей). А это в книге (состоящей всего из пяти глав) составляло значительную часть. В последней моей редакции в одну эту главу вписаны с переработкой два печатных листа.

Таким образом, у вас рецензировали черновик подстрочника, рецензировали роман без последней доработ-

ки, при которой вписаны заново 6 п. л. с сокращениями, изменениями, первоначальной редакцией (подстрочник этих 6 п. л. хороший). Да еще оценивали книгу, не читая ее середину в объеме почти пяти печ. листов. См. с. 1.

Получилось похоже на казахскую поговорку “кроить костюм не по фигуре человека, а по его тени на стене”. И тень-то досталась вашему закройщику (рецензенту) удлиненная, уродливая. Вот ведь что получилось, дорогой Сергей Леонидович!

Ввиду всего этого я никак не могу вступить в обсуждение редакционного заключения. Не могу, и не должен даже полемизировать, что-то отвергая, что-то оспаривая в деталях. Не должен потому, что “заключение” просто от произведения. На этом же основании не стану жаловаться и на рецензента, взявшегося судить о книге, так мало зная о ней, ведь очевидно же, что он часто бьет мимо цели и может быть иначе при данных ситуациях.

Но не могу не напомнить Вам, Сергей Леонидович, о том, что этот сырой подстрочник был передан Вам лишь только как предварительный материал, как некоторое основание для заключения договора на роман, который будет представлен в оговоренный срок, в своем должном качестве. По договору я и аванса не получил потому, что роман-то сам не представлен, его у вас нет. Так почему же изд-во, не имея еще романа в полном объеме, в последней редакции, в готовом переводе (по которому только оно принимает, обсуждает и печатает), решило рецензировать и выносить свое редакционное заключение?

Вот этот вопрос лишь невольно озадачил меня. Озадачил еще потому, что приехавшие недавно из Москвы наши казахские писатели Муканов и Мусрепов передали здесь писателям последнюю новость о моем романе. Они сослались при этом на Вас, Сергей Леонидович, и будто бы Вы сказали, что роман Ауэзова возвращается автору, так как у издательства много замечаний по книге. Не знаю, сколько тут правды и преувеличений. Но ведь факт, что Вы не можете вернуть отсутствующий роман. А то, что у вас есть, Вы взяли у меня лишь только как формальное основание для заключения договора. Вы не предупреждали меня, что будете судить по этому неполному, сырому материалу и будете

еще выносить редакционное заключение по нему. Если бы знал об этом, я, конечно, не в таком виде передал бы книгу.

Вообще по роману должен сказать, что он, являясь произведением о том же самом герое, по стилю и всем художественным манерам будет близок первым книгам об Абае. Но идейно и по глубине мыслей (прогрессивно-исторического значения) он выше “Абая”. Так он оценен казахской общественностью.

Сохраняю надежду, что эта оценка не будет уж так далека от истины. Конечно, есть, очевидно, лица, которым не нравится стиль и суть романа “Абай”. Признавая допустимость таких явлений, однако, я так же верю (как, мне кажется, верите и Вы) в законность права существования этих книг даже при наличии их спорных (по мнению отдельных товарищей) сторон.

Но обо всем этом разговор впереди, когда будет представлен вашему изд-ву весь роман в своем полном, нормальном и готовом (для принятия всех бед на свою голову) виде, т. е. в том виде, каковым Вы заказали мне и переводчику представить к оговоренному сроку. Но каковым Вы еще не имеете его у себя.

Я собираюсь приехать в Москву к первому сентября. Продолжение наших разговоров для устранения отдельных недоразумений (одним из которых является редакционное заключение) откладываю до своего приезда.

С сердечным приветом, Ауэзов Мухтар.

¹ Хат “Молодая гвардия” журналына жазылған.

В. Катинов – М. Ауэзову

№ 84

13.08.1951 г.

Дорогой Мухтар Омарханович!

Только что закончил работу над версткой второй половины романа и вот – пишу Вам. Верстка получилась довольно чистой, без каких-либо существенных исправлений, и без сокращений. Я лишь несколько подчистил сцену с губернатором, убрав из нее детали, позволяющие злым кри-

тикам упрекать Вас в скрытом любовании особой генерала. Остальное чистка и стилистические уточнения.

Вторую часть целиком публикуем в девятом номере, это, разумеется, очень выгодно для романа.

Высланную Вами сцену Павлов – Абай еще не получил, вставим в сверку.

По восьмому номеру получаем уже первые читательские отзывы. Все в большом удовольствии. Приятно сознавать, что наши совместные усилия привели к столь отрадному результату. Муки забудем, а хорошее дело останется на долгие года.

Сейчас, работая над версткой, я подумал, что хорошо бы в финале романа дать встречу Абая с Павловым. (Он ведь живет в Семипалатинске.) Павлов может и порадоваться за Абая, и хорошо прокомментировать поведение губернатора: остро и зло. Подумайте об этом, Мухтар Омарханович. В журнальном варианте романа мы это исправление, увы, сделать не успеем, а для отдельного издания я бы это добавление внес.

Третьего дня над по душам беседовал с Соболевым. Он удовлетворен результатом работы и говорит, что сделанные нами исправления и сокращения совершенно справедливы.

Отдадим справедливое и Леониду Сергеевичу – он хорошо помог рождению Вашего романа на русском языке. Его конструктивные и редакторские способности я не переоцениваю, как художник, в смысле понимания эстетических задач, стоящих перед Вашим талантом. Вы переросли его и ушли далеко вперед, но переводчик-стилист, чувствующий душу Вашего творчества, он отличный. От души советую Вам беречь это творческое содружество.

Вот, пожалуй, и все.

Приятно сознавать, что работа закончена. Хочется верить, что встреча нашей редакции с Вами была не единственной, надеюсь, что и следующий Ваш роман не пройдет мимо страниц нашего журнала.

Людмила Ивановна шлет Вам сердечный привет. Скажем прямо, ее тонкий вкус и твердые эстетические взгляды очень помогли Вам совершенствовать свое произведение.

Крепко жму руку.

Ваш В. Катинов¹.

¹ Катинов В. – “Знамя” журналы бас редакторынын орынбасары.

М. ӘУЕЗОВ – ЖЕКЕ АДАМДАРҒА

М. Әуезов – З. Кедринаға

М. Әуезовтің эпистолярлық мұрасының ішінде көлемді бөлігі ерлі-зайыпты Зоя Сергеевна Кедрина мен Алексей Наумович Пантиелевке жазған хаттарынан тұрады. З.С. Кедрина – М. Әуезовтің, жалпы қазақ әдебиетінің жанашыр достарының бірі. 1932 жылы абақтыдан жаңа шыққан М. Әуезовке Қазан төңкерісі тақырыбына пьеса жазу тапсырылды. Осы кезде Ораз Жандосовтың нұсқауымен ұлттық кітапхананың қызметкері З.С. Кедрина Алматы қаласындағы әскери гарнизон бүлігіне қатысты материалдарды жазушыға дайындап берген. Бұл таныстық кейіннен шығармашылық достыққа ұласып, І. Жансүгіровтің “Дала” поэмасын бірлесіп орыс тіліне аударды. З. Кедрина М. Әуезов шығармашылығы жайында көптеген мақалалар мен зерттеулер жазды. Әуезовтану саласындағы негізгі еңбектердің қатарына жататын “Мұхтар Әуезов” атты монографиясы (1951) баспасөзде үлкен пікірталас тудырды. 1953 жылы “Правда” газетінде П. Кузнецовтың “Сынау орнына мадақтау” атты мақаласы шыққаннан кейін, М. Әуезов те, монография авторы да қатал идеологиялық қысымға ұшырап, жазаланды.

Сонымен қатар жазушы өмірінің соңғы кезеңінде З.С. Кедрианың жолдасы А.Н. Пантиелевпен тығыз шығармашылық байланыста болған. Ол М. Әуезовтің “Қараш-Қараш оқиғасы”, “Қаралы сұлу”, “Түнгі сарын”, “Өскен өркен”, “Қилы заман” шығармаларын жоғары деңгейде орыс тіліне аударды.

З.С. Кедрина мен А.Н. Пантиелевтің отбасымен М. Әуезовтің өзі де, қызы Ләйла да жақсы қарым-қатынаста

болған. 1953 жылы М. Әуезовтің басына қауіп төнген кезде, 1961 жылы Мәскеуге операцияға барғанда осы достарының үйіне түскен. Операция алдында соңғы көрген адамдары да З.С. Кедрина мен А.Н. Пантиелев болды.

З.С. Кедрина мен А.Н. Пантиелевке 1951–1959 жылдар аралығында жазған хаттары М. Әуезов өмірінің қиын кезеңдерінен де, сәтті жылдарынан де қызықты деректер береді, жазушының шығармашылық лабораториясының беймәлім беттерін ашады.

М. Ауэзов – З. Кедриной

№ 85

18.08.1951 г.

Зоинька, милая!

Получили на днях твое письмо, читали всей семьей, были рады весточке от тебя. Тебе все не верится, решимся ли мы переехать в дом, и, видимо, поэтому, даже после моего письма из Москвы о дне переезда, ты поздравляла нас колеблясь, оговариваясь. В этом, конечно, в значительной доле виновны мы сами, столь долго оттягивавшие наше строительство. Но письмо твое, однако, мы читали, сидя на нашей большой, хорошей веранде, собравшись за утренним чаем. Я говорю “собравшись” потому, что наше немногочисленное семейство распределилось по своим комнатам. Даже и Эрнар обживает свою комнату, спит один у себя. Правда, в эти дни он снова в горах, до 1 сентября мы решили его продержат там, то с мамой, то со старой нашей домработницей Григорьевной – горы есть горы. Но первые дни переезда в дом он провел в городе, прожил на собственной площади.

Я сейчас задерживаюсь в городе, много насело дел. А Валя и Эрнар последние дни на даче. Лейля больше проводит время в городе и отдыхает довольно бестолково, начались опять хронические зубные боли, чинит их, как каждое лето, без конца, будто для этого и приезжают. Впрочем, раз здорова – думаю для молодого организма отдых везде, лишь бы отдыхала головой. Домом она довольна, как и все наши знакомые, друзья и посторонние ценители. Правда, мы со-

бирались переехать давно, а переехали в конце июня, но если разобраться серьезно — строить-то мы начали ведь его лишь в мае 1950 года. До этого вели подготовительные посторонние стройки, так что год два месяца, теперь, по крайней мере, я считаю сносным сроком. Это говорю я — главный виновник и зачинщик этого предприятия, а Валя ведь все время была индифферентна, не верила ничему и не ждала ничего хорошего от нашего архитектора. А он оказался настолько серьезно занятым этим делом, что, по признанию жены, теперь иной день рано уходит из дому, чтобы заглянуть на наш дом, — так приятно, видимо, поглядеть ему на свое произведение — чувство столь понятное всем нам грешным, неизлечимо подверженным такому сладкому недугу.

А меня подобным образом влечет к верстке и сверке “Пути Абая” (так назван роман в русском издании мною) — видимость куда скучнее и непрезентабельнее. Однако роман весь помещается в двух номерах. Это очень хорошо, что наконец решили не оттягивать еще на октябрьский номер. Вчера я прочел верстку сентябрьского номера, телеграфировал о немногих поправках своих.

Таким образом, к твоему приезду роман весь и выйдет в двух номерах. Самое первостепенно важное, что хотелось бы услышать от критики по идейно-художественному качеству романа — это по двум основным вопросам: 1) О сквозной идее романа, утверждающей дружбу между русским и казахским народами, отсюда отрицание национализма (всяческого, в прошлом и в настоящем). Из этих качеств, по-моему, и складывается путь Абая — от казахской степи к передовой России, от своего класса к трудовому народу, от стадии начального формирования поэта в Абае — к мудрости борца за благо народа.

2) Об окружении Абая — после дискуссии мы не называем поэтов молодых, живших около Абая, — учениками. Это и правильно — современники, а не ученики — последнее обязывает Абая многим. А в романе дано теперь правильное решение и этого истинно литературного вопроса. Окружение Абая противоречивое, сложное, как и должно было быть в жизни, за него или против него боролись и представители отсталой феодальной идеологии, и молодые поросли

– носители нового. Поэтому в романе и дифференцированы Шубары, Арипы, Кокпай – как носители (в разной степени) этого противоречия. А Абиш, Дармен – то новое, что хотел оставить Абай для будущего.

Очень важно было бы, при наличии многих и многих установленных теперь проявлений национализма, подчеркнуть эти идеологические стороны романа как достижения автора и литературы Казахстана теперь.

Труд того автора, который послал тебе свою апологетич. книжонку будет, конечно, осужден и в Москве, и здесь. А объект его исследования остался на месте. Как будет себя вести дальше на своем месте, покажет будущее.

Буду ждать оценки романа в центр. прессе. В “Знамени” говорили, что прежде всего они ждут хорошей политической статьи в “Правде”. Это было бы, конечно, самым хорошим, идеальным началом критических и литературных статей о книге.

Сердечный привет от нас всех Абелью Наумовичу, всем родным.

Твой М.

М. Ауэзов – З. Кедриной и А. Пантиелеву

№ 86

16.VII.1957 г.

Дорогие друзья Зоя и Абель Наумович!

Прежде всего шлем сердечный привет от всей нашей семьи от мала до шестидесятилетнего. Вести от нас таковые: маленький с Умиш и Эрнарком живут на даче, попеременно, кроме них там бывают все, кроме меня. Больше жить там собиралась Валя, но до сих пор это не получается по настоящему. Страшно затянулся ремонт, кажется, еще начатый при вас. Только вот на днях, т. е. спустя сорок дней, маляры вышли из комнат на веранду. Но ремонт получился не плохой, а очень приятный.

Я сижу все время в городе, закончил вариант “Айман-Шолпан” для драмы на декаду. С октября начнет репетировать Айманов¹, театр принял новую редакцию неплохо. По настоянию Гослита и Абу² из Москвы сделал предисловие (вернее, часть его) для антологии. Отправляю завтра.

Сегодня вылетел в Москву Мусрепов, и я послал с ним насилу добытые в Алма-Ате два экземпляра “Пути Абая” (первая книга). Гослит и Абу так и не нашли будто бы в Москве книгу и все (по телефону) требовали, чтобы нашел я сам.

По поводу “Знамени” Мусрепов обещал послать телеграммы от президиума Кожевникову, Суркову и Рюрикову упоминая о шестидесятилетии и желательности печатания в осенних номерах. Сейчас, очевидно, поговорит и лично кое с кем из этих лиц.

Здесь (в Алма-Ате) уже сдается в эти дни в печать вторая книга “Пути Абая”, первая в ноябре, а “Абай” в двух книгах на русском в декадном хорошем оформлении уже вышел. Так что очень возможно, что здесь будут спешить с выпуском и последующих двух книг (серии), а задержка в “Знамени” просто зарежет печатание в журнале.

Как сообщил по телефону Абу, Даронян хочет идти в отпуск, но ждет получения первой книги “Путь Абая”, чтобы самому сдать в набор, как редактору выпуска. Выходит, и там (в Гослите) может быть ускорено издание книги. При всех этих видах я и думаю, что нам обоим необходимо всеми мерами, с разных концов подгонять редакцию “Знамени”. Если состоится моя дальняя поездка, то я буду в Москве в конце июля, хорошо бы к тому времени иметь и твои меры воздействия, хотя бы с расстояния, на Людмилу...

Как обстоит между прочим с твоим предисловием к изданию Гослита, в своем последнем письме ты написала неясно.

Очень благодарю тебя за твое согласие редактировать “Энлик”, посодействуй ее появлению в “Театре” — думаю, это будет наиболее достойная помощь по ней.

Здесь уже серьезно (организационной подготовкой) говорят о 60-летию — совместными соображениями выступают Союз и Академия.

Да, видел редактора Казгослита по вашему переводу “Пути Абая”, 2-я книга — Муханову. Она одобрила и сдавала в печать книгу, относительно стихов привлекла в помощь Смелякова, обещала мне дать экземпляр его переводов и для тебя. Как получу, так сразу же отправлю тебе на дачу. По качеству перевода всей книги она, видимо, смотрит с

местнической симпатии и говорит, что перевод Анова³ — якобы был лучше (имеет в виду, очевидно, опубликованное в “Казправде”) — это ее суждение обнаружило для меня (я ее не знал вовсе) досадное невежество нашего редактора. Расхваливала и Соболевский⁴ перевод, как будто несравнимый с последним... А сама не представляет разницы между Соболевским “переводом” “Абая” и “Пути Абая”, первой книги. Явно тенденциозна даже в оценке перевода стихов, считает, что Жовтисовские оказались более удачными. Я не обратил ни капли внимания на ее слова, был доволен тем, что сдала в печать.

Сегодня я уже получил стихи к роману после Смелякова и посылаю их тебе тут же. Сейчас, 16-го днем, получил телеграмму от Суркова, он зовет от имени секретариата прибыть к 28 июля в Москву для участия на нескольких встречах с фестивальцами — срок нахождения в Москве определяет до 8-го. Очень возможно, что дальше поеду в Японию, если эта поездка состоится по намеченному ранее плану.

Изд-во подлое ведь не перевело к 4-му обещанный твой гонорар, я страшно и долго ругал Ипмагамбетова и взял клятвенное обещание перечислить 20-го, не было денег и, во-вторых, обманул бухгалтер, который будто бы сказал, что перечисление сделано. Этот бухг. уволен, и обещание теперь твердое. Валя ничего сейчас не заказывает, а вернешься в Москву, тогда и хочет сделать заказ, об этом просила написать пока.

С “Ночными раскатами” опаздываю, все тянутся срочные постановочные, издательские спешные заказы, дела. Время пребывания в Москве постараюсь использовать для этой пьесы, для ее доработок.

Ну отдыхайте, поправляйте здоровье, в немалой степени попорченное за время труда в Алма-Ате...

Сердечный привет от нас всех еще и еще раз, целую вас обоих.

Ваш Мухтар.

¹ Айманов Шәкен (1914–1970) — актер, режиссер, М. Әуезов шығармалары бойынша рөлдер ойнаған, режиссерлік жұмыс атқарған.

² Сәрсенбаев Әбу (1905–1999) — акын, жазушы, драматург. М. Әуезов шығармашылығына жоғары баға берген.

³ Анов Н.И. (1891–1980) — орыс жазушысы, драматург. М. Әуезовпен достық қатынаста болған.

⁴ Соболев Л.С. (26-бетті қараңыз).

М. Ауэзов — З. Кедриной и А. Пантиелеву

№ 87

Зоинька родная! Милый Абель Наумович!

Шлем вам обоим со всеми вашими родными сердечный дружеский привет. Письмо твое, Зоинька, обрадовало нас, как всякая весточка от вас. Я задержался ответом, ожидая одной очередной, повторной встречи. А после нее, написав письмо в Москву Арфе, пишу и тебе. Здесь я очень подробно сообщил об истории той злополучной книжки, просил ее прочесть лично, мне было крепко обещано и прочесть, и заняться вопросом о ее авторе, с его положением в дальнейшем. Стало ясно и одно новое попутно: ему пока еще в Москве по этому поводу ничего не говорили. Вот потому-то я и написал снова Арфе, чтобы она сообщила об известных ей обстоятельствах. Дело в том, что она была у лица, которому она адресовала известное тебе письмо, о своей встрече недавно писала мне. Не думаю, чтобы она не говорила об авторе той книжки, раз сама же ставила этот вопрос в своем письме. Я тут рассказал и о ее участии, и вообще об огромном участливо дружеском отношении ее как весьма честного, высоко принципиального благородного человека в вопросах наших с тобою.

Получу ответ от нее, напишу сразу же.

В целом, сама уже видишь и знаешь, конечно, как все намного стало лучше еще сравнительно со стадией появления статьи Николая Семеновича. А какова передовица “Литературки” от 5 августа?! Я получил даже хорошую радостную поздравительную телеграмму от профессора истории Бернштама из Ленинграда.

Сейчас я работаю непрерывно лишь над докладами, а их уйма: доклад по драматургии на респуб. съезде, доклад на юбилее Абая 5 сентября (а съезд 1-го). Затем должен писать свой вариант доклада по переводу для II съезда.

Огорчительно мне было прочесть твои строчки об ответе Людмилы тебе. Как она могла говорить так, когда до самого последнего часа моего отъезда разговоры с ней, со всей редакцией были еще насчет непереведенного на 1/3 романа и не прочитанного никем, кроме одного только Макарова¹, который всего только говорил со мной две минуты по телефону и еще ничего определенного не высказывал.

Не идет ли у ней речь о рукописи статьи, которую они получили от тебя и которую действительно вернули мне с рядом замечаний, пожеланий расширить, увеличить в объеме до 1 ½ листа и обогатить фактами национальных литератур?

А если речь идет о романе, и она так себя ведет двойственно, еще не получив двух глав и даже не прочитав полученное, — это недостойно и отвратительно. Надеюсь, что это болтовня ее — иначе, право, не могу назвать — не повлияет на Веру Васильевну, которая имеет сейчас в подстрочнике еще одну, пятую главу, а скоро получит и шестую, последнюю, а “Знамя” их вовсе не имеет. Вот таковы дела и обстоятельства.

У нас дома все благополучно. Лейла пробыла здесь четыре месяца и прозанимавшись на совесть поехала на Кавказ, сейчас отдыхает около Батуми в Кобулету. Остальные домочадцы при мне и, кажется, пребывают пока в полном спокойствии наконец-то... Ну об этом и о дальнейшем авторучку передаю самой Вале, а вам желаю хорошего отдыха и огромных творческих успехов в ваших вдохновенных порывах, дорогие мои, чудесные друзья милые.

¹ Макаров А.Н. — орыс әдебиетшісі, сыншы.

М. Ауэзов — З. Кедриной

№ 88

1 августа 1957 г.

Зоинька родная!¹

Напишу вначале об алма-атинских делах. Гранки строго обещали посылать тебе. Мухановой нет, отбыла ненадолго в отпуск, но Каратаеву², Исмагамбетову и Балтагожину разом

поручил непременно выполнить все твои требования с поправками и в отношении посылки гранок дал твой куйбышевский адрес. С твоим гонораром они опять (речь идет о 20-м числе) подвели, не смогли перевести, зато окончательный подсчет уже довел их долг до 14 тысяч, а не до семи, как “прикидывали” раньше. Все трое вышеперечисленные обещали перечислить гонорар в ближайшие дни. На слова Мухановой ты буквально плюнь, как это сделал в минуту разговора с ней я – тебе писал, чтобы ты была в курсе отдельных настроений местных переводчиков. Но каковы они на самом деле, это показал коллективный перевод, сделанный ими в сборнике Аманжолова³, – весь перевод забракован в Гослите, и Габит⁴ увез Аманжолова для новой подготовки к русскому изданию.

Теперь дела московские. Во-первых, я остановился в гостинице “Москва”, был приготовлен номер. Хоть и было очень трудно. К вашим еще не ездил – все дни проходят в суеде посещений, встреч и скоростном чтении материалов по Японии. А поездку туда решено было назначить на 2-е, но вот еще до сих пор (вечер 31-го) нет визы оттуда.

Наши общие с тобою литиздательские дела обстоят таким образом. Гослит имеет все, и, как сообщил мне Даронян⁵, – “Абая” сдают в сентябре, а “Путь Абая” в октябре в печать. Твое предисловие он имеет, оно пойдет. Договор на две главы, как он сказал, послан по тем соображениям, что редактированные тобою главы Анова будут оплачены и названы в книге. Только договор на эту часть работы будто бы составляется после, или при сдаче в печать, либо по выходе книги. А по твоим главам – он говорит, что она не может быть сама редактором и этого у нас в практике изд-ва не допускают, а Соболев будто у них был обозначен только как редактор перевода с отдельными упоминаниями настоящих переводчиков. Видимо, так мотивируется у них ввод, оформление своего внутреннего редактора.

В “Знамени” до моего приезда вел переговоры Мусрепов, он еще из Алма-Аты просил их начать печатание книги с 9-го номера. Была его телеграмма Кожевникову⁶, Суркову⁷ и Рюрикову⁸. Но его в “Знамени” убедили в невозможности печатания романа в этом году, он был согласен с ними и так информировал, настраивал и меня также. Но этот разго-

вор, конечно, не успокоил меня, и я вначале посоветовался с Людмилой Ивановной в отдельности. Она сама не читала еще романа, но сказала, что читали наши товарищи, и мнение пока единое о том, что роман именно тот, которого мы ждали и будем печатать. А вот о сроке печатания также стала урезонивать меня и все же посоветовала обязательно поговорить с “самым главным”.

Вот этот разговор на днях и состоялся, тут были: Кожевников, Людмила Ив., Борис Леонтьевич — забыл его фамилию — первый зам, Е. Д. Сурков и даже Катинов — в целом вся решающая головка. Тут также Борис Леонтьевич заявил, что роман он считает “самым лучшим советским романом” и говорил, что “нет такого романа о Пушкине” — это буквальные его заявления, к чему еще им было добавлено “мы будем печатать его обязательно”. Эти его высказывания полностью поддерживал Евгений Данилович — очевидно, одним из прочитавших был именно он, Сурков.

Был в целом солидарен с ними и сам Вадим. И однако он привел, перечисляя, затрудняющие их факты с печатанием в этом году. Во-первых, роман поступил с опозданием, а в номера 8, 9, 10 пушен роман Кожевникова, пушен в августовский номер, конечно, до июля задолго. Одиннадцатый номер — это номер 40-й годовщины — исторический роман туда не лезет. А в одном двенадцатом номере роман не уместится, и с точки зрения подписчиков нормально, естественно, будет иметь роман цельным за один год. Вот поэтому они и хотели печатать с первого номера. Я тут стал выяснять, окончательно ли решение с первым номером, потому что могут всплыть и другие доводы вроде того, что год нельзя начать историческим романом. Тут также поговорили откровенно, и они сказали, что не только на первый номер, но и на весь 58 год нет ни одного настоящего романа в их предвидении — роман Симонова⁹, на который рассчитывали, будто бы “рассыпался”, как сказал Вадим.

Но тем не менее он признался, что если случится чудо и окажется роман о советском рабочем классе, то он может пойти в первом номере, поэтому в самом худшем случае роман наш пойдет в февральском номере, и я с этим примирился. В связи с этим, конечно, придется попридержать до марта выход “Пути Абая” (2-я книга) в Алма-Ате.

Об этом последнем соображении я сказал и Габиту, и ясно, что выход задержать легче всего и, пожалуй, целесообразнее других исходов.

Можешь и ты соучаствовать в этом процессе торможения, задерживая гранки для еще более тщательной отделки, редактуры. Вот это и все о делах печатных.

Габит до меня в Москве ставил вопрос о моем юбилее на секретариате, и создали комиссию во главе с Симоновым (по его согласию), хочет провести вечер и в Москве, что впоследствии в дальнейшем, не знаю, не ведаю.

Дома у нас кончились уже хлопоты по ремонту, по крайней мере с самим домом внутри и извне. Так обстояло до моего отъезда, не знаю, какие еще хлопоты имеет Валя с отопительной системой, эта часть работы вне дома еще оставалась незаконченной. Большинство семьи вообще живет в горах, на даче. Там Эльдарик¹⁰, Эрнар¹¹, Умиш¹² постоянно и Валя¹³ в смену с Лялей¹⁴ и Аскар¹⁵. А Эльдарик, начавший первые трусливо ватные шаги в дни переезда на дачу, через месяц, к моему отъезду, уже бегал и под горку, и на подъем, и даже с препятствиями. Все больше и чаще выражает себя своими бровями, он их хмурит весьма кстати в тон своим отношениям к людям и явлениям загадочного мира вокруг. Это даже необходимо для него потому, видимо, что он еще, между прочим, ничего не говорит. Странно, но дальше двух слов “деде”, “мама” лексикон не обогащается. И ввиду его ограниченности он заново изобретает кинетический язык, а этими двумя словами он обозначает и меня, и Шуру с Валею, Андреем, Эрнаром и даже Валею иногда, и также своих родителей. Но видом мальчишка очень симпатичный, волосы и после стрижки остались очень густые, жесткие и с намеком на будущую курчавость.

Очень советую Вале взять экономку, чтобы раскрепостить ее от глажений и домоводства отчасти, чтобы она могла уезжать и в другие города, на курорт, в Москву и т. д. Если будешь писать ей, очень прошу со своей стороны дать ей энергичные, убедительные, дружеские советы, а то она всегда медлит с такими делами. Я ей говорил, чтобы взяла пожилую, культурную одинокую женщину, для которой и комната, и все готовое тут при нас. Это было бы важно сделать даже поскорее, чтобы в дни юбилея поменьше было тя-

жестей на плечах самой Вали. Когда услышала об этом Ляля Тажиева, она при муже сказала, как была бы благодарна такому мужу любая иная жена (смотри, как я расписался на этот раз, что уже исписал все наличные почтовые листки).

Сейчас только утром звонил к вам домой. Там все благополучно. Говорил с Эммой, очень благодарю вас, оказывается, предупредили их о моем приезде, и они ждали меня. По моей телефонной просьбе Эмма прочла твое письмо вначале сама одна с лупой, а затем прочла мне все от начала до конца. Я твое письмо в Алма-Ате получил до своего отъезда оттуда. И тут уже есть ответы на все твои деловые вопросы из того письма. Твоя редактура в Гослите будет учтена, даже будет обозначена в книге, потому безусловно будет и оплачена, также идет и предисловие “Тунги сарын”. Еще в долгу перед Абелем Наумовичем, но в связи юбилеем ставят вопросы о дополнительных изданиях моих вещей и на русском языке, сделаю непременно, и это, конечно, в первую очередь, кровные мои авторские интересы – новую редакцию пьесы и перевод доверю только Абелю Наумовичу, как позволят его трудовые будни.

Ну шлю вам обоим и Елизавете Арнольдовне, Римме Евгеньевне свой сердечный дружеский привет.

Целую вас, ваш Мухтар.

Если не уеду за границу, то останусь до конца фестиваля и сообщу по телеграфу новый адрес с лучшим номером в гостинице “Москва”.

¹ Кедрина Зоя Сергеевна (29-бетті қараңыз).

² Қаратаев Мұхамеджан Қожасбайұлы (1910–1995) — әдебиетші ғалым, сыншы, ф.ғ.д. (1965), профессор (1967), академик (1975). Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері (1974), ҚазКСР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты (1974). М. Әуезов шығармашылығына қатысты көптеген зерттеулердің авторы.

³ Аманжолов Қасым Рақымжанұлы (1911–1955) — акын, аудармашы.

⁴ Мүсірепов Ғабит (37-бетті қараңыз).

⁵ Даронян С.К. (1925 ж.) — армян әдебиет зерттеушісі, ф.ғ.д.

⁶ Кожевников В.М. (49-бетті қараңыз).

⁷ Сурков Е.Д. (1915 ж.) — орыс әдебиетшісі, сыншы.

⁸ Рюриков Б.С. (1909–1969) – орыс әдебиетшісі, сыншы, публицист.

⁹ Симонов К.М. (1915–1979) – орыс акыны, жазушы, драматург, қоғам қайраткері.

¹⁰ Қонаев Елдар Асқарұлы (1956) – М. Әуезовтің жиені. Ләйла Мұхтарқызы мен Асқар Қонаевтың ұлы.

¹¹ Әуезов Ернар Мұхтарұлы (11-бетті қараңыз).

¹² Әуезова Үмия Омарханқызы (11-бетті қараңыз).

¹³ Әуезова (Кузьмина) Валентина Николаевна (9-бетті қараңыз).

¹⁴ Әуезова Ләйла Мұхтарқызы (9-бетті қараңыз).

¹⁵ Қонаев Асқар Мендіахметұлы (47-бетті қараңыз).

М. Ауэзов – З. Кедриной

№ 89

4 сентября 1957 г.

Зоинька родная!

Ты не приехала, 3-го вечером получил твою телеграмму и перед отъездом решил написать немного строк тебе. В-первых, о романе. Я снова обстоятельно поговорил с Людмилой Ивановной на основании телефонного предупреждения Вали¹. Она сообщала о тревогах из твоего письма. Но Л. И. на этот раз сказала гораздо увереннее, без колебаний и исключая всякие сомнения – о том, что теперь роман стоит абсолютно прочно на первый или второй номер 58 года, что так уже говорят все и это решение окончательное. Оно определилось после той моей встречи со всем руководством редколлегии. И Л. И. подчеркнула, что до той встречи она говорила, хоть уверенная в конечном результате, но с некоторой осторожностью, и что теперь она говорит совершенно убежденная в прочности положения романа. Насчет читки она сказала, что не прочел главный, видимо, не читала и сама, но сказала, что сейчас она прилагает все усилия, чтобы прочел редактор. А по разговорам Сучкова Н. Л. и Суркова я помню, что роман, несомненно, прочитан другими отдельными решающими лицами, об этом же еще месяц назад говорила мне сама Л. И. На этот раз она говорила еще и о том, что не оформлен только договор с Зоей Сергеевной², и это будет сделано по ее приезде.

Да, насчет статьи твоей обо мне она сказала, что заменили ее статьей Алимкулова, потому что в редакции полагают, что лучше дать слово читающему оригинал и казахскому критику, об этом объяснит она сама, а вносить поправку мне было уже поздно. Но я сказал, что для всех национальных читателей и для меня, как и для любого автора из республик, бывает гораздо дороже то, что скажет русский критик.

Разговаривал я со Смирновым В., звонил ко мне Симонов. Он хочет приехать на события 27-го. Как договорился Мусрепов об остальных, не знаю, но тебя я — мы — ждем с нетерпением.

В Гослите Даронян уже сдал “Абая”, а “Путь” сдает 20 сентября — выйдут у них не ранее марта. Что касается алматинского издания и гранок у тебя, то удержи подольше и займись повнимательнее, об общей задержке темпа издания этой книги я поговорю по приезду с изд-вом.

Были у меня Всеволод³ с Тамарой Вл-ной, и он сказал, что хотел бы съездить на дни моего юбилея. Будете решать вопрос в комиссии, учтете, м. б., и это обстоятельство.

Поездка в Японию была замечательной. Я там развил (после отъезда главы делегации Каирова в Варшаву, через неделю после нашего приезда) огромную активность. Выступал на двух больших митингах, один в Осака на стадионе при стечении 15 тысяч человек. Произносил речи во множестве, вел беседу с корреспондентами, и самое интересное — устроили встречи, беседы со мной больших групп членов общества Япония — СССР в нескольких городах. Был я в Хиросима, Осака, Киото, Нара, Нагойя, в Хан Цуноми и знаменитом Никко. На обратном пути два дня пробыл в Париже, и мы максимально использовали эти сроки, и, наконец из Праги летели на ТУ-104. В целом получил впечатлений богатое множество. Расскажу при скорой встрече.

Да, еще о двух вопросах деловых — во-первых, я говорил с Н. Ф. Погодиным⁴, он помнит разговор с тобой и обещал после твоего редактирования напечатать в осенних номерах “Энлик”. Пожалуйста, проделай эту работу с честью, Зоинька!

Второе, сегодня, 4-го звонил Мусрепов, он воеет по поводу замедления, задержек изданий в Москве — без исключения все изд-ва не выполняют своих обещаний. Он просил передать тебе и Всеволоду Вяч. величайшую просьбу взять-

ся за изд-ва, собрать их вместе и поставить жесткие требования. Я об этом звонил и Всеволоду.

Ну еще раз сердечный привет.

Да, Арфо хочет пригласить тебя на работу, и мы с ней много и, по-моему, полезно, говорили о тебе. Подай заявление в Гослит об увеличении тиража, у них 75 тыс. Я просил больше 300 или 150, м. б., проследишь?

Уже несколько раз говорил с домом, там, понятно, ждут с нетерпением, но только в поезде, поэтому еду пятым поездом — международным.

Ну пока все. Сердечный привет дорогому Абелю Наумовичу и всем родным.

Целую вас, ваш Мухтар.

¹ Әуезова (Кузьмина) Валентина Николаевна (9-бетті қараныз).

² Кедрина Зоя Сергеевна (29-бетті қараныз).

³ Иванов Всеволод (1905—1963) — орыс жазушысы, драматург.

⁴ Погодин Н.Ф. (1900—1962) — орыс жазушысы, драматург. М. Әуезовпен шығармашылық достықта болған.

М. Ауэзов — З. Кедринной

№ 90

19.11.1958 г.

Зоинька родная!

Вот я сделал последнюю редакцию пьесы¹ и посылаю тебе два экземпляра ее: одна с моей правкой, дописываниями по твоему переводу, тому экземпляру, который я увез из Москвы от тебя. Второй же экземпляр чистый — это перепечатанный с того, ставшего моим черновиком экземпляр. Так что теперь ты можешь работать над этим вторым чистым экземпляром со своими правками старого своего текста и моих подстрочников по новым вставкам.

Как увидишь, изменений внес много, это легко даже на глаз установить по твоему первоначальному экземпляру, сделал и много купюр по части рыхлого диалога, пояснительных экспозиций характеров, обстоятельств и проч. Сильно изменил языковые краски в четвертой, основной (по правке) картине, которая и составляет самую основную характерную часть последнего акта.

При переводе прошу учесть одно, весьма важное, обстоятельство — надо по возможности избегать прямых социологических, политграмотных выражений, оборотов, чтобы не звучал текст ни в одном моменте сухо повседневным, жестким, казенным по причине утраты или от долгого употребления истинно человеческих интонаций живого разговорного мышления. Помни, пожалуйста, при этом, что я в казахском тексте и общеупотребительные понятия, обороты стараюсь выразить не по-газетному. Кроме того, подстрочник я составляю не так, как пишу оригинал, и лексикон моего русского художественно-бытового оборота не богат, поэтому в подстрочнике могут быть эти малокрасочные сухости, прямолинейности.

Вот и прошу я тебя, чтобы чувствовала себя чуть вольнее в красках в эмоциональной выразительности диалогов. Об этом я прошу очень и очень серьезно.

Теперь деловых две просьбы — 1) по окончании перевода сразу же прошу выслать экземпляр авиапочтой, хочу предложить новому русскому очень культурному режиссеру Сулимову. Возможно, что он поставит по-русски и привезет на декаду в репертуаре Республиканской русской драмы. Тут все зависит (если им понравится пьеса) от вас, от тебя, как скоро сумеешь перевести и переслать, у них с временем в обрез.

С 6 июля собираемся на купанье в Иссык-Куль, только Валя останется дома, едем мы с Эрнаром.

Сейчас на днях, 24-го утром, вылетаем с Эрнаром в Павлодар на читательскую конференцию. Мы тут избрали в Академию Габита² — академиком и Габидена³ — членом-корреспондентом.

По возвращению в Алма-Ату мне просто долго не давали заняться пьесой и сейчас, закончив ее, чувствую себя как освобожденным от цепей.

23-го читаю всем писателям, театралам. До этого познакомишься и ты. Таким образом, ночью 23-го перед своим отъездом в Павлодар позвоню тебе, обменяемся всеми впечатлениями, новостями.

Дома все благополучно.

Ну привет всем вашим.

Целую, твой Мухтар.

¹ “Зарница” пьесасының аудармасы туралы. З.С. Кедринанан кейін А. Пантиелев аударған.

² Мүсірепов Ғабит (37-бетті қараңыз).

³ Мұстафин Ғабиден (21-бетті қараңыз).

М. Ауэзов – З. Кедринной

№ 91

27 июля 1959 г.
Чолпан-Ата

Зоинька милая!

Только вчера получил твое письмо, спасибо за весточку. Валя мне писала подробно о том, как Ляля весело прожила у вас и как, однако, позорно провалилась в своем рвении услужить мужу глаженьем. Сердечное спасибо тебе за все милое и родное, хорошее, что нашли в твоём родном доме наши молодые.

Сегодня 26 июля, и мы с Эльдариком тут на берегу Иссык-Куля ждем с часу на час телеграммы об их возврате в Одессу – на родину. Вчера я говорил по телефону с Валей, она и мы тут не получаем телеграмм от Ляли за последнюю неделю. Самая последняя от нее телеграмма была перед их выездом на три дня в Рим. До этого все было, видимо, великолепно, они телеграфировали о своем самом хорошем настроении.

Здесь я работаю очень продуктивно. В 45 страниц я отредактировал свое заключительное слово, продиктовал подробно, восстанавливая всю свою речь, плохо воспроизведенную казахской стенографисткой. Дальше я заново переработал “Караш-Караш”¹, получилась настоящая социально-психологическая, насыщенная, напряженно интересная вещь.

А теперь вот заканчиваю к концу месячного срока пребывания тут и доработку “Кара-Коз”.

Как видишь, за месяц сделана огромная важная работа. Перед моим переходом к современному роману² было необходимо связать и концы прошлого.

К концу месяца, т. е. через пять-шесть дней ждем приезда Ляли, Аскара и Вали вместе с ними. С начала августа до середины его останемся тут. Здесь же останется и Мухтар

Джангалин³, который сейчас уже живет с нами и переводит “Войну и мир”.

Дача наша оказалась очень хорошей – приличные три комнаты и кухня – снаружи домик маленький, но внутри вместительно. Провели при нас свет, и мы, как деревенские жители, вторично переживали радость обретения лампочки Ильича. На днях проведут радио. Сама дача в ста метрах от озера, со спины соседствует с другими небольшими домами, т. е. не на отшибе, местоположение самое удобное. Питаемся в столовой дачи Совмина – три раза. Эрнар, Газиза, Эльдарик ездят на эту дачу в “Победе” нашей, и маленький, возвращаясь, каждый раз, и утром, и вечером – общается мне (кричит): “Ата, я привез обед!” Он загорел здорово, каждый день на берегу подолгу играет на песке, бегает по воде, купаться боится, и там топят не зная на его крики Эрнар и Умиш иногда. Смышленный, умный и главное очень бодрый, веселый. Я называю его “Неунывайкой”, веселит нас всех то словечком, то проделками, а мать и отца ждет, конечно, с нетерпением – мечтает, как поедут их встречать на пути в “Победе” нашей, говорит только, что не возьмет меня с собою – “живот большой – вот за что” – урезонивает меня. Иной раз чихнет в темной комнате перед сном и сам себе громко говорит “Будь здоров!”

Эрнар хорошо отдыхает и яростно читает русских классиков.

Мурат⁴ побыл с нами полмесяца и сейчас в Алма-Ате сдает экзамены для поступления в МГУ (на китайское отделение). С М. И. Фетисовым у нас получилась, видно, неплохая статья для “Коммуниста”. Уже там сверстали и посылают мне заказным авиа, так сообщает М. И. Пишет, что статью приняли с сокращениями и небольшими доработками как материал самый необходимый к настоящему времени. Размер, кажется, около 14 страниц печатных. В Алма-Ате вышли две статьи М. И. в “Алма-Атинской правде” “Эпопея об Абае и ее автор” и в “Казправде” “Абай в Париже”, а “Соц. Казахстан” напечатал перевод хорошей статьи из “Юманите”.

Купаюсь я три раза ежедневно, как советуют врачи, до 15-20 минут. Делаю двухчасовую утреннюю и получасовую вечернюю прогулки.

Здесь очень хорошо, как на курорте. Лето совершенно прелестное, не жаркое, пляж, вода идеальные. На днях киргизские писатели Т. Садыкбеков, Салиев и президент Киргизской Академии Ахунбаев пригласили меня с семьей в гости на свою (академическую) дачу и прислали за нами спецкатер, на котором я, Ернар, Мухтар и Газиза проплыли целый час по чудесному озеру – это был “ерулик”, угощение вновь прикочевавшего на одно и то же урочище нового аула.

Из Алма-Аты не тревожат пока, думаю с приездом Вали пожить чистым отдыхом еще полмесяца до 15 августа. А вообще здесь и трудился, и отдыхал этот месяц, совершенно не напрягаясь, и чувствовал себя все время отдыхающим, а не в упряжке, так хорош климат, хороша вода. Особенно, видимо, полезно все это для меня после весенней операции, больницы.

С 15 августа до 1 сентября буду в Алма-Ате, а затем поеду в Южный Казахстан обязательно по своему плану, тебе известному, на три месяца.

Ну пока, кажется, все новости с наших берегов. Да, я почернел еще пуще и говорю, что дойду до того, что стану как сапог. Загораю, линяю, снова загораю и хочу за эти 45 дней отдыха подкрепиться для предстоящих свежих поисков порывов духа.

Большой, большой дружеский привет моему любимому брату Абею Наумовичу, Елизавете Арнольдовне, Римме Евгеньевне.

Целую, твой Мухтар.

¹ “Караш-Караш оқиғасы” повесінің екінші нұсқасын айтып отыр.

² “...к современному роману” – “Өскен өркен” романын айтып отыр.

³ Жанғалин Мұхтар Омарұлы (21-бетті қараңыз).

⁴ Әуезов Мұрат Мұхтарұлы (59-бетті қараңыз).

Зоинька милая!

Получили твое письмо и еще раз с огромной сердечной благодарностью почувствовали твою прекрасную и самую дорогую дружбу к нам. Ты так заботливо пишешь о Лейле, что я, по присущей мне (по мнению Вали) злобе моего характера, не преминул сказать за столом, что Зоя подумала о Лейле более заботливо и тревожно, чем даже ее мать и отец.

Относительно Лейли мы так и решили, что непременно нужно послать ее в Крым, телеграмму нашу вы уже получите до прихода этого письма, и я очень прошу вас с Абелем Наумовичем¹ и, если понадобится, совместно с Бахитжаном достать для нее путевку в один из лучших санаториев, где будет обеспечено хорошее питание. Нужно крепко помнить при этом, что санаторий санаторию рознь и в большинстве из них питают довольно скудненько.

А для Лейли сейчас нужно и притом хорошее, основательное питание, хотя она безрассудно (я сержусь по этому случаю всегда, потому и пишу, называя вещи своим именем) кокетливо думает об изяществе фигуры, о мнимой полноте своей. Между тем ей в эти годы надо главным образом думать, печься о том, как бы не захватить туберкулез, чего я сам чуть не обрел в ее возрасте, имея несколько лет катар легочных верхушек. А полнота-то ее сейчас как раз идет к ней, делает ее гораздо интереснее, чем была бы костлявой, худой при ее остальных данных. Так помоги, пожалуйста, Зоинька, поехать ей в Крым и по возможности на долгие сроки с врачебным свидетельством, и потому с льготами по началу занятий в аспирантуре.

Я посылаю свое заявление на имя директора Литфонда.

А Всеволод Иванов², недавно будучи в гостях у нас, обещал помочь в любом случае, если понадобится чья-либо поездка на курорт в “Кок тебель”, там директором работает, кажется, брат или сестра его жены. Если понадобится, я пошлю ему телеграмму, также по вашему предложению могу послать телеграмму – ходатайство Литфонду или Союзу, а то, м. б., и Бахитжану (его телефон Г6-30-91).

Другая моя просьба к тебе, Зоя, вот о чем. Я на днях пошлю тебе подстрочный перевод своего литературного сценария. Пусть прочтет и посудит о нем и Абель Наумович. Сейчас это очень длинный, обильный материал, это, конечно, не сценарий для производства, особенно по размеру своему. Подстрочный перевод тоже местами безбожно топорный. Начало переводил я сам, а дальше, начиная с третьей части, мои переводы имеются только в кусках, а все основное переводили подстрочником двое наших переводчиков. Одно лишь утешительно в их работе, что нет, кажется, ребусов, все понятно.

С тобой по этому вопросу я хочу посоветоваться вот по каким поводам: во-первых, можно ли этот сценарий как литературный вариант предложить вниманию редколлегии журнала “Советская женщина”? Ответственный секретарь этой редакции тов. Чудновский написал мне письмо от редакции и просил дать сценарии им. Этот журнал выходит на многих языках, тираж у него колоссальный. Я им телеграфировал, что по окончании перевода сценария передам русский текст только им. Значит, я прошу твоего совета, можно ли им это предложить? Если ты найдешь это возможным, то я прошу твоего же совета еще вот по какому поводу: можно ли перевод этого литературного сценария в данном подстрочном переводе предложить Вере Смирновой и в случае твоего решения отдать данный вариант в редакцию “Сов. женщины” назвать ее будущей переводчицей сценария. Если я получу от тебя положительные ответы на эти вопросы, то пошлю телеграммы-просьбы и Чудновскому, и Вере Смирновой.

А тебя тогда я попрошу после своих телеграфных сношений с ними стать покровительницей, благожелательной тетей для моей героини Алуа.

Сценарий для производства будет переводиться другим человеком, кем-то из сценаристов, для этого повезли сейчас этот подстрочник в Москву. Но я думаю, что тот вариант будет очень сокращен и редакторски изменен и будет проходить в удобочитаемом, профессионально приглаженном виде все необходимые инстанции.

Немало мытарств придется перенести в условиях кинопроизводства. А этот вариант, если это ты найдешь ра-

зумным, я хотел бы пустить по своему литературному пути, и он в конечном счете, м. б., лучше бы определил решение вопроса о производстве такого фильма. Будучи напечатанным в таком журнале, он был бы лучше прочитан во всех нужных, решающих инстанциях. А кроме всего было бы заявлено во всем объеме о том, что я хочу предложить в данной отрасли по данной теме.

Но ты мне посоветуй решающим образом, поступлю только так, как ты скажешь. Или, м. б., лучше подождать, пока будет сделан производственно профессиональный вариант другим переводчиком? Напиши по возможности поскорее, буду ждать твоего решительного совета. Сейчас передам подстрочник машинистке для перепечатки, по получении от нее сразу же пошлю тебе.

На днях Снегин – ваш корреспондент просил для “Лит. газеты” высказаться накануне съезда числу к 25-му. Вероятно, сдам ему этот небольшой (как он требует) материал.

Теперь о твоей просьбе сообщить список лиц для посылки твоей книги, я рекомендовал бы тебе послать книгу с подписями следующим товарищам:

Шаяхметову – секретарь ЦК.

Сужикову – секретарь ЦК.

Тайбекову – пред. Совмин.

Нурумбаевой М. С. – зам. пред. Совмин.

Байгалиеву Х. Б. – зав. отд. худож. лит-ры ЦК.

Хромкову Ивану Петровичу – зав. отд. пропаганды ЦК.

Кунаеву Д. А. – президенту Каз. Академии.

Сокольскому – главному ученому секретарю президиума АН КазССР.

Ахметову – нач. Управления по делам искусств КазССР.

Тажигаеву Т. Т. – ректору Каз. гос. ун-та.

Джаймурзину А. Дж. – Союз писателей.

Мустафину (через Союз).

Абишеву А.

Омарову Сеитжану – Союз писателей, секретарь президиума.

Абдильде – через Союз.

Никитину – редактору “Каз. правды”.

Бекмуратову – редактору “Социалистик Казахстан”.

Моргун – редактор альманаха “Казахстан”.

Остальных, м. б., вспомнишь сама. Ряд имен здесь я назвал к примеру, особенно это относится к редакторам периодических изданий. Может, решишь и не посылать, тебе виднее.

Дома у нас все по-старому. Только одна большая новость: сделали операцию Эрнарику от аппендицита – вот уже шестой день как прошла операция, несколько дней уже как у него нормальная температура, на днях надеемся увидеть его дома здоровеньким. В больницу его взяли на проверку во время расстройства желудка и, установив приступ аппендицита, сделали операцию тут же. Не сообщали вам, Ляленьке, потому что хотели известить после его возвращения домой и чтобы Ляля не расстраивалась во время подготовки своей к экзаменам. А по последнему поводу (по экзаменам) я остаюсь при своем телеграммном мнении, хотя бы это было и само расписание, если так поступает в Ин-т, то тем хуже для него, несерьезно, нелепо так проверять знания. И как они безответственно, несерьезно относятся к своим обязанностям, задачам тщательного подбора, надежного набора будущих молодых ученых!

Но пусть же минет это испытание для Лялечки, и пусть она скорее едет в Крым.

Будем ждать письма от тебя и от Ляли. Мама на днях напишет письмо Ляле, читайте о нашем съезде в “Казправде” от 21, 22 и т. д.

Сердечный привет всей семье.

Мухтар.

¹ Пантиелев Абель Наумович (32-бетті караныз).

² Иванов Всеволод (1905–1963) – орыс жазушысы, драматург. М. Әуезовпен шығармашылық, достық қарым-қатынаста болған. М. Әуезов шығармашылығына қатысты бірнеше мақала жазған.

М. Әуезов – М. Ғабдуллинге

№ 93

9 май 1943 ж.

Сүйікті інім Мәлік!¹

Көптен хабар алған жоқ ем, кеше соңғы ашық хатың келді. Кейінгі кездегі хаттарыңның бәрінде мені пьесаның

сыны үшін ренжіген кісі қып түсініп жүрсің. Ал менде ондай реніштің елесі де жоқ. Сен соңғы атақты алғанда Есмағамбет², Ермұқан³ үшеуіміз бірге дәл сол күні хат жазғамыз. Одан беріде, марттың аяқ кезінде больницада жатып үлкен хат жазған ем, сол хатта неліктен көптен бері жаза алмай жүргенімді айтқам, бір сен емес, Бауыржанға⁴, Құрманбекке⁵, Павелға⁶ да солайша көптен жазған жоқ ем, соның себебін айтып ем. Мүмкін, ол хатты енді алған боларсың. Алмасаң, адресіңнің ауысқанынан ғана болар. Өзім адресінді анықтап алмай, Есмағамбетке соңғы адреспен жазып жіберсін деп ем. Ол жіберткен.

Пьеса жайын кейін көріскенде кең сөйлесеміз. Естіп жатқан шығарсың, мұнда бір жақсы маңызды пленум өткіздік. Сол пленумның маған тапсырған зор міндеті романның екінші кітабын жазып бітіру еді. Қазір соның соңындамын. Пленум алдында екі-үш ай бойында өздеріңнің жауынгер ата-бабаларыңды көрсетем деп “Қарақыпшақ Қобыланды” деген үлкен пьеса жазғам. Сондай ұзақ, қиын жұмысқа отырғанда кітапқа да қарамай, хаттан да қол үзіп қалатын жаман әдетім болушеді. Сендерге де және басқа іс жөніндегі асығыс қағаздарға да жауап жаза алмай бөгеліп қалғаным сол болатын. Бауыржан да сенше ойлапты. Оған да март ішінде өзіңмен бірге хат жазып, өкпе сақына дегеннің ырымы да жоқ екенін жазған едім. Тимесе, оған да сол адрес ауысу себебімен тимес.

Сендер жүрген сапарға, сендер етіп жүрген адамшылық, азаматтық адал қайратқа бейбіт күннің болымсыз ұсақ мінезін апарсам, ол менің білімсіздігім, мінезсіздігім болар еді. Пьеса туралы сенімен көп дауласамын, мінсіз дегендіктен емес, түзейтін көп кемшілігін білеміз, бірақ жазушылық міндет, көркемдік негіздер үшін дауласамыз. Бірақ бұл кең уақыттың жұмысы. Ал сенің барлық Отаныңды, елі-жұртыңды, бәр-бәрімізді қуантатын, мақтандыратын істерінді ойлағанда, ол пьеса турасындағы дауды бұйым демеймін. Осыны есіңе саламын. “Қобыландыны” өлеңмен жазып ем. Орысша, украиншаға да аударылып жатыр. Алматыда тұрған Завадский театры және Украинаның Франко атындағы театры репертуарына алып отыр. Оқыған жазушы, сыншы, тарихшы, режиссерлер, актерлер елеулі ірі жаңалық деп, негізін жақсы бағалап алып отыр. Бірен-саран

өзіміздің драматург жазушымен ғана творчестволық дауымыз бар. Мен эпостың өзіне титықтап, аздаған фантастика элементімен жазған ем. Сонысымен қызықты және сирек оригиналдықпен шыққандай еді. Жұрттың бағалауы да осыған байланысты еді. Біздің кей жазушы осы фантастиканы алып тастап, тарихи реалистік ету керек дейді. Мен Қобыланды тарих адамы болғандықтан даңқты емес, халықтың эпосы арқылы даңқты деймін. Сол эпосымды жұрт тарихи, қоғамдық шындығында берген, қиял талабында берген, тәрбиелік үлгісінде берген. Сонысы және жөбімсиді тарих адамның суреті мен шындығынан әлдеқайда бай да, терең де, қасиетті де шыққан дейім. Сол ерекшелігіне сүйеніп, бүгінгі өзіміздің ерлік, тарихтық, отандық салт-дәстүрімізге жақын етем, дәл бүгіннің өзі үшін жауынгерлік салмағы зор қару етем деймін. Осындай әдебиеттік азырақ пайдалы дауларымыз бар. Бұл шығарма, өз ойымда, халықтың намыскер ер ұлдарының қайратына көмек етіп, құрал қосам деген ниеттің шығармасы. Бүгінгі майдан ерлігін бір алып жазып көруді талап еткен болсақ, мынау да сол желідегі, сол бағыттағы еңбек еді. Өзің мұнда болсаң, бұл дауға қызық араласар ең, сынынды кейін естірмін. Хат жаз. “Правдада” басылған Полевойдың очеркі біздің бәріміздің жазып жүргенімізден сонақұрым құнды, толық, жақсы боп шыққан екен. Шын қуаныш болды.

Ал осы хатты алсымен тез хат жаз.

Қалтқысыз жүректен ағалық сәлем жолдап жазған Мұхтар.

Үй-ішінен көп-көп сәлем. Кішкене бала жарымжандау, баяу өсіп келеді.

¹ Ғабдуллин Мәлік (45-бетті қараңыз).

² Ысмайылов Есмағамбет (21-бетті қараңыз).

³ Бекмаханов Ермұқан – тарихшы. Тарих ғылымының докторы.

⁴ Момышұлы Бауыржан – жазушы. Кеңес Одағының Батыры.

⁵ Сағындықов Құрманбек – журналист.

⁶ Кузнецов Павел – жазушы, аудармашы.

Асыл інім!

Хатыңды көптен тосып жүр ем. 18/XI жазған хатың кеше келді. Денсаулығым бұрынғыдай емес депсің, енді босанып, біраз да болса әл жинап алсаңшы. Біз сені келіп қалар, шақыртылыпты деген лақаппен әлі жүріп келеміз. Шақыру бұндағы біздің үлкен орыннан, үлкен адамдардан кеткені рас, анық деп жаңада және есіттім. Келсең, біраз Қазақстан жұртшылығына көрінсең, аралас өзіне де, республикаға да зор пайда болар еді. Тек осыны тез орындасаң екен. Сонғы кезде майданнан бірнеше жолдастарың келді. Балтабек Жетпісбаев¹ пен Құрманбек екеуі өз үйімде де болып, көп-көп жақсы әңгімелер айтты. Балтабектің сен туралы ертегілері бай екен. Екеуің талай кешуді бірге кешіпсің. Ол өзі де бір адамға тез танылатын мінез-жаратылысы тұтас, кесек және аса жағымды жақсы азамат екен. Құрманбек те жақсы шыныққан. Қайсысының болса да ірілеп, қайрат тауып, қасиеті ашыла түсіп, нұрланып келгенін көргендей боласың. Ерлік – азаматтық нұры. Осыдан артық жарастық жоқ. Осыларға қарап отырып мен “бүгінгі тірі жүрген қазақта осы майдандағы азамат бауырларымнан артық жақыным да, жақсым да жоқ” деп білдім.

Бірталайдан бері Дихан² келіп жатыр. Көп еңбек етіпті, көп жақсы өлең әкелді. Әсіресе, ұсақ лирикалық өлеңдері жақсы екен. Өзін-өзі анық, әсерлі шындықпен тапқан, танытқан сияқты. Поэмасы сапалы, союзде көп көңіл бөліп, кеңінен әңгіме еттік. Тіл көркемдік жағынан және уақиға, образ жағынан олқылықтары барырақ екен. Ондайларын құр тілеулестікпен бүркемей, пайда тисін деп, айқындап айттып беріп, бірталай түзетулер кіргіздірдік. Қысқартылғаны да болды. Сонымен, поэмасы басылып шыққалы отыр. Дихан өзі де майданға барғалы бірталай өзгеріп, жақсы өзгеріп қалыпты.

Мен “Абайдың” екінші кітабын жазудың үстіндемін. Тек соңғы уақытта арадан бір қосымша жұмыс боп, “Абай” деген киносценарий килігіп еді. Соңғы күндер соны бітіріп беріп отырмын. Осы күзден бастап “Абай” киносы суретке

түсіріле бастайды. Қыс бойы, осы шаққа шейін де көп жұмыс істеп ем. Қаладан шықпай, колхозды да көптен көре алмадым. Сондықтан бір жағы демалыс, бір жағы жүріс – Абай ауданына жүрейін деп отырмын. Жолдастарым жақсы – Есмағамбет не Сапарғали Бегалин³, августың 15-не қайта келеміз. Бұл барыста романның екінші кітабына керек пейзаж көріністер, табиғат ерекшелігі сияқты бояуларды, әсіресе, айрықша жия қайтпақпын. Бұрын роман жазбай жүргенде өз ауданымызды жалпы біліп жүргенім жеткілікті сияқты еді. Арнап қадағалап суреттеуге кірісем дегенде қайта қарап, сол Жидебай, Түйеөркештерді қайтадан көріп алу сияқты мақсұттарым бар. “Қобыланды” пьесасы жақында театрдың әзірлеуіне берілгелі жатыр.

Күз әзірлей бастар. Сен келіп көріп кете алатын болсаң, аса жақсы болар еді. Қашан іс болғанынша өзім де асығып күтіп жүрмін. Саушылығың қандай?.. Хат жаз...

Сағынышпен күтем, ағаң Мұхтар.

¹ Жетпісбаев Балтабек – панфиловшы-майдангер. Мәліктің жақын досы.

² Әбілев Дихан (1907–2003) – ақын, ҚР халық жазушысы.

³ Бегалин Сапарғали (1895–1983) – жазушы, қазақ балалар әдебиетінің негізін қалаушылардың бірі.

М. Әуезов – М. Ғабдуллинге

№ 95

21.XII.1950 ж.

Жолдас Мәлік!

Мұрат¹ турасында екінші томға арнап жазған мақаланыз, негізінде, бұл кітаптың ішіне кіруге жарамды еңбек болған. Бірақ аса көңілсіз бір жәй бар. Ол – еңбегіңіздің алғашқы кіріспе бөлімі жөнінде. Осы бөлімде (көлемі 8 бет) өзіңіз жазбай, кісіге тапсырғандықтан, көп шикіліктер көрінеді. Сол бөлімнің әр бетіне нақтылап жазылған сын-талаптарымыз аз емес. Ең алдымен сондағы пікірлерді еске алуды талап етеміз. Екінші бөлім (9-беттен бастап) зерттеулік ой жағынан, тіл, стиль жағынан да дұрыс шыққан. Бірақ ол бөлімге айтылатын екі түрлі елеулі ескерту, талап бар. Ең ал-

дымен, Мұраттың бар шығармасын жекелеп мол талдап тексермесе де, арнаулы тақырыптармен атап тұрып, жеке-жеке қысқа-қысқа шолулар, сындар айтып беру қажет. Ол сындар, осы зерттеудің екінші бөлімінде жинақталып айтылған дұрыс сыншыл, идеялық талаптардың анықтамасы, дәлелі, дерегі есебінде, Мұрат шығармаларының өзіне сүйеніп отырса, аса орынды болады.

Екінші талап – барлық Мұрат жайындағы тексерудің аяғына оның шығармаларының түр ерекшелігін қоса талдап беру керек. Бұл жөнде, орта мектепке оқу құралы беретін тексерулермен келісіп қана тоқтау аз болады. Түр жөніндегі тексеру де осы мақаланың өзіндегі тарихтық, идеялық сыншыл тексерудің дәрежесіне сай болу шарт. Түрдің тексеруі де тереңдеп, өсе түскен тексеру болсын. Мазмұнынан танылған олқылық қайшылықтар түрде де (әр алуан сөздікте, теңеулерде, аңсау армандарда) танылатыны даусыз. Осы сыртқы белгілердің барлық элементтерін мазмұндағы кертартпалық ұғым-түсініктермен нық байланыстырып талдау керек. Әзірге автордың өзі жазған бөлімге қойылатын талап осы.

Ал осы еңбектің алғашқы кіріспе бөлімін (сегіз бет) қайта жазып шығу керек. Және соны жазудан бұрын, Алтынсарин мен Абай жөніндегі, осы томға кіретін мақалаларды түгел оқып, танысып шығып жазу керек болар еді. Себебі, Мұрат турасындағы кіріспеде, томның жаңағы сияқты өзге бөлімдерінде толығырақ жазылған жайлар, көп қайталайды. Бұл кіріспеде Мұраттың өзі туралы жөнді еш нәрсе айтылмайды. Ал кіріспенің мақсаты, Мұраттың әдебиетте алып келген орнына және оның белгілі қоғамдық ортамен нық байланысты салт-санасына арналу керек. Сол себепті, кіріспені қайта жазғанда, мына төмендегідей нақтылы ескертулер есте болса екен.

1. Болыс, ояздар туралы (1 бет) Абай бөлімінде айтылған. Сондықтан оны созбау керек. Ол жайлар Мұрат шығармаларынан гөрі, Абай шығармаларында мол көрінеді. Осы себепті, тек сноскамен ескерту беріп, Абай бөліміне қалдыру керек.

2. Шоқан, Ыбырайлар жәйы және Шортанбай турасы, онан соң мектеп, газет жайлары, – барлығы да арнаулы бөлімдерде айтылғандықтан, бұнда қайталау керек емес.

Өте қысқа түрде ғана, ескерту айтылса болады. Оларды да жоғарыда Мұрат турасында аталған талапқа сәйкес ету керек. Мұратқа жанасатын жақтарынан ғана келтіру жөн.

3. Осы кіріспе бөлім туралы әр бетте жазылған пікірлерді түгел ескерту қажет.

Сәлеммен, Мұхтар Әуезов.

¹ Мөнкеұлы Мұрат (1843–1906) – акын.

М. Әуезов – М. Ғабдуллинге

№ 96

10 сәуір 1958 ж.

Сүйікті інім Мәлік!

Хатыңды, мақаланды алып шын қуандым. Әуелі үйден, Ләйля телефонмен сөйлескенде сенің жақсы мақалаң шыққанын айтып еді. Одан кейін тағы бір жолдас телефонмен соны білдірген еді. Тегі, көп жұрт ырза болған: әрі мазмұны, әрі ішкі бағыт аңғары, негізділігі толық шыққан, жақсы сөз көрінеді. Мен оны ғана айтпақ емеспін. Осы хатты жазу себебім, басқа бір өзім үшін қалыптанған баған, орның жөнінде. Өмір дегенді бәріміз де бағып, танып келеміз ғой. Сиректе не сирек? Жаныңа шын бағалы қадірлі жан сирек. Мен өзім сені ерте кез, тіпті жас шағыңнан қазағымның, халқымның кейінгі, кенже асыл ұрпағы деп сүйетұғым. Бұндай сөздер үнемі айтыла берілмейтінін білесің ғой. Алыста, жақында жүр – алты қырдың астынан болса да – сені бір өз жақыным, жақсы бауырым деп сезінетұғым. Ол бір халықтық сезімдермен байланысты күй.

Ал анау бір антұрған жылда, айда мен сені жоғалтқаным бар жарадан бетер батқан болатын. Ол сырттағы да, іштегі де екі бірдей жара есепті болып еді. Сен алдыңғы жылы “Қазақ әдебиетінде” жазған ашық хатыңмен баяғы орның, азаматтық ер қасиетінді қайта тауып едің. Бұл менің өзімшілдігім айтқызған сөз емес-ті. Көлденең дұрыс жұртшылық ұғымында да ол өр көңілді, қасиетті азамат мінезі болған.

Мынау мақалада да сондағы сияқты, енді өзің де жұрт ағасы болып, жұртың, қауымың үшін сүйсіне сөйлегенсің. Жалтақсыз, алаңсыз тура да батыл ойлар тастағансың.

Ал мені айтсаң, шынында, менің 32 жылға шейінгі еңбектерімді өшіріп тастау, еске алмау, әсіресе “Абаймен” байланысты еске алмау теріс те, әділетсіз де болар еді. “Еңлік” қана емес, мен әлі “Қарагөзді” жаңа да қайта қарап, азды-көпті түзеп, ондап жазсам, сонда оғат істеген болам ба? “Қарагөз” далаға тастай салатын, “Абайға” түк қатынасы жоқ шығарма ма? Ал “Қарагөзді”, “Еңліктей” әңгімелерім, “Қараш-Қараштай” шығармаларымды қайта қарап, жақсылап түзеп, ендігі жұртшылыққа қайта ұсыну менің қарызым емес пе? Мені түзеп бердің деп кім кінәлайды? “Сондай екіұдай, теріс сарынды шығармаларың барын жұртшылық біле тұрса да, түземестен, жабулы, тығулы күйде қалдыруың лайық емес” десе, сыншы жұртшылық дұрыс айтқан болады емес пе? Осы жөнде бұрынғы еңбектерімді қатарға қостыру талабын үлкен сөз ретінде бастағаныңа сансыз көп алғыс та айтамын.

Жаңа ол өткен шақ еңбектерін тексерумен бірге, менің “Еңлікті” түзегендей жаңа іздену жайларымды да сөз ету керек.

А. Толстой – осы алуандас бұрынғы еңбегінің бәрін қайта түзеп жазып шыққанын өзі айтады. Маған да сол жөнде, тіпті олқы болған шығармаларым жөнінде де көмек етіп, бірге ойласып ақыл-сын айтсаңдар өте жақсы болар еді.

Мен больницаға арықтау үшін түсіп ем. Әзір 14 кг кеміттім. Жақында көрісіп әңгімелесеміз. Өзіңе, үй-ішіңе, балаларға көп сәлем.

Мұхтар.

М. Әуезов – М. Ғабдуллинге

№ 97

Сүйікті інім Мәлік!

Мен соншалық көп заман хат жазбай, саған неше түрлі күдік бітіріппін... Әдетте, кейде бір үлкен ауыр жұмыста отырған кезде менің бір жаман әдетім сол, жұмыстан басқа бірде-бір көлденең тартуға мұрсам келмейтіні болады... Осы жолы дәл солай болды. Бір жағы пленум болады деген

дакпырт бар. Екіншіден, сол болғанша бір үлкен іс бітіріп кетем деп асықтым. Сонымен, “Қарақыпшақ Қобыланды” деген үлкен патриоттық пьеса жаздым. Өзін өлеңмен жазып ем. Сондықтан бар уақыт та соған кетті. Арасында драма аударып, оқумен, түзеумен тағы талай өзгерттім. Осы күнде пьесаны Украинаның Франко театрының бастығы, худрук Гнат Юра және Алматыдағы Завадский театры (Мәскеу Советінің театры) өздерінде қоямыз деп, көңілденіп, алмақшы боп жүр.

Жазушылар арасында ғана менімен таласы бар кейбіреулер фантазияны азайтып, тартысқа жақындатып, реалистік етіп жазса дейді. Эпос өзі әрі фантазия, әрі реалистік синтез шығарма, мен соның рухына қайшы жазғам жоқ. Сондықтан менікі жаналық (драма үшін) және дұрыс деп жүрмін. Сол айтыстар кесір болмаса, үлкен театрлар қатты тосып отыр. Міне, осы іспен болып, сендердің бірде-біріне хат жаза алмай, аса айыпты болдым. Сен мұны пьеса туралы өкпеледі деп топшыладың. Бауыржан да солай депті, мүлде қате. Мен сендердің хаттарың кеп жатқанда, бірде-бір сәт бір кішкентай да наразылық ретінде селт еткен емеспін. Ренжімеймін деген уәдемнен (ол өз көңіліме айдан аян) бір мезгіл ауғаным жоқ. Бірақ бұған қарап сындарың аумаған дұрыс, бәрін тап еткізіп біліп айттындар демеймін. Ол үлкен даулы мәселелер, әдебиеттің, кең еркін даудың мәселелері. Көрісеміз, керісеміз, дауласа жүріп ұғысамыз, не ұғыспай қалысамыз, ол өз бетіндегі тең қоралы нәрселер. Сендер факті мен документке тартасындар. Біз ол оншалық шарт қажет емес дейміз. Екеуінің де дұрыстығы бар, екеуінің де терістігі бар жайлар. Жалпы сендердің және жалпы үлкен тілек қоятын жұртшылықтың дұрысы неде. Онысы бұл соғыста қазақ халқының партия — Ленин, Сталин тәрбиелеп өсірген ұрпақтары Октябрь жемісін бұл күнге шейін өз елінің тарихында болмаған саналылықпен, ерлік азаматтықпен қорғады ғой. Бұл қазақ тарихы көріп-білмеген қасиет еді ғой, осыған сай үлкен шығарма неге тумайды деген талап шыны бұл заңды, орынды талап. Оған осы шамада жауап бере алғамыз жоқ. Ол бір күнде беріле қоятын оңай да жауап емес. Соғыс біткен соң кейіндеп барып қалуы мүмкін...

Жақында аса бір жақсы пленум өткіздік, барлық жұртшылығымыз ерекше бейіл беріп, үлкен ілтипат көңілмен өткерісті. Жаңалықты жақсы жаза алмаған мінімізді де жеткізе айтты. Алға қарай үлкен нысаналар белгілеп бергендей болды. Табысты айтқанда жазушылар, сыншылар, ірі мәдениетті Сәтбаев сияқты оқушылар да соны ірі бағалайтындарын көп-көп айтты. Пленум және басшы жұртшылық та Абайдың екінші кітабын биыл жазып бітіруді міндет етті. Сондай ынталы іске отыруды шарт етті. Екінші бір тың романды жазуыма да бет берісті, басты өз талабым еді. Абаймен қатар пландап бітіріп, кейін шұғыл қолға алатыным 17–18–19-жылдарда Октябрьдің ұлтшылдықты жеңіп, қазақ аулына жетуі жайындағы роман – міне іс осы. Өзім қазір тағы ауырып, больницада жатырмын. Қазіргі науқасым – бүйрек ауруы. Осыны алысымен бұрынғыша жақсылап толық хат жаз.

Сағынып хат жазушы Мұхтар.

М. Әуезов – С. Сәдуақасовқа

№ 98

24.XI.1927 ж.

Смағұл!

Саған үнемі масыл болу маған бір парыз сияқты мінез болды. Істеген ісімді “барына барғыз” – деп сұрау бір сәрі жұмыс болса, соңғы уақытта: “Жата-жата жамбасқа ауды”, – дегендей, енді маған “пұл бер, сен асыра” деген күйге жетіппін. Соңғы жіберген ақшаң ерекше достықтың белгісі болды. Бірақ сенде де үй бар, бала-шаға бар. Қазіргі уақытта табысың да мардымды болмау керек. Оның үстіне Ленинградта тұратын үйлі-баранды бөгде бір кісіні тағы да асырау – әбден асқан міндет. Қандай күйге жетсем де, мен сені бұлайша зорлауым керек емес еді. Еріксіз соңғы уақыттағы хал соған әкелді. Бірақ іштей қатты қысыламын, қиналамын. Сен отзывчивыйсың, білемін. Бірақ солай еді деп асылу, солай еді деп жаралау керек емес еді. Талай-талай ұмыттырмас достық, туысқандық мінездердің бірі болды. Әйтсе де, бұдан былай өзгенің қылығы үшін өзінді жаралағаныңды қой. Оны мен тілей де алмаймын, қабыл да көре алмаймын.

Оның есесіне жіберген нәрселерімді шама келгенше барарына барарлық етіп жіберсең, сол да сенің аз еңбегің емес болады. Соған да мен риза боламын.

Тапсырған нәрсенің бәрі Ғаббасовқа¹ берілсе, әрине, оның ешқайсысының да тезірекпен аяғы жерге тимейді. Өйткені бәрін жинағанда ол көп материал болмақ және жазу – менің жазуым. Оқып шығу қиын. Көп уақытты алады. Ғаббас үнемі соған қарап отырған кісі емес. Басқа да қызмет алаңы көп. Сондықтан бұл менің сөздеріме жасалған “құрметті айдау” есепті болуға керек. Бәрі де (сенің сөзіңе қарағанда), менің былтырғы “Сұғанақ сұрымда”² берілген шығар деймін. “Ескі әдебиет тарихы”³, “Абай”⁴ да соған берілген шығар. Оларға соңғы “Қараш-Қараш”⁵ деген әңгіме, одан соң Госиздатқа жіберген әңгімелер, тағы оған⁶ жіберген материалдар қосылған шығар. Кәрімнің⁷ жаздығүні маған айтқан бір сөзінде: “Сенің жазғандарыңды Ғаббас пен Жандосов⁸ екеуінің бірінің қарамағына берем”, – деп еді. Сонда “Абай”, “Сұғанақ сұрды” еске ала айтқан сияқты еді. Тегі, кейінгілерді де сол ізбен жіберген ғой. Осының анығы қандай екен? Ғаббасқа тапсырғанның ішінде соңғы биыл жібергендерім бар ма екен? Жок, бұрынғылар ғана ма? Осыны анықтап біліп, айыртып жазсаң жақсы болар еді. Не болмаса, өзің біліп жүру уақыт алатын болса, Телжанға⁹ тапсырсаң жақсы болар еді. Дәл анығын біліп, Ғаббас қаншасын қарады, немене айтты, қаншасын қараған жоқ, қашан қарамақ, сол мәселе туралы анық, толық хабар берсе жарар еді. Өздерің жүру көп жұмыс. Телжанға қадағалап тапсырып, “жазып жібер” деп айтып кетсең екен деймін.

Қызылорда басудан жалықпаса, мен жазудан да сондай қажымаспын деп ойлап отырмын. Жақында бір пьеса¹⁰ жазбақпын. Онан соң 16-шы жылдың бірер сөзін кішілеу роман қылмақпын¹¹. Осы екеуін жақын уақытта жұмыстап бітірсем, Қызылордаға барып қайтамын ба деп ойлап отырмын. Барлық бұрынғы-соңғы жұмыстарымды ең соңғы рет тағы бір арыла сөйлесіп, барарына барғызып көрсем қайтеді деймін.

Бұдан ештеңе шыға ма, жоқ па? Декабрьдің 20-ларында сен қайда боласың? Барсам, бір-ақ жұма барып қайтам.

Одан соңғы үлкен жұмысым: мен бітірген соң қайда пайдаланбақ? Бұл жайын өткен хатында: “Осы жолы

сөйлесермін”, – деп едің, сөйлестің бе? Өзім барсам, қалай сөйлесу керек? Осыны да жазып жібер.

Хат жазсам ылғи мен “шаруа” жайын жазып, онша бір сыр, нәрлі сөз бен пікір алысу әңгімелерінен қалып барамын. Сен де ұзын-ырға болмаса, тәптіштеп жазбайсың. Читатель проблемасы туралы Жүсіпбекпен¹² жазысады екенсің. Не десесіңдер? Маған да айтсандаршы. Бұл іргелі мәселе болу керек. “Оқушы үшін әдебиет” дейсіңдер ме, жоқ “оқушы средасын әдебиет формировать етеді” дейсіңдер ме? Екеуі де қабырғалы, соқталы сөз. Маған екеуіңнің де не дейтіндерің екеу сияқты. Танысу, білу өте қажет сияқты.

Егер маған: “Ташкенге барсын”, – дейтін болса, қай кезде қалайша барамын, өзім май іші бола ма деп мөлшерлеп едім. Бірақ бұл Қызылорда нәрселерімді басып, қаражат беретін болған уақытта. Егер олай болмаса, жүдеп-жадап жүрсін десе, шыдап болмайды. Онда ерте кетемін. Осы соңғы хал болса, қалай баруыма болады, ашып жаз. Осы бола ма деп қорқамын. Өзің Ташкенде отыру, отырмау туралы тағы да оспақтап қалған кісі сияқтысың. Тағы көшемісің, әлде немене? Бұдан былай қашан болмақ, қалай қарай? Оны да жаз. ВУЗ келесі жылы Ташкенде бола ма, жоқ па, оны да білгім келеді. Бұл туралы жаза сал. Әзірше қош, сүйдім. Валадан сәлем, достығына алғыс айтады.

Мұхтарың.

XX ғасырдың басындағы қазақ ұлтының саяси және рухани өмірінен ерекше орын алатын аса көрнекті тұлғалардың бірі, тірі жүруінің өзі “қу жақ” деп аталған Голощекин мен “кене” деп аталған Ежов үшін қауіпке айналған өткір ойлы, от жүректі қайраткер Смағұл Сәдуақасовпен Мұхтар Әуезов алғаш рет 1918 жылы мамыр айында Омбы қаласында өткен “Алаш” партиясын қолдау мақсатында құрылған жалпы қазақ жастарының “Жас азамат” ұйымының құрылтайында танысты. Содан бастап С. Сәдуақасов Кремль кеңселерінің бірінде оқыстан жұмбақ жағдайда көз жұмғанға дейін достықтары үзілген жоқ. 1921–1922 жылғы “партиялық тазалауды” да бастарынан бірге кешті. Кейін С. Сәдуақасовты Голощекин оқу-ағарту министрі қызметінен алып, ол уақытша Ташкенттегі педвуздың ректоры міндетін атқарды. Дәл сол күндері “Алашорда” көсемдерін тұтқындау туралы жасырын нұсқау берілген еді.

Ленинград университетінің соңғы курсында оқып жатқан Мұхтардың досының, өзінің, сондай-ақ шығармаларының болашағы туралы алаңдап, алыстан сыр тартуының себебі де сонда. Ләззат

(Елизавета) Әлиханқызы Бөкейханова 1956–1957 жылдары Мәскеу қаласында жазушымен кездесіп, жары С. Сәдуақасовтың бір романы мен өзге де дүниелерінің қолжазбасын М. Әуезовке тапсырған. Ол асыл мұра қазір “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақтаулы тұр. Ұлы каламгерге қиын кездерде қол ұшын бергенін дәлелдейтін бұл хат Ұлттық қауіпсіздік комитетінің мұрағатынан алынды.

¹ Тоғжанов Ғаббас (1900–1937) – әдебиет сыншысы, баспа директоры.

² “Сұғанақ сұр” – жазушының повесі, ұшты-күйлі жоғалып кеткен.

³ “Ескі әдебиет тарихы” – монография, баспадан шыққан бетінде таратылмай қалды. 1991 жылы ғана жарық көрді.

⁴ Абай шығармаларының 2 томдық басылымы мен өмірбаяндық монографиясы. 1934 жылы журналда басылды.

⁵ “Қараш-Қараш” повесі сол жылы “Жаңа мектеп” журналында жариялана бастады.

⁶ “О-ға” – “Обществоға”, яғни өлке тарихын зерттеу қоғамына.

⁷ Жәлелов Кәрім – “Алашорда” қайраткері, биология пәнінің қазақ тілінде шыққан алғашқы оқулығының авторы.

⁸ Жандосов Ораз (1889–1937) – қоғам және мемлекет қайраткері, өлкелік комитеттің идеология бөлімінің меңгерушісі.

⁹ Шонанов Телжан (1894–1938) – “Алашорданың” оқу-ағарту комиссиясының төрағасы болған. Қазақ тілі білімі ғылымының негізін қалаушылардың бірі.

¹⁰ “Хан Кене” пьесасы. 1928 жылы көктемде жазылды.

¹¹ “Қилы заман” романы, сол жылы желтоқсанда басталып, 1928 жылдың ақпан айында аяқталды.

¹² Аймауытұлы Жүсіпбек (1889–1931) – ақын, жазушы, драматург, ғалым.

Хатты тауып әзірлеген Тұрсын Жұртбай. Хат “Егемен Қазақстан” газетінде (2001 ж. 30 мамыр) жарияланған.

М. Ауэзов – П. Кузнецову

№ 99

15.X.1943 г.

Милый Павел Николаевич!¹

На этот раз прежде всего хочу выразить свое настоящее восхищение твоими литературными успехами, читаю все твои очерки не страницах “Правды” и вижу, что ты не только закаляешься, становишься многоопытным в бою, но ты по-настоящему вырос, возмужал и в творчестве. Правда, не о литературных успехах твои главные мысли, не о литера-

турной карьере. Но и в бою есть различные способы проявления себя — есть пальба и есть снайперские выстрелы. Качество огня писателя-фронтовика — в его настоящих, мастерских страницах. Это хорошо, если на твоём пути бойца, защитника своей Родины, ещё попутно к тебе приходит и слава даровитого писателя. К случаю я вспоминаю казахское изречение: “Не ищи богатства сам, но если оно само ищет и приходит к тебе, — не сторонись”. Слышал, что скоро выйдет твой сборник стихов, и это очень хорошо. Пора, давно пора, чтобы ты был представлен читателю своим настоящим именем, самостоятельным обликом в солидном собственном сборнике.

Получу его, напишу свои всякие мысли о тебе. Истекшим летом, в июле месяце, я был в Абаевском районе, пробыл около месяца. Поехал в поисках материалов ко второй книге романа “Абай”, сейчас с весны работаю над нею. В районе мы побывали почти во всех колхозах. Народ ещё хранит очень много воспоминаний и преданий об Абае. Между прочим были в Коныр-Аулие, в пещере, вероятно, очень памятной тебе. Я там вспоминал тебя. Очень долго искал твою надпись, но почему-то не обнаружил её: или ты не имел ничего с собою, чтобы начертить кое-что, или это настолько огромная пещера, что в ней не сразу обнаружишь надписи. Несмотря на то, что я сам уроженец этих мест — до сих пор я не бывал там. А поездка дала очень много. Оказывается, эта пещера интересна не только внутри. И снаружи, около неё, есть много каменных курганов приблизительно одного времени возникновения, и на многих из этих курганов есть на каменных плитах высеченные метки древних казахских родов. Очевидно, эти все погребения относятся ко времени каких-то кровопролитных сражений, после которых хоронили людей по родовым группам.

Конец моей поездки мы провели в Семипалатинске, там был слет акынов. В области сейчас стал известен, ранее почему-то не выдвинутый, очень крупный старый акын Толлеу². У него замечательная генеалогия, до его шестого предка все предшественники — известные акыны. А мать — знаменитая Куандык. Она состязалась с Абаем и была его возлюбленной. Она же описана в первой книге моего романа. Так что в лице Толлеу-старика я встретил сына своей героини

ни. Его особенность, отличающая от других старых акынов, в том, что он и пишет, и поет. А в стихах ни одному записывающему поэту не позволяет вставлять хотя бы одну строчку. И в том, что написано им самим, нет и надобности для обработки казахским поэтом-секретарем. Нурлыбек сыт и крепок по-прежнему.

Сейчас у нас в Союзе поговаривают о поездке группы писателей в Москву для устройства литературных вечеров. Не очень большой охотник я на такие гастроли, но если будет возможность еще посетить фронт, тогда поеду. В конце декабря будет 25-летие Белорусской ССР. Минский театр везет на декаду к этой дате нашу пьесу “Абай”. Если в это время тебе придется случайно быть в Москве, то очень прошу тебя посетить этот спектакль и черкнуть мне о своем впечатлении. Желаю тебе благополучия и крепкого здоровья, дорогой Павел Николаевич.

С сердечным приветом,

Мухтар.

¹ Кузнецов Павел Николаевич (1909–1957) – орыс жазушысы, аудармашы. 1930 жылдардан бастап қазақ әдебиетін зерттеген. Баспасөз орындарында қызмет істеп, бірнеше прозалық, әдеби-сын еңбектерін жазған. Әдеби-шығармашылық байланыстар нәтижесінде М. Әуезовпен хат жазысып, пікір алысып отырған. М. Әуезовпен көп жыл бойы достық, шығармашылық қарым-қатынаста болған.

² Көбдіков Төлеу (шын фамилиясы Көпжасаров, 1874–1954) – ақын. Айтыс өнерінің ірі өкілі. Қазақстанның халық ақыны (1954). 1943 жылы Семейде өткен облыстық ақындар айтысында М. Әуезов алғаш рет танысып, талантына сүйсініп, шығармашылық қолдау көрсетіп, ықпалын тигізген.

М. Ауэзов – П. Кузнецову

№ 100

Милый Павел Николаевич!

Крайне сожалею о том, что начавшаяся хорошая дружеская наша переписка прервалась на время из-за меня. Я болею одной странной азиатской (просто не придумаю другого названия) болезнью. Как только сажусь за какую-нибудь

трудную и длительную творческую работу, так теряю духовное общение с самым близким и дорогим для меня миром, т. е. отпадают от меня всякие книги и прекращается у меня переписка с друзьями... Вот в такой полосе дикого замыкания и пробыл последние месяцы за время своей работы над исторической пьесой “Кобланды”. Эта пьеса – эпос о предках наших нынешних героев...

Недавно у нас прошел пленум Союза. Это был самый лучший пленум за все время существования нашей организации. Он прошел при постоянном и широком участии наших руководителей партии, правительства и широких слоев культурной передовой интеллигенции. Были нам предъявлены самые серьезные и обоснованные счета. Отставание литературы в отражении современности отмечалось особо, но пленум, однако, объективно, хорошо оценил и сделанное, хотя бы по части исторической тематики, значительное внимание было уделено роману “Абай”. После пленума мне дано солидное напутствие, чтобы я, во-первых, работал над капитальными вещами, и в первую очередь закончил вторую книгу романа “Абай”... Пленум избрал председателем Сабита Муканова, он сейчас проявляет хорошую деловитость, думает вести литературное хозяйство по плану к продуктивным результатам...

Твой Мухтар.

Алма-Ата, Калинина, 63, кв. 29.

М. Ауэзов – Е. Тарловской

№ 101

16.I.1944 г.

Дорогая Екатерина Александровна!¹

Посылаю Вам последний вариант “Кобыланды”. Здесь учтены все замечания, сделанные в ЦК. Этот последний вариант прочитан в Алма-Ате и принят в настоящем виде к постановке.

Переделок не так много, но они существенны. Вам по этим переделкам не так много доделки, но их нужно сделать побыстрее, чтобы Сабит за время своего пребывания в Москве мог бы сдать пьесу в печать. Я бы, конечно, про-

сил, чтобы Вы сделали не к отъезду Сабита, а гораздо раньше. Пьеса должна выйти к нашей декаде из печати. А быстро ли печатают? Задержки везде одинаковы и известны. Если Марк Аркадьевич найдет возможным скорее осуществить выход пьесы в сборнике, так пусть печатается там, но вся эта сторона будет видна Вам с ним, и я полностью представляю на Ваше личное решение. Лишь бы вышла. Задержки по ней заключаются только во мне, я сам долго не мог приступить к доработкам. Теперь Сабит обещает с окончанием Вами перевода осуществить издание пьесы обязательно, с этим решением едет, так что все уже в Ваших руках.

Послал только подстрочник, Ваш текст, конечно, есть у Вас. Только прошу учесть одно – это было то же, о чем говорил в начале Вашей работы. Пьеса для театра и язык, стихи должны быть легкими, удобоисполняемы и главное, еще лаконичнее.

Здесь русский театр ждет Вашего окончания перевода, как закончите, так посылайте один экземпляр мне.

Передайте мой горячий, дружеский привет Марку Аркадьевичу. У меня в доме еще маленький. В. Н. имеет второго сына, его зовут в рифму с именем брата Эльдара² – Эрнар³.

Вам обоим шлет привет Валентина Николаевна.

Крепко жму Вашу руку.

Мухтар.

А-Ата, Калинина, 63, кв 29.

Р. С. Послал на Ваше имя доверенность на печатание “Кобыланды”. Используйте, когда понадобится.

¹ Тарловская Екатерина Александровна – М. Әуезовтің “Қаракыпшақ Қобыланды” пьесасын 1943 жылы қолжазбадан аударған. Хатта Орталық Комитеттің ескертпелерінен кейін пьесаның түзетілген нұсқасын жіберіп отырғаны туралы айтылып отыр.

² Әуезов Елдар Мұхтарұлы (1941–1944) – жазушының Валентина Николаевнадан туған ұлы.

³ Әуезов Ернар Мұхтарұлы (11-бетті қараңыз).

Жолдас Есмағамбет!¹

Сіздің екінші томға жазған “XIX ғасырдың 40-жылдарындағы әдебиет” деген 25 беттік мақалаңыз, “Арыстан ақын” деген 14 беттік мақалаңыз, Нысамбай турасындағы 29 беттік тексеруіңіз және “Орта Азия хандарына қарсы” деген 8 беттік мақалаңыз – барлығы өз негізінде, екінші томның зерттеу мақсатына сай келетін, осы томға кіргізуге татитын зерттеулер болып шыққан. Мақалалардың әр бөлімінде кей беттеріне жазған ескертулерден басқа, жеке бөліп айтатын қосымшаларымыз мыналар:

Жоламанның хаты (6-бетте) келтірілмей қалған. Соны қосу керек.

Сол бетте “Бозжігіт” поэмасының кіріспесі жоқ.

Кенесарының Орынбор генерал-губернаторына жазған хаты жоқ. Және сол бетте Жанғожаның хаты да келтірілмеген. Осылар сияқты деректер, документтер аса қажет. Осыларды қосып жазу керек.

Асанқайғы (10-бетте) орынсыз келтірілген.

Ең соңғы мақалада Жанғожа турасындағы жыр тек Мұсабай ақындыкі ғана емес, оның жөнінде халықтың фольклоры боп, атсыз ақын айтуынан тараған вариант бар екендігі және соның бірінші томға кіргендігі туралы айту керек.

Жалпы тіл, стиль жөнінде кей сөйлемдерде ұшырасатын кемшіліктер қолжазбаның тұс-тұсында айтылудан басқа да ұшырасуға мүмкін. Осы жағынан және Қазақстан тарихына Кенесары туралы айтылған соңғы кездегі сынға сәйкес идеялық, саясаттық мәселелерді өзіңіз тағы да қадағалап карап, түзей түсуді талап етеміз. Әсіресе, Кенесарыны сынап жазған соңғы пікірлерді молынан еске алуды және соларды қабылдау жағынан өз еңбегіңіздің сыншылдық ойларын (Арыстан ақын мен Нысамбай шығармаларын тексеру тұсында) тереңдете түсу шарт деп білеміз. Осы жайларды мына соңғы түзеу кезінде молырақ ескеруді талап етеміз.

Сәлеммен, Мұхтар.

¹ Ысмайылов Есмағамбет (21-бетті қараңыз).

Жолдас Бейсембай!¹

Екінші томға арнап жазған “Оқу кітап, газет” жөніндегі мақалаңыз, жалпы алғанда, жарамды еңбек болған. Әдебиет тарихы көлеміне ең алғаш рет қосылып отырған тың тақырып туралы еткен еңбегіңіз болашақта молайтып, өсіре зерттейтін істің басы есепті. Сол бастауыңыз ғылымдық фактілер, талдаулар жағынан қарағанда, жалпы алғанда, бағалы, орынды көрінеді. Осымен қатар, бірнеше жерлерде байқалатын кемшіліктер де бар екенін ескерту қажет.

Мақаланың қолжазбасына әрбір беттерде жазылған сындар бар. Солар туралы ойланып, арнаулы түзетулер кіргізуді өтінеміз. Ол ескертулердің елеулі мәселелерге соғатыны да бар. Бұндайлардың кейбіреуін төменде әдейілеп бөліп алып, атап көрсетеміз. Қолжазбаның беттеріне жазылған ескертулердің ұсақ мысалдары да бар. Олар көбінесе кейбір атаулар мен сөйлем құраудағы стиль, тіл мәселесі жөнінде.

Әуелі осылар жайын айта кетейік. Бұрынғы оқу орындарын бұл қолжазбада “мектеп”, “медресе” деп атау бар. Онан соң “орыс-қазақ мектебі” деген атау да бар. Осыларды бірінен-бірін нақтылап айыру үшін, мұсылманша оқытатындарын – “медресе” деп, орысша оқытатындарын – русско-киргизская школа, немесе училище деп айырып атаса, оқушыға түсініктірек болар еді. Онан соң, Қазақстанның өз тарихында “мектеп” деген атау ХІХ ғасырда болған жоқ. Ол кезде көп жерде, ауылдарда медресе де, мектеп те болмаған. Ондай ағарту орнының атауы да болмай жүргені бар-ды. Тек молда ғана оқытатын да, “молдадан оқыды” деп айтылатын. Осы жайды анықтау керек.

“Мектеп” деген атау жәдиттікпен бірге ХХ ғасырда кіргенін ескеру керек. Одан соңғы бір мәселе, ескі молданың және медресенің оқытатын кітаптарын санап өту керек. Ол заманда он-он бес жыл оқығанда класқа бөлу жоқ еді. Шәкірттің оқу шамасын әр кезде оқып жүрген кітабымен атайтын. Сонда ең бастауыш оқу арабша “Иманшарт”, “Әптиектен” бастала, содан ары “Түркі” оқылатын. Осыдан кейін “Қырық хадис” деп басталған арабша оқу кетеді. Олар “Шүрутиссалату” “Фихка-Кайдани”, “Тағлимұссалат”,

“Тұхфатұл мүлук”, “Наху-сарф”, “Бидан”, “Мұхтасар”, “Кафия”, “Мантық”, “Ғакаид”, осыдан ары ең төрінде “Шарх-Ғабдолла” сияқты кітаптар болатын. Ол кездегі шәкірттер “оқуың қандай?” дегенге “Мұхтасар” оқыдым, “Кафия оқыдым” деген сияқты жауаптар берсе, білетін адамдар оқу шамасын аңғаратұғын. Осы жөндерді қатты сынмен аша түсу шарт.

Ұсақ кемшіліктің әсіресе көзге түсетін бір түрі – осы мақаланың бас жағында, үнемі ұшырайтын бір жәйдан байқалады. Автор, белгісіз себептен, өзінің жатық тілін бұзып, әрбір сөйлемнің соңын өте бір өрескел қайталаумен аяқтай береді. Әр сөйлемнің соңында “болар еді”, немесе “болмас еді” деген, сан рет қайталайтын бір түрді ұстанып алған. Оқта-текте қолданса бір сәрі, бар сөйлем осылай аяқтағанда, еңбектің құны түскендей болады. Автор өз жұмысын өзі менсінбей, әдейі “жүрдім-бардым салып” отырған сияқты. Қолжазбаны осындай өрескел сөлекеттік мысалдардан түгел арылту керек.

Енді қолжазбаның тұс-тұсында айтылса да, тағы бір үш мәселенің жәйін айрықша атап өтеміз. Олар мыналар:

1. “Патша дін оқуын (11-бетте) күшейтті” деу дұрыс емес, оның себебін, Шоқан, Алтынсарин, Абайлар айтқандай, жалпы мұсылманшылық үгітті таратқан дінбасылардың әрекетімен байланыстыра сынау керек.

2. Пантуркизм, панисләмизмді (14-бет) дәлелді, ғылымдық жөнмен, идеялық жағынан өткір салмақты етіп, қатты сынау қажет.

3. 13-бетте екі Россияның жәйін тереңдеп, таратып айту керек. Орыстың халықтық мәдениеті бір бөлек, патшалық саясаты өзіне басқа, соны осы тұста (18-бетте) “Дала уәлаяты” газетінің дерегіне байланысты ашып айтып беру аса қажет болады.

Осы жайларды ескеріп отырып, еңбегіңізге түзеулер кіргізуді талап етеміз.

Сәлеммен (Мұхтар).

¹ Хат (пікір) Бейсембай Кенжебаевқа жазылған ҚазКСР КП ОК басуға рұқсат етпей жүрген “Абай” романының бірінші кітабын Б. Кенжебаев баспаға бас редактор болып келгенде рұқсатсыз шығарған. Шығармашылық, достық қатынаста болған.

Қымбатты Митрофан Семенович!

Екінші томға Шоқан Уәлиханов туралы жазған еңбегіңіз¹ толық жарамды, құнды мақала боп шыққан. Әсіресе, екінші бөлімде, Шоқанды фольклорист ретінде тексеруіңіз біздің томның мақсатына, міндетіне сай зерттеу болған. Әлі күнге Шоқан туралы ешкім айтпаған, соны ойларды айтқансыз. Сол ретте, әсіресе, Шоқанның ізденулерін, бағытын “Современник” журналының негізгі бағыттарымен байланыстыра тексеруіңіз бағалы жаңалық болады. Бұл жөнде Добролюбов ойларымен Шоқанның салт-саналық, ғылымдық іздену негіздерін қабыстырғаныңыз дәлелді, деректі боп шыққан.

Бұл ойлардың бағасы ерекше зор деп білеміз. Сонымен қатар, жалпы айтылатын бір тілек – екінші бөлімге ауысар алдында, Шоқан туралы біразырақ қосымша түсініктер беру қажет. Ол қосымша, 34-беттен кейін, Шоқанның әдебиетші-фольклористік еңбектерін талдаудан бұрын берілсе, дұрыс болар еді.

Біз талап етіп отырған қосымшада айтылатын мәселе: осы тексеруде сіздің Шоқан мұраларының бір-ақ жағын алып отырғаныңыз ескертілу керек. Шоқанның этнограф, саяхатшы, мәдениет тарихшысы, онан соң публицист еңбектері де бар екенін атап кету керек. Ол жөніндегі шығармаларын жеке-жеке көрсетіп беріп, бұл томда тек әдебиеттану ғылымына бейім еңбектері ғана тексерілетінін түсіндіру қажет.

Осыдан соңғы айтылатын ұсақ ескертулер қолжазбаның кейбір беттерінде жазылған. Солардан атай кететіндеріміз мына төмендегілер:

20-бетте Шоқанның мырзалық әдеттері мен сауық-сайрандарын атаудың қажеті жоқ.

26-бетте “Шоқанды халқы түсінбеді” деу, бізше, дұрыс емес. Оған түсінік беру керек.

29-бетте ескі билік түрін Шоқанның қостауы турасында айтылған сын біраз ойлануды керек етеді. Патша өкіметі сайлаумен белгілеген сатымсақ билерден бұрынғы халықтық

ашық биліктің өзі артық деген ойды Абай да айтқан. “Третейский суд” туралы Абай қара сөзде көп дәлелді пікірлер айтады. Онысы өз уақытындағы паракорлықпен алысудың шарасын ойлаудан туған. Россиядағы соттардың паракорлығын сынаған кезінде, “Былое и думы”-да, Герцен де “публичный суд” қайта қалпына келу керек деген ойды айтқан болатын. Осы жайды ойланып, ескеру шарт.

56-бетте, аңызды келтіргенде, “Әзірейіл, Жебрейіл” деп екі бөлек періштені біреу етіп, теріс әңгімелеу бар, соған түсінік беру дұрыс сияқты.

62-бетте, Шоқан келтірген тарихи әңгімеде, Шақшақ ұлы Жәнібек турасында жаңылыс сөйленген. Бұл әңгімедегі батыр – Керей Жәнібек болу керек. Себебі, Шақшақ ұлы Жәнібек батыр емес, би ғана болған. Ал Керей Ер Жәнібек Шоқанның әңгімесіне қисыны келетін, анық Абылайдың батырының өзі болған. Осы ретте Шоқанның жаңсақ жазғанын айтып, сноска беру қажет сияқты.

Әзірге осы айтылған ескертулерден басқа, сізге арнап айтатын бір өтініш – осы еңбектеріңіздің қазақша аудармасына өзіңіз де көп көңіл бөлсеңіз жарар еді. Мақала әуелде орыс тілінде жазылған сияктанбай, аударма екендігі білінбей, түпнұсқаның өзі де қазақ тілінде жазылғандай боп, жатық шықса екен. Осы жағын аударушының міндеті екенін біле тұра, өзіңізге әдейі ескертіп өтеміз.

Сәлеммен (Мұхтар).

¹ “Қазақ әдебиеті тарихының” екінші томында М.С. Сильченко Ш. Уәлиханов жайлы тарауды жазған. М. Әуезовтің кейбір сын-ескертпе пікірлері осы еңбекке байланысты айтылған.

М. Әуезов – Ы. Дүйсенбаевқа

№ 105

21.VII.1950 ж.

Жолдас Ысқақ!¹

Шортанбай туралы жазылған сөз екінші том үшін өте аз болды². Оның әр шығармасын түгел талдамаса да, жеке-жеке атап алып, әрбірінің тұсында, барлық құнарсыз қалыптарын ашып отыру қажет. Тегінде, газет мақаласының көлеміндей

жалпылап, әр жерден үзінді ойлар теріп алып, көктей тексеру жеткіліксіз. Сондықтан топтап айтқан дұрыс ойларыңызға, жекеше бөлуіңіз дұрыс болады. Қайталаған пікірлері ақын шығармаларында көп болса, соларын әсіресе ашып бере отыру керек. Солай болмаса, мынау мақаладағы шолу орта мектеп кітабынан да кемшін болып қалады.

Екінші – Шортанбайдың тек-төркінін ашу керек. Бұл жәй әр заманда, әр елде болған діншіл пессимизм, мистика, ақырзаман мотиві арқасында туған. Осының Орта Азия мен жалпы Россия мұсылмандары арасындағы түбітегі Қожахмет Йассауидің “Диуани хикметіне” барады. Қырғызда Молда Қылыш шығармаларында “Зар заман”, “Тар заман”, “Кер заман” деген сияқты сарындар туған. XVI ғасырда Орта Азияда Софы Аллаяр сияқты талай мистик, пессимистер шыққан. Осының аяғы Қазақстанда 1916 жылғы Албан Асан шығармаларына шейін жетіп, өзінің әсерін тигізеді. Абай сол софылық сарынындағы ишандарға қарсы, өзінің “Ғақлият-Тасдиқат” деген “38-сөзінде” аса қатты сын айтады. Оларды “аһлі тариқат” деп, мистикалық жағынан шенейді. Йассауи, Шортанбайлардың түп сарыны кейде сол “түркі дүния” нанымына ауысады. Осы жайларды көп таратпаса да, аша сөйлеу қажет. Сонда бұл мақала орта мектеп кітабында айтылмаған жаңалықтарды қоса түскен болар еді.

Онан соң, үшінші – Шортанбайдың айтыс өлеңдері туралы (27-бетте) дұрыс пікір айтылған болса да, ақынның айтысы да үгіт өлеңдерінің идеясымен байланысты деген өнімді, ғылымдық пікірді молынан, көп мысалмен дәлелдеп беру аса қажет. Сонда Шортанбай, жанрлар айырмасына да қарамай, өз мазмұнына, таптық идеясына түрді де, жанрды да – баршасын да түгел бағындырған кертартпалығымен әсіресе айқындап ашыла түсетін болады.

Осы жайды түгел ескеріп, Шортанбай турасындағы мақаланың ғылымдық мазмұны мен маңызын, көлемін де өсіре түсуді талап етеміз.

Сәлеммен, Мұхтар.

¹ Дүйсенбаев Ысқақ Тәкімұлы (32-бетті қараңыз).

² “Қазақ әдебиеті тарихының” екінші томы туралы айтылып отыр.

Қадірлі Ысқақ!

Хатыңды алдым. Ендігі, 13 сентябрьге дейін тағы бір 3-4 кило қалдырарсың деп мөлшерледік. Ал сенің әлі біраз бос уақытың бар көрінеді. Ендеше біраз күнге бізге келіп қайт. Біз бұл жерде, күн жақсы болса (әзір тіпті жақсы. В.Н.¹ күнде суға түседі), октябрьдің біріне дейін боламыз. Мен қазір жана романның қызығына, қызықты еңбегіне молынан кіргендеймін. Әзіргі ерте-кешті ой сол дүниеде. Сен келсең де, жұмысым тоқталмайды. Күніне 2-3 сағат диктовать етем, оған сенің бөгетің қанша.

Ал өзінді жоқтап, қашан Ысқақ келет деп бір қозы күнде терезе түбінен маңырап өтеді.

Келгенде такси “Зил”, “Волгалар” Алматыдан да, Фрунзеден де ұшырай береді.

Енді бір өтінетінім: жақында біздің көркем әдебиет баспасында очерктер жинағы шығып еді. Атын ұмытып қалдым. Сол жинақтың ең басында менің “Оңтүстік сапарынан” деп аталған очерктерім басылған. Қазіргі жұмысыма қатты керек боп отыр. Сол кітапты тауып ала келуінді сұраймын.

Алматының көп жаңалығын айта келерсің.

Ин-т қауымына, дос-жаранға, бастығы Смет, Есет, Мүсілім, Қайнекей, Женялар² етіп көп-көп сәлем айт.

Қош. Мұхтар.

Шығарыңда телеграм бер.

¹ М. Әуезовтің зайыбы Валентина Николаевна Әуезова.

² Қазақ КСР ҒА-ның Тіл білімі және әдебиет институтында қызмет істейтін белгілі ғалымдар: Ісмет Кенесбаев, Есмағамбет Ысмайылов, Мүсілім Базарбаев, Қайнекей Жармағамбетов, Евгения Лизунова.

Ыскак!

Алматыдан шыққалы да көп болды. Институт ісі қалай, екінші томның авторлары не істеп жатыр, не жаңалықтар бар, сенен осы жәйлардан хат-хабар күтемін.

Мынау жіберіп отырғаным Әбетов Ғалидің¹ жазғаны. Менің замечаниелерімді өзің қарап өтерсің. Мәлікке де көрсетерсің. Басқа кісілерге көрсетпей-ақ, автордың өзіне ұғындырып қайта тапсыр.

Бұл қалпында Ғалиға қайтадан бірталай жұмыс істеу қажет. Ең әуелі – Ақан туралы бұндай ұзақ жазбасын. Мен Ақанның “әлеуметтік” тақырыптардағы өлеңдерін түгел көргенім осыеді. Өзі өте кертартпа санадағы ақын боп шығып отыр. Қазақтың ән-күйіне сіңірген еңбегін ғана ашып, талдап басып айту керек. Ал әлеуметтік жөнде Шыңғыстай төре мен ақсақалдық сананың ең бір қаны шығып тұрған реакцияшыл сарындарын танытқан ақын екені қатты сыналып тексерілсін. Әбетов ол жағын өте жұқалап, іркіліп жазған. Бұл күйінде еңбегінің көбі апологетика. Біз Абайды да олай жазғанымыз жоқ. Ғылымға қойылатын партийность талабын қатты ескертіп түзеттір.

Барлық жазатыны жиырма бет болса болады. Әлеуметтік “сорақы” өлеңдерін цитировать етпей, атап қана отырып, сынап жазу керек.

Өзге жазатын ақындарын да әлеуметтік таптық жағынан олқылықтарын ашып, қайшылықтарын талдап отырып жазсын. Болмаса “ардагер” деп әлдекімдерді дәріптеуге түссек, тағы да ана жылғы саяси қаталықтарға шырмаламыз. Өзге авторлар туралы жазбақ болған мақалаларын Әбетов жаза берсін. Мен қайтысымен түзеймін. Ғалидің тілі жаман емес, тырысса және идейный бағытын дұрыс айқындап алса, жазып шыға алатын сияқты.

Жалғыз-ақ сен өзің ерінбей мына материалды оның жазғандары мен менің бет-бетке түрткен замечаниелеріммен қоса түгел оқып шық. Сонда менің не тілейтінім анық аңғарылады. Әбетовке де өз мәслихатыңды беруге пайдасы болады.

Мен Москвада ойлағанымнан 20 күндей артық бөгелдім. “Знамя” романымды, жарымын подстрочник күйінде оқыса да, қабылдап алып отыр екен. Қазақша шыққан кітаптағы қалпынан бір бетін артық демей, түгел алыпты, соның үстіне екі-үш жерге азын-аулақ қосымша сұрап еді. Мен өзім қосқан соң жарытып қосайын деп 3/2 б.т. етіп жана сценалар қосып бердім. Соның қазақшасын да жазып, подстрочнигін де өзім аударып бердім. Қысқасы, 18 күн ішінде орысша, қазақшасы аралас 7 баспа табақ жазып өткердім. Өнімді, шапшаң еңбек болды. Бір топ сыншы мен жазушылар өте ырза боп алып қалды. Қысқартпай басамыз дейді. Не ноябрь, декабрь сандарында, немесе 51-жылдың бірінші номері осы романмен басталады.

Өздері мен келмес бұрын жақсы қабылдап отырған соң, ендігі орысша шығуын жаңадан толықтырып шығарған изданиеге айналдырдым. Өзі тіріде кісі әр изданиеге өң бере беру қажет деп түсінушем. Осы жолы соны толық қолданғандаймын. Қазақ оқушысы өздеріңе де енді осы орысша изданиені соңғы редакция деп тағы қоса оқу қажет болады.

Сол іспен бөгеліп Әбетовтің мақаласын жолда қарап түзедім. Кисловодскіге кеше келіп едім. Енді стол үстіне Н.С. Смирнованың қалың томын салып қойып отырмын, осыны да жақын күндерде оқып, өзіне қолжазбасын да жіберем, хат та жазам – менен сондай хабар беріп, сәлем айт.

Өзім жаздайғы тығыз, ұзақ істердің кезінде және Москвадағы еңбекте қатты шаршаппын. Курортқа келгенге екі күн болды – тек балаша сағат он болысымен ұйқы ба-сады.

Тағы да жылдағыдай курорттың өзім көнген қатты режиміне түсе бастадым.

Енді бір жұма шамасында Кисловодскіге Соболев те келмекші. Ол мен бітіріп берген бөлім-кусоктарды аудару-мен қалды.

Қаныш² сентябрьдің 20-сында маған телеграмм беріп, всесоюзная конференция мираға бізден өкіл бол деп еді. Ол 16–18 октябрьде болмақ. Ал менің путевкам бірінен. Самолетпен күздігүні ұшудан сескендім. Өзім жаз бойы және күз бойы әлгіндей үздіксіз еңбектермен әбден шаршаған

адаммын, сондықтан маған рұқсат беріндер деп телеграмм бердім. Кисловодскиге бір келіп, одан он күннен соң поезбен қайта жүрсем, тіпті қисынар емес. Бір жүрісінің өзі екі сутка. Осындаймен, енді міні, демалысқа ауыстық. Бұл жерден 30 октябрьде қайтпақпын. Авиамен хат жазсаң, тез келеді. Союзда не жаңалықтар бар, одан да жазарсың. В.Н. хат-хабар алып тұрам. Сонда да сен біздікіне барып стр-восы, шаруасы туралы хабарласып, өз хатыңа қоса жазып жібер. Әсіресе Академияда Герасимовпен сөйлесіп, соның өзі айтатын соңғы мәліметтерін, расчеттарын жаза сал. Мен ноябрьдің ортасында қайтпақпын. Соған шейін бітіре алама, не дейді екен. Ия, айтпақшы, ең бір қатты тапсыратыным – бұл Валентина Николаевнаға да, Герасимовке³ де қатты айтылсын (сен айт) – үйдің төбесі қалың жабылсын – жаз ыстық (шатырдан), қыс суық, жауын өтетін болса, ол үй емес – сор. Бұрын төбесін қалың жаптым дей беретін Герасимов, сонысын әлі де қалыңдасын. Және астыңғы үйдің барлық едені жылы болатын болсын. Осыны – бар сұлулық, бар инженерліктің ең мәндісі деп ойлайды заказчик дегейсін.

Ал Мәлікке, Мирофан Семеновичке, Есмағамбет, Қажымға – баршасына сәлем айт.

Қош. Мұхтар.

Тез авиамен хат күтем.

¹ Әбетов Ғали (1922–1976) – әдебиет зерттеуші ғалым. Әдебиет институтының ғылыми қызметкері. Филология ғылымының кандидаты (1960).

² Сәтбаев Қаныш (1899–1964) – аса көрнекті геолог ғалым, мемлекет және қоғам қайраткері. Қазақстан Ғылым академиясын ұйымдастырушы және оның тұңғыш президенті (1946–1952, 1955–1964). КСРО Ғылым академиясының академигі (1946). Мемлекеттік (1942) және Лениндік (1958) сыйлықтардың лауреаты.

³ Герасимов М. – М. Әуезов үйінің жобасын жасаған архитектор.

Дорогой Василий Васильевич!¹

Прежде всего приношу свою глубокую благодарность Вам за Ваши быстрые ответы – требовательные, отчетливые и приятные – телеграммы. Не знаю только, почему не последовало ответа лишь на последнюю мою телеграмму (дней пять назад посланную), где я просил сообщить, нужны ли вставки в первую половину, не поздно ли их досылать... Если первая половина в наборе и она всеми вами просмотрена и принята, может быть и нет надобности еще что-нибудь заносить... Там, по замечанию Людмилы Ивановны, я хотел лишь дать описание внутренности юрты Базаралы.

Но подобную картину, хоть небольшую, о народной массе с ее внешним обликом, я добавил в новой вставке к 443-й странице.

Сейчас я посылаю шесть вставок ко второй половине книги. Возможно, что одна вставка об Уразбае с Казанцевым – выйдет в самый конец первой половины... Эту вставку включить необходимо, речь идет о нарастании угрозы и об объединении сил феодализма и царизма против Абая.

Остальные вставки сделаны по нашим, общим с Вами, планам. Самый конец романа нужно закончить фразой “Эти волнующие, заботливые думы сейчас согнали с его души обычные сомнения грусти”, остальные фразы прежнего конца нужно вычеркнуть.

В последней своей телеграмме я еще спрашивал, на какой странице рукописи заканчивается первая половина для первого номера.

А сейчас прошу Вас телеграфировать, сдан ли в набор первый кусок и до какой страницы.

Дискуссия здесь прошла хорошо, отношение ее к роману никто не мыслил в отрицательном смысле. Отдельные попытки Муканова сделать упреки по поводу Шубара и Кокпяя – после моего доклада и после выступления писателя отвергнуты полностью. А мои послания о том, что сейчас совместно с редакцией “Знамени” я доработал образы Шубара и Кокпяя, и когда я подробно рассказал об этих дора-

ботках, сам Муканов тоже выкликнул “замечательно”. Это его одобрительное восхищение включено, оказывается, и в стенограмму моей речи, которую правил я на днях... Поэтому и решил доложить, как об одной детали, и Вам.

Сейчас я перегружен новыми колоссальными заданиями по Академии, они и срочные и обязательные... Поэтому очень прошу Вас, всех друзей-“знаменцев” повести остальные дела по роману своей умелой и уверенной рукой самой редакции.

Сердечный привет Вам, дорогой Василий Васильевич, привет Людмиле Ивановне и всем товарищам из редакции. Жду встречи.

Ваш Ауэзов.

¹ Борисенко Василий Васильевич – сыншы, әдебиет зерттеушісі. Хатта “Абай жолы” романынын аудармасы жайында айтылған.

М. Ауэзов – В. Борисенко

№ 109

09.11.1951 г.

Дорогой Василий Васильевич!

Посылаю Вам те три вставки на первую половину, о которых мы договорились перед отъездом моим. Остальные небольшие замечания (продуманных в пути, я пришел к такому заключению, я постараюсь спокойнее обдумать по приезду) написать по ним вставки по возможности поскорее и послать авиапочтой не позже 25 июня... Таким образом, с получением этих трех вставок у вас будет вся первая половина. А по второй половине я буду так же спешить выполнить ваши требования. И в результате еду с большой уверенностью, что Вы с Людмилой Ивановной как ближайшие сочувствующие и понимающие меня друзья ... наконец роман к желанной цели.

Я написал письмо и Л. С. Соболеву, торопите его энергичнее, пусть проявит себя на основе нашей с ним общей заинтересованности и ответственности за русское издание.

Буду ждать Ваших вестей.

С дружеским приветом из далеких, знойных песков Приаралья.

Большой привет Людмиле Ивановне, Александру Николаевичу¹ и всем самым хорошим людям всегда приветливой редакции.

М. А.

¹ Афиногенов Александр Николаевич (1904–1941) — орыс драматургі.

М. Ауэзов — К. Симонову

№ 110

15 июня 1953 г.
г. Москва

Дорогой Константин Михайлович!¹

Чтобы не беспокоить Вас лишними звонками и визитами, пишу пару слов перед отъездом, и прежде всего приношу Вам свою самую искреннюю и глубочайшую благодарность за все человеческое, принципиальное и серьезно отзывчивое Ваше отношение к моим делам, которые одновременно — являются и делами Союза.

Одну только просьбу высказал бы напоследок: это о выходе статьи в ближайшие время. Необходимость этого вызывается теми благоглупостями, которые нагромождают одна на другую Нурушевы, не встречая себе отпора. А высказанное на страницах органа Академии уже выдается ими же как авторитетное мнение от науки. Следуют обсуждения, перепечатки, пересмотры в программах вузов, учебниках школ...

Так и получается, как сказал Суфи-Алла-Яр: “Порвешь одно покрывало — порвутся тысячи за ним”. Вот почему очень и очень просил бы ускорения выхода статьи, чтобы хоть на дни уменьшить пытки на обнаженных нервах.

С приветом, Мухтар Ауэзов.

¹Симонов Константин Михайлович (1915–1979) — орыс жазушысы. Социалистік Еңбек Ері (1974), Лениндік сыйлықтың (1974), КСРО Мемлекеттік сыйлығының бірнеше мәрте иегері. М. Әуезовтің 60 жылдығына арнап “Тойға шашу” өлеңін жазған. Лениндік сыйлық алғанда бір топ каламгерлермен бірге жеделхат жіберіп, құттықтаған.

Глубокоуважаемый тов. Муллокандов!¹

Извините меня за ответ запоздалый, и быть может, не во всех своих частях удовлетворяющий Вас. Задержался я ответом из-за своего длительного отсутствия, а письмо долго ожидало меня дома. Постараюсь теперь хоть прийти Вам на помощь, авось, отдельные данные пригодятся Вам в пору просматривания Вами корректуры. И в первую очередь хочу отметить, что судя по Вашему письму, по тревожащим Вас вопросам, я имею счастливый случай, когда над переводом моей книги работает очень культурный и взыскательный в своем труде, творческий человек. Поэтому счел себя обязанным ответить по возможности на каждый Ваш вопрос, и буду говорить по ним в порядке Ваших же вопросов. Надеюсь, что у Вас сохранилась копия Вашего письма ко мне и было бы целесообразно, если бы Вы читали мой ответ, имея рядом Ваше же письмо. Вот в таком случае начнемте прямо со второй страницы, с первого вопроса Вашего.

1. Племя – ру, род – ата, сородичи – ағайын, родичи – туыскан.

Ваши переводы “кобила”, и “кавм”, и “авлол”, по моему, правильны. Так же верны таджикские обозначения “сородичи” и “родичи”. А “сородичи” в отношении людей из разных племен – я перевел бы таджикским эквивалентом русского – “родные” или тюркского “қардашлар”.

2. “Старейшина” – рубасы, атқамінер – сардор, правильно. “Аксакал” употребляется не только в отношении белобородого, но и в отношении именитого, влиятельного, уважаемого старшего человека. “Старшина”, “волостной старшина” – должны иметь точные обозначения в таджикском языке, если вспомните наименования низших, волостных чинов из царского колониального аппарата у вас в старом Таджикистане. Волости, волостные управители, старшины – были и у вас. Особого термина в казахском языке нет. А есть измененное, на основе народной этимологии, употребление русских же слов.

3. Буква “ж” у нас, в нашем алфавите имеет только одно начертание и употребляется, как в узбекском алфавите.

4. По-казахски указанные имена пишутся: Әйгерім, Баймағамбет, Көкпай, Мұқа, Мағауия, Садуақас, Қарашолақ, Қарашегіп, Тілеуқабак, Уақ, Кәкітай.

5. Имена Қодар и Кәдірбай – происходят из разных корней.

6. Казахские транскрипции: шолпы, сал, сері.

“Алғаным ақ марал”.

“полноценные головы” (скотина с приплодом) – ток.

“Шоқпардай кекілі бар” – с челкой (конь) как головка кистеня.

“заложить душу” – жан беру (клятва).

7. Да, в казахском быту брали юношей прислуживать за молодым мирзой.

8. “Хукмнома” вернее.

9. “Ходатай” Вы перевели правильно. А вот бий-“спорщик” и бий-“посредник” разные личности. Это члены третейского суда – где бий-посредник как старший и сторонний имеет решающее слово за собою.

10. В отношении выражения “пятистворчатая” Вы решили, по-моему, правильно. Там, где нет юрты с ее решетчатым остовом “кереге”, трудно найти строгое соответствие в словах.

11. К сожалению, у меня нет под рукой подстрочников этих стихов. Ведь подстрочники попадают к переводчикам и там обычно и гибнут бесславно и безвестно, отслужив свою призрачную службу т. с. плохого посредника между оригиналом и иноязычным переводчиком. Так что полагаюсь в этом пункте лишь на Ваш собственный опыт и разумение.

12. А примечания по 1-й книге, когда Вы не имеете дела с Дулатом и ваш читатель не знал о лицах, измененных у меня в этом последнем издании, пожалуй, как теперь я понимаю и как поступают, например, переводчики на уйгурский язык, – приводить и переводить, печатать в таджикском исправленном издании и не нужно.

Вторая книга еще не напечатана и выслать могу только попозже.

Очень бы хотелось, и это мое самое искреннее пожелание Вам, чтобы в результате Вашей тщательной работы над “Абаем” Вы получили полное удовлетворение и благодарность читателей таджикского народа.

Сердечный привет Вам, Ауэзов.

P. S. По выходе книги жду экземпляры от Вас.

M. A.

¹ Муллокандов Эммануил (1912–1977) – тэжік жазушысы, аудармашы. М. Әуезовтің “Абай” романын тэжік тіліне аударған (1955). Муллокандовтың бұл еңбегі тэжік әдебиетіндегі ең үздік аударма деп бағаланды.

Хат 1953 жылы 8 қыркүйекте жазылған. М. Әуезов хатында аудармаға қатысты адам, ру аттарына түсініктемелер берген.

М. Әуезов – Ш. Сәтбаеваға

№ 112

1 желтоқсан 1954 ж.

Қымбатты Шәкеш!¹

Медина Искандировна!² Сізді МГУ-дың ғылымдық жұмысына қатынастыруды мақсат етті. Сонысы өте дұрыс. Мұндағы әзір істелетін іске сол Алматыда тұрып та қатынасуға болады. Министерство Выс. образования кафедраға үлкен міндет етіп – хрестоматиялар жасауды тапсырып отыр. Жай хрестоматия емес, бір жағынан учебниктің де көп материалы осында істеледі, басталады. Бұл бірнеше том болатын және алда үлкен перспективасы бар, кейін учебник, программалар, методич. запискалар тудыра беретін ірі, игі бастама. Осыған сіздің қатынасуыңызды мен де әбден мақұлдаймын. Ал қазақ әдебиеті бөлімін екеуміз істеп берсек деп едім. Бұрын бастаған ісіңізді дамыта бересіз. Мен Жаңа жылға қайтамын. Кейін договормен: МГУ тапсырмасын және министерство атынан тапсырманы орындаушы боп ресми қалыптанасыз. Әзір мен барғанша істей беріңіз деп тапсыарым:

1. Фабулаларды жаза беру... “Ботагөз”³, “Қарағандыға” жазғандай етіп, сюжетті шығармаларға, мысалы, “Солдат

из Казахстана”, “Абайға” істей берсеңіз. Осыны “Тарғын”, “Қамбар”, “Айман-Шолпан”, “Қобыланды” (Мергенбай вариантына) және істесеңіз. Кейін өзім редакциялап, көмектесемін.

2. Жамбыл, Сәбит⁴, Ғабит⁵, Ғабиден, Тайыр⁶, мен туралы творческая биография түрінде справка-сведение жазу керек. Абай⁷, Алтынсарин⁸, Шокан⁹ туралы да осы керек.

Енді осы тапсырмаға қалай қарайсыз? Іске қазір кірісе аласыз ба? Соны Медина Искандеровна атына тез ресми жазып жіберіңіз. Сізден жауап келгенше мен өзіме көмекке басқа кісі іздемеймін. Сіз істеймін десеңіз, екеуіміз болып бір бөлімді әзірлей аламыз. Тез жауап жазыңыз.

Сәлеммен, М. Әуезов.

Хат “Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қорында сақталған.

¹ Сәтбаева Шәмшиябану Қанышқызы (1930–2002) – әдебиет зерттеушісі. ҚР ҰҒА-ның корреспондент мүшесі, филология ғылымының докторы.

² Богданова Медина Искандерқызы (11-бетті қараңыз).

³ “Ботагөз” – С. Мұқановтың романы.

⁴ Мұқанов Сәбит (37-бетті қараңыз).

⁵ Мүсірепов Ғабит (37-бетті қараңыз).

⁶ Жароков Тайыр (1908–1965) – ақын.

⁷ Құнанбаев Абай (1845–1904) – қазақтың ұлы ақыны.

⁸ Алтынсарин Ыбырай (1841–1889) – көрнекті ағартушы ұстаз, жазушы, ақын, аудармашы.

⁹ Уәлиханов Шокан (1835–1865) – шығыстанушы-ғалым, публицист, қоғам қайраткері.

М. Ауэзов – Е. Суркову

№ 113

Дорогой Евгений Данилович!¹

Чтобы не тревожить Вас лишним звонком по телефону, я решил оставить свою пьесу в редакции для Вас.

Я пробуду в Москве до 20 января, было бы очень хорошо, если бы Вы смогли прочесть ее не спеша, после Нового года, и мы поговорили бы по этому поводу, сидя вдвоем вне редакции, например, в номере хотя бы у меня. Давно и очень хотелось мне посоветоваться, именно с Вами, по по-

воду данной вещи. Я хочу работать над ней дальше, и Ваши советы, кажется, были бы крайне важны для меня.

Улучшить, доработать ее — м. б., можно будет предложить и вашей редакции, но об этом еще далеко впереди — говорю только как об иных возможностях в перспективе. Еще и еще раз сердечно благодарю Вас за мудрое слово, сказанное об “Енлик и Кебек”.

С приветом, Мухтар Ауэзов.

¹ Сурков Евгений Данилович (1915–1988) — әдебиет зерттеушісі, сыншы. Ресейдің енбек сіңірген өнер қайраткері (1970).

Хаттың жазылған уақыты белгісіз. Төменде Е. Сурковқа арналған тағы бір қысқаша хаты берілген.

М. Ауэзов — Е. Суркову

№ 114

15.04.1955 г.
Алма-Ата, Абая 157.

Глубокоуважаемый Евгений Данилович!

Посылаю обещанную Вам статью, к сожалению, выполнена несколько торопливо, особенно с точки зрения русского языка. Но прошу помочь в необходимом. Ваш корреспондент, к сожалению, уехал из Алма-Аты, и пришлось мне отправить заказным авиа, что обычно занимает не более трех дней срока.

С приветом.

М. Ауэзов — В. Смирновой

№ 115

21.09.1955 г.

Дорогая Вера Васильевна!¹

Только что я узнал из письма Зои Сергеевны² о постигшем Вас и пишу, чтобы выразить Вам, семье Вашей свое искреннее соболезнование, и от всей души желаю Вам обрести силы духа и тела, чтобы одолеть все невзгоды.

Не получив ответа на свою недавнюю телеграмму, я и сам полагал, что произошло что-нибудь очень серьезное, помешавшее всему.

Вера Васильевна, дорогая, я не смею думать и не могу надеяться на Вашу дальнейшую работу над романом. Нужно срочно подыскать сопереводчика Вам. И только думая о том, чтобы этот человек был созвучен Вам по вкусам своим, по образу мышления, по духу и чтобы он мог перенять от Вас то дорогое и важное для меня — Ваше отношение к роману, я решил в первую очередь спросить у Вас, не порекомендуете ли Вы сами кого-нибудь из людей близко знакомых Вам? Он не обидел бы и Вас, и меня.

Вам не нужно самой писать мне об этом, и было бы достаточно, если бы Вы, пообдумав, вызвали бы Зою Сергеевну, порешили бы с ней, а она сообщила бы мне. Об этом я попросил и ее, чтобы известила меня в ближайшее время, а к лицу, названному вами совместно, я сам обратился бы уже лично, официально. Прошу извинить меня за эти невольные тревоги — я решил, что обратиться к Вам в первую очередь — было моим долгом уважения к Вам.

С приветом, Мухтар Ауэзов.

¹ Смирнова Вера Васильевна (1898–1977) — жазушы, сыншы, аудармашы. М. Әуезовтің “Абай жолы” романының 2-ші кітабын аударған.

² Кедрина Зоя Сергеевна (29-бетті қараныз).

М. Ауэзов — К. Симонову

№ 116

14.II.1956 г.

Дорогой Константин Михайлович!¹

В ноябре месяце я передал редакции “Нового мира”, тов. Кривицкому А. Ю. казахский оригинал моего очерка “Так рождался “Туркестан”. Спасибо ему за то, что он быстро нашел составителя подстрочника, оплатил его труд, сделал для предварительного знакомства редакции подстрочный перевод. А затем в декабре А. Ю. мне сообщил, что уже в редакции знакомы с материалом, что он устраивает редакцию. После поручили литературный перевод очерка Фаизовой Разиет². Я знаю, что не по вине редакции, а по за-

нятости в Союзе писателей тов. Фаизовой перевод вещи затянулся надолго. Для очерка, публикация которого к съезду было бы весьма кстати, как о злободневном, очень обидна случившаяся затяжка. Не знаю, как ускорить весь процесс до публикации у вас.

После своего отхода от исторической тематики в связи с окончанием цикла романов об Абае и о прошлом казахского народа и для меня было бы немаловажным фактом творческое обращение к остро современной, жизненно интересной теме.

А ведь очерки, рассказы, даже и повести о целине пишутся и многими лицами. Написав свою вещь летом, я до сих пор не ведаю, когда она увидит свет на страницах дорогого для меня, почтенного нашего органа.

Нельзя ли милый, Константин Михайлович, Вам лично как-нибудь чуточку воздействовать на весь ход дела. Ведь весна на носу, пойдут уже новые вести с полей посевной на той же целине, и естественно, что ни одной живой твари не хочется состариться, оставаться в скорлупе.

Потому-то я особенно тревожусь за всю долгую затяжку и решил обратиться к Вашему благосклонному и дружескому содействию в этом общем нашем вопросе. Кроме того, очень прошу Вас лично прочесть этот материал сразу же после перевода т. Фаизовой, пока не подвергли дополнительной редакционной работе отдельные сотрудники. Говорю об этом потому, что по подстрочнику, который был более рыхлым, расплывчатым, разжиженным, чем оригинал (ввиду слабости составителя подстрочника), могли быть впечатления и всякие представления не совсем правильные. А т. Фаизова, зная оригинал, могла выровнять эти несоответствия, и, может быть, не нужно будет особых сокращений, изменений.

Потому и прошу Вас и тов. Кривицкого не позволять редакционным работникам многовольностей, не давая причислять вещь под свой стиль и вкусы, а по возможности сохранить мою авторскую манеру повествования, мое видение реальностей.

Жду вестей.

Дружеским приветом, Мухтар Ауэзов.
г. Алма Ата.

¹ Симонов Константин Михайлович (275-бетті қараңыз).

² Фаизова Разия – орыс тілінде жазатын татар жазушысы, аудармашы. М. Әуезовтің очеркін аударуға қатысқан.

М. Ауэзов – В. Кожевникову

№ 117

31 июля 1956 г.

Дорогой Вадим Михайлович!¹

Получив Ваше письмо от 25/VI с. г. по поводу второй книги романа “Путь Абая” я был озадачен и огорчен намерением Вашей редакции отказаться от печатания романа в текущем и даже в будущем (1957) году.

Прежде чем высказать ожидаемый вашей редакцией свой ответ на упомянутое выше письмо, я вынужден напомнить Вам о некоторых фактах наших отношений, из которых должно и вытекать, насколько будут убедительны и, главное, законны наши взаимные претензии в данном случае.

Во-первых, напомним, что первая книга романа “Путь Абая” была напечатана в “Знамени”, поэтому именно ссылаясь на это обстоятельство Вы лично направили в 1954 году Вашего заместителя А. Н. Макарова ко мне и настояли на том, чтобы я не сдавал рукопись второй книги журналу “Октябрь”, который был в ту пору глубоко и дельно заинтересован в издании этой книги у себя. В той редакции знали роман по подстрочному переводу. Я согласился сдать роман в редакцию “Знамя”. А тов. Макаров, ведший от вашей редакции переговоры со мною, познакомился с подстрочником, одобрил роман и высказал лишь немного пожеланий перед публикацией окончательной редакции романа в вашем журнале.

Как может подтвердить переводчица В. В. Смирнова, я внес к предстоящему у вас изданию романа очень много добавлений, изменений к той редакции книги, которая была опубликована на казахском языке в журнале “Әдебиет және искусство”.

В таком доработанном, окончательно отделанном виде я сдал для вашей редакции рукопись подстрочного перевода (кстати, заказанного и оплаченного не вашей редакцией,

а мною самим) вашему переводчику В. В. Смирновой в мае месяце 1955 года, т. е. в срок.

Насколько мне известно, в дальнейшем никто из членов вашей редколлегии с рукописью романа незнакомился после т. Макарова.

Я, автор оригинала, имею договор с вашей редакцией на этот роман по оригиналу. Этот договор я не нарушил, а, наоборот, все, что зависит от меня, я выполнил своевременно.

А что касается перевода, то бесспорно ясно для каждого из нас, что он организуется редакцией, и за его выполнение автор не несет никакой формальной и законной ответственности. Правда, я признаю необходимость своего участия в организации этого перевода. В этом смысле я даже обеспечил подстрочник, подыскал и порекомендовал вашей редакции В. В. Смирнову. Но несу ли я ответственность за то, что переводчица, связанная с Вами самостоятельными договорными отношениями, не смогла вовремя выполнить свои обязательства? А на сегодня, насколько мне известно, Вы расторгли договор и с нею.

Я понимаю, что В. В. Смирнова затянула перевод ввиду ее болезни и благодаря постигнутому ее несчастью с гибелью ее сына. Но ею уже была выполнена половина работы (из шести глав романа она перевела три главы), и она, проявив исключительную добросовестность, решила привлечь к себе на помощь другого переводчика с тем, чтобы всю общую редакцию текста повела бы сама после.

Однако надо добавить, что названная для этой дополнительной работы т. Фаизова оказалась неудачно избранной нами кандидатурой.

Как выяснилось для меня позже (прежде чем она приступила к переводу романа), оказалось, что она плохо владеет казахским языком, и стать надежным помощником для В. В. Смирновой она не могла, и я отвел ее, как переводчицу романа.

Таким образом, дело перевода романа повисло в воздухе до сих пор.

Между тем, книга на казахском языке вышла в текущем году со всеми дополнениями и изменениями, которые я внес после журнального казахского варианта, внес,

учитывая замечания вашей редакции, высказанные устами А. Н. Макарова и переводчицы-редактора В. В. Смирновой.

Ввиду существовавших до сих пор наилучших дружеских моих отношений с вашей редакцией я считаю еще необходимым добавить, что вторая книга “Путь Абая” составляет последнюю часть моей серии романов и завершает длительный 14-летний мой труд на тему о народе и его певце. Как завершающий том, я вполне законно ожидаю и надеюсь увидеть эту книгу на русском языке, как и все предыдущие книги, представленными союзному читателю со страниц одного из лучших наших журналов, каковым для меня остается ваш орган “Знамя”.

Для меня дороги мои отношения с ним, и я считаю ненормальными и несправедливыми решения, вытекающие из случайностей и, главное, возникшие не по моей вине.

Поэтому я надеюсь, что Вы найдете возможность организовать совместно с Смирновой В. В. перевод недостающих трех глав книги и включите издание романа к концу этого года или в начале будущего 1957 года. Рассчитываю на подобное решение еще и потому, что в 1957 году наступает мне 60 лет от роду и что сорокалетний мой литературно-творческий путь, может быть, стоит того, чтобы писательская общественность республики и общесоюзного объединения писателей сочли необходимым публикацию этого итога 14-летнего моего труда.

Таким образом, я отвечаю на запрос вашей редакции от 25/VI с. г.:

а) от договора, заключенного с Вами по оригиналу моего романа я не отказываюсь, ибо —

б) мною все выполнено по договору, а за перевод фактически и по закону отвечает редакция, но не автор оригинала;

в) прошу, чтобы редакция выполнила свои обязательства по изданию романа и для этого ускорила бы организацию перевода недостающих глав совместно с В. В. Смирновой.

Остаюсь в нетерпеливом ожидании Вашего ответа.

С дружеским приветом, Мухтар Ауэзов

Адрес: г. Алма-Ата, ул. Абая, 157.

¹Кожевников Вадим Михайлович (49-бетті қараңыз).

М. Ауэзов – В. Кожевникову

№ 118

09.12.1956 г.

Дорогой Вадим Михайлович!

В ожидании Вашего ответа и к решению вопроса о книге посылаю, к сведению редакции “Знамя”, рецензии на ту самую книгу¹. Одна рецензия, а именно, напечатанная в “Казахстанской правде” – органе Центрального Комитета Компартии Казахстана, написана на русском языке. Остальные три рецензии, по два подвала каждая, напечатаны по выходе второй книги “Путь Абая” на казахском языке в газетах:

- 1) “Социалистік Қазақстан” от 12.08.56 г.
- 2) “Қазақ әдебиеті” от 31.08.56 г.
- 3) “Коммунизм таңы” от 2.09.56 г.

Я прошу Вас и товарищей из отдела прозы прочесть хотя бы рецензию “Каз. правды”, чтобы иметь представление об отношении республиканской общественности к книге, о которой должна вынести свое решение ваша редакция.

С приветом, Мухтар Ауэзов.

P. S. Ваш ответ прошу направить в Кисловодск в санаторий “Нарзан”.

¹“Знамя” журналына “Абай жолы” романының орыс тіліндегі аудармасын басу жоспарланған. Аталған пікірлер осы кітап жайында еді.

М. Әуезов – Т. Әлімқұловқа

№ 119

17.VIII.1956 ж.

Қадірлі Тәкен!¹

Хатынды алдым, ниеттеріңе ризамын. Бүгін 17/VIII Зоя Сергеевнадан² да хат алып ем. Екінші сентябрьде Москвада болмақшы, саған барымша көмек етем депті, тек жазсын дейді. Рас, басқармасында өзгеріс те бопты біраз. Шамота кетіп қапты, ол аса бағалы адам еді. Ендігі жағдайларында не

жайлы, не жайсыз өзгеріс болады, оны болжау алыстан оңай болмау керек. Сендер мақала жазсаңдар, әсте Никитичке бермеңдер де айтпаңдар, З.С. барған соң табыс етерсіңдер. Айтсаңдар, тек Кочетовтың өзіне ғана айтуға болар. З.С. телефоны 7-28-36 (үйі), соған жалғасарсың.

Ал “Соц. Қазақстанның” 12-індегі санында Сүйіншәлиевтің үлкен мақаласы “Абай жолын” мақтап шықты. Тіпті “алайдасы” жоқ – редакция ер екен дедім. Онда көп роль Серік Қирабаевтікі³ болу керек. Бізде “Правданың” бір үлгісі болмаушы, қонбаушы еді ғой. Ол мақтағысы келсе, алғаш таныстырам деген, жақсы деп бағалаған заттарын “алайдасыз” айтады ғой. Біздің баспа орындарымыз бірер кемдікті қоса айтпаса, онысын күнәкәрлік көретін. “Күпірлік” деп “тәубә, тәубәлап” отыратын. Өзің оқыған шығарсың, Сүйіншәлиев мақаласынан (ол қазақ прессы болғандықтан және бас орган болған соң) бір-екі жерін цитата кып әдейі келтірсең деймін. Сонда әсіресе тілді айтқан сөйлемдерін атап, бағалап, өз сөзіңе қосып берудің әнеугі былшыл сөйлеушіге қарсы және “Знамялар” үшін аса қажет бағасы болар еді. Мен 15-інде барам, хабар күтем.

Р. С. Передай от меня Семену Владимировичу сердечный, дружеский привет. Зейінге көп сәлем, ақылдас боларсың.

Қош, М. Әуезов.

¹ Әлімқұлов Тәкен (Тәнірберген) (1918–1987) – жазушы, сыншы, әдебиет пен өнер зерттеушісі, аудармашы. М. Әуезовпен көп жыл қызметтес, пікірлес, достық көңілде болған. Оңтүстік Қазақстанды аралаған шығармашылық сапарында бірге жүрген.

² Кедрин Зоя Сергеевна (29-бетті қараңыз).

³ Қирабаев Серік Смайылұлы (1927 ж.т.) – әдебиет зерттеуші ғалым, сыншы. Филология ғылымының докторы (1964), профессор (1966), ҚР ҰҒА-ның академигі (1994). 1951–1958 жылдар аралығында “Социалистік Қазақстан” (қазіргі “Егемен Қазақстан”) газеті редакциясында қызмет істеген.

Құрметті іні достар Тәкен мен Зейін!¹

Мен сен екеуіне бір өтініш-тапсырма айтқалы отырмын. Мәселе менің соңғы кітабым “Абай жолының” 2-інші кітабы жайында. Осының аудармасын В.В. Смирнова ауырып қалып, қатты созып кетті. Кейін соған көмек етсін деп Фаизова Разияны бір атап едік. Артынан ол араласпасын деп өзім қайтып алдым, себебі ол қазақшаны түсінбейді, танымайды екен. Не қазақшаны білмесе, не аударушы есебінде дәндұрыс, тек қана бастаушы-аударушы болса — оны көмекке алып не береке табамыз! Зоя Сергеевна Кедрина бір Письменный деген, мен білмейтін біреуді рекомендовать етіп еді. Одан да іс шықпады, подстрочникпен іс істеп көрмеген адам екен. Маған “сіз қасымда отырмасаңыз, подстрочникпен аударып болмайды” депті. Одан да күдер үздім. Қазір енді ойлап-ойлап кеп, өз қасымда отырып істейтін Анов Н.И.-ге тапсырғалы отырмын. Жарымын В.В. Смирнова аударған, мынау қалған жарымын, 3-главаны аударды.

Ал сендерге тапсыратын сөзге әлі жеткем жоқ, сабыр етіп шыдай тұрындар! Жаңағы аударма қырсығының бөгелісімен дәлелдеп, Кожевников (“Знамя”) “біз жақында баса алатын емеспіз, енді қайтып аласыз ба, қайтесіз” деп жазыпты. Мен осы сөзді ЦК КПСС отдел культуры Поликарповка жазып, наразылық айттым. Себебі аударма менің міндетім емес, “Знамяның” өзі ұйыстыру керек, соның міндеті, ал Кожевников маған аударманы сідет қып теріс істеп отыр, аударушыны тапсын да тез аудартып, бастырсын деп талап еттім. Келесі жыл менің 60 жылдығым және жазушылық еңбегімнің 40 жылдығы болатынын, сол себепті 13-14 жылдық еңбегімнің соңғы кітабы одақтық оқушының алдына шығуы менің тарапымнан заңды талап екенін айттым. “Знамя” дейтінім — басқадан жаңа журналмен келісуге енді кеш. Шарты, міндеті бар “Знамя” өзі ада қылса екен деп отырмын. Осы жәйді, сен Тәкен, Семен Владимирович пен Тихоновтарға² да білдіріп қоюың қажет болар.

Кожевниковтың өзіне де жаздым. Енді Ановқа³ романның қалғанын аудартып ап, журналдың басуын

мықтап талап етпекпін. Сөз бола қалса, романның қалған главалары Алматыда, менің өз наблюдением аралас істеліп жатыр деу керек.

Бұл іске Фаизова біраз қырсық жасап жүр деп естимін. Оны қазақ тілінің қасиетін білмейтін себепті мен браковать еткен соң, әсіресе шаптығатын көрінеді. Мені “диктовать” етіп жазады, асығыс стенограмманы ұсынады, тілі нашарлап кеткен, “исписаться еткен” деп те орыс адамдарына, редакцияларға сөйлейтін көрінеді. Өзінің ертеден қара кешке мақтайтыны татар әдебиеті, татар жазушылары болатын да, менің өзгелерден басқарак абырой-жәйімді қызғанатын кеселі де бар-ды. Ал менің диктовать еткенімді айтса, мен анау “Абай” романының да қақ жарымын – жұрт сүйсініп жүрген қақ жарымын да солай жазғам. Мен диктовать еткелі 14 жыл болды. Заманында Марк Твен, Лопе де Вега⁴ – талай жазушы тәжірибе ала келе жазған-ды. Қазір Симонов⁵ солай жазады. Вообще, бұл не былшыл, не сандырақ!.. Жәй бір кездегі біздегі ит қызғаныштан шашыраған танту-қанқу сөз болса – ол кімге дәлел, неге дәрі?!

Ал сүйтіп енді не керек? Кожевниковтер милану үшін, Фаизовалардың аузына құм құйып, әдебиет намысын қорғау үшін – мақала керек. Сол мақалада мына романның тілін әсіресе сөз ете түсіп, орысша аудармасы тек татымды – өзіндей болса екен деген талапты баса айтса деймін. Шынында, “Абайда” ғашықтық тілі, сезім тілі басым болса, мына кітапта ойшыл болған Абайлардың аузында Абай өзі айтпаған, бірақ айтуға мүмкін нелер шебер, терең философиялық афоризм толғаулар бар. 5-нші, 6-ншы бөлімдерді әсіресе еске алсаңдар екен. Бұл кітап Абайдан жоғары – қоғамдық жөнінде панисламизм, бурж. нацзммен алысу дәл осында. Үлкен ойлар, кейінгі жайлар басы (тартыс жайлар) осында. Осыны баса айтып, екеуің тең аударылып басылуын талап етіп мақала жазсаңдар деймін⁶. Мен Зоя Сергеевнаға да жаздым. Кейін сол кісіге табыс етіндер, өзі түзей түссе қарсы болмандар. Ол сентябрь басында демалыстан қайтады, телефоны 7-28-36 (үйі) – сонымен жалғасыңдар, газетаға бастырады. Осыны екеуіңнен қатты өтінемін. Өзім сентябрь ортасында барамын. Осыны алысымен жауап жаз, Тәкен!

¹ Әлімқұлов Тәкен (287-бетті қараңыз).

Шашкин Зейін Жүнісбекұлы (1912–1966) – жазушы, дәрігер. М. Әуезовтің шығармашылығы жайында зерттеу еңбектері, естелік, мақалалары бар.

² Тихонов Николай Семенович (49-бетті қараңыз).

³ Анов (Иванов) Николай Иванович (1891–1980) – орыс жазушысы. “Абай жолы” эпопеясының 4-кітабын орыс тіліне аударған.

⁴ Лопе де Вега Карпио Феликс (1562–1635) – испан драматургі, ақын, прозашы, 20-дан астам өлең, поэма, 2000-нан аса пьеса жазған.

⁵ Симонов К.М. (236-бетті қараңыз).

⁶ “...мақала жазсандар деймін” – Т. Әлімқұлов пен З. Шашкин 1956 жылы “Қазақтың тұңғыш эпопеясы” атты мақала жазды.

М. Ауэзов – Н. Анову и З. Шашкину

№ 121

Дорогие Николай Иванович и Зеин!¹

Мне телеграфировала Валентина Николаевна о своей передаче вам, Николай Иванович, всего подстрочника.

По возвращении из Кисловодска в Москву я договорюсь со “Знаменем”, чтобы они планировали печатание на летние месяцы, если Вы считаете, что работа затянется до мая. Также я передал и московским издательствам “Советскому писателю” и “Гослиту”, которые будут печатать (первое – после журнальной публикации, а второе – к декаде в составе четырех книг). А Вы с Зеином поработайте, начиная с первой главы, войдите в суть-природу и атмосферу книги, и дальше перспектива проявится лучше и легче, тогда-то и определите точнее, когда приблизительно сможете закончить весь перевод.

Я просил Зеина, чтобы он не удовлетворялся подстрочником. Пусть помнит, что подстрочник, как косноязычный посредник между оригиналом и иноязычным литератором-переводчиком, нужен только толмачу старых времен. Он только доносит, в лучшем случае еще, смысл прямой, только понятный – одинарный. А художественно-прозаический текст то же, что и поэтический, имеет много дополнительных свойств – оттенки, нюансы, обертоны, вызывающие кроме прямого, первичного представления логического по-

рядка еще и побочные ассоциации. Вот с этими обертонами и оживает все сокровенное в тексте. Ради выявления этих-то именно качеств и надо бороться средствами великого, выразительного русского языка.

Оттенки, оттенки и все дорогие краски текста!

Ну, конечно, наряду с этим нужно признать и другую, часто встречающуюся особенность прозы, когда и служебный текст, простые ремарки тоже занимают много места на отдельных страницах. В редких случаях не нужно искать нарочитых “красивостей”.

Упоминая обо всем этом, я подчеркиваю для Вас обоих еще об одном моменте — исходите, пожалуйста, все время из законных природных особенностей русского языка. Не надо ни в коем случае слепо следовать букве текста оригинала — тогда получится не творческий перевод, а улучшенный подстрочник. Где это необходимо, делайте внутренние ужатия фразы, тем более это необходимо, потому что всякий подстрочник получается (даже и перевод) длиннее оригинала. Поэтому переводите, максимально используя сжатую выразительность, именно такую красоту русского языка и в этом отношении.

Вот эти-то вещи я и хотел высказать Вам обоим в напутствие перед началом всего нашего общего дела. Прошу учесть эти замечания и Зеину, и Вам самому, Николай Иванович. Пусть Зеин будет старательным, внимательным консультантом в этом деле. Я очень и очень прошу его об этом.

Ну, желаю вам крепкого здоровья и успехов.

Мухтар Ауэзов.

¹ Николай Иванович Анов пен Зейин Шашкин.

М. Ауэзов — Н. Анову

№ 122

13.01.1957 г.

Дорогой Николай Иванович!¹

Что нужно сделать, по-моему, во второй главе в особенности, я высказал Вам по телефону, частично это же я от-

ношу и к первой главе. Говорю частично, потому что в первой главе мой текст передан лучше, и сокращений там меньше. Теперь я прошу Вас восполнить сокращенное по первой главе и основательнее переработать перевод второй главы. Всего больше я хочу подчеркнуть о необходимости, максимальной желательности — более эмоциональной сокращенности текста перевода. Язык бытовой, поясняющий, как серая ремарка, происходящее — это самое чуждое для меня. Я ведь и статьи стараюсь писать лирически (пусть это условно), эмоционально оттененными. Психологические характеристики, грусть, печаль Абая, его взволнованность, именно его эмоциональная природа бесконечно дороги для книги. Взволнованный в жизни, он создает взволнованные строки — в этом вся суть психологии творчества, — мы пишем о поэте. Поэтому-то и важны и эмоциональность, и красочность языка, стиля.

А пропущенное и вольно переданное вами во второй главе прошу восстановить новой переработкой. Ведь первая глава помимо недопустимых сокращений во многих случаях хороша в переводе. Ваш перевод в целом будет тот, какой нужен и желателен мне. Верю, и это не только мое убеждение, у Вас получится как надо, только потрудитесь еще немного над второй главой и дальше наладите как надо.

Признаю, Вы правы, была и моя вина по первой главе. Но ее сокращения и качество ее были не такие, как во второй главе. А эта глава была интересной, насыщенной по состояниям людей, однако получилась обедненной благодаря изъятиям, купюрам и вольным передачам и, главное, благодаря сухости, малой окрашенности языка передачи.

Первую главу мои читатели, близкие хвалят, это проверка на постороннем восприятии. Они же второй не очень довольны, но это между прочим.

С сердечным приветом, Ваш Мухтар.

¹ Анов Николай Иванович (230-бетті караныз).

Қадірден дос Ілияс!¹

Ойдағыдай үлкен еңбегінді² (дәуір демейін, бірақ бірқыдыру заманның өлшеуі, мөлшері, мерзімі тәрізді), шынайы үлкен еңбегінді астана жұртың антарыла оқыды. Сол қалың топ ортасында бір оқушың мен екені мәлім ғой. Ғылым, әдебиет аралығында қатар еңбек етіп жүретін есті-басты дейтін жігіттер алғашқы санды оқысымен маған нелер емірене, сүйсінген сырларын, шындарын айтып еді.

“Сыншы” атағын алып жүрген әлгі бір топ арнаулы сыншы дегендеріміз қайда қалды”, – дескен еді. Кеше соңғы санда еңбегіңнің соңы келіп, соны таңертенгі жиі телефондар шалдырының арасында созалаңдап оқып болғанымша, өзіннің тағы бір адал дос тілеулесің Қалибек телефон соқты. Ол барынша адал көңіл алқынын әкелді. Екеуміз қосыла сені алыста болсаң да айналдық дестік.

Осы кезде менің ойыма он бес жыл бұрынғы бір кез оралып еді. “Абай” романының бірінші кітабы шығып³, соны жазушылар, сыншылар, кейбір ғылым адамдары боп талқылап, танымақшы боп жатты. Бірақ бір күнгі ұзақ мәжіліс түк те берекелі нәр бермеді. Баяндамашы Құнанбайды Иван Грозный деп, Петр Первый деп әр биікке қарай жетектеп алды да, қаңғыды да кетті. Кейін сөйлеушілер де жетістірген жоқ. Әркімі әрбір қабуын-шабуын дегендей сипалаған, сылаған болды да, кәдімгі белгілі саяз, сылдыр сөздерге сайды. Өте бір күйкі күйді амалсыз еске алғызды.

Мен үндегем жоқ. Ол күнгі жиылыс аяқтап келді. Көңіліме бір ащы да болса шынға ұқсаған елес келді. Ыстық сорпаның айналасында жалай алмай аузы күйіп, жағалап жүрген жас күшіктер қалпы аңғарылды. Сол жиылыстың ең соңында күн бойы о да үндемей отырған Ғабит жиылысты басқарып отырған Сәбитке келіп, бір ауыз айтты: “Немене, адамша сөйлейміз бе, жоқ осымен кете барамыз ба?” – деді. Сол күннен бастап екі кеште ол бір баспа табақтай етіп өзінің роман жөніндегі, бар жұрттан оқшау, бөлек шырқау шыққан әділ, адал, саналы толғаулы ірі ойларын айтып

шықты. Сөйтіп, келесі күнгі жиылыс “адамша сөйлеудің” нағыз өзін бастап еді.

Мен сол жиылыстарда сөйлегем жоқ. Бірақ және бір заңды ызалы мысқылдай бір-ақ ауыз ашы шындықты ойға алып ем. Бірен-саран кісіге соны айтып едім де. “Тегінде, сыншы ғана кітапты сынап қоймайды, кітап та сыншыны сынап талғайды” деп ойлап ем. Міне, содан бері сыншы да өсті, сын да өсті. Еңбегіміз үшін, шүкірлік, біз қосынатын күн емес, талай-талай ірі де, білгір де, терең де, шешен, әділ талапкер де сындар айтылды.

Бірақ сенің еңбегіңді оқып шыққаннан кейін айрықша бір түйген жайым: шынайы “адамша сөздің” басын сонанда Ғабит бастаса, міне, бүгіндер содан арғы өнеге бойын, шарықтауын, нәрлі өрлеу сипатын сенің еңбегің аяқтап тұр деп айта аламын. Бұндағы өзгеше, біздің қауымға, халыққа, бүгінгі буындарымызға тәрбиелік ерекше бір қасиет алдымен еске түседі. Жалтақы, жалтанқөз сын емес. “Қайтеді, не айтады” дегендей аялсыз, алаңсыз алғыр, адал ақыл толғауы бар. Ары мен өзі ғана болып сөйлеген биік сапалы, азаматтық қасиет иесі сөйлеп отырғанын көремін.

Ұлы орыс әдебиетінен арылса да, біздің әдебиеттік мінезімізден әлі түгел кетіп болмаған, бәрімізге мәлім мінез, мерзімдер бар ғой. Кейбір сында әлдене бір көңіл түкпірінің қалтарысында қалып жатқан тоңы танылады. Соның бірде мұзы, бірде сызы сезіледі. Кей бендешелік көңілдің кіркірбені де кіріспей қалмайды. Арман ететінің бүкпесі, бүкпасы жоқ, жалтағы жоқ сындар мен сыншылар болсашы дейсің!

Сол тұрғыдан қарағанда, айтайық, сенің сының қалың кітаптың әзірге өзің іріктеп шығарған қымбатын танытуға, тануға арналған болсын. Әрине, және сен де ойламайсың, жұрт та олай ұйғармайды – екі том романның жақсылығы мен кемшілігінің бәрі бірдей сенің осы еңбегінде түгел қамтылып айтылып отыр делінбейді. Бірақ сонымен қатар кейбір көңілдерге, кейбір суына қараған көздерге: “сыны жоқ, тек жақсылығын біржақты ғана айтқан” дейтуғын ойлар мен сөздер шапшаң-ақ оралады. Бірақ, осы тұрғының өзінен қарағанда, тәуірдің тәуірлік қасиетін жан-жақты, терең талдай, толғай ашу деген ең асыл сынның ең ардақты міндеті емес деп кім айтады. Анығында, алдымыздағы

барлық асыл үлгілерге карағанда, алып келе жатқан тәрбиеміздің ең молы, ең мәндісіне баққанымызда: түзудің түзулігін, тереннің терендігін, шеберліктің шын сыпатын – қысқасы, осындайдың бар сырын ашып отыратын сындар, ойлар, зерттеулер “сыңаржак” деп кім айтушы еді? Қайта әрбір ардақты сынның анық асыл міндеті, анық позитив ролі – жақсының жақсылығын жақсы танытып беруде емес пе!

Осы тұрғыдан қарасак, Белинский, Добролюбов Пушкиннің, Лермонтовтың, Гогольдің, Островскийдің шынайы үлкен шығармалары жөнінде солардың жақсылықтарын мейлінше жақсы дәлелдеп, тереңдеп ашқаннан басқа, сынауды мінеу деп танығаны, танытқаны бар ма!? Осы жайдан ойлағанда да, реализмнен біз өзіміздің азғана, әзірге, шолақ тәжірибемізде нені ұстап келдік? Сол реализмнің де көп бояуынан біз екі-ақ қана түсті білеміз емес пе? Бізде ақ бояу мен қара бояудан басқа, қара қыл мен ақ жүннен арқан ескен олақ қатындай ғана “ісмерліктер” көптен-көп кернеп келген жоқ па еді? Бізде сондықтан да “Жақсыбай мен Ит-бай” ғана болатын-ды.

Едәуір заман, ойдағыдай өссе екен-ау дейтін проза-мыз осындай көркемдік өрісі өнімсіз, сиыр соқпақ жолда жүретін.

Сенің еңбегіндегі аса бір еңсесі биік қадірлі талап осы жолдағы қамқорлық ойда. Роман жөніндегі алғашқы айтқан, ең алғаш іріктеп алған ойларында қазақ әдебиеті, қазақтың бүгінгі қауымы, оқушы сыншы жұрты жай өсу ғана емес, шынайы барынша бар сынға жауап ұрардай; олқысыз, ақаусыз үлкен өнері бар орталар болса екен дейсін. Бұл соншалық адал, зор жүректің ақ ниеті. Әр жүректің түбінде жататын шынның шыны, арманның асылы. Соны айтуға бекінген сәтінде еш нәрсені (көлденең, күйбең, кейбір күйкі жайларды) елемей, аса биік тұрғыға шығып тұрып үн қатқаның.

Осында зор азаматтық, совет азаматының өзгеше қасиеті аңғарылады. Соны және, сыншылар осындай айтса, о да осылайша алаңсыз, жалтақсыз, адамгершілік биік тұрғыдан ар үнімен сөйлей білсе және сондайдың белгісін көргенде өзгеше қуанарсың. Бірақ сонымен қатар бүгінде мына сенің республикамыздағы көрнекті партия қызметкері болып жүрген, талабы зор, тілеулестігі одан да

зор дос азамат аузымен айтқаның, ашқаның бәр-бәрінен де ерекше қымбат.

Осы жайды айтайын деп (ең алдымен айтпақ сәлемім етіп) осы бірнеше жайларды қозғап отырмын. Тек әдебиеттің өзінің арнасында ғана жүрген жұрт емес, Отанымда, елімде, сол елдің ары, жақшысы боп айта да білетін, оқи да білетін дос көмекші азамат, шынайы қадірлі, ең қадірлі оқушым келіпті деп қуанамын. Осыны өзімнің ғана ырысым демеймін, барлық қазақ совет әдебиетінің республика жұртшылығының жаңа бір, өзгеше сапалы бір толық туысы да табысы деп танымын. Көріскенде айтарлық сөздер, жайлар бұдан әлдеқайда көп болар. Әзірше барынша дос көңілдің ыстық сәлемін жолдаймын. Құшақтаймын.

Досың Мұхтар.

¹ Омаров Ілияс (1912–1970) – мемлекет қайраткері, әдебиет сыншысы, публицист. Әуезовпен шығармашылық, достық-жолдастық қарым-қатынаста болған. Ол Орталық Комитеттің хатшысы қызметінде жүрген кезде М. Әуезовті қудалауға тоқтау салып, қолдан келген көмегін аямаған.

² “...үлкен еңбегінді” – бұл жерде жазушы І. Омаровтың 1958 жылғы “Халықтық эпопея” атты зерттеуін айтып отыр. І. Омаров бұл еңбегінде “Абай жолының” тартымды жағы қайсы, мақтау айтқызатын құны неде?” деген сұрақтарға жауап іздеп, жазушының қазақ даласын ән мен күйдің мұхитына тенегендігін айтқан.

³ “...бірінші кітабы шығып” – “Абай” романының бірінші кітабы 1942 жылы жарық көрді.

М. Әуезов – Н. Жанділдинге

№ 124

16.XII.1958 ж.

Қадірлі Нұрымбек!¹

Хатыңызбен әбден таныстым да, бар жазған жайларыңызға барымша ырза болдым. Пьесаға басшылық камқорлықпен жауапты ой талаптар айтқандарыңызға да соншалық алғыс айтамын. Айрықша өзіңізге де, жолдас Беляевке де зор алғысымды жолдаймын.

Пьесаға театр кірісетін қарсаңға – августын 10-дарына мен де жетемін. Кей жерлеріне арнай айтқан пікір талаптарыңыз мейлінше орынды, оны театрмен қоса тез-ақ түзей аламыз деп нық сенемін.

Жаппас жөнінде істелетін қосымша еңбек, түзеу-толықтыру жайларын Алматыға бара, кеңесе отыра орындаймыз. Ендігі қалған ісі, сын-сыпаты дегендер көп уақыт тілемес, мол қиындыққа соқпас деп те сенемін. Ол жайын өз хатыңызда да нақтылы суреттерді көздеп, дәл айтып атап-сыз.

Ал ендігі тезірек шешілетін мәселе режиссер жөнінде. Мен Шәкенге² көптен сеніп, көп уақыт қолға алуын тосқан едім. Анығында, 5-6 ай бұрын қолға ала беретін шығарманы (түзеулерімен, режиссер жоспарымен, суретші, композитор әзірлігімен) тек сол Шәкеннің сылбыр салқылығы көп бөгеп қалды. Ол басында “мен қоям” деп қызығып алып, содан ары еш нәрсе істемей, етекбастыға соққызды. Жаңа тақырып пьесасына соншалық қарық боп тұрған жайымыз жоқ болса да, себепсіз созалаңға салғаны шектен асып кетті. Ал оның барлығының үстіне Шәкен көп міндетті, көп майданды болғандықтан, алақ-жұлағы көп. Ендігі қалған аз уақытқа ол түгел осы іске беріле ала ма? Мен, міні, осындай күдіктерді ойлап, Сулимовқа ойысып едім. Гольдблаттан³ Сулимовтың пьесаны түсінуі терең де көрініп еді және Сулимов мен жүретін күні, 5 июльде өзіммен нық сөз байласып еді. “Бұл жөндегі сөзді мен тараптан нақтылы шешілді деп біліңіз” деген болатын. Қалған жайларды, пьесаға кіретін түзетулерді, режиссерлік шешуді – мен келе бере өздеріне көмектесе ұдайы істесе отырып, адам қылмақ болғамыз. Шәкен істейтін күнде де мен осыдан қайтысымен көмектесе бастаймын. Бірақ Сулимовпен мен келісіп қойып едім де, Шәкен Москвада кешіккен соң Калибек пен Әлжаппар (драмсекция) арқылы ренжімесін деп сәлем-себептер, жөн-жосықтар айтып кетіп ем.

Жазушылардың идея жағынан сын-сылтың айтқаны болған жоқ-ты. Гольдблат болса театр коллективі алдында барынша белсене, бейілдене сөйлеген-ді. Кейін айтылған талаптардың өз хатыңыздағыдай орындалары болса, мен мейлінше кең қарап, түгел түзеймін. Не қылса, әйтеуір тағы бір жаңа тақырып шығармасын обязательно әзірлеп көрейік

те, Нұреке! Осыған, менің ойымша, өзіңіз де Сулимовты сенімді кірісуге қолдай түссеніз деймін.

Әзіргі айтарым осы. Үй-ішіңіз бұнда, қайдағы бір жауынды салқын күн келді. Бірақ көл аса жақсы, балаларыңызға әсіресе жақсы болуына сене беріңіз. Мен де балаларыммен келіп тұрып жатырмын.

Қош. Сәлеммен, Мұхтар.

¹ Жанділдин Нұрымбек (54-бетті қараңыз).

² Айманов Шәкен (229-бетті қараңыз).

³ Гольдблат Мойсей Исаакович (1896–1980) – актер, режиссер. Қазақстанның халық әртісі.

М. Ауэзов – С. Злобину

№ 125

14 июня 1959 г.

Глубокоуважаемый Степан Павлович!

За последнее, довольно длительное время меня выбила из колеи застарелая болезнь моя, и я находился, например во время съезда писателей в Москве, в больнице. Да и после довольно долго задерживался, долечиваясь, в Москве, в гостинице.

А теперь, вернувшись домой недавно, в числе других приветствий, телеграмм, писем получил ваше письмо и, скажу искренне, оно меня обрадовало по-настоящему. Насколько я знаю Вас, всегда мне Вы представлялись человеком прямодушным, тем более было дорого, истинно ценно почувствовать ту теплоту и доброе Ваше отношение к себе, не так-то часто балует нас жизнь подлинно искренними отношениями между людей.

Вы тронули еще одну струнку, общую, понятную нам с Вами, – это мысли, связанные с трудом писателя над толстыми книгами. И тут мне думается, что наш труд – это не усилия искателей жемчуга или старателя-золотоискателя, а скорее он похож на работу под землей, в шахте: с проходкой долгой по породе, когда мы еще изучаем, исследуем, собираем данные и долго готовимся предварительно, а затем

только доходим до самой руды и идем медленным упорным трудом по ней, когда уже пишется сама книга.

Вот с таким сознанием своей трудовой доли я снова задумываю теперь очередную долгую работу на новый отрезок жизни.

Где в этих длительных процессах вообще место таланта, честного совестливого трудолюбия или вооружающего то и другое познания – самому трудящемуся не просто и ответить, потому, вероятно, мы и мудрим по-разному, когда пытаемся членораздельно ответить на вопросы о том, как мы работали над теми или иными произведениями, и отвечаем часто малоубедительно и маловыразительно.

Буду очень рад, дорогой Степан Павлович, поддерживать в дальнейшем наши связи, они дороги, когда возникают иной раз непосредственно даже без деловых задач конкретных. А Вы, помимо своих по-настоящему драгоценных вкладов в советскую литературу своими произведениями, еще очень много сделали ведь и для казахской литературы, помогая нашим прозаикам старшего поколения. Этот Ваш труд я, как казахский писатель, ценил и ценю особо с благодарностью.

Желаю Вам крепкого здоровья и еще больших успехов в жизни, в труде.

С сердечным дружеским приветом, Мухтар Ауэзов.

¹Злобин Степан Павлович (1903–1965) – белгілі орыс жазушысы. КСРО Мемлекеттік сыйлығының иегері. М. Әуезов шығармалары жайлы мақалалар жазып, өз ойларын хат арқылы да білдіріп тұрған.

М. Әуезов – Ә. Шәріповке

№ 126

16 шілде 1959 ж.
Шолпан-Ата

Қымбатты Әди дос!¹

Мен бұл хатты түнеугі өзің естіген Ыстықкөл жағасындағы Шолпан-Атадағы дачасымағымнан жазып отырмын. Алматыдан дәл жүрер кезде сен жол жүріп кетіп,

мен соңғы бір жаңалығымды саған айта алмай кетіп едім. Ол — анада әңгіме еткен Мұрат Әуезов² дейтін менің балам жайындағы жаңалық. Басында мен оны МГУ-дың химия факультетіне береміз деп талап етіп едім ғой. Кейін химия жөнінде ешбір орын болмағандықтан, балам екеуіміз ақылдасып, оның болашақ мамандығын мүлде өзгерттік. МГУ-дің шығыс тілдер бөліміне³ бес орын келген екен. Соның қытай тілі бөліміне Мұрат түсетін болған.

Сен Алматыда болмағандықтан осы байлауды мен Шияб Сағындықов пен Закарин⁴ жолдастарға айтқамын да, бір орынға өтініш етіп, баланың арызын Асқардың көмекшісіне түгендеп тапсырып кеткенбіз. Қазір емтихан уақыты таяған сон осы жайларды есіне салып, Мұрат Әуезовтің сол аталған қытай тілі бөліміне қабылдануын талап етеміз.

Барлық тиісті емтихандарын Мұрат ойдағыдай табыс ете алады. Тек осы жайлар есінде болсын деп мынау сәлем хатты жолдап отырмын.

Өзім Ыстықкөл жағасында бір жақтан тынығып, науқас соңынан тыная түсіп, екінші жағынан жұмыс та істеп жатырмын. Августын ортасында Алматыға қайтпақ ниетім бар.

Достық сәлеммен, Мұхтар Әуезов.

¹ Шәріпов Әди (1912–1993) — жазушы, ғалым, мемлекет қайраткері. Филология ғылымының докторы.

² Әуезов Мұрат Мұхтарұлы (59-бетті қараңыз).

³ Шығыс тілдері бөлімі — Мәскеу мемлекеттік университетінің шығыс тілдері факультеті.

⁴ Закарин Асқар Закарияұлы (1908–1990) — математик ғалым, профессор (1970). 1953–1955 және 1961–1970 жж. ҚазМУ-дің ректоры болған.

М. Ауэзов — В. Панкиной

№ 127

08.12.1959 г.

Дорогая Валентина Петровна!¹

Посылаю Вам свою новую книгу исследований и статей, написанных на двух языках: казахском и русском. Переводов этих работ в этой книге нет, каждая работа напечатана

на том языке, на котором она написана и была напечатана (частью) в журналах, газетах разных лет. Двухязычие данной книги я считаю законным — теперь ведь появляются у нас двухязычные авторы, для многих из которых, если они и не русские по национальности — русский язык стал вторым родным языком, да и читатель такой же во всех наших республиках.

В казахской части этой книги я впервые публикую свою большую монографию об Абае — этой работой завершаю все свои труды об Абае. В том же разделе две большие статьи “Ответ Габдуллину” и “Рожденные Октябрем” — посвященные современной казахской литературе.

Здесь же, как Вам нетрудно будет увидеть, мои исследования о Манасе и отдельные проблемные вопросы казахского литературоведения. И вот, Валечка, было бы, я думаю, не безынтересно сообщить как-то об этой книге вашему читателю. Между прочим статью о книге мог бы написать Каратаев Мухамеджан Каратаевич — знающий оба языка и сам довольно разносторонний исследователь и очень толковый наш критик. Я прошу Вас передать мой привет и эти пожелания или рекомендации относительно Каратаева т. Смирнову С. С. и Суровцеву.

В Америку поездка отложена до января, а там решим в январе, к середине января я буду в Москве.

Сердечным приветом,

Мухтар Ауэзов.

Р. С. Если решите поручить статью Каратаеву, то было бы лучше послать ему телеграмму об этом.

¹ Валентина Петровна Панкина — журналист, “Литературная газетаның” кызметкері.

**М. Ауэзов — М. Сильченко, Н. Смирновой,
М. Гумаровой, О. Нурмаганбетовой**

№ 128

Дорогие товарищи Митрофан Семенович¹, Нина Сергеевна², Малике³, Оразгуль⁴!

Прежде всего еще раз от души поздравляю дорогого всем нам Митрофана Семеновича с его шестидесятилетием с курдасеством со мною, ну и будем жить рука об руку, идти нога в ногу или, еще вернее, плечо о плечо вашей бодрой трудовой, чудесно разумной, хорошей жизни на благо нашей родины. Митрофан Семенович! Желаю Вам еще долгих, долгих лет цветения, плодоношения в Вашей интеллектуально научной жизни.

Из больницы я вышел только вчера 11 апреля с потерей веса в 16 кг – т. е. одного пуда хречковного жира. И сейчас на мне всякая одежда моя болтается и висит как может. Оказывается, даже и обувь на ноге становится шире прежнего, стали шире и головные уборы. Лечили меня только диетой – т. е. держали на полуголодном пайке, и я решил выдержать во что бы то ни стало, и не ел в течение 45 дней ни крошки хлеба, ни грамма сахара. Изучили в клинике мое состояние здоровья всесторонне настолько, что я шутил, что изучают вплоть до ногтей. Однако нашли, что я был серьезно болен, длительный период ожирения, оказывается, сильно ослабил сердце, понизил общий обмен и многое прочее.

На дальнейшее время я решил держаться их режима питания, режима жизни вообще. Если не в 30-40, то в 60 лет очевидно необходимо, и обязательно даже, оглянуться и на свое состояние, на здоровье, и, видимо, придется жить, трудиться исходя из сегодняшнего наличия – сердце, общее состояние психофизических данных своих.

В больнице я прочел работы Н. С. Смирновой и Д. Шалабекова. Но писать там, кроме тумбочки негде, и я задержал отзыв свой до своего выхода из больницы.

Теперь изложу свои немногие соображение по этим работам.

Первое: “Исторические песни и сказы XVIII века”. В пределах отобранного Н. С. материала и темы – статья сделана квалифицированно, серьезной, вполне самостоятельно научной. Очень убедительны, новы и весьма важны в нашем литературоведении анализы, оценки внутреннего смысла, назначений песен в постоянной связи и соответствии с их формой, стилями, образно-словесного выражения их.

Сомнения вызывают у меня вот какие моменты: 1) нам нужно введение, охватывающее своим анализом, общей характеристикой все исторические песни. При этом известно, что исторические песни, поэмы, сказы рождались, изменялись, широко бытовали и в XIX веке, и также в начале XX века. Поэтому разбор только исторических песен, сказов XVIII века – это не полно и по охвату материала всего раздела, и также по общей научно-теоретической характеристике формы, стилей образцов этого раздела в томе. А ведь в XIX веке и родились песни исторические о Бекете, Досане, песни-сказы об Исатае, Джангоже. 2) И по поводу XVIII века надо сказать, что самих песен, образцов приведено очень мало. 3) По поводу Срыма – исторического образа, наиболее привлекательного в этом разделе, в целом очень мало сказов, преданий разобрано. 4) Думаю, что с этой частью раздела пока не надо торопиться, а подождать готовых исследований, разборов по всем видам, фактам, историческим образам и произведениям по данному тому. И собрав эти анализы вместе с песнями и о 16-м годе – взять и написать.

А вот язык, стиль данной статьи оказался весьма шероховатым, недостаточным, очень много ложных красок, иначе – ложных красот, есть алогизмы, излишние старания сказать обо всем простом и ясном по-особому необычно. И много подобных мест подчеркивал, и так же указывал на многие и многие фразы, чрезмерно длинные, тяжелые по слогу, неудобно воспринимаемые. Пусть он исходит из этих замечаний и переработает свой материал основательно.

Делал я замечания на полях и по статье Нины Сергеевны. Здесь я высказал общие соображения, вытекающие частично из тех конкретных замечаний.

Малика, Оразгуль! Я приеду в самом начале мая и затем буду жить, работать в Алма-Ате безвыездно до глубокой осени. Подгоняйте авторов энергичнее. Сердечный привет всем нашим сотоварищам по работе.

Р. С. По защите Т. Сыдыкова можете рассчитывать на мое активное участие сразу же по приезде.

М.

¹ Сильченко Митрофан Семенович (1898–1970) – әдебиет тарихын зерттеуші ғалым. Қазақ КСР ҒА-ның академигі. Қазақ әдебиеті

тарихын орыс тілінде шығаруға қатынасып, ғалымдармен бірлесе көп еңбек сіңірген.

² Смирнова Нина Сергеевна (25-бетті қараңыз).

³ Ғұмарова Мәлике (1918–1994) – әдебиет тарихын зерттеуші ғалым. Қазақ әдебиеті тарихының 6 томдығын шығару барысында еңбек еткен.

⁴ Нұрмағамбетова Оразгүл Әмірәліқызы (1923–2003) – әдебиет зерттеушісі, фольклоршы. Тіл және әдебиет институтында ғалымдармен бірлесе әдебиет тарихының көптомдығын шығаруға қатысқан.

№ 129

8 қазан 1960 ж.

Қадірлі Алпысбай!¹

“Қазақ әдебиеті” газетінің Жаңа жылға жазылу науқанының басталуына байланысты Сізге осы хат арқылы хабарласуды мақұл көрдім. Өзіңізге мәлім, Қазақстан Жазушылар одағының бұл апталық газеті республика өмірінің бірыңғай әдебиет пен өнер, мәдениет пен тұрмыс мәселесін камтиды да, бұқараға эстетикалық тәрбие беруді көздейді. Сондықтан осы газеттің жұртшылыққа көбірек тарауы халқымыздың рухани мәдениетін көтере түсуге себепкер болар еді деп ойлаймын.

Газет барша қазақ интеллигенциясының ғана емес, әрбір жұмысшы мен шаруаның сүйіп оқитын, көтерген мәселесіне құлақ түріп, белсене араласып отыратын мәдени өміріміздің нағыз жаршысы болуға құштар-ақ. Бірақ қазір бүкіл республика көлемінде газет 20 мың тиражбен ғана тарайды, ал сіздің облыс 2 мың данасын ғана алады екен. Бұл біздің оқушы жұртшылығымыз үшін мүлде аз ғой. Егер өздеріңіздей жанашыр жігіттер көптеп-көмектеп қолға алса, осы газеттің әрбір қазақ семьясына жетуін қамтамасыз етуге әбден болатын сияқты.

Редколлегия мүшесі ретінде, әм жолдастық ретінде менің сізден өтінерім: осы газеттің заводыңызда мейлінше көп тарауына өзіңіз бас-көз болып, қолғабыс етсеңіз екен.

Сәлеммен, Мұхтар Әуезов.

¹М. Әуезовтің жергілікті басшылардың біріне жазған хаты. Онда “Қазақ әдебиеті” газетінің таралымын көбейту туралы сөз болады. Хаттың адресі мен аталған адамның толық аты-жөні айтылмау себепті анықтау мүмкін болмады.

Қадірлі Ыдырыс!¹

“Қазақ әдебиеті” газетінің Жана жылға жазылу науқанының басталуына байланысты Сізге осы хат арқылы хабарласуды мақұл көрдім. Өзіңізге мәлім, Қазақстан Жазушылар Одағының бұл апталық газеті республика өмірінің бірыңғай әдебиет пен өнер, мәдениет пен тұрмыс мәселесін камтиды да, бұқараға эстетикалық тәрбие беруді көздейді. Сондықтан осы газеттің жұртшылыққа көбірек тарауы халқымыздың рухани мәдениетін көтере түсуге себепкер болар еді деп ойлаймын.

Газет барша қазақ интеллигенциясының ғана емес, әрбір жұмысшы мен шаруаның сүйіп оқитын, көтерген мәселесіне құлақ түріп, белсене араласып отыратын мәдени өміріміздің нағыз жаршысы болуға құштар-ақ. Бірақ қазір бүкіл республика көлемінде газет 20 мың тиражбен ғана тарайды. Ал сіздің облыс екі мың данасын ғана алады екен. Бұл біздің оқушы жұртшылығымыз үшін мүлде аз ғой. Егер өздеріңіздей жанашыр жігіттер көптеп-көмектеп қолға алса, осы газеттің әрбір қазақ семьясына жетуін қамтамасыз етуге әбден болатын сияқты.

Редколлегия мүшесі ретінде, әм жолдастық ретінде менің сізден өтінерім: осы газеттің Кентауда мейлінше көп тарауына өзіңіз бас-көз болып, қолғабыс етсеңіз екен.

Сәлеммен, Мұхтар Әуезов.

¹Ыдырыс Тілеубергенов (1920 ж.т.) – мемлекет және қоғам қайраткері. М. Әуезовпен бірнеше рет кездескен, дос, пікірлес болған. Кентау қалалық партия комитетінің хатшысы. М. Әуезов облысты аралап жүріп Кентау қаласында екі-үш күн аялдаған. Осы уақыт ішінде қаладағы және оның маңындағы өндіріс орындары мен елді мекендерде болады. Әңгіме барысында жазушы романының көп тарауларын осында жатып жазбақ ниеті бар екенін білдіреді. Ы. Тілеубергенов бұл тілекті қуана қабылдап, барлық жағдайды жасамаққа уәде береді.

Қымбат достар Нұртаза¹, Қалибек²!

Екеуіңнің атыңа Созақ ауданынан менің сұрауым бойынша жазылып жіберілген мынау справканы жолдап отырмын. Шаян ауданы туралы осыған ұқсаған мәлімет маған қазір бүгінгі істеп жатқан жұмысымның үстінде аса қымбат, қажет болып тұр. Екеуің осы мәліметтерді астын әдейі сызған тұстарына айрықша көңіл бөліп, қарап шығуларыңды өтінемін. Содан соң осындай және осыдан гөрі де молырақ қосымша бірнеше мәліметтер атаулыны нақтылы, фактілі етіп, қоса жазуларыңды сұраймын. Ол қосымша мәліметтер – былтырғы жұттан кейін салынған жаңа базалардың есебі. Қай жерде қалай салынған, шопандар тұратын үйлердің ендігі жағдайы, солардағы медпункт, ағарту орындары қандай болып жасалғаны сияқты дәл деректер керек.

Бір базада қанша мал қыстарлықтай, қандай азықтар запасы жиылып жасалғанын да айту керек. Қысқасы, құмнан өздеріңнің салдырған жаңа жайлар мен өз аудандарыңа жеткенше мал жүретін, қоздайтын жерлердегі қоныс-өрістер, жаңа база атаулылар айтылу керек.

Былырдан бері шопанның тұрмыс жағдайына қаншалық, қай түрлі жеңілдік, тәуірлік жағдайлар қосылды, сол керек. Осының үстіне былтырдан бері неше бала бақшасы салынды? Қаншалық медпункттер ашылды? Шопанның балаларына, үй анасы әйелдерге арналып жасалған жаңаша қамқорлық жағдай қандай? Сол керек. Мұның үстіне екеуің соғыс кезіндегі өздеріңнің бастарыңнан кешкен, соғыс жылдарының есте қалған қиын-қыстау шақтарын айрықша жазып, қай бөлімдерде, қай майданда сол халдерді атқарғандарыңды хатқа түсіруді сұраймын. Тез хабар күтемін.

Достық сәлеммен, Мұхтар Әуезов.

Аудандағы бар достарға көп сәлем!

¹ Ысмайылов Нұртаза (1921–1990) – партия, кеңес қызметкері.

² Манасов Қалибек – М. Әуезов Оңтүстік Қазақстан өмірінен роман жазбақ ниетпен ел аралағанда, дос-іні тұтқан адамдарының бірі.

Қадірлі іні дос Қаржау¹

Алдыңғы күні телефон соққаның сондай мезгілді қымбат болды. Мен өзіне, сонда айтқандай, Созақ ауданының жақсы істелген мол деректі справкасын жіберіп отырмын. Нұртаза мен Қалибекке және де жібердім. Оларға өз ауданы туралы осындай қосымша тағы басқа да деректері бар справка жіберіндер деген өтініш жаздым. Соның үстіне былтырғы қыстан бері аудандарға қанша базалар салынғанын, қанша құдықтар қазылғанын, қаншалық медпункттер ашылғанын және де шопандар мен семьяларының, балаларының жағдайына арналған қандайлық шаралар істелгенін жазып жіберуді сұрадым.

Сенен өтінерім: жалпы облыс көлемінде құмдарда, Сыр бойларында, тегі, мал қыстаған өлкелердің бәрінде былтырдан бері қанша базалар салынды екен, солардың жиынтық мәліметтері болса. Облыс көлемінде былтырдан бері қанша құдық қазылған екен. Жолдар қалай, қаншалық түзеліп, жасалып жаңғырды екен! Сол айтылса. Бұдан басқа шопандар балаларына арналған бала бақшалары, жалпы медпункттер сандары қанша болды екен, сол айтылса. Міне, осындай деректерден басқа өзіннің және телефонда айтқандай Сәлімнің өмір жайларын жекелеп айтылған деректер болса деп ем. Сонда соғыстың кезінде қай фронтта, қанша уақыт, қандай уақыт, қандай бөлімдерде істегендерің анықтап айтылса. Соғыста бастан кешкен ерекше ауыр, қысталаң бейнетті сәттердің болған кезі, кезендері, аяқтау жайлары баяндалса, жақсы болар еді.

Менің еңбегімнің әзірге кезендеріне керек болатын деректер осылар тәрізді болғандықтан, әзірше осыны ғана жазып отырмын. Мүмкін болғанша тезірек жазып жіберсеңдер жақсы болар еді. Ташкентке барған соң өзіңмен хабарласамын. Гуляға, бар достарға көп сәлем.

Сәлеммен, Мұхтар Әуезов.

¹ Жарқынбеков Қаржау (1918–1991) – тарихшы ғалым, тарих ғылымының кандидаты. Оңтүстік Қазақстан облысының идеология саласы бойынша хатшысы. “Өскен өркен” романына деректер жи-

нау үшін облысты аралаған кезде М. Әуезовке көп мәліметтер берген. Осында есімдері аталған Нұртаза Ысмайылов – Шаян аудандық партия комитетінің бірінші хатшысы, Қалибек Манасов – аудандық атқару комитетінің төрағасы. Гуля деп отырғаны – Қаржаудың жұбайы Гүлзай Смағұлова. Ол университетте Әуезовтің дәрісін тындаған шәкірті.

М. Әуезов – Ә. Сасбұқаевқа

№ 133

27 ақпан 1961 ж.

Қадірлі дос Әділ!¹

Әнеугі жіберген деректеріңе сонша зор ырза болдым. Маған қазіргі істеп жатқан жұмысымның тұсында ең қымбат керекті деректер осындайлар еді. Осы қағазды жазған адамың аса бір ұқыпты, байыпты, білгір адам екен. Ауданды қандай жақсы біледі. Енді мен сол өзің жіберген қағаздарды бірнеше дана қып көшіртіп, обкомда Жарқымбеков, Шаянда Ысмайыловқа жібердім. Шаяннан дәл осындай деректерді осындай мол етіп, нақтылы фактілерін көп етіп жазып жіберсін деп сұрап отырмын.

Сен жіберген қағазды соларға мысал етіп әдейі жібердім.

Ал енді өзіңнен тағы бір өтініш: былтырғы қыста “Құмкент” совхозының қойы жұтады. Сол совхоздың ізімен малын көшірген Шаян ауданының совхоз-колхоздарының малы жұтады. Маған керегі: құмнан шығып, Қаратауға жеткенше, сол малдардың жолшыбай мекендеген далалары, құдықтары, адырлары, қоныстары қайсы-қайсылар екенін атап-атап жазып жіберсеңдер. Аралары қанша километр екенін де көрсеткен жақсы болар еді.

Екінші өтінірім: былтыр өзің барғаннан бері ауданда қанша база салдыңдар? Қай жерлерге қандай қып салдыңдар? Осылардың аттарын атап, бөлек тізім етіп жазсаң жақсы болар еді.

Үшінші: былтырдан бері неше балалар бақшасын аштыңдар. Қай жерлерде? Шопандардың балаларына арналып қандай жаңа қамдар істелді? Жаңадан қай жерде, қанша шопандарға көмек ететін медпункттер ашылды? Міне, осы деректерді жақында жаздырып жіберсең және де көп алғыс айтар ем.

Достық сәлеммен, Мұхтар Әуезов.

¹ Сасбұқаев Әділ (1922 ж.т.) – зоотехник, қоғам қайраткері. Созак аудандық партия комитетінің бірінші хатшысы. Ол ауданның тарихына қатысты деректер мен аймақтың жалпы сипаттамасы, географиялық ерекшеліктері жөніндегі жазбаларды жолдаған. Осылардың қатарында аудан көлемінде жасалған қылмыстық іс-әрекеттер, оқиғалар да бар. Бұлардың бірсыпырасы кейін роман желісінен өз орнын тапты. “Өскен өркен” романында Әділдің прототипі Әріп Есдәулетов деп берілген.

М. Әуезов – Ғ. Мұстафинге

№ 134

Ғабиден!¹

Бүгін 26-нда Разиялар жүреді. Ал кеше бәйге комитетінің мәжілісі бопты. Ең соңғы, ең жаңа хабарың соның байлауы. Проза ретімен әзір бірінші тіпті болмас деген болжам бар. Жалғыз Леонов² кітабы I-II-нші деген аралықта тұр дейді. Кеше ең соңғы отбор, талғау болыпты. “Қарағанды”³ дауысқа түсуге өтіпті, II–III-нші деген аралықта тұр дейді. Биыл сондай жіктеулер болды деседі. Анық II-нші, анық III-нші бар да және аралықта тұрғандар бар. Енді дауысқа салу болады. II-шіде анық тұрғандар 9 болса керек. Біздің өкілдерге неге II-нші үшін алыспадыңдар деп ем... не істейсің, президиум (бұнда да 7 кісілік президиум бар) солай ұйғарып әкепті десті. Бірақ әйтеуір әзір анық тұр, Леоновты қоса санағанда біздің ат 9-ншы орында тұр дейді. Қалайда қайырлы босынға орын толық, анық болар деп қуанамыз. Бейілді кеңге сала бер, кеңге сала бер... Айтып ем ғой, дәл жүретін күнгі 300 сом шығарған қарқынмен табан бір жылға шыдасаң, саған ерген сарандық ... әуселесін көрермін! Сені, тегі, Зейнел екеуміз осылай екі жақтан емдейік, ол – үйден, мен – тыстан. Жасы үлкеннің осындай бір шарапаты тиетіні де бар ғой, соны дұрыс ұғынып жүре тұр.

Ал енді тағы бір, үлкен шаруа айтайын. Мен 14 мартта об-воға Абай жөніндегі тілеген кітабын бергем. Гослит ала сала қабылдап, баспаға жібергелі жатыр. Мынау об-ы болса адамдары ауырып, оқитын редактор болмай, созып отыр. Маған әбден болады, күдік қылмаңыз дейді, бірақ созылып барады. Осыны ала сала об-воға және “Знамя” деген

баспасына ең мықты орыннан телеграм бергіз, тез, асығыс шығарт деп тілек етіндер.

Тағы бір жәй, Разиямен бара жатқан топ ойдағыдай адамдар емес. “Уп” еткенді ала жөнелгіштері де жоқ емес дейді.

Ең алдымен бәрімен өзің мықтап толық сөйлеу суің қажет және обязательно үлкен кісінің дәл өзімен сөйлестіруің аса, аса қажет, болмаса қаңғып шығулары мүмкін деседі.

¹Мұстафин Ғабиден (21-бетті қараңыз).

²Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – орыс жазушысы. Ресейдің еңбек сіңірген өнер қайраткері (1949). Социалистік Еңбек Ері (1967), КСРО (1972) және Ресей (1991) Ғылым академияларының академигі. Лениндік (1957) және Мемлекеттік (1943) сыйлықтардың лауреаты. 1960 ж. М. Әуезовпен Америка сапарында бірге болған.

³“Қарағанды” – Ғ. Мұстафиннің романы.

М. Ауэзов – М. А. Суслову

№ 135

декабрь 1951 г.

Дорогой Михаил Андреевич!¹

Я, казахский писатель, автор романов “Абай” и “Путь Абая”, обращаюсь к Вам, чтобы довести до Вашего сведения об одном, глубоко недоуменном для меня вопросе по поводу отношения руководства Казахстана к моей творческой деятельности за последнее время.

Как хорошо известно Вам, Михаил Андреевич, партийная организация Казахстана проводит сейчас важнейшие, насущно необходимые, исторически справедливые мероприятия по очищению идеологического фронта в Казахстане от всех, ранних и поздних проявлений буржуазного национализма, конкретно, в связи с раскрытием феодально-монархической, реакционной сущности движения Кенесары Касымова.

Критикуя деятельность историков, литературоведов, писателей и многих иных деятелей, наша общественность справедливо сурово указала и на мои ошибки. Критика моих ошибок, главным образом, базировались на моих научно-исследовательских работах. К ним относились: 1) моя ре-

дакторская работа по 1-му тому “Истории Казахской литературы” (фольклор), 2) ранние исследовательские статьи по изучению биографии казахского классика Абая и его поэтического окружения, так называемой “Школы Абая”, 3) мое участие в качестве оппонента при защите диссертации Мухамедхановым на тему “Школа Абая” в 1951 году. В этом же ряду порой упоминалась моя пьеса “Хан Кене”, написанная в националистическом духе еще в 1928 году.

Искренне и глубоко осознав свою личную ответственность в поднятых партией требованиях правильного, идейно-воспитательного воздействия на сознание масс, я решил ответить не только заявлениями, декларациями, но делом, т. е. своим художественно-творческим трудом, на справедливые указания общественности. Результатом этих моих устремлений и условий явился роман “Путь Абая”, напечатанный в 8-м и 9-м номерах журнала “Знамя”.

Данный роман имел три редакции в пути своего идейно-художественного созревания. Первая редакция была напечатана в 1949 году в журнале “Әдебиет және искусство” в объеме 14 печ. листов. Вторая редакция в объеме 20 печ. листов вышла отдельной книгой на казахском языке в 1950 году до начала критики идеологических ошибок историков и литературоведов в Казахстане.

А третью, самую последнюю и основную редакцию романа “Путь Абая” в течение целого года, т. е. с середины 1950 года до середины 1951 года, я переработал, при огромном творческом содействии коллектива редакции журнала “Знамя”, переработал, учитывая все критические замечания, касавшиеся моих ошибок исследователя, научного работника. В результате возник роман, по признанию отдельных критиков в Казахстане и в Москве, исправляющий ошибки не только автора, но и многих других исторических, историко-литературных и иных трудов на тему о прошлом Казахстана.

По признанию читателей, “Путь Абая” гораздо более, нежели роман “Абай”, раскрывает и укрепляет исторические корни дружбы между великим русским и казахским народами, он развенчивает и зарождающиеся предпосылки казахского национализма.

Роман должен был бы служить примером убедительно-го отрицания буржуазного национализма. Казалось бы, он

должен был служить примером творческого исправления ошибок давнего и недавнего прошлого в отношении буржуазного национализма, и как таковой мог бы быть использован сейчас, в пору разоблачения этого национализма в республике.

Между тем, роман предан умолчанию в Казахстане. А в докладе первого секретаря ЦК КП(б), Казахстана тов. Шаяхметова, опубликованном в газете “Казахстанская правда” от 28 октября н. г., вместо должной, справедливой оценки последнего, переработанного варианта, дана ссылка лишь на первый вариант и сказано: “Некоторая идеализация личности Кенесары Касымова нашла место и в романе М. Ауэзова “Акындр Ачасы”, напечатанном в 1949 г. в журнале “Әдебиет және искусство”.

Было бы законно сказать о романе так, если он остался в том же варианте 1949 года. Но почему же не упоминается в докладе вариант последний и окончательный, тем более исправленный почти на 40% и избобличающий национализм? Почему не учитывается тот факт, что этот последний вариант романа пока что является единственным деловым творческим ответом на критику национализма в Казахстане? Ведь ясно же, что и “История Казахской ССР”, и учебники, и вузовские пособия, ранее составленные с ошибочных позиций, еще не написаны заново и тем более не изданы. А роман “Путь Абая” опубликованный в журнале “Знамя”, уже стал достоянием читателя в массовом распространении. Почему руководство партийной организации Казахстана не хочет использовать этот труд как факт делового исправления ошибок в результате благотворного влияния партиной критики на сознание и трудовые усилия ранее ошибавшегося автора? Кому же на пользу это непонятное молчание? Неужели ошибки, допущенные мною в отдельных исследовательских работах, должны заглушить и заслонить мои положительные, правильные с партиной, идейно-исторической точки зрения труды в моем писательском творчестве.

Вот какие недоумения вынудили меня обратиться к Вашему вниманию и посягнуть на Ваше драгоценное время, дорогой Михаил Андреевич.

С сердечным приветом, Мухтар Ауэзов.
Москва, г-ца “Москва”.

¹ Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – мемлекет қайраткері. Хат мазмұны “Абай жолы” романының “Знамя” журналында басылуы жайында.

М. Әуезов – Қ. Жұмалиевке

№ 136

Жолдас Хажым!¹

Қазақ әдебиеті тарихының екінші томына арнап жазған Махамбет, Шернияз, Ыбырай турасындағы еңбектеріңіз, жалпы алғанда, жаңа томның көрнекті, ірі бөлімдерінің бірі боп бағаланды. Көлем жағынан да, сапа жағынан да томға елеулі еңбек қосқан автордың алдыңғы қатардағы бірі деп бағалаймыз. Еткен еңбегіңізді осылай өз салмағымен, орнымен атаудың үстіне, енді осы бөлімдер және де армансыз бола түсу үшін әр тақырып туралы бірнеше тілекталаптар айтпақшымыз. Ендігі сөзді сол әр бөлім (тақырып) турасындағы пікірлерге, ескертулерге арнайық.

Махамбет туралы

Жалпы Махамбеттің өмірі мен мұралары туралы ең көп еңбек сіңірген автордың бірі – сіз екеніңізді жұртшылық біледі. 1948 жылы шығарған “Махамбет” атты кітаптағы тексеру мен өлеңдер жинағының топтамы бұл ақын турасындағы ең көрнекті, ең соңғы жинақы еңбек болатын. Одан кейін, сол кітаптан әрі қарай өсіре, асыра қосымша еңбек жазған зерттеуші болған жоқ. Бірақ мынау екінші томға бәріміз де бұрынғы өзіміз тексеріп жүрген авторлар жайындағы зерттеулерге ғылымдық жағынан жаңалықтар қосып, молайта, тереңдете тексеруіміз қажет. Әдебиеттану ғылымына, тарихтық сынға жұртшылық қойып отырған соңғы талаптар бойынша өскелең жаңалықтар қоса түсіп, тексеруіңіз шарт. Осы жағынан қарағанда, бұрынғы 1943 жылы басылған кітапты түгелімен қайта көшіріп беруіңіз, өсіре түспегеніңіз өте өкінішті жәй болған.

Ол кітаптағы үлкен көлемді кіріспенің соңғы бөлімі, тек сол жинақтың өзіне ғана арнаулы мақсаттан туған беттер еді. Онда алғаш жарияланып отырған өлеңдер мен жекеше

арнаулы жинақ болғандықтан, кейбір түсіндіргіш – справка ретіндегі мәліметтерге орын беру заңды еді. Ал екінші том сияқты күрделі ғылымдық еңбекке ондағы деректердің көпшілігін қысқартып, сноска ретінде ғана берсе жетерлік болатын. Ал мынау еңбектің соңғы бөлімінде Махамбеттің жаңа шығармаларына тексеру берудің орнына ғылымдық, зерттеушілік сапасы сәл, ұсақ түсінік справкаларға көп орын бергенсіз.

Жалпы алғанда, Махамбеттей ұлы ақынға екінші том көлемінде берілетін зерттеулер, әрине, бұл уақытқа шейін жазылған мақалалардан және орта мектепке арналған оқу құралдарының көлемінен көп ілгері болу шарт. Жоғарыда аталған кітабыңызда сол талапқа жауап ұрарлық елеулі жұмыстар, зерттеулер істелгені даусыз. Бірақ соның үстіне де, соңғы жылдар талабына сай келерлік өзіңіздің тың ойларыңызды, зерттеулеріңізді қоса түсу қажет.

Сол жөнде, орыс әдебиетінің XIX ғасырда болған классиктеріне арналып жазылып жүрген зерттеулердің тәжірибесін еске алсақ, әрбір ұлы жазушының да идеялық, саясаттық, көркемдік жағындағы кемшілік, қайшылықтары үнемі көрсетіліп отырады.

Осы тұрғыдан қарағанда, Махамбеттің де бір қайшылығы айрықша аталып өту керек. Онысы – жалпы орыс халқының қазақ тарихына етерлік пайдалы, жаналық әсерін мүлде аңғармау, ойламау, түгелімен барлық Россиядан шыққан, қазақ сахарасына арналған жаңа фактілердің барлығынан үрке қашу айқын болатын.

Өзіңіз шақтап атаған кейбір қайшылықтардың үстіне, осы жайды да қосымша етіп белгілі шығармалардың мағынасына, идеялық сарынына, жалпы ориентациясына қарап отырып, нақтылап сынап, талдау жасауыңыз қажет деп білеміз. Ендігі нақтылы пікірлерді жеке-жеке бөліп айтайық.

1. Төртінші бетке дейін Махамбеттің өмірі туралы берілген деректер аз ғана. Бұл тұсқа оның өмірбаяны емес, азырақ беттер бойында ақынның әдебиеттегі орны туралы аз кіріспе керек. Осы жәй өз еңбегіңізде жазылған. Ол 24-беттен 31-бетке дейін келетін жалпы әдебиеттік характеристика. Осы үзіндіні ең алдыңғы беттерге ауыстыру

дұрыс сияқты. Себебі Махамбет ақын, ол туралы ақындық мінездеме әр кезеңде, ең алдымен, айқын бөлініп тұру керек. Ол біздің томның әдебиет тарихы арқылы әлеуметтік шындықтарды баяндайтын мақсатында да сай келеді.

2. 53-бетте Хивамен одақтасу қайшылық деп саналғанда, Махамбеттің осыған жалғас жалпы қайшылықтары ашыла түсу керек. Хиваға бойұрудың екінші жағы да бар. Ол – орыс жаңалығынан, жоғарыда айтқандай, мүлде қашу болатын. Патшалық пен анық орыс халқы екіжар екенін аңғармауды атап беру керек. Оның шығармасынан бірде-бір кезде орыс халқына бейім сөз кездеспейтінін айқындау керек. “Түсінбеді” деп атау шарт. Бұл күйге келгенде тіпті Бұхар жырау да бір ауық дұрыс түсінік көрсеткен еді ғой.

Махамбетте соның мүлде жоқтығы аталмасқа болмайды.

3. Махамбет шығармалары – екпін мен ереуілдің, алыс-тартыстың поэзиясы. Сол жәй оның қасиеті болса, кейде сынаржақтығы да болады. Оның мұрасында қазақ өмірінің көтерілістен өзге жақтары көрінбейді. Бұл поэзия халықтық бір ғана импульстің поэзиясы. Өнер-үлгі, алдағы тарихтық бағыт, адамгершілік, шаруа-кәсіп, салт пен заң, махаббат сияқты тақырыптарға Махамбет шығармалар арнаған жоқ. Ғылымдық кең тексеруде осы жайлар мінеу ретінде болмаса да, шындықты ашу түрінде аталу керек.

4. Жанрын айтқанда, лирикалық-эпикалық түр сияқты деу дұрыс емес. Оның жанры – историческая боевая хроника. Осы жәйін өзге көп көркем әдебиетте кездеспейтін, өзгеше ірі оригиналдық қасиеті деп, ірі бағалау шарт. Бұндай жанрда да ерекше жалынды лирика бола алатындығын ашу керек. “Лирикалық-эпикалық жанрға ұқсайды” деу Махамбетті бұрынғы бір таныс, дағдылы жанрларға тартып, төмендететін сияқты. Оның орнына, жоғарыда аталғандай, өзгеше қасиетін өсіре таныту керек.

5. Тексерудің 31-бетінен бастап әр өленді тарих документімен салыстырғанда, жаңағы хроникалық ерекшелікпен байланыстыру қажет. Әйтпесе мынау бірнеше бет бойындағы тексерулер Махамбет өлендерін үнемі архив дерегінің қосымшасы етіп қойғандай. Осы тұста тексеру тек тарихпен үйлестікті ғана бақылап айыруға арналып кеткен. Әдебиеттік зерттеу үшін бұл аз да қолайсыз.

6. Хронологиялық принцип бұл тексеруде дұрыс таратылған. Бірақ соңғы жаңа өлеңдерде осы жағы анықталмаған. Жалпы жаңа өлеңдер турасында, жоғарыда айтқандай, справка хабар көп те, әдебиеттік тексеру аз. Осы справкаларды 66-беттен бастап өзгерту керек. Кімнен жазып алынғаны сноскада берілсін. Текстін өзінде жаңа өлеңнің бәрін, алдыңғы белгілі шығармаларша, молынан, әдебиеттік тұрғыдан талдау керек. Күдіктерді (Махамбеттікі ме, жоқ па дегендерді) жеке кітапта айтқансыз. Бұл жерде өте қысқа сноскомен ғана атау керек те, ғылымдық, әдебиеттік тексеруге күш салу қажет.

7. Жалпы тексеру туралы бір ескертетініміз – әр бөлімде, әсіресе өлеңдердің мазмұнын айтып беруде қайталау көбірек.

8. Машинисткадан соң қарап шықпағандықтың салдарынан болу керек, сөйлемдерде кей-кейде ұзақтық, ұғымсыз шұбаландық байқалады. Күрделі сөйлемдердің согласованиесі, байланыстары ойдағыдай шықпаған жерлері бар. Оларды әр беттердің, абзацтардың тұстарында нақтылап көрсеттік. Соларды өзіңіз түзеп шығуды ойлаңыз.

9. Жалпы 66-беттен кейінгі бөлімде бұрынғы жинаққа арналып жазылған стиль, әдістерді өзгерту керек.

10. Қайталай беретін цитаталарды тың өлеңдермен ауыстыру дұрыс болар.

11. Барлық тексерудің ең соңында, бір-екі абзацпен, Махамбеттің қазақ әдебиетіндігі тарихтық орны туралы аз ғана қорытынды беру керек.

Осындағы айтылған ескертулерді ойланып, қарап өту кезеңінде Абай туралы жазылған еңбекті оқып шығуды сұраймын. Онда Абайдың әр шығармасындағы көркемдік, идеялық жөндегі кемшіліктер мен қайшылықтары бұрынғы тексерулерімізден көбірек және нақтылы түрде, анықтап айтылған сияқты. Томның, біздің бәріміздің (автор коллективінің) алдына қойып отырған ғылымдық, идеялық жаңа талаптары аса зор және орыс әдебиет тарихының соңғы жылдарда жазылып жатқан үлгілеріне қарағанда аса жауапты, сол себепті тексерулеріміз құрғақ мақтау сияқты апологетика дәрежесінде болмасын. Осыны ойлап, жоғарыдағы ескертулерді әдейі жолдастық және редакторлық талап ретінде жолдап отырмыз.

Шернияз туралы

Шернияз турасындағы тексеру Махамбет пен Ыбырай турасындағы көлемді, ғылымдық, толық тексерулерден төмен сияқты. Қолжазбаның беттерінде, нақтылы орындарда жазылған пікірлерден басқа айрықша бөліп айтатын жеке-жеке жәйлар мыналар:

1. Бірінші бетте Шәйіпке көп ссылке жасау қажет емес. Оның жәйін сноскомен қысқа ғана атап өту керек.

2. Шернияздың өмірбаянын (2-бетте) бере алмаудың себебін айтып келіп, барлық биографиялық мәліметтерді мотивировать етіп, автор өздігінен тізіп беру керек. Жалпы осы бөлім “Ақынның өмірі туралы деректер” деп аталса, дұрыс болар еді.

3. 11, 12, 13-беттердегі әр вариантты салыстыру бұл томға қажет емес. Бір вариантты ғана алып, соған сену керек те, соның өзін әдебиеттік тұрғыдан талдау қажет. Өзге варианттардың тек барлығын қысқа сөзбен ескерту жетеді.

4. 17-бетте Баймағамбетті мақтаған сөздерді автор зорлықпен теріс шешеді. Қайшылықты ашу орнына, өздігінен ұйғару жасайды. Ақынның өлеңінде “жақсы” әкім берген “жақсылық”, ол әкелген “жақсы заман” айтылып отырған сияқты. Осы анық мысқыл болса, соның ажуалық жөнін бұл беттегі жазылған тексерулерден әлдеқайда дәлелді етіп ашу қажет. Болмаса, ақынның амалсыздығынан, қорқақтығынан туған десе де, бұнысы анық қайшылығы деп ашып беру керек.

5. Өлендердегі (18-бет) “кәпірдің қоржынына” деген сияқты және 16-беттегі “тіл білмес жау” деген сияқты, Россияға аса жат қараған сөздер сырын ашпай, үндемей кету жөн емес. Бұның патшалыққа қарсы екенін ашу керек. Және жалпы Россия жаңалықтарын түсінбеушілік бар екенін де атау дұрыс. Бұндай сөздер мен жолдарды цитатадан өшіру үстіне, жаңағыдай түсінікті бере отыру шарт.

6. “Термені” (19–20-беттерде) “Шернияздікі ме, жоқ па?” деп болжалдау бұл жерде керексіз.

7. Жәй ғана бір өлеңді (21-бетте) “ғылымдық мәні бар” деп автор асыра бағалайды. Дағдылы надандық көңілдің сәл дағдарысын “тамаша сөздер деп” дәріптеу дұрыс емес. Бұнда зерттеуші ойдың өзі де кішірейіп, тайыздап кетеді.

8. Жалпы халық поэзиясының (23-бетте) суырыпсалма түрін бұл жерде шолу қажет емес. Бірінші томда жазылған.

9. “Сыртқы түріне мазмұны керісінше” деген (28-бетте) пікір айтылады. Осылай деудің орнына, сырты әдейі монтаны түрде айлалы тәсілмен құрылған десе, онда мазмұн мен түр арасында қайшылық бар деген методологиялық даулы пікір тумас еді. Сол жөнде автор тереңірек зерттеу жүргізсе, қызық нәтиже және ғылымдық өнімді ой табар еді. Түрдің өзінде де екіұдайлықты, немесе іштегі сыншыл мазмұнды тәсілмен танытатын, әдейі қолданған монтанылық (притворство) болуға әбден мүмкін. Солай талдап, дәлелдегенде, Баймағамбетке айтылған мақтау сөз туралы да қызық қорытынды жасауға болар еді. Ал бұнда солайша тереңдеп талдамағандықтан, 29-бетте Баймағамбетті мақтаған сөзді де дәлелдеп жеткізе түспей, тағы да зорлықпен әкеп, осы араға ұйғара салған тәрізді.

Ыбырай туралы

Жалпы алғанда, Ыбырай турасындағы тексерулер көп дау туғызбайды, маңызды еңбек. Бұның кейбір беттерінде жасалған ескертулер өз алдына. Оны автор ескерер. Солардан бөлек қысқаша бөліп айтылатын азын-аулақ ескертулер мыналар:

1. Алекторов сөзі (6-бетте) қазақша берілу керек.

2. Сыдықов сөзі (12 бетте) және де қазақша аударылу керек.

3. Маловты (21-бетте) құрметпен атағанмен, оның елеулі пікірі айтылмаған. Сондықтан оны атаудың қажеті жоқ.

4. Діншілдік туралы (20-бетте) дәлелдер сұйықтау, шет көзге шалағай, жеңіл көрінеді. Панисламизммен дауласуды бұдан әлдеқайда дәлелді деректерге сүйене отырып, салмақты айту керек. Және басқа бөлімдерде осы жәй дәлелдірек айтылған. Солардың аңғарымен дәлеліне сәйкес жазылмаса, мынау тұста саналған панисламистік, пантуркистік фактілер еңбектің салмағын арзанға сайғандай болады.

5. Шоқанның сөзін (25-бетте) қазақшаға жақсылап аудару керек.

6. Ыбырайдың өмірбаяны 26-беттен басталады. Осыны орнын тауып, бұдан бұрынырақ бір жерге ауыстыру дұрыс сияқты.

7. Ең жауапты мәселе – Ыбырайдың ақындығында да қайшылық жоқ емес. Әсіресе “Араз бол кедей болсаң” деген сияқты және басқа да кейбір өлеңдерінде ақын өзі қарсы болған исләмшілдікке кейде өзі қол артатыны бар. Мысалы:

“...Әюпті қырық жылдайын мың құрт жеді,

Әюп Нәби пәлеге сабыр етті...” –

деген сияқты, мұсылманның дін ұстаздары айтатын тағдырға бойсұну сарынында жазылған өсиеттері бар. Бұны өз заманындағы оқушыларының ұғымына орайлап берген баж деп түсіндірумен қатар, Ыбырайдың қайшылығы есебінде атап өту керек.

8. Ақынның орыс классик әдебиетімен байланысын айтқанда “Сәуірде көтерілер рахмет туы” дейтін өлеңінде реалистік пейзаж тудырғанын ірі бағалау керек. Қазақ әдебиетінде Абайға анық үлгі беріп, жаңа стильдік жол бастаған Ыбырай болады. Оның осы бір өлеңінің өзі ірі тарихтық, мәдениеттік жана ағымды бастап еді. Ыбырай осы өлең үлгісімен өзінің Пушкин, Лермонтов сияқты классиктер дәстүріне мол араласқанын танытқан болатын. Әсіресе осы еңбек туралы толық сөз қажет болатын себебі, жалпы тексеруде Ыбырайдың қара сөз жағы көп аталып, поэзиялық мұрасы аз қамтылған. Соның орайына, аудармалармен қатар, осы өлеңге жекеше тексеру берілу керек.

9. Бөлімнің басын тек қана “Ыбырай Алтынсарин” деп атаса болды.

10. Менің авторлық, редакторлық істеріме көмек ретінде томның Абай турасындағы бөлімдерін оқып шығып, пікір айтуды сұраймын.

Мынау хат тек өзіңізге ғана жазылған жолдастық ескертулер деп біліңіз. Бұл ресми рецензия емес. Мен қайтып келгенше бар мақаладағы кемшін жерлерді толықтырып, түзеп қоюға себепші болсын деген ниетпен тек өзіңізге ғана арнап жазып отырмын.

Сәлеммен, Мұхтар.

¹Жұмалиев Қажымға жазған пікір-хаты. Ол М. Әуезов шығармашылығы жайында мақала, зерттеулерінде, монографияларында жазған.

Дорогая Анна Борисовна!¹

С машинисткой Г. Евг. все улажено, она получила деньги еще в субботу 29-го. Бумагу в понедельник утром Утесев обещал ей прислать сразу 2 кг. Нужно Вам проверить.

Платить Г. Евг. будут в КФАН Сауранбаев² или Сулейменов³. Договорился с Сатпаевым о том, что по напечатании одного (самого лучшего) экземпляра будет представлен ему Вами с Вашим отзывом о романе (высказывание Ваше на обсуждении). Но до этого, если сумеет окончить печатание романа до моего приезда сюда машинистка, необходимо сделать хороший переплет этому первому экземпляру для Сатпаева. Переплет с тиснением, в дерматине обещал выполнить Джиреншин⁴ из музея, он живет в нашем же доме. Но, вероятно, я еще успею до этого времен и еще побыть здесь, и тогда сам сведу Вас с ним... Пока желаю Вам успехов.

С почтением, Мухтар Ауэзов.

P. S. Анна Борисовна, у меня большая просьба к Вам. Я оставил для Вас два небольших отрывка из сценария: стихи Кокпая и сказка Баймагамбета.

Переводите, пожалуйста, их с этого подстрочника, особенно нужно для работников кино. Стихи Кокпая – это конец фильма; но его будут снимать в числе первых натур. Прошу отделать и сказочки Баймагамбета – это проза. И оба эти материала после их окончания и отпечатания надо передать Арону Ефим Ефимовичу.

П. я. его: Дом культуры, группа картины Абай, спросить Арона...

¹Никольская Анна Борисовна (11-бетті қараңыз).

²Сауранбаев Нығмет Тінәліұлы (32-бетті қараңыз).

³Сүлейменов Бек – тарих ғылымының докторы.

⁴Жиреншин Әбіш Мұсылманқұлұлы (1913–1975) – әдебиет зерттеушісі, кітаптану ғылымының маманы. Тарих ғылымының кандидаты (1946), доцент. 1938–1942 жж. Қазақстан ғылым қоғамының төрағасы, 1942–1951 жж. ҚР Орталық мұражайының директоры.

Дорогой Алексей Максимович!

Сейчас проходит в Москве декадник казахского искусства и литературы. Еще одна народность, прежде обреченная к бесправному существованию, колониальному гнету, а теперь призванная Октябрем к творческой жизни, почувствовавшая себя сильной жить, творить и дерзать, — выносит на союзную арену на показ свои культурно-исторические достижения. Этот народ сегодня в лице своих деятелей культуры носит гордую уверенность не только в дне сегодняшнем, но и в даях своей перспективы. Он также твердо и убежденно мыслит, ему одному принадлежащим произведения прошлой культуры не только по праву унаследования памятников прошлого, но и потому, что и в прошлом создателем и хранителем лучших памятников прежних лет тоже был он сам. Этот народ и представители его. Недаром феодально-родовая верхушка до недавнего времени жила поговоркой: “Слава богу, из нашего племени не вышло ни одного бахсы (шамана) и поэта”. Именно талантливыми представителями самого народа, а не его эксплуататорами созданы и прошли через века богатейший казахский былинно-героический эпос, лиро-эпические поэмы, исторические песни и неисчерпаемо богатые по форме и содержанию народные бытовые лирические песни. Это многообразное богатство народной основы и дало повод первым русским ученым, как пр. Радлов, и другим исследователям казахского устного народного творчества назвать этот народ — народом-поэтом.

Своей многовековой музыкально-вокальной песенной культурой и произведениями устного творчества и произведениями талантливейших акынов, жыршы и индивидуальных авторов-поэтов, пользующихся известностью со второй половины XVIII столетия — всем этим разнообразием своей духовной культуры народ утверждал свое историческое существование, утверждал свое право на борьбу со всеми угнетателями, право жить и рождать лучшие шедевры своего искусства.

Эта народная почва и родила таких классиков казахской поэзии, как Абай Кунанбаев, который еще в 80-х годах прошлого столетия переводил Пушкина, Лермонтова, Крылова. Из восточных национальностей Советского Союза казахи первые стали знакомы с этими классиками, а имена Татьяны и Евгения Онегина стали самыми популярными именами в родных степях этого казахского поэта.

Немалым числом поэтов и писателей представлены ряды наших современных и революционных писателей. Казахский отряд советской литературы имеет значительную группу писателей старшего поколения, насчитывающих уже за своими плечами литературный стаж в 20-25 лет, и крепкую талантливую группу молодых писателей из батраков, из среды рабоче-колхозной молодежи. Силами этих новых поколений советских писателей из года в год осуществляется заметное обогащение казахской новой литературы, представленной теперь всеми известными большими и малыми жанрами полнокровной литературы культурной эпохи. Наряду с неуклонным ростом современной поэзии мы имеем уже и романы и разнообразную по видам развитую драматургию.

Не идут на убыль, а наоборот получают широкий рост и расцвет переключенные нашей революцией на новые высокие качества, идущие из глубины веков и традиций импровизированные песни акынов, жирши колхозных аулов Казахстана. Не противопоставляемые друг другу, а органически спаянно одним мироощущением, чаяниями и революционным духом идут, расширяя и углубляя единое по сути новое литературное движение, современные писатели и их собратья — продолжатели лучших традиций старой народной литературы народные певцы.

Наша новая литература, как и наше театральномызыкальное искусство, представленное ныне вниманию передовой общественности нашей страны, — всецело обязано своим возникновением и ростом пролетарской революции и глубокому личному вниманию вождя народов Сталина. Также литературные поколения революционных лет Казахстана наравне со всеми трудящимися казахами-читателями, знакомые с вашими произведениями на своем родном языке, считают Вас своим кровно родным учителем, другом, и они гордятся Вашим именем знамено-

носца, раскрепощенного и овладевшего высотами социалистической культуры трудового человечества. Воспитываясь на Ваших художественных произведениях, казахские писатели в своей творческой практике постоянно и чутко прислушиваются к каждому слову и Ваших теоретических высказываний о путях и перспективе нашей единой советской литературы.

Обращаясь в дни декадника казахского искусства с настоящим письмом к Вам, Алексей Максимович, мы, казахские писатели выразили бы только одно пожелание о том, чтобы внимание, уделяемое Вами стране и ее культурному росту, — было бы дополнено вниманием и к вновь рожденной культуре, искусству и литературе нашей Казахской республики.

¹ Горький (Пешков) Алексей Максимович (1868–1936) — орыс жазушысы.

Хат казак әдебиеті мен өнерінің бірінші онкүндігі (1936 ж.) өтіп жатқан кезде жазылған.

М. ЭУЕЗОВ – РЕСМИ АДАМДАРГА

№ 139

В Семипалатинское Губоно
от лектора Кирпедтехникума¹,
бывш. технического
редактора журнала “Тан”,
органа Семгубкома,
Губисполкома и
Губпрофсовета –
Ауэзова Мухтара

заявление².

Считаясь с огромной потребностью киргизской школы в киргизских культурных силах в качестве лекторов и организаторов народного просвещения, мною осенью 1924 года по настоянию зав. губоно тов. Сейдалина и других ответственных работников Семгубернии было прервано ученье, начатое в литературно-лингвистическом отделении ... Ленинградского университета. Имея сейчас за собою годичную практику по педагогической, журналистской и краеведческой деятельности в Семипалатинской губернии, чувствую недостаточность запаса теоретических знаний, для того чтобы вполне соответствовать назначению деятеля народного просвещения.

Причем считаю необходимым сообщить о том, что годичная деятельность в указанных отраслях не прошла бесследно для меня, она к полному моему удовлетворению прикрепила меня надолго и идейно к школе. В данный момент я не мыслю свое будущее вне школы.

Это то ценное, что я приобрел в результате годичной деятельности. Но вместе с тем одновременно чувствую и неудовлетворенность при мысли о том, что я не могу дать большего, чем сейчас. Большого в связи с всевозрастающим требованием к киргизской школе со стороны далеко отставшей народной массы. Вот эта мысль ставит передо мною неизбежную необходимость пополнения своих знаний, чтобы явиться во всеоружии на высоко ответственный пост деятеля народного просвещения в Киргизском Крае. И на основании этих соображений я решил прервать на два года начатую педагогическую деятельность, чтобы окончить указанный выше факультет, для чего прошу Губоно:

1. Разрешить мне продолжение своего образования.

2. Возбудить совместно с Губисполкомом ходатайство перед приемочной комиссией Ленинградского университета о восстановлении меня в правах студента II курса литературно-лингвистического отделения, так как в период годичного отсутствия я механически выбыл из списка студентов.

Р. С. О проделанной мною работе в журнале “Тан”, в краеведческих организациях и в качестве лектора Совпартшколы считаю излишним распространяться особо, так как моя деятельность во всех отраслях достаточно известна для Губоно.

М. О. Ауэзов был восстановлен приемной комиссией Ленинградского университета и им был получен матрикул студента 17/IX.1925 г. Гос. архив.

¹ Кезінде М. Әуезов оқыған мұғалімдер семинариясы кейін казак педагогикалық техникумы болып өзгерген.

² Семейде білімді кадрлардың болмауы себепті 1924 жылы жергілікті басшылардың сұрауымен М. Әуезов бір жыл уақытын осында өткізеді. Педагогикалық техникумда, кенес партия мектебінде сабақ беріп, өлкетану ұйымында ғылыми қызметтер істейді. “Тан” журналының техникалық редакторы міндетін атқарады. Аталған мерзім біткен кезде жұмыстан босату жөнінде өтініш беріп, екінші курстан оқуын қайта жалғастыруға мүмкіндік алады.

В ЦК ВКП(б)
товарищу Сталину¹
от члена Союза советских
писателей Казахстана и
действительного члена
Казахской Академии наук
Ауэзова Мухтара.

Тяжелое обвинение, возведенное на меня на страницах казахской республиканской газеты “Социалистик Казахстан” от 14 марта с. г. в статье т. Баишева, – свело всю мою 30-летнюю писательскую, научно-исследовательскую и 15-летнюю педагогическую деятельность в вузах Казахстана к систематической, упорной антисоветской сущности.

Не критика объективная, сурово требовательная, не большевистски справедливая – составила основу этой статьи, а грубый обвинительный акт, ставящий крест на страницах авторитетного в республике органа над всей литературно-научной, общественной деятельностью моей честного советского писателя, деятеля культурного фронта, преданного советского гражданина, – определил задание и глубоко оскорбительный замысел настоящей статьи. Не желая примириться с подобной огульной и жестокой расправой с моей деятельностью и личностью и не имея возможности реагировать каким-либо официальным способом, я обращаюсь единственно к Вам, как обращаются в подобных крайних случаях жизни все партийные и беспартийные, как я, работники.

Обращаюсь к вашему справедливому и высшему суду отца и друга советских писателей, советских ученых с просьбой помочь реабилитировать мою деятельность, мое имя скромного труженика культурного фронта, чтобы я мог трудиться нормально на пользу своей советской Родины.

В Казахстане моя деятельность известна в течение 25-30 лет, как писателя-драматурга и прозаика-романиста. Моей

пьесой “Энлик Кебек” 21 год тому назад открылся занавес первого в истории казахского народа Государственного драматического театра. Эта пьеса идет и поныне на сценах всех казахских театров. В 1934 году, 13 лет тому назад, моей комедией “Айман-Шолпан” открылся занавес первого музыкального, ныне Академического оперного театра Казахстана.

Мною написаны 20 оригинальных казахских пьес. Из них 10 пьес на исторические темы и 10 пьес на современную советскую тематику. За исключением двух-трех, все упомянутые пьесы поставлены на сценах казахских театров, ими по существу в казахском театре была выведена на сцену советская, оригинальная тематика: 1) о конфискации баев и росте советских кадров из бывших батраков “Тас-Тулук”; 2) о гражданской войне пьеса “Ал-Каин” (написана в соавторстве с Тажибаевым, премирована на конкурсе в 1938 г.); 3) о разоблачении врагов народа “На границе”; 4) о Великой Отечественной войне, патриотические пьесы – “Сын сагатта”, “Гвардия чести” (в соавторстве с Абишевым).

Как писатель-прозаик, я написал десятки рассказов, ряд повестей. В последние годы пишу роман-трилогию о казахском классике Абае. Первый том этого романа, имеющего своей основной идеей показ глубокого исторического влияния русской культуры на казахскую литературу в XIX веке, переведен и на русский язык, вышел из печати в Москве в 1946 году.

Рецензии на этот роман, с положительными отзывами о его идейно-художественном качестве, появились на страницах московских, ленинградских журналов “Новый мир”, “Звезда” № 9 за 1946 год, на страницах центральных газет “Известия”, “Литературная газета” и положительные, неоднократные упоминания о нем имели место на страницах газеты “Культура и жизнь”.

Роман этот так же положительно оценен в решении Пленума Союза советских писателей Казахстана в 1943 году и еще отмечен как одно из лучших достижений казахской советской литературы последних лет в особом постановлении ЦК Компартии Казахстана в 1943 году.

Кроме собственных произведений я систематически работал над переводом и популяризацией произведений со-

ветских писателей, русских и мировых классиков на казахской сцене.

Многую переведены, начиная с 1932 года, пьесы “Страх” – Афинегенова, “Аристократы” – Погодина, “Любовь Яровая” – Тренева, “Князь Мстислав Удалой” – Прутта, “Офицер флота” – Крона, из классиков – “Ревизор” Гоголя, “Отелло” и “Укрошение строптивой” – Шекспира.

За единичными исключениями и эти пьесы поставлены на казахской сцене при моем участии.

Свыше 30 названий научно-исследовательских статей, очерков и развернутых исследований написаны мною по неизученным ранее вопросам истории литературы, в области этой молодой, еще только зарождающейся новой отрасли советской науки.

В течение последних шестнадцати лет я веду педагогическую практику в казахском пединституте и в казахском Гос. университете – числюсь профессором по кафедре казахской литературы.

Учитывая результаты моих трудов, правительство наградило меня в 1945 году орденом Трудового Красного Знамени, а в 1946 году, при создании Казахской Академии наук, я избран в действительные члены и члены президиума этой Академии.

Я далек от мысли о том, что вся моя долголетняя деятельность была на всем протяжении, во всех ее видах безупречной с точки зрения идейно-политической, художественно-научной и т. д. Наоборот, я имел крупные политические ошибки, заблуждения в своем прошлом, конкретно, в первой половине моей деятельности, оказавшись в плену националистической идеологии.

Получив высшее образование в советском вузе (1923–1928 гг.) – в Ленинградском госуниверситете и пройдя дополнительную научную подготовку в качестве аспиранта в Среднеазиатском университете (1928–1930 гг.), я одолел грубые ошибки своей молодости и в 1932 году, в заявлении на страницах казахской республиканской печати, осудил свои политические заблуждения и твердо стал на путь советского писателя, советского ученого.

Огромное большинство вышеупомянутых моих оригинальных произведений и переводов, научно-исследо-

вательских трудов написаны за этот последний период, за последние 15 лет моей деятельности.

Правда, работая на идеологическом фронте и ведя, ввиду малочисленности кадров, чересчур разностороннюю работу в литературе, искусстве, науке, в редактировании коллективных трудов, в рецензировании диссертаций отдельных научных работников, порою я не обеспечивал необходимое правильное идейно-политическое, марксистско-ленинское научное качество в отдельных видах указанных своих работ.

Это и было справедливо отмечено в особом постановлении ЦК Компартии Казахстана от 21 января 1947 года “О грубых политических ошибках Института языка и литературы Казахской Академии наук”. В этом постановлении, наряду с ошибками многих других научных работников, дважды упомянуто и мое имя, один раз как редактора рукописного (еще не изданного) тома “История казахской литературы” и другой раз как националиста в прошлом.

На собрании интеллигенции города Алма-Аты, посвященном указанному постановлению, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Шаяхметов в своем докладе указал на мои ошибки. Но он, справедливо критикуя мои недостатки, также упомянул и о моей полезной для казахской советской литературы и науки деятельности и объективно, безусловно, правильно предъявил мне требования общественности, ожидающей от меня крупных полотен на современную тематику. На этом собрании я самокритично проанализировал недостатки в своих работах и высказал уверенность оправдать на деле, в творчестве, оказываемое мне доверие советского народа.

Но статья Баишева, упомянутая мною в начале настоящего моего обращения к Вам, опровергнула, казалось бы, авторитетно выраженную в докладе тов. Шаяхметова личную отношения партии ко всей сумме моей деятельности.

Ввиду того, что эта статья опубликована на странице органа ЦК партии Казахстана, и что она написана как будто в продолжение и уяснение отдельных положений упомянутого выше решения ЦК КП(б) К и, вдобавок, она написана по заданию секретаря ЦК КП(б) К по агитации и пропаганде т. Абдыхалыкова — я не могу не воспринять ее как опре-

деленное общественно-политическое, решающее отношение и себе.

И при этом выступает особенно несправедливым, огульным, грубо односторонним определением содержания моей деятельности. Из всех перечисленных выше моих разносторонних собственных трудов ни один (за исключением лишь одного доклада моего на торжественной сессии Академии наук) не берется Баишевым для разбора и обоснования его положений, о якобы вредной, антисоветской, чуждой идеологии моей.

Он исходит только из одного положения, что я в прошлом был националистом и в дальнейшем осуждает меня за мои редакторские работы. А редакторство, по существу, не составляет даже двадцатой доли всей моей трудовой деятельности. Он еще обвиняет меня за художественные произведения самостоятельного писателя Тажибаева, обвиняет за все идейно-политические ошибки, заблуждения всего литературоведения и даже языкознания в Казахстане, хотя я в своей жизни не писал ни одной работы на тему языковедения.

Короче, я обвиняюсь как бы в качестве руководителя всего культурного фронта в Казахстане, или, вернее, вина за ошибки на идеологическом фронте перекладывается с тов. Абдыхалыкова, секретаря агитации и пропаганды ЦК КП(б) К, на меня, беспартийного писателя и ученого, так как легче приписать человеку вину, не давая ему возможности ни полемизировать, ни возражать, вдобавок еще человеку, у которого националистическое прошлое и которого легче обвинить в любых смертных грехах.

Исходя из этого положения, очевидно, все мои произведения, в частности все пьесы на советскую тематику, Баишев отрицает одной фразой, как несущественные факты. А между тем этот же тов. Баишев, будучи в 1938 году редактором газеты “Социалистик Казахстан”, посвятил целую полосу в ней моей новой пьесе “На границе”, разоблачавшей врагов народа в 1938 году. Правда, что не удержалась долго на сцене эта пьеса, как не удержались долго и ряд других пьес на советскую тематику. Но как они, так и все другие мои пьесы, в свое время, на известные годы оказывали, безусловно, положительное, воспитательное влияние на казах-

ских зрителей. Об этом свидетельствуют статьи и полосы на страницах казахской печати по поводу каждой из моих подобных пьес.

Будучи начальником Управления по делам искусств в Казахстане сам т. Баишев только недавно, т. е. в прошлом 1946 году, на торжественном заседании, посвященном 20-летию Казахского Академического театра драмы, в присутствии руководителей партии и правительства Казахстана назвал мою последнюю новую пьесу “Кобланды” “шедевром драматургии”, нашел даже возможность записать ее в “золотой фонд” репертуаров драмы.

А ныне, как все эти пьесы, так и роман “Абай”, получивший известное признание союзного читателя, по своим значениям сведены к нулю, лишь для того, чтобы обвинить, очернить беспардонной критикой весь мой трудовой творческий путь.

Я приношу свое глубокое извинение перед Вами, дорогой Иосиф Виссарионович, за то, что решился отнять Ваше неоценимое время высказыванием своей боли и обиды, переносимых мною сейчас. Зная и помня оказываемое вами заботливое внимание многим советским писателям, в такие трудные случаи в их жизни, внимание, всегда способствовавшее заново крепко стать на ноги и стать еще более активными и полезными в труде многим людям нашей страны, и также храня неколебимую веру в то, что и в данном случае ваш справедливый суд поможет мне, казахскому писателю, писать лучше, стать выше того уровня творческой деятельности, на котором я так грубо сбит несправедливым отношением к себе — я решил обратиться к вам.

Я обращаюсь в ЦК ВКП(б) еще потому, что инициатива в заказе указанной статьи именно в упомянутом, заведомо обвинительном, охаивающем тоне принадлежит секретарю ЦК КП(б) К по агитации и пропаганде тов. Абдыкалыкову.

Его отношение ко мне, за все пять лет его пребывания на этом посту, было неизменно тенденциозным, несправедливым, главное не партийно последовательным, а наоборот, только придирчиво начальственным без намеков на идейно-политические принципиальные требования.

Поразительно, что каждое мое произведение, получающее хоть какое-либо признание казахского или союзно-

го читателя, все больше портило отношение ко мне т. Абдыкалыкова. В чем заинтересован он? В том ли, чтобы руководимые им кадры литературы, искусства создавали лучшие произведения и тем заслуживали славу для всего фронта культуры, или занят больше стремлением создать лишь впечатление тревожной озабоченности за судьбу литературы — это загадка, и загадка не только для меня лично, но, как я полагаю, и для огромного большинства кадров литературы, искусства и науки Казахстана. Справедливый принцип ЦК ВКП(б) — по делам ценить людей, а не по людям ценить их дела — не входит в принцип и стиль руководства тов. Абдыкалыкова. От него и исходит расходящаяся с оценкой тов. Шаяхметова, вылившаяся в статью тов. Байшева, сплошь охаивающая всю мою деятельность критика, построенная на давно забытом и одоленном всей моей трудовой жизнью — прошлом.

В силу создавшейся такой сложной обстановки я и прошу Вашего внимания к моему столь затруднительному, обескураживающему меня в труде безвыходному состоянию.

М. Ауэзов.

Адрес: г. Алма-Ата, ул. Калинина, 63, кв. 29.

Р. С. Вместе с настоящим своим заявлением посылаю экземпляр своего романа “Абай” на русском языке.

¹Ұлы Отан соғысы кезінде біраз саябырсыған идеологиялық қылмыс, репрессия соғыстан кейін қайта өрши бастаған кезде М. Әуезовке де солақай идеологиялық шабуыл басталған. 1947 жылы 14 қарашада С. Бәйішевтің “Социалистік Қазақстан” газетінде шыққан “Профессор М. Әуезов өткендегі кателерінің шырмауында” атты мақаласынан кейін бұл жағдай тіптен ушығып кеткен. И.В. Сталинге осындай жағдайда хат жазуға тура келген. Хаттың мазмұны сол кездегі идеологиялық жағдайды айқын көрсетеді.

М. Ауэзов – М. Сужикову, Н. Джандильдину

№ 141

15 февраля 1953 г.

ЦК КП Казахстана
товарищу Сужикову,
Отдел науки
товарищу Джандильдину

Получив 14 февраля с. г. распоряжение № 108 за подписью вице-президента Академии наук КазССР тов. Горяева¹ (копия приложена), я счел необходимым обратиться в ЦК партии с необходимыми, существенными фактически разочарованиями и с выражением своего глубокого недоумения по поводу данного распоряжения, несправедливого по сути, так как оно исходит из самых искаженных, неверных представлений о действительном положении вещей по 1-му тому “Истории казахской литературы”.

В распоряжении записано, что я являюсь автором будто бы одного раздела “Айтыс и сказки”. На самом деле, мне было поручено составить два раздела (двух периодов): “Сказки” и “Айтыс” (пореформенного периода). Из этих разделов самый большой, трудоемкий – это раздел о сказках, и он, вопреки утверждению указанного документа, написан мною в своей основной, полноценной редакции еще к началу ноября, как было оговорено Институтом и президиумом при поручении мне этой работы как новому члену редколлегии 1-го тома, введенному в состав редколлегии только осенью. Обсуждение этого моего раздела прошло еще в ноябре месяце в присутствии членов президиума Академии наук т. Сауранбаева² и Покровского, и работа получила единогласную высокую оценку членов редколлегии: Габдуллина, Ахметова³, Сильченко⁴ и Смирновой⁵. Таким образом, никаких срывов по одному, самому главному разделу тома моей работы не было. Правда, на этом заседании редколлегии были высказаны естественные замечания, пожелания к последней редакции раздела, и редактором моих разделов был тогда же назван т. Габдуллин.

Дальше я выехал на Всесоюзную конференцию сторонников мира и по возвращению в конце декабря хотел напи-

сать оставшийся за мной небольшой раздел об айтысах по-реформенного периода. Но тут оказались не зависящие от меня, от редколлегии существенные затруднения в отношении самих материалов айтыса.

Речь шла об установлении окончательного текста дореволюционных айтысов Джамбула, по поводу которых я и должен был написать свой последний, второй и совершенно обособленный от раздела сказок, небольшой по объему, раздел.

В целях установления истины и справедливости, я прошу ЦК проверить у т. Исакова⁶, Смирновой, Габдуллина⁷ в Академии и у тов. Джаймурзина⁸ в Союзе писателей, как обстоит вопрос и как обстоит он сейчас с установлением окончательного текста айтысов Джамбула.

Так как раньше к текстам о Джамбуле прилагали руки различные элементы, Институт языка и литературы и Союз писателей, естественно, решили теперь окончательно проверить самые тексты айтысов Джамбула. И сейчас по официальному специальному решению Институт и Союз передали эти тексты на проверку двух бывших секретарей Джамбула — т. Орманову⁹ и Абдикадырову¹⁰. Тексты эти пока от них не вернулись. А я, по договоренности с т. Исаковым и редактором тома т. Габдуллиным и Смирновой, обязался написать этот раздел об айтысе сразу же по получению материала исследования от секретарей акына. А по поводу доработок своего первого раздела, т. е. сказок, я ждал и просил суммированных и конкретизированных после обсуждения редколлегии замечаний моего ближайшего редактора т. Габдуллина. Их я получил две недели тому назад, и, начав свою доработку сразу же по получению замечаний т. Габдуллина, я закончил окончательный текст неделю тому назад и известил директора Института — т. Исакова, редактора т. Габдуллина, передав свою законченную работу на перепечатку в Институт.

От машинисток Института материал моего исследования в 103 страницы прислали мне только в пятницу 13 февраля. Эту свою работу, по моему глубокому убеждению, вполне пригодную для 1-го тома, я прилагаю при сем для сведения ПК, направляю в отдел науки и тем хочу добавить, что вышеозначенное распоряжение тов. Горяева пишется

13 февраля в тот самый день, когда самая большая работа моя по тому, уже неделю назад законченная, находилась в институте Академии.

А по разделу “Айтыс” я себя не могу считать ни ответственным, ни виновным в данной стадии, так как я еще не имею в руках апробированного Институтотом и Союзом писателей материала своего исследования.

Характерно и весьма необъективно в распоряжении т. Горяева и то, что он по непонятной для меня причине, очевидно, информированный совершенно односторонне, старается взвалить вину в задержке тома лишь на меня, на мои разделы. А между тем, весьма важный раздел этого тома “Исторические песни” т. Ахинжанова обсужден в редколлегии и передан для доработки только в четверг, т. е. 18 февраля. Раздел “Героический эпос” т. Габдуллина тоже еще не имеет окончательного текста и, очевидно, иметь не сможет до проведения дискуссии по эпосу. По крайней мере, так говорилось членами редколлегии и в том числе самим автором этого раздела т. Габдуллиным на последнем заседании редколлегии от 12 февраля.

Нет окончательной редакции и другого большого раздела 1-го тома, как “Социально-бытовые поэмы”, потому что вопрос об этом жанре в целом также ставится на предстоящую дискуссию.

Упомянув об этих фактах, я и утверждаю, что обвинение меня в срыве подготовки тома не соответствует действительности, несправедливо, а поспешное по этому поводу решение вице-президента Академии т. Горяева необоснованно.

Обращаюсь в ЦК с просьбой о восстановлении справедливости в отношении себя, своего готового труда, который, по оценке членов редколлегии тома, мог явиться существенным разделом тома.

Профессор Ауэзов.

¹ Горяев М. И. (1904) – биохимик, техника ғылымының докторы (1945). 1946–1955 жж. ҚазКСР ҒА вице-президенті болды.

² Сауранбаев Н. Т. (32-бетті қараңыз).

³ Ахметов Ш. (1913–1983) – әдебиетші ғалым, жазушы. М. Әуезов шығармашылығын балалар әдебиеті тұрғысынан зерттеген.

⁴ Сильченко М.С. (303-бетті қараңыз).

⁵ Смирнова Н. С. (25-бетті қараңыз).

⁶ Ысқақов Б. И. (1924–1991) – ақын, әдебиетші.

⁷ Ғабдуллин Мәлік (45-бетті қараңыз).

⁸ Жаймурзин Ә. – философ, партия қызметкері. Қазақстан Жазушылар одағында қызмет істеген кезінде М. Әуезовпен жұмыс барысында кездесіп тұрған.

⁹ Орманов Ғали (1907–1978) – ақын. Бірнеше мақалаларында М. Әуезов шығармалары жайында жазған.

¹⁰ Әбдіқадыров Қалмақан (1903–1964) – ақын, жазушы. Ол туралы М. Әуезовтің “Қалмақаннан не тілер едік” мақаласында айтылады.

М. Ауэзов – Ж. Шаяхметову

№ 142

2 марта 1953 г.

ЦК КПК

Товарищу Шаяхметову Ж.Ш.

В силу накопившихся, за последнее время, различных, весьма сложных и неразрешимых моими силами, трудных обстоятельств моей деятельности и жизненной действительности, – я обращаюсь к Вам, дорогой товарищ Шаяхметов, с большой, убедительной просьбой принять меня для непродолжительного личного собеседования.

В числе упомянутых обстоятельств имею в виду:

1) Вопрос о моем заявлении в печати в связи со статьей “Правды” – “Величание вместо критики”¹. В частности, очень нуждаюсь в Ваших указаниях, советах и по роману “Абай”.

2) Вопрос о своей пьесе “Алуа” с образом казахской советской женщины – партийного руководителя. По этой пьесе я просил и жду тоже советов и указаний от Вас и от т. Сужикова.

3) Вопрос о моем сотрудничестве в 1-м томе “Истории казахской литературы”, по которому мое обращение к т. Сужикову и зав. отделом науки т. Джандильдину² осталось без

последствия, почему я вынужден обратиться к вашему авторитетному мнению и по данному поводу.

Ауэзов Мухтар.

¹ 1953 жылы 30 кантарда “Правда” газетінде жарияланған П. Кузнецовтын сын макаласы.

² Жанділдин Нұрымбек (54-бетті қараңыз).

М. Ауэзов – А. Фадееву, А. Суркову, К. Симонову

№ 143

апрель 1953 г.

Товарищам
Фадееву Александру Александровичу¹,
Суркову Алексею Александровичу и
Симонову Константину Михайловичу
от члена Правления ССП СССР
писателя Ауэзова М. О.

заявление.

Как человек к человеку, как писатель к писателю, однажды в жизни, я обращаюсь к вам троим, в очень трудный момент моей жизни в состоянии большой моральной подавленности. Прошу вас о немногом, а именно, познакомиться с данным моим заявлением и познакомиться лично с теми двумя материалами, которые и приложил к настоящему своему заявлению, и сказать, где следует (где и как вы найдете нужным) свое слово за писателя, известного Вам хотя бы своей творческой писательской деятельностью.

Один из приложенных документов – это копия моего заявления на имя Министра культуры СССР тов. Пономаренко, а другой – мое выступление на недавно проведенной в Алма-Ате дискуссии по казахскому эпосу.

По этим двум материалам можно получить ясное представление о тех условиях и обстоятельствах, в которые я поставлен сейчас и еще в ту пору, когда я работаю над очень значительной темой о создании образа казахской советской

женщины (бывшей батрачки бая, ставшей секретарем райкома, кандидатом наук и Героем Социалистического Труда) в виде пьесы и в плане нового советского романа.

Дело в том, что освобождая меня от работы в Университете, и. о. ректора безоговорочно приклеивает мне ярлык националиста (копия приказа приложена). А в своем докладе на дискуссии по эпосу доцент М. Габдуллин² меня именуется буржуазным националистом, до сих пор неизменно стоящим на давних политически ошибочных позициях и якобы проводящим в своих статьях по эпосу враждебные советской стране буржуазно-националистические идеи.

Развернувшаяся в республике за последние три года правильная, нужная и важная критика буржуазно-националистических ошибок в области литературоведения, сказала много справедливого, принципиально правильного, объективно необходимого и о моих ошибках. О них я говорил, признавался на многих собраниях, о них же я пишу и товарищу Пономаренко, говорил о них и в своем прилагаемом выступлении на дискуссии.

Но вместе с этим я не могу не указать, в результате вот уже трехлетнего обсуждения всех этих вопросов, теперь на то, что в критике моей деятельности, в обсуждениях ее (как это сделано по Каз. госуниверситету) допускается двойкая тенденциозная несправедливость.

Во-первых, нигде и никем из критиков не учитывается моя деятельность писателя, написавшего наряду с ошибочными, в большинстве своем давними статьями и много художественных произведений, как пьес, повестей и романов, на те же темы исторического прошлого, а иногда даже на тех же ошибочно написанных статей, но в гораздо более правильном освещении их в пьесах и прозе.

Настолько не учитывается эта самая основная сторона моей деятельности, что, вынося суровый приговор, как политическое обвинение всей моей личности и деятельности, только на днях докладчик по эпосу М. Габдуллин заявил в своем заключительном слове, что он говорит лишь обо мне — научном работнике, а не говорит обо мне — писателе. Подобное заявление М. Габдуллина может подтвердить и т. Климович Л. И.³, присутствовавший на упомянутой дискуссии в Алма-Ате.

С одной стороны, человек ведет критику на истребление, и с другой, говорит, что не учитывает основную вашу деятельность. Какая же логика и справедливость подобной оценки человека?

Во-вторых, есть явная тенденция значительной группы лиц, допуская в своих работах на темы фольклора и всего прошлого очень много грубых идейно-политических ошибок буржуазно-националистического характера и стремящихся переложить тяжесть своей вины на меня, как на человека с известным грузом прошлого. При этом данные лица дружно ссылаются на меня, как на высказывавшегося по тем или иным поводам впервые и будто бы тем способствовавшего их же ошибкам. Между тем, эти лица — члены партии, очень ответственные работники, выступающие на фронте литературы и науки уже ряд десятилетий, более десятка лет по меньшей мере, полагают, что будто указание их на первого ошибавшегося якобы освобождает их от ответственности или облегчает их вину.

Однако эти лица-то ошибались покрупнее и вреднее меня потому, что они писали не только статьи, как я, а писали школьные учебники, составляли хрестоматии, писали совместно школьные и вузовские программы (заменившие годами учебники) и писали эти свои коллективные труды в одних и тех же, приблизительно, авторских сочетаниях в течение многих лет и до самого последнего времени.

Но в выступлениях на дискуссиях, на собраниях указанные лица дают льготные оценки одним и уничтожающие другим, в частности мне, вынося приговоры, наподобие приказа ректора КазГУ.

Требую к себе справедливости, я лишь напомню о том, что мною написана 21 оригинальная пьеса, несколько романов, ряд повестей и много рассказов.

Более половины указанных пьес посвящено советской тематике, и огромное большинство таких пьес шло в казахских театрах. Я не стану распространяться о цикле своих романов об Абае. Одно только скажу о них, что, являясь самыми крупными произведениями моей интеллектуально-творческой деятельности, они и при наличии отдельных недостатков их, никак не являются книгами, пропагандирующими национализм. Наоборот, самым главным их достоинством, самой сокровенной их сутью являлась глубокая, ис-

кренняя любовь и уважение к русской культуре, к русскому народу, к его истории, т. е. все, что активно противостоит казахскому национализму. Умалчивая самые значительные стороны моей многолетней положительной деятельности и вынося самые беспощадные и безудержно-грубые политические обвинения, люди совершают чрезмерно насилие над моей личностью и тем наносят глубокий ущерб моей сегодняшней напряженно-творческой деятельности честного, ищущего советского писателя. Вот почему я настойчиво прошу вашего вмешательства и справедливого заступничества хотя бы в тех моментах, где я прав и где люди переходят грани дозволенного, нарушают требования товарищеской критики и становится на путь обидного невыносимого охаивания.

(Мухтар Ауэзов).

¹Фадеев Александр Александрович (27-бетті қараңыз).

²Ғабдуллин Мәлік (45-бетті қараңыз).

³Климович Люцион Ипполитович (1907 – ө.ж.б.) – дінтанушы, әдебиетші.

М. Ауэзов – П. Пономаренко

№ 144

21 апреля 1953 г.

В Министерство культуры СССР министру товарищу Пономаренко Пантелеймону Кондратьевичу¹ от писателя – лауреата Сталинской премии, действительного члена Академии наук Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора Ауэзова М.О.

заявление.

Приказом № 187 от 12 марта 1953 г. по Казахскому Государственному университету им. С. М. Кирова за подписью и. о. ректора ун-та доцента Сайкиева я освобожден от занимаемой долж-

ности профессора при кафедре казахской литературы. (Копия приказа приложена.)

Мотивом к данному приказу приведено тяжелое политическое обвинение: “За систематическое допущение в своей научно-педагогической деятельности ошибок националистического характера”.

Считая себя не только несправедливо уволенным, а самое главное — оклеветанным настоящим актом как научный работник, как деятель культурного фронта, обращаюсь к вам лично, товарищ Пономаренко, чтобы было выяснено истинное положение с преподаванием казахской литературы в КазГУ и на основе действительно установленных данных была бы восстановлена справедливость в отношении меня.

В упомянутых только что делах я приведу несколько справочных фактических данных.

Во-первых: указанный приказ кроме своей суровой формулировки не подкреплен никакими действительными данными. Например, не было ни одного случая стенографирования моих лекций в университете, не было ни одного заседания кафедры, деканата или ректората, где бы когда-нибудь ставился вопрос о неудовлетворительности или о политической ошибочности моих лекций.

Во-вторых: я читаю лекции в казахстанских вузах, с большими перерывами, более двадцати лет. А именно — с 1933 года начал читать лекции по казахскому фольклору в Казахском пединституте им. Абая в Алма-Ате. С 1943 года по 1953 год непрерывно читал лекции по двум дисциплинам: 1) по казахскому фольклору, 2) по абаеведению (спекурс о жизни и творчестве казахского поэта-классика Абая Кунанбаева) в Каз. Госуниверситете. За все эти годы также не было никаких критических, осуждающих мои научно-педагогические, лекторские занятия решений, выводов в вузовских коллективах. Мне сейчас 56 лет, и я полагал, что через четыре года я смогу поставить вопрос о пенсии за свою долгую педагогическую деятельность в первых вузах республики.

В-третьих: За эти годы своей научно-педагогической деятельности я занимался одновременно и научно-

исследовательской работой по казахскому фольклору, по абаеведению. И я являлся одним из первых педагогов-исследователей, впервые организовавших курсы лекций по указанным дисциплинам в казахских вузах.

Правда, в этих начинаниях были и ошибки. Они были и идейно-политического, и научно-методологического порядка. Эти очень серьезные ошибки, отчасти имевшие место в общесоюзной литературоведческой науке (до 1948–1950 гг.), могли быть еще более разительными (при нашей научно-теоретической невооруженности) в отношении казахской литературы, никак не изученной ранее в серьезном научном аспекте.

Намереваясь остановиться на своих ошибках особо позже, считаю необходимым также добавить, что в результате исследовательских работ по эпосу я написал ряд советских пьес, поставленных на сценах казахских театров, а на основе своих поисков, изучения жизни, деятельности поэта-классика Абая я написал и множество статей, исследований о нем на казахском и русском языках. И наряду с этим также написал о нем исторический роман “Абай”, удостоенный Сталинской премии первой степени в 1949 году. Данное произведение, как исторический роман, естественно явилось результатом и научно-исследовательской работы моей.

Посвященный своей главенствующей идеей показу благотворного воздействия передовой русской культуры на все то новое и народное, что зарождалось в Казахстане в эпоху безвременья – в XIX веке, – роман “Абай” никак и никак не был оценен как националистическое произведение. А я, автор этого романа, исследователь жизни и эпохи поэта, был первым и единственным преподавателем вуза, организовавшим этот вузовский курс и читал в единственном числе по сей день лекции по данному спецкурсу.

Что роман “Абай” является произведением советского писателя, пользовавшегося методом социалистического реализма, свидетельствовали высказывания многих и многих русских советских писателей и критиков на страницах “Правды”, “Известий”, “Литературной газеты”, на страницах многих журналов, сборников, статей и т. д. Относительно данного романа мне передавали положительные мнения и наших руководителей партии и правительства Союза. По-

положительная оценка роману была также дана на страницах “Правды” и на Пленуме ЦК Компартии Казахстана и секретарем ЦК КПК тов. Шаяхметовым. И так как этот роман воплощал в себе идейно-историческое воззрение, исследовательские, литературоведческие мысли, знания автора, советского писателя, поэтому читаемый этим автором курс лекций по абаеведению не мог не опираться на все положительные итоги достижений науки и литературы в данной области. Между тем, и при этих условиях в абаеведении, как в самой молодой отрасли науки, тоже были ошибки. В частности, в вопросе о так называемой школе Абая были мною допущены грубые идейно-политические ошибки. Они были вскрыты во время дискуссии по абаеведению в 1951 году, и после решения этой дискуссии я внес в объеме 8 печатных листов поправки в новую книгу своего романа о дальнейшей жизни поэта “Путь Абая”. Эти же существенные поправки я вносил также в читаемые мною лекции в университете. Однако в вышеупомянутом приказе увольнения и обвинения не учтено ни одно из названных обстоятельств. Не имея даже хотя бы одной страницы застенографированной моей лекции, лишь опираясь на общие, осуждающие (мои бывшие националистические ошибки) заметки республиканских газет, однобокие выступления отдельных лиц на некоторых собраниях — ректорат университета принял упомянутое суровое решение. Оно лишает меня всякого права чтения лекций в советских вузах. Это тяжелое политическое обвинение советскому ученому одновременно порочит и мою личность, всю мою деятельность советского писателя. Однако как можно совместить положительную оценку этой деятельности, данную партией и правительством Союза, оценку, данную союзным советским читателем роману, который является самым большим трудом всей моей жизненной, творческой деятельности до сих пор, на который затрачено 12 лет труда моего (и который переведен или переводится сейчас на 18-20 языков народов Союза и стран народной демократии) — как можно совместить все это с той бездоказательной, однобокой формулой обвинения по университету, где из двух читаемых мною курсов один является спецкурсом по тому же поэту Абаю? Другой — читанный мной в университете курс лекций был о казах-

ском фольклоре. По нему у меня имелись ошибки в разные этапы моей жизни, различные.

В пору до 1930 года, когда я находился под влиянием националистической идеологии в Казахстане, еще не имея и законченного высшего образования, в годы 1920-й, 1928-й, 1930-й я писал статьи и отдельные работы с реакционных, консервативно-националистических позиций. А после того как в 1933 году, осудив это свое националистическое прошлое, перешел на позиции советского писателя и советского научного работника, я стремился создать и художественные произведения, и исследования, опираясь на марксистско-ленинскую диалектику. Мною написано более десятка пьес на советскую тематику, написано большое количество статей, исследований по фольклору по новой литературе. Однако и тут в области исследовательской работы были ошибки, но они не имели ничего общего с моей прежней отвергнутой, осужденной мною позицией. Совершая эти ошибки, я и исправлял их новыми работами. А по целому ряду этих ошибок я заблуждался вместе со всем обществом в Казахстане.

Например, до 1944 года, пока ЦК ВКП(б) не вскрыл ошибок Татарского обкома партии по вопросу о ханско-феодальном эпосе “Едиге”, мы в Казахстане (все казахские исследователи и писатели) ошибочно рассматривали былинку об Едиге как народную. Так же до 1930 года, до статьи “Правды” о Кенесары Касымове – глубоко ошибочно рассматривали фольклор о нем как народный.

До 1951 года, до дискуссии по абаеведению, мы (и я в первую очередь) ряд лиц, оставивших воспоминания свои об Абае, причисляли к группе учеников Абая, а они являлись консервативными, реакционными поэтами.

По поводу наших ошибок в литературоведении, в частности по вопросу эпоса, в том числе о моих ошибках, недавно было много высказано на специальной дискуссии, устроенной президиумом Академии наук КазССР и президиумом Союза советских писателей Казахстана. Дискуссия закончилась 14 апреля 1953 года. Несмотря на односторонние, грубо обвинительные выводы (приговор) одного из докладчиков, а именно М. Габдуллина обо мне – решение дискуссии, согласованное с ЦК КП Казахстана, указа-

ло на ошибки общие для всех исследователей эпоса, фольклора в Казахстане. Мною было сделано развернутое выступление на данной дискуссии, и так как это мое выступление может быть понято и оценено одновременно и как мое объяснение по курсу моих лекций по фольклору в Казгосуниверситете — я прилагаю при данном своем заявлении и копию этой своей речи.

Обращаясь к вам с настоящим своим заявлением, прилагая свое выступление на указанной дискуссии как часть моих объяснений своей деятельности в качестве научного работника и лектора в том числе, я очень просил бы вас, товарищ Пономаренко, выразить свое отношение к сложившимся вокруг моей деятельности обстоятельствам.

Я прошу ваших указаний об отмене указанного выше грубо обвинительного приказа ректора КазГУ как документа безоговорочно и навсегда порочащего мою личность, мою деятельность советского человека. И также прошу восстановить меня в правах профессора, преподавателя в вузах Казахстана.

При чем добавляю, что мне не обязательно работать в КазГУ, я могу продолжать творческую работу лишь в качестве писателя, но и в этом случае я законно прошу реабилитировать меня от тяжелого обвинения, от того позорного клейма, которое приклеено к моему имени после двадцатилетней моей педагогической деятельности в вузе, и которое может быть так пришито столь бездоказательно и огульно лишь оклеветанному человеку.

Писатель,
действительный член Академии наук
Казахстана, профессор.
(Ауэзов Мухтар).

¹Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984) — белгілі партия қайраткері. 1953—1954 жылдары КСРО мәдениет министрі, 1954—1955 жылдары Қазақстан КП ОК-нің бірінші хатшысы болды.

М. Ауэзов – С. Кафтанову

№ 145

3 августа 1953 г.¹

Заместителю министра культуры СССР товарищу Кафтанову С. В. от писателя, лауреата Сталинской премии, действительного члена Казахской Академии наук, быв. профессора Каз. Госуниверситета Ауэзова М. О.

заявление.

Неудовлетворенный новым приказом ректора КазГУ т. Закарина, препровождая при сем выписку из этого приказа, я вновь обращаюсь в Министерство культуры, к Вам лично, с просьбой решить наконец в положительном смысле мой вопрос и восстановить меня на моей прежней должности профессора кафедры казахской литературы.

Законным основанием своего нового, повторного обращения к Вам считаю следующие обстоятельства:

1. Снятие новым приказом ректора т. Закарина от 10 июля 1953 года того тяжелого политического обвинения, которое бездоказательно, огульно и клеветнически было приписано моему имени первым приказом и. о. ректора Сайкиева 12.III 1953 года и которое фактически сегодня оказалось несостоятельным даже по признанию самого ректората.

2. Ссылку на мое заявление от 3.III 1953 года о моем освобождении из КазГУ (как это последний приказ т. Закарина), написанном мною в условиях начавшейся тогда травли меня, но заявления, не принятого во внимание ректоратом в пору публикации первого приказа, считаю незаконной. Ввиду того, что ректорат в лице Сайкиева в марте месяце не принял во внимание мое заявление, а вместо этого предпочел охаивающее, дискредитирующее меня в глазах студенчества, профессуры и всей широкой общественности Казахстана отношение ко мне, я давно отказался от своего

заявления от 3.III 1953 года. А новый приказ т. Закарина фактически подтверждает прежнюю суть, т. е. увольнение меня под иным соусом, по иным формальным основаниям, и меня в глазах той же общественности университета оставляет уволенным по-прежнему по мотивам широко разглашенным на многочисленных собраниях в университете в пору первого приказа. Учитывая подобный, уже далеко зашедший конфликт между мною и ректором, я теперь настаиваю на своем восстановлении в КазГУ.

Незаконно и вопиюще несправедливо, не имея никаких фактических оснований, уволить меня из университета и насильно прервать мой двадцатилетний стаж вузовский работы.

3. Еще одним основанием к данному своему протесту считаю и Ваше отношение от 5 июня 1953 года за № 13-95. Вывод, сделанный из него т. Закариным в его приказе от 10.VII 1953 года, по-моему, является поверхностным, односторонним, несправедливым. Фактически он также продолжает идти на поводу тех клеветников, которые травят меня, находясь на различных ответственных постах в Казахстане.

А если подписанное Вами отношение от 5.VI 1953 года действительно давало основание подтвердить в иной, чуть смягченной форме беззаконие и произвол, допущенный в отношении меня в КазГУ, — то не могу скрыть чувства своего негодования и протеста по поводу столь несостоятельной линии поведения Министерства культуры, представленной Вашей волей.

Неужели не ясно было из моего прежнего, очень обстоятельного обращения в Министерство к товарищу Пономаренко и к Вам, что здесь перед Вами случай беспрецедентный? Неужели подлежит сомнению, что труд писателя Ауэзова, дозволенный ему в нашей стране, не является полным и достаточным основанием к доверию ему и как лектору? Неужели, наконец, не ясно Министерству, что не отписка, а противопоставление: благоразумия — благоглупости, государственного подхода — мышиною возне местных политиканов — подобало его воле.

Я вновь настаиваю на своей просьбе перед Министерством отменить незаконные приказы ректората КазГУ

и восстановить меня в должности профессора кафедры с полным возмещением всего понесенного мною материального ущерба за истекшие месяцы начиная с 13. III 1953 года по сей день.

Профессор (М. Ауэзов).

Убедительно прошу о последующем решении уведомить меня по адресу: Алма-Ата, Абая, 157.

Временный адрес: Москва, гостиница “Советская”, № 423.

¹ 1953 жылы М. Әуезовке ұлтшыл деген айып тағылып, ресми түрде айыпталып, университеттегі, Академиядағы жұмысынан босатылған. Қамалу қаупі төнгеннен кейін шұғыл жасырын түрде Мәскеуге ұшып кетіп, екі жыл Қазақстанға келе алмаған. Арыз-хат осындай қиын жағдайда жазылған.

М. Ауэзов – Ж. Шаяхметову

№ 146

16 сентября 1953 г.

Секретарю ЦК КП Казахстана
товарищу Шаяхметову Ж. Ш.¹
от писателя Ауэзова М. О.

заявление.

Нуждаясь в Вашей деловой помощи в одном конкретном трудовом усилии моем, очень прошу уделить Ваше внимание на следующие два обстоятельства последнего времени.

Первое из этих обстоятельств: возникшая острая необходимость переиздания моих романов об Абае. Из этого дореволюционного цикла я работаю сейчас над последней, четвертой книгой и, пока будут переиздаваться первые три книги, закончу к изданию эту последнюю книгу.

Проведенные обсуждения и высказывания печати, критики требуют теперь срочных доработанных переизданий

всех книг этих романов, ставших распространенными по прежним изданиям. Для цельности и полноты читательских, критических суждений по любым произведениям элементарно необходимо, чтобы все книги автора на данную тему были бы цельно и полно представлены перед читателем или критиком. Поэтому также в пору окончания мною всего цикла важно цельное переиздание всех книг об Абае. Об этом же высказалось и специальное совещание писателей и критиков на недавнем особом обсуждении указанных романов.

Ссылаясь на эти данные, я прошу Ваших указаний переиздать четыре книги романов об Абае избранными произведениями в течение 1954 года.

Второе обстоятельство — это стечение тех затруднительных материальных условий, в которых я оказался в течение последних двух лет (в 1952–1953 гг.) по следующим причинам:

а) вследствие неподтверждения решением бюро ЦК вопроса об издании моих избранных произведений Казгослитиздат удерживает с меня в течение двух лет ранее выплаченный мне аванс. И, как видно из представленной справки, за эти два года он удержал из моих гонораров 150 с лишним тысяч рублей. Между тем, в 1951 году вполне правомочный директор Гослитиздата т. Ахметов Г. заключил со мною договор на издание моих избранных произведений и по представленным мною тогда трем книгам романов об Абае уплатил 60% гонорара на самых законных основаниях. И, самое главное, вопрос этот был им согласован с ЦК КП Казахстана. Как мне лично передавали тогдашний секретарь ЦК по пропаганде и агитации т. Омаров и зав. отделом пропаганды т. Храмков, — этот вопрос был включен в наш договор с т. Ахметовым — директором Казгослитиздата. А после, ссылаясь на то, что нет зафиксированного решения бюро ЦК КПК, в течение двух последних лет удерживают с меня этот аванс, по которому я уже уплатил 150 с лишним тысяч рублей.

При всей ограниченности получаемых мною гонораров за последние годы эти удержания весьма ощутительно сказались на моих условиях труда.

Добавлю еще и о том факте, что в начале 1952 года я обратился к Вам с просьбой о разрешении, наконец, вопроса о моих избранных произведениях, и Вами этот вопрос был передан на разрешение т. Сужикова, а он, хотя и пообещал мне разрешить вопрос через месяц, однако вот уже полтора года задерживает его решение.

б) Одновременно с этим, начиная с 14 марта 1953 года, ректорат КазГУ уволил меня из университета насильно, незаконно и без всяких оснований, лишив меня более чем двадцатилетнего стажа научно-педагогической деятельности, а также лишил постоянного источника моего заработка. А политическое обвинение, пришитое мне в первом приказе ректората от 12.III 1953 года, теперь снято вторым приказом нового ректора КазГУ т. Закарина от 10.VII 1953 года. Но однако и он не восстановил меня до сих пор на работе.

Сообщая об этих обстоятельствах своей жизни, добавлю, что я сейчас работаю над последней книгой романа “Путь Абая”, думаю закончить ее к началу февраля 1954 года и на этот период времени, нуждаясь в материальной поддержке, прошу лишь о разрешении издания избранными произведениями хотя бы этих четырех томов моих романов об Абае.

г. Алма-Ата

¹ Шаяхметов Жұмабай (1902–1966) – партия, мемлекет қайраткері. 1946–1954 жылдары Қазақстан КП ОК-нің бірінші хатшысы. Республиканы басқарып тұрған кезінде М. Әуезов бірнеше рет хат жазған. 1953 ж. 2 наурызда, 16 қыркүйекте жазған хаттарында жазушы өзі адал еңбек етіп жүргенін, бірақ еңбегіне, ғылымдағы, педагогикалық қызметтегі ісіне теріс бағыт пен көзқарастың айықпай келе жатқанын айтып, соған түсіністікпен қарауын, ықпал етуін өтінеді.

М. Ауэзов – К. Курманову

№ 147

1 февраля 1954 г.¹
г. Алма-Ата

В Алма-Атинскую киностудию
товарищу Курманову К. К.

Довожу до сведения руководства Алма-Атинской киностудии о том, что одновременно с настоящим своим письменным обращением я представляю в двух экземплярах сценарий художественного фильма о казахском классике Абае Кунанбаеве.

Данный сценарий написан мною согласно моему, с Алма-Атинской киностудией, договору от 1952 года.

Представляя настоящую свою работу в киностудию, я счел необходимым информировать подробнее новое руководство Алма-Атинской киностудии об отдельных, сопутствовавших данной моей работе обстоятельствах, попутно указать и на причины представления сценария, написанного еще летом 1953 года, не раньше, а теперь – т. е. в начале 1954 года.

Запоздав ненадолго с окончательным выполнением заказа в начале 1953 года, я узнал о ходатайстве бывшего директора киностудии т. Жумина перед бывшим министром кинематографии Казахстана т. Якуповым о разрешении т. Жумину расторгнуть со мной договор и взыскать судом полученный мною аванс 25%. Но министерство в лице т. Якупова и Саврасова решило в ту пору по-другому. Выслушав мои объяснения и согласившись с моей просьбой о продлении срока договора, они в середине марта месяца 1953 года пролонгировали договор до 15 июля 1953 года. И я, на основании такого полученного мною дополнительного срока, начал работать над сценарием.

Однако в мае месяце стало известно во всех студиях и для всех авторов о том, что Министерство культуры СССР решило приостановить выпуск картин на исторические темы, а картины, посвященные великим людям прошлого, если остаются в планах студии, не должны быть биографическими. От сценариев на эти последние темы по новой установ-

ке требовалось отражение отдельного особенного периода жизни героя, и то в тесной связи с какими-нибудь крупными событиями, связанными с жизнью народа.

Так как я по своей теме не получил отказа от киностудии, то начал перестраивать свой сценарий уже соответственно новому творческому заданию по линии кино. Как это станет явным для каждого, кто познакомится с вариантом, представляемым мною сегодня в киностудию, я теперь воспроизвожу личность и деятельность великого казахского поэта не биографически, а через события лишь одного месяца его жизни и также в тесной связи с активной борьбой степной бедноты со своими поработителями.

Вот этот-то сценарий в данном своем варианте и был закончен мною к середине июля месяца 1953 года — т. е. в разрешенный мне срок, и я задерживал его представление в киностудию лишь из-за перепечатки и считал возможным запоздание лишь на три-четыре дня.

А тут за подписью, кажется, т. Якупова, поступает на мое имя отношение от 16 июля, где сообщается о расторжении договора со мною, не по другим причинам, а якобы за невыполнение в срок моего договора.

Зная внутреннюю причину этого приказа, выходявшего из министерства не по причине сроков, а по причине приостановки вообще исторических фильмов, я дальше решил не представлять в студию свой, хоть законченный, сценарий. Решил так потому, что мне было хорошо известно, что теперь киностудии нужен не сценарий (исторического фильма), а возврат уплаченного аванса 25% по прежнему договору.

С тех пор я держал у себя в портфеле этот законченный сценарий и ждал обещанного киностудией судебного разбирательства наших дальнейших отношений. Мне оставалось ждать суда, чтобы там только представить сценарий готовый, но ставший не нужным ни Министерству кинематографии Казахской ССР, ни киностудии ввиду вышеупомянутых последних ситуаций, причем ситуаций, создавшихся не по моей вине, а по общим установкам в кинопромышленности Союза.

Теперь же я представляю в киностудию свой сценарий потому, что обещанное мне судебное разбирательство не со-

стоялось. А с другой стороны, теперь мы имеем решение ЦК КПСС о праздновании 50-летнего юбилея со дня смерти великого казахского классика Абая Кунанбаева — героя моего сценария. Полагая, что если даже не будет вынесено сегодня решение о создании художественного фильма об Абае, то по крайней мере задача создания такого фильма, в недалеком будущем, не будет и не может быть снята с повестки дня, — я решил представить в киностудию свой сценарий. Тем более он выполнен в духе тех требований, которые предъявляются теперь, за последние месяцы, к отдельным, пусть редким, но законно ожидаемым историческим, художественным фильмам. Пусть будет осуществлен на экране не в текущем и не будущем году, но сценарий об Абае может быть в портфеле киностудии, как обеспеченный резерв на нестареющую, непреходящую тему из истории духовной культуры казахского народа.

Ссылаясь на эти основания и на свои авторские и моральные права, я прошу киностудию принять данный мой сценарий, выполненный по заказу самой студии, и уплатить мне соответствующую неуплаченную долю моего авторского гонорара.

Автор М. Ауэзов.

¹ Хатта жазушының 1946 жылы түсірілген “Абай әні” көркем фильмінен кейін Алматы киностудиясымен жасалған келісімшарты, сонымен бірге Абай Құнанбаев жайлы фильмді түсіру кейінге қалдырылғаны жайында сөз болады.

М. Ауэзов — Д. Поликарпову

№ 148

4 июня 1956 г.

В отдел культуры ЦК КПСС
товарищу Поликарпову Д. А.

Настоящим своим заявлением я обращаюсь к помощи ЦК партии с просьбой авторитетно воздействовать на справедливое решение вопроса об одном моем творческом труде

и о моем авторском праве, необоснованно и несправедливо ущемленным редакцией журнала “Знамя”, в частности его редактором товарищем Кожевниковым В. М.¹

Прилагая при сем копию письма т. Кожевникова на мое имя от 25.V. с. г. и моего ответного письма к нему, надеюсь, что картина наших обстоятельств и разногласий будет вполне ясна из этих документов.

По моему глубокому убеждению т. Кожевников поступает несправедливо и незаконно, заранее отказывая в печатании моего романа в его журнале в ближайшие годы. Дело в том, что по договору, заключенному в 1954 году со мною на оригинал романа, редакция получила от меня рукопись к сроку и со всеми поправками и доработками в мае месяце 1955 года. А если задержала книгу невольная задержка с переводом по болезни переводчицы В. В. Смирновой, то в этом обстоятельстве я никак не могу быть виновным. Вообще дело перевода произведений братских литератур, по существующей практике наших изд-в и редакций, в том числе и редакции самого “Знамени”, – составляет всецело обязанность самой редакции.

И ссылка в письме т. Кожевникова на несвоевременное выполнение перевода как повод к его отказу от печатания романа ни в коем случае не может быть признана состоятельной мотивировкой.

А роман между тем составляет собою последнюю книгу ранее опубликованных на русском языке в московских журналах и отдельных изданиях романов об Абае. Данная книга заключает собою итог 14-летнего моего труда на эту тему. Тем более представлялось автору возможным и обязательным довести до внимания союзного читателя свой итоговый труд, совпадающий по времени с предстоящим шестидесятилетием моим в 1957 году.

Ко всему сказанному добавляю еще и о том, что роман в подстрочном переводе был принят, одобрен замредактора “Знамени” т. Макаровым в 1954 году. А отдельные его пожелания и замечания по тогдашнему тексту книги были полностью учтены мною в тщательной разработке мною окончательного текста романа к изданию его отдельной книгой на казахском языке и к публикации в “Знамени” на русском языке.

Вместо того чтобы необоснованно отказать в издании на ближайшие годы, законно требовалось от редактора и редакции “Знамени” скорее подыскать нового переводчика на помощь больной Смирновой В. В. и ускорить окончание (наполовину уже выполненного Смирновой) перевода.

Однако т. Кожевников поступает по-иному, и это его решение представляется для меня обидным, незаслуженным с моей стороны, произволом еще и потому, что в конце 1954 года он, товарищ Кожевников, уговорил меня не сдавать эту рукопись в редакцию журнала “Октябрь” и отнять у него свою, почти принятую “Октябрем” рукопись.

При этом т. Кожевников ссылаясь на то, что первую книгу этого романа опубликовал в 1950 году он в “Знамени”. И для меня этот его довод показался тогда резонным и морально определяющим. А сегодня, когда уже прошла половина даже 1956 года (роман следовало напечатать в “Знамени” в 1955 году), и для 1957 года уже поздно договариваться с другими журналами (а этот предстоящий 1957 год для меня является еще и годом 40-летней даты моей писательской деятельности) — т. Кожевников ставит своим произвольным решением в безвыходное положение и меня и мою книгу. Между тем за публикацию романа он обязан и по закону, и морально-этически на основе естественных добропорядочных отношений между писателями союза и братских литератур нашей родины.

Единственно законными (и то относительно) из претензий т. Кожевникова ко мне я считаю его телеграфное и устное обращение ко мне выступить с критическими статьями на страницах “Знамени” в минувшую зиму. При этом он упоминал о том, что я выступаю в других московских журналах и газетах. Однажды на такую просьбу последовал отказ с моей стороны ввиду моей занятости другими поручениями в ту пору.

Упомянув об этом факте, как о единственном и то непринципиальном обстоятельстве в наших отношениях с редакцией “Знамени”, я не могу допустить, чтобы оно могло служить поводом к разрыву со мной, к произволу как бы капризной воли самовластного редактора по-своему карающего якобы непослушного автора.

Доводя обо всем сказанном до сведения Отдела культуры ЦК КПСС, я прошу восстановления справедливости по отношению к моей книге и прошу о своевременной публикации ее в журнале “Знамя” в текущем году или в первых номерах 1957 года.

Член Союза писателей Мухтар Ауэзов.
Адрес: Алма-Ата, Абая, 167.

¹Кожевников В. М. — 1949 жылдан “Знамя” журналының редакторы. М. О. Әуезовтің хатында “Знамя” журналының “Абай жолының” басылуын кешіктіріп жатқаны туралы шағым айтылған. 1957 жылғы 60 жылдық мерейтойына дейін шыкса деген тілек білдірілген.

М. Ауэзов – И. Яковлеву

№ 149

Секретарю ЦК КП Казахстана
товарищу Яковлеву И. Д.

В 1946 году на экраны был выпущен художественный фильм “Песня Абая”¹ производства Алма-Атинской киностудии.

Этот фильм имел и свои положительные качества, и свои недостатки. В то время еще не был написан роман “Абай”, еще не полностью были изучены разнообразные материалы о великом казахском поэте, просветителе, основоположнике письменной казахской литературы. Это и является причиной того, что фильм “Песни Абая” не совсем удался его авторам.

С тех пор прошло около десяти лет, и нам кажется, что назрела необходимость создания полноценного художественного фильма об Абае по одному ценному роману М. О. Ауэзова, роману, получившему широкую популярность в Советском Союзе и за границей.

Однако Министерство культуры СССР, как правило, не разрешает вторичной постановки фильма на одну и ту же тему. Поэтому мы просим Вас поставить этот вопрос перед Министерством культуры Союза, имея в виду то значение,

какое фильм об Абае Кунанбаеве будет иметь для всего казахского искусства.

Хаттың жазылған уақыты көрсетілмеген. Мазмұнына карағанда 1956 жылы жазылған.

¹ “Песня Абая” — “Абай әні” толық метражды көркемфильмі, 1946 жылы Алматы киностудиясында түсіріліп, экранға шыққан. Фильм М. Әуезовтің “Абай” әдеби сценарийі негізінде түсірілген.

М. Әуезовтің 1952 жылы Алматы киностудиясымен жасаған келісімшарты бойынша қазақтың классик ақыны “Абай Құнанбаев” жайында көркем фильмнің сценарийі жазылған. Хат мазмұны осы фильмді түсіру жайлы.

М. Ауэзов – Ж. Шаяхметову, И. Афонову, М. Сужикову

№ 150

В ЦК КПК товарищам
Шаяхметову Ж. Ш.¹,
Афонову И. И.²,
Сужикову М. А.³
от члена Союза писателей
Казахстана Ауэзова М.

Вопрос, поднятый решением научных работников Института истории АН КССР и последовавший затем отчет в “Казправде” от 23.XI с. г., по моему разумению, во имя истины, объективной правды — требует внесения ясности в отношении отдельных, весьма важных связанных с сценарием Ермолинского о Ч. Валиханове действительных фактов. Об этих фактах прежде всего я счел необходимым довести до сведения ЦК.

Настоящий сценарий в своем возникновении имел свою малую историю, или несколько этапов, причем в каждом из них он менялся, дорабатывался, правда, не коренным образом, а постепенно.

Причем начало первого этапа, когда казахская киностудия заключила договор, поручила написать этот сценарий двум авторам: Ермолинскому, Блеймену, я даже не знаю, не имело никакого отношения к этой работе. А в результа-

те этого первого этапа возникло несколько вариантов, и последний из этих вариантов, так же в абсолютно неведомом виде тогда мне, был одобрен значительной частью тогдашних ценителей рукописи и по решению этих лиц, а также, очевидно, после принципиального одобрения киностудией, был напечатан в альманахе “Казахстан” № 5 в 1946 или 47 году (с. 11–30). Редактором альманаха был Д. Снегин, а членами редколлегии были: С. Муканов, Степанов, Сильченко, Шухов, Макеев.

Судя по тому, что в редколлегии был т. Степанов, тогдашний заведомо агитации и пропаганды ЦК КП(б) К, тот вариант сценария должен быть знаком отдельным работникам ЦК, по крайней мере он был известен т. Степанову.

Я слышал также, что первые варианты сценария обсуждали историки. Но что было сказано ими тогда, мне об этом не было известно.

Второй этап для меня известный, – это время нового возврата к этой теме. Он датируется летом 1949 года, когда киностудия попросила меня быть редактором этого, почти готового, как тогда говорили и думали люди в кинопроизводстве, сценария. Согласившись просмотреть, высказать свои замечания автору, я впервые познакомился со сценарием и его автором Ермолинским (Блеймана уже не было в эту пору в составе авторов) летом 1949 года. К этому времени я имел в руках опубликованный в печати в Казахстане экземпляр сценария и отзыв киностудии, подписанный т. Ипмагамбетовым, утвержденный т. Саврасовым (копия находится у меня). Высказывая много пожеланий, замечаний автору, сценарий признавался тут же произведением, написанным на высоком профессиональном уровне.

Киностудия, очевидно исходя из многих собранных тогда мнений, ничего, однако, не сказала о том, что не нужно показывать противником Чокана – Садыка, сына Кенесары, не делала почти никаких особых замечаний по идеологическим политическим моментам, указала лишь на необходимость усиления связи Чокана с группой “Современника” вместо подчеркивания связи с Достоевским.

С 1949 года по сей день я имел с т. Ермолинским всего три-четыре встречи: первые встречи с деловыми суждения-

ми по варианту сценария происходили в 1949-м и в первой половине 1950 года, а затем после почти полуторагодового, длительного перерыва (за 1950, 1951 годы и часть 1952 года) встретился летом этого года в Алма-Ате, когда он привез последнюю редакцию своего сценария.

Считаю необходимым подчеркнуть, что я, с момента своих первых бесед с автором и до сих пор, даже при знакомстве с последним, нынешним вариантом, не написал еще ни одной строчки отзыва редактора, потому что я все время не имел последнего, окончательного варианта сценария.

Полагая, что последним вариантом станет тот, который будет передан на утверждение нашего ЦК и большого художественного Совета при Министерстве кинематографии СССР, я полагал, что напишу свой отзыв к окончательному варианту сценария. А до этого я ограничивался устным высказыванием автору своих замечаний, пожеланий. При этом, при этом, что я по своему пониманию данного вида произведения глубоко ошибочно полагал, что сценарий улучшается с каждым вариантом и вовсе не предполагал, что в нем есть политически грубые и тем более буржуазно-националистические ошибки.

Еще другими происходящими фактами к сказанному были такие обстоятельства, **во-первых**: я не редактировал тексты Т. Ермолинского своей рукой. К этому были свои причины. За некоторыми исключениями в научно-исследовательских работах, я всегда свое редакторство, особенно в художественном творчестве, ограничиваю высказыванием критических замечаний, писать своей рукой означало бы вторжение в чужое авторство, стиль. В данном случае я поступаю, как поступает большинство наших современных, ведущих русских писателей.

Кроме того, даже при желании моем, трудно было бы мне исправлять русский текст такого опытного автора, как Ермолинский, просто потому, что несмотря на свое личное знание русского языка, я, автор, пишущий на казахском языке, далеко не являюсь стилистом по-русски. (Потому я и говорил, отвечая т. Муканову в 1949 году, при первом обсуждении данного сценария, когда он упрекал меня

за то, что в сценарии не чувствуется моей руки, что я не буду и не могу писать своей рукой.)

Во-вторых: Ермолинский, получавший в Казахстане по своему сценарию в основном неизменно положительные отзывы, имевший даже по одобрению тогдашнего руководства Союза писателей Казахстана напечатанный вариант своего сценария, вовсе не предполагал коренным образом изменять свой сценарий при любом редакторе. Признаюсь, и я в меру своего разума, имея описанные выше предпосылки, не думал, что сценарий, написанный и почти одобренный до меня, нуждается в коренной переработке.

В-третьих, я чрезмерно положился на самого Ермолинского потому, что он основательно изучил материалы, касающиеся Чокана Валиханова. Написав еще хорошую пьесу о Грибоедове, идущую сейчас на сцене театра Станиславского в Москве, он доказал, как прекрасно знает эпоху середины XIX века в русской культурной истории. А тема Чокана, писавшего обо всем по-русски, вращавшегося главным образом в среде русской интеллигенции, и о котором все ценные основные материалы написаны на русском языке, ничуть не казалась далекой, чуждой темой для Ермолинского. По данному разделу казахской истории я вообще полагаю, что русский автор будет иметь гораздо большие и оправданные исторически, самими материалами преимущества перед всеми прочими авторами, в том числе даже и перед казахскими авторами. До сих пор я убежден в том, что тот же Ермолинский знает материалы о Чокане гораздо больше, чем я и многие казахские историки. Для этого нужно просто познакомиться с одной использованной им библиографией. Таким образом, осуждая мои ошибки одобрения сценария Ермолинского, отдельные товарищи впадают в крайнюю, тенденциозную несправедливость, когда начинают говорить, что Ауэзов виновнее даже самого автора, и чуть ли не единственный виновник, потому что он казахский автор и т. д., которому якобы более близка тема Чокана.

В-четвертых, меня все время положительно располагало к т. Ермолинскому и то, что он, будучи русским автором, известным, опытным сценаристом, пришел к казахстанской тематике, разрабатывает те же проблемы создания художественных фильмов о Казахстане совместно с ра-

ботниками нашей республики, в чем мы, казахские писатели, сами преуспели очень мало. Потому, желая ему удачи, я, видимо, был менее требователен и к себе, как редактору, и к нему в его творческих поисках, что также было моей ошибкой. Кроме всего сказанного меня успокаивало и то, что сценарий с каждым вариантом, даже после опубликования в печати, с момента моего частичного редакторского вмешательства в него, становился у автора все лучше прежних видов. При этом я, допустив грубую ошибку своей высокой оценкой сценария недавно при обсуждении в Союзе писателей Казахстана, — советовал автору написать одну большую массовую сцену Чокана с народом, где бы было дано, с одной стороны, полное духовное слияние Чокана с трудовым народом, и там же был бы отвергнут, осужден, избит (в моральном смысле) его противник Садык, показ которого в фильме, как врага Чокана, я всегда считал допустимым, нужным, как, очевидно, полагали все до меня до 1949 года принимавшие, печатавшие сценарий. Я не стану оправдывать свои ошибки тем, что вместе со мной слушали чтение сценария 30 человек писателей, историков, киноработников, в том числе и ученые специалисты по Чокану, и одобрили так же, как я, исходя из собственного впечатления от сценария, эту работу.

Доводя обо всем изложенном до сведения ЦК, я прошу учесть эти факты при определении отношения руководства партии к данному явлению, по которому при всей моей виновности в качестве редактора, грубо ошибавшегося по этому сценарию до самых последних дней, — было бы суровым приговором делать те заключения, какие сделаны упомянутым в отчете т. Нуришевым!

¹ Шаяхметов Жұмабай (37-бетті қараңыз).

² Афонов Иван Ильич 1951–1954 жылдары Қазақстан КП ОК-нің екінші хатшысы қызметін атқарған.

³ Сужиков Мұхамедғали Әленұлы (37-бетті қараңыз).

Директору почтовой конторы
при Доме связи,
начальнику 2-го почтового
отделения от писателя, лауреата
Сталинской премии,
действительного члена
Академии наук КССР
Ауэзова Мухтара,
проживающего по ул. Абая, 157

заявление.

Не могу не высказать вам, товарищ директор, своего возмущения по поводу тех безобразий, которые творятся за последние месяцы с доставкой адресованной на мое имя корреспонденции. Я замечал ненормальности и раньше, но объяснял их случайными перебоями, а вот факты новейшие просто поражают своей бесподобной, даже грубой бесцеремонностью, что я уже решил о них довести до вашего сведения, дабы были предприняты суровые меры устранения этих позорных для советских органов связи недугов. Назову факты: 1) в десятых числах октября месяца с. г. пишет с берегов Черного моря с теплохода “Россия” большое письмо моя дочь Лейля Ауэзова. Об этом она телеграфировала с теплохода. Эту телеграмму мы (как и все другие телеграммы) получили вовремя. Но письмо пропало, хотя о нем она звонила и по телефону по возвращении ее в Москву. А вот сегодня я получаю письмо, адресованное в Каз. государственное издательство художественной литературы для меня от Сауханова Агатая, пославшего это письмо из Восточно-Казахстанской области из г. Усть-Каменгорска, и в этом конверте оказывается открытка, посланная дочерью с теплохода “Россия”. Письма ее нет, но открытка, одновременно отправленная с теплохода, оказывается в письме, poslanном из Усть-Каменгорска не знакомым ни мне, ни дочери читателем. Выходит, что, вскрыв письмо Сауханова, после небрежно сунули туда и открытку, перепутав все, помня лишь одно, что они адресованы Ауэзову.

2) По телефону из Ташкента 3/XI сообщила мне переводчица моего романа “Абай” Зумрад Бабаханова о том, что она послала мне письмо 27 октября с. г., я не получаю этого письма до сих пор. Это я говорю о случаях, когда достоверно знаю об отправке письма, а я их не получаю по вине вашей сети. До этого я наблюдал ряд случаев, когда письма из Фрунзе просто не попадают ко мне. О письмах своих, не полученных мною, неоднократно говорили мне при личной встрече мои знакомые из Фрунзе.

4) Как писатель, книги которого, в частности роман “Абай”, читаются многими советскими читателями разных национальностей из самых разнообразных городов, краев Советского Союза, я получал много писем в три адреса, а именно:

А) Союза советских писателей Казахстана (Пролетарская, 3),

Б) Академии наук (Кирова, 86),

В) КазГУ (Казгосуниверситет, Советская, 26).

А вот за последние месяцы резко сократилось поступление этих читательских писем, что частично опять-таки объясняется, по-моему, недоставкой, уничтожением их какими-нибудь невежественными сотрудниками из вашей конторы или из 2-го почтового отделения.

Будучи убежденным, на фактах, о ненормальностях с доставкой моих корреспонденций, я убедительно прошу Вас выяснить их причины и привлечь к ответственности виновных лиц, и в дальнейшем устранить подобные возмутительные рецидивы.

Член Союза сов. писателей Казахстана (Ауэзов).

М. Ауэзов – А. Суркову

№ 152

15 августа 1960 г.

В иностранную комиссию Союза писателей СССР товарищу Суркову Алексею Александровичу¹

В ответ на письмо, полученное мною через Иностранную комиссию ССП от господина Пола Синкера (директора Британского Совета) относительно моего посещения Англии, я отвечаю принципиальным согласием на эту поездку, указываю ориентировочные сроки, а именно, после первой половины января месяца 1961 года. Одновременно с этим довожу до сведения комиссии и о том, что если есть еще и другие приглашенные писатели из Советского Союза, я согласен поехать с любым из них совместно. В случае же отсутствия их я согласен и на поездку в одиночку.

Жду Ваших советов, соображений на этот счет. А относительно моего письма господину Синкеру просил бы любезной помощи иностранной комиссии перевести и направить его по известному Инкомиссии адресу, господину Синкеру.

С товарищеским приветом! Мухтар Ауэзов
Мой адрес: г. Алма-Ата, ул. Абая, 185, телефон 82-50.

¹Сурков Алексей Александрович (49-бетті қараңыз).

№ 153

Министру культуры СССР¹

В социалистических условиях возросла воспитательная и организующая роль искусства и литературы. Не случайно А. А. Жданов приравнивал каждое удачное произведение литературы к выигранному сражению, к крупной победе на хозяйственном фронте.

Возросшая общественная роль литературы объясняется высоким культурным уровнем советских людей, появлением развитой качественно новой социалистической литературы народов СССР.

Выросшая в советских условиях литература народов СССР, издаваясь более чем на пятидесяти языках, играет не меньшую, а, пожалуй, большую роль, чем литература зарубежных стран, в коммунистическом воспитании масс. В каждом гуманитарном вузе страны изучается литература зарубежных стран, для чего и имеются во всех университетах и институтах кафедры зарубежной литературы и специальные отделения зарубежной литературы на филологическом факультете Московского университета. Это вполне закономерно и естественно в наших условиях.

Но если изучение зарубежной литературы идет в нашей стране нормально, то в совершенно не нормальных условиях находится изучение литературы народов СССР, на что неоднократно указывалось в нашей прессе.

Только год тому назад организована первая в стране кафедра и первое отделение литературы народов СССР при Московском ордена Ленина государственном университете им. Ломоносова.

Ни в вузах, ни в Союзе писателей, ни в издательствах, ни в Министерстве культуры до сих пор почти нет хорошо подготовленных марксистских кадров, которые бы знали хотя бы основы литературы народов СССР или хотя бы родственные группы этих литератур. Редактированием, переводами, критикой и преподаванием литературы народов СССР зачастую занимаются случайные, неподготовленные люди, не знающие языков народов СССР.

Все это снижает теоретический уровень редакторов, преподавателей, критиков, рецензентов, референтов. Отсюда масса вопиющих недостатков в издании, в популяризации, в преподавании литературы народов СССР.

Филологический факультет Московского университета считает, что устранить серьезные недостатки в этой части нашей культурной работы можно путем подготовки высокообразованных специалистов в данной области.

В августе месяце 1953 года с разрешения Министерства культуры СССР создано отделение литературы наро-

дов СССР. За короткий срок нам удалось привлечь к работе кафедры все лучшие силы Москвы и республик страны. Мы создали программы, разработали детальный пятилетний учебный план, приступили к написанию учебных пособий и исследований по литературе народов СССР (указать фамилии и типы), набрали аспирантов (указать темы и фамилии аспирантов).

Мы решили готовить на этом отделении специалистов, которые бы хорошо знали русскую литературу и литературу определенных родственных групп народов СССР (литература народов Прибалтики, литература кавказских народов, народов советского Востока и т. д.).

Для поступления на это отделение необходимо в совершенстве знать русский язык, свой родной язык и один иностранный язык. За пятилетнее пребывание в этом отделении студент должен изучить еще родственные языки и литературу данной группы народов.

Таким образом, после окончания нашего отделения каждый окончивший может быть преподавателем русской литературы, а также литератур и языков той или иной родственной группы народов. Эти кадры крайне нужны издательствам, Союзу писателей, Академии наук. Лучшие из них могут поступить в аспирантуру и стать преподавателями литературы народов СССР в вузах. Вот почему создание в Московском университете единственного в стране отделения и кафедры литературы народов СССР диктуется жизненной потребностью.

Этого недоучли работники Управления университетов Министерства культуры, предложившие ликвидировать отделение литературы народов СССР. Взамен отделения литературы народов СССР на отделении русской литературы и языка начиная со второго-третьего года обучения предложено специализировать по литературе и языкам народов СССР желающих студентов. Это значит, по существу, отказаться от плановой подготовки крайне нужных стране кадров и стать на путь ожидания желающих специализироваться в данной области.

Но ведь для подготовки этих кадров мало желания, нужно знание языков, изучением которых необходимо заниматься уже в средней школе и особенно с первого курса

университета. Ведь мы принимаем на это отделение только тех, кто уже знает три языка: русский, иностранный и свой родной.

Считаем решение Главного управления университетов неправильным и поэтому просим пересмотреть этот вопрос и разрешить сохранить отделение литературы народов СССР при Московском государственном университете с ежегодным набором одной учебной группы количеством 15-20 человек.

¹ М. Әуезовтің бұл хатта айтылған ұсыныстары кейінгі жылдары жоғары оқу орындарының филология факультеттерінде оқылған КСРО халықтары әдебиеті тарихы курсының бағдарламасын жасауға үлкен әсер еткен. Бұл курстың қалыптасуына, оқу құралдарының жазылуына М. Әуезов елеулі еңбек сіңірді.

М. ӘУЕЗОВ – ШЕТЕЛДІК ДОСТАРЫНА

М. Ауэзов – Л. Арагону

№ 154

29.06.1958 г.

Дорогой товарищ Луи!¹

Очень и очень сожалею о том, что наша встреча на этот раз прерывается лишь на начальном нашем личном знакомстве. Сегодня, 29-го я уезжаю к себе в Казахстан, в Алматы. Здесь в Москве я уже более трех месяцев и, что называется, вышли все мои сроки, ждут там дела и литературные, и по науке, ведь и я бываю занят многими заботами по ряду отраслей культурной жизни нашего народа.

Видеть, послушать Вас, поговорить хоть на минуты с Вами было давним моим, огромнейшим желанием, а сейчас истинно рад, что это все осуществилось. Я повезу в Алматы, казахским писателям – друзьям Вашим – теплую, дружескую, дорогую весть. Насколько я понял из Вашего сообщения, Вами проделана огромная работа по переводу, подготовке к изданию “Абая”, еще и предисловие Ваше там. Расскажу нашим читателям и об этом, как о доброй, дружеской и бесконечно дорогой Вашей услуге, оказанной казахской литературе, памяти нашего Абая, которого, как некогда введшего пушкинскую Татьяну в мир родных тусклых степей, Вы ныне вводите в широкий, озаренный мудрым светом высокой культуры мир, представлению вашего великого народа.

Я буду счастлив Вашим вестям из Парижа, и помните, пожалуйста, что еще в одном советском далеко бьется сердце Вашего друга, навеки благодарного, признательного и преданного Вам.

Сегодня днем я звонил несколько раз, не застал Вас в номере и, уезжая, решил попрощаться с Вами пока на этом листе.

Прошу передать мой сердечно дружеский привет Эльзе Юрьевне.

Дружеским приветом, М. Ауэзов.

P. S. Мой адрес: г. Алма-Ата, ул. Абая, 185.

¹Арагон Луи (1897–1982) – француз жазушысы, қоғам қайраткері. Халықаралық Лениндік сыйлықтың лауреаты (1957). Париж және Мәскеу университеттерінің құрметті ғылым докторы. “Совет әдебиеті” деген кітабында (1955) Абай, С. Мұқанов, М. Әуезов туралы жақсы пікір айтқан. М. Әуезов 1958 ж. 29 сәуірде Арагонға жазған хатында Абай туралы романның француз тілінде жарық көруіне жұмсаған зор еңбегіне алғысын, өзінің ризашылығын білдірген.

М. Ауэзов – м-р Уиксу

№ 155

3 апреля 1960 г.

Глубокоуважаемый м-р Уикс!¹

Из всех многочисленных встреч наших с людьми США одной из самых памятных, содержательных и интересных была встреча с Вами.

Все члены нашей делегации уехали из Бостона с искренним чувством признательности Вам за Ваше добродушие, гостеприимство и самое главное, за Ваше желание и стремление к созданию добрых отношений между писателями и всеми людьми доброй воли, наших двух стран.

Я надеюсь об этом поведать полнее в своих очерках в дальнейшем.

Сейчас, исполняя Вашу просьбу написать немного об эпосе народов нашей страны, я посылаю статейку под условным заголовком “Слушая Гомеров нашего времени”². Я был бы очень рад, если бы эта статья ответила требованиям вашей редакции.

Одновременно я продолжаю верить и надеяться на то, что “Серый лютый” выйдет в “Атлантик” в должной художественной форме.

С приветом — Мухтар Ауэзов.

¹ Уикс — журнал редакторы, сыншы, Бостон каласынын тұрғыны.

² “Слушая Гомеров нашего времени” — кыргыз халкынын “Манас” эпосын айтушылары туралы мақала.

М. Ауэзов — П. Синкеру

№ 156

15 августа 1960 г.
г. Москва

Глубокоуважаемый господин Пол Синкер!¹

Ваше письмо от 28 апреля с. г. дошло до меня с опозданием, почему прошу милостиво извинить мое запоздание с настоящим ответом. Касаясь существа Вашего любезного письма относительно моего возможного посещения Соединенного Королевства, считаю своим приятным долгом, прежде всего, ответить Вам искренней и глубокой благодарностью за это внимание, оказанное мне.

Одновременно я отвечаю и своим согласием поехать в Соединенное Королевство на две недели в пределах срока, указанного в Вашем письме, а именно до конца марта 1961 года. Так как наиболее удобным для меня были бы сроки начиная со второй половины января, сейчас сообщаю об этом лишь ориентировочно. А к концу года я напишу Вам точнее относительно срока своего выезда и тогда же напишу свои соображения и пожелания о встречах с отдельными литераторами, учеными-востоковедами и также относительно желательного посещения отдельных культурных учреждений Вашей страны.

С сердечным приветом!

Мухтар Ауэзов.

Мой адрес: г. Алма-Ата, Казахстан, ул. Абая, 185.

¹ Пол Синкер — 1960 жылдары Британ Кенесінің директоры болған. Бұл М. Әуезовтің Пол Синкердің Англияға шақырған хатына жазған жауабы.

М. ӘУЕЗОВТИҢ СОҢҒЫ ХАТТАРЫ (МОСКВА – КУНЦЕВО)

М. Әуезов – Е. Ысмайыловқа

№ 157

18.06.1961 ж.

Ең қымбат іні-досым Есет!¹

Кеше хатынды алып ем, оқта-текте бір айтылатын көңіл-жүрек сөздері айтылған екен. Алғыс деген аз ғана. Орайына сондай шындық жүрек құшағы лайық та. Мен сені қазақ әдебиетінің, әдебиет ғылымының айнымас, қажымас, жылдар жүрсе арымас жегіндісі — еңбек торысы дейім. Сол үшін сүйем де бек бағалаймын. Адамдығың, адалдық достығың өзіне бір дара. Сенің жұртқа еткен еңбегің аз ба? Сен мені айтыпсың, соны оқып отырып мен сенің өзінді көп-көп еске алдым. “Өзі ғой осындай көпке көмегі, көп іске себі тиіп, талайда-талайдан алғыс алатын жан” деймін. Соның ішінде әсіресе қазақ совет әдебиетінің үлкенді-кішілі жазушыларына сені мен сендей бірнеше жандардың сіңірген еңбегің аз ба? Жақында Москвада Әлжаппар, Тақауи, Қалтай² үшеуі отырған бір отырыста сыншы-оқытушы-зерттеуші — сен бастаған жандардың жазушылар үшін қадірлі көмек еңбегі қандайлық екенін сөйлеп ем.

Мені көп айтыпсың, көп жүрген соң жақсы, жаман ұзақ өмір жолына жамала беретін шығар. “Көп жүрген” дегеннен шығады. Бұрын жасы үлкеннің жақсы белгісі есебінде “бір көйлекті бұрын тоздырған ғой” дейтін еді. Көйлекті бұрын тоздыра жүріп, өзін де қоса тоздыра жүретіні есепке алынбайтын.

Мен, тегі, өмірдің өрі-қыры, биігі мен ойпаны, қысталаңы-шатқалы дегенді көбірек көргемін. Кейбіреулер өмірі біркелкі тура, түзу, жатық, жазан жолындай өткен болса, менікі тіпті саушылық жағының өзінен алғанда да жаңағыдай тәрізді.

Бірақ бәрінен де ұдайы сау, сергек кеудемен, әсіресе өмірді таза мол сүюмен өтіп келемін. Солай топшыласам: күйгенімнен – сүйгенім көп, түңілгенімнен де – сенгіштігім көп, жиренгеннен көрі құмартқаным көп, бүгінгі өмірді шайттан сүюім, шексіз қызыға сүюім анық мол.

Бұның бәрі, былайша айтқанда, өмірден “алымы қайтпаған” дегенді аңғартса, “беріміде сарқылмаған” дегенді де ойлатса керек. Сондықтан да өмірімізге, заманымызға, еңбегімізге – бар күнімізге құмармын деймін де.

Науқасым жанға батқан нәрсе болмаса да, операциясыз айықпайды деседі. Ол қажет болса, кейінге несіне қалдырам? Мезгіл кейіндеген сайын мен алпыс төрттен ары күшейе бермейім (саушылық жағынан) – қайта әлсірей бермейім бе, ал ауру болса күшейе бермесе, өздігінен кетпеуге мүмкін ғой. Сондықтан түбі бір операциясыз болмайтын болса, осындай семіз күйлі кезімде жасатқаным жөн бе деп тұрмын. Алдағы сейсенбіде – бүрсігүні консилиум болады. Сол не десе де көнемін деп тұрмын.

Жақында сенікі сияқты аса дос қымбат хатты Евгения Васильевнадан³ алдым. Мүсілім⁴ де жақсы толық хат жазыпты. Уахатов⁵ тілектестік жәйін жазып, ВАК хабарын тосып жүргенін айтыпты. Жазылып шыққан соң оның да, Балташтың⁶ да жәйларын ВАК-тан білемін.

Закиді⁷ алса – ең болмаса рукопись бөліміне алып (егер Әуелбекті⁸ алу қиын болса), ал Взаимосвязьді тек қана Лизуноваға беру қажет, қажет – әделет қой. Мен оның өзіне бұл жөнде еш нәрсе айтқан емеспін. Үй-ішіңе тегіс сәлем.

Қош. Мұхтар Әуезов.

Москва – Кунцево.

¹ Ысмайылов Есмағамбет (21-бетті қараңыз).

² Әлжаппар Әбішев, Тахауи Ахтанов, Қалтай Мұхамеджанов.

³ Е. В. Лизунова.

⁴ М. Базарбаев.

⁵ Уахатов Бекмұрат (1932–1984) – әдебиет зерттеушісі, филология ғылымының докторы. 1958–1982 жж. ҚР ҰҒА-ның Әдебиет және

өнер институтында кіші, аға ғылыми қызметкер, қолжазба және текстология бөлімінің меңгерушісі.

⁶ Ысқақов Балташ — әдебиет зерттеуші-ғалым, фольклортанушы. 1960 жылы филология ғылымының кандидаты дәрежесін алу үшін диссертация жазған.

⁷ Ахметов Заки (1928–2002) — әдебиет зерттеушісі. ҚР ҰҒА академигі (1983), ҚР еңбек сіңірген ғылым қайраткері (1978), филология ғылымының докторы (1965), профессор. М. Әуезовтің шәкірті.

⁸ Қоныратбаев Әуелбек (1905–1986) — әдебиеттанушы ғалым, филология ғылымының докторы, профессор.

М. Ауэзов — Е. Лизуновой

№ 158

18 июня 1961 г.

Евгения Васильевна¹, друг мой дорогой, родной!

...Получил Ваше письмо. Оно выражает Вашу неизменную душевную теплоту, самую дорогую для меня дружбу Вашу. Что я думаю о Вас как человеке, деятеле нашего фронта, я написал Муслиму в новом своем письме к нему. Не месяцы и годы, а целое десятилетие устойчивой испытанной верной дружбы Вашей ко мне, к моим делам — ведь это и есть узы, связующие судьбы, биографии, разум и сердце в нашем шествии по жизни. Вы, я думаю, знаете, я дорожу Вами как хорошим, надежным и стойким другом казахской литературы в целом, дорожу и говорю людям, казахам особенно, что это тот хороший настоящий русский молодой человек, в котором советское воспитание сумело вырастить ленинское широкое, дружеское расположение и любовь к духовному миру другого советского народа... много, много должно быть таких людей именно от русской культуры, народа, истории, которые самым надежным образом укрепляют узы дружбы, коммунистической дружбы между нашими братскими народами. Вот куда ведет моя дружеская братская любовь к Вам и Ваша сердечная дружба ко мне, Жечка милая.

...Очень возможно, буду делать операцию в те дни, когда у вас в Алма-Ате будут праздники. Это хорошо, так даже будет лучше для моего сознания, буду участвовать я мысля-

ми, всем сердцем, причем с сознанием, конечно, что незримо участвую и я своими скромными делами...

Очень и очень хотелось бы прочесть Вашу книгу в напечатанном, солидном, хорошо оформленном виде.

Что с моим другом Исхаком²? Он не приехал на мои проходы, где была масса народу, и не пишет, не дает знать о себе. А ведь он вместе с Вами сделал великое дело для меня, подготовил мою книгу³, и я бесконечно благодарен и полон любви и признательности к нему. Пишите об институте, о людях наших, напишите о празднике.

Сердечный привет всем Вашим родным – папе, маме, супругу. Крепко, крепко жму Вашу руку.

Ваш Мухтар Ауэзов.

¹Лизунова Евгения Васильевна (1926–1993) – әдебиет зерттеушісі. Филология ғылымының докторы (1964), профессор (1966), ҚазКСР ҒА-ның корреспондент мүшесі (1975), Қазақстанның еңбек сіңірген ғылым қайраткері (1982).

²Дүйсенбаев Ыскак Тәкімұлы (32-бетті қараңыз).

³“...подготовил мою книгу” – Ы. Дүйсенбаев пен Е.В. Лизунова екеуі М. Әуезовтің “Әр жылдар ойлары” (1961) жинағына енген мақалаларын орыс тіліне аударып, “Мысли разных лет” деген атпен кітап етіп шығарған. Кітапты құрастырушы – Ы. Дүйсенбаев. Ол осы кітапқа енген М. Әуезовтің “Қозы Көрпеш – Баян сұлу”, “Қыз Жібек”, “Ертегілер”, “Айтыс” атты зерттеулерін орыс тіліне аударған.

М. Әуезов – Т. Ахтановқа

№ 159

21 маусым 1961 ж.

Қадірлі іні-дос Тақауи!

Сен берген кітабыңды түгел оқып шығып, осы хатты жазып отырмын. Әрине, сенің үлкен еңбегің, өзінді кең құлашыңмен, өнімді өріс-өрнегіңмен емін-еркін танытқан шығармаң – “Қаһарлы күндер”. Мына шығармаларда “бертін соқтың”, “кемшіл келдің” демекші емеспін.

Бұларда сен әдейі кіші жанрлардың әр алуанын толғап көруді мақсұт еткенсің. Өз ішіндегі басылмаған пернелеріңді де тіл-үн қаттырып, тебіrentіп көрмек болғансың. Әрі сен пьесалар да жазып жүрсің. Сценарийді де қолға аласың.

Осының бәрі өте заңды іздену, іздену жолындағы бел-белестер.

Сол ретте, әрине, “Махаббат мұңы” жақсы повесть, өзгелер конымды, ұнамды әңгімелер (рассказ, новелла). Бұлардың бәрінің тақырыбы, адамдары, шындықтары – жалғансыз, риясыз, зорлықсыз, әділ шындықтар! Сонысы ұнайды. Екінші – сен бір жақсы соныға түсе бастапсың. Ол интеллигенция туралы жазу, өзіңмен замандас, қанаттас қатарыңды жазу, – соларды және ішкі мәдениет өресіне қарай – ішіне үніле, сезіміне бойлай жазу бар. Өте орынды, өте асыл іздену.

Бұл жолда, алда көп-көп ыстық-тартымды, аса қызу-қызығалықты, шын шабытты құштарлық туғызатын болмыстар, сәттер, шындықтар бар. Осы адамдар жақсы, ойлы, саналы, арлы болса – халқыңның, қауымыңның да болашағы ғой.

Оларды көрсетумен бірге, сынаумен бірге баулу, бастау – қалыптау да керек. Сен шынайы қызығарлық соныға түскенсің, соған мейлінше құдіретің де жетеді, ілгері тереңдей, ірілей тастай түс, тарта бер. Бұл тақырыпта сен ұдайы әділ-адал дәл шындықтың өзінде боласың ғой. Қоспа, бояма, фальшь бұнда керек емес. Бәрі өзің жақсы білетін өз ортан, өзің жүзіп жүрген мекен-көлің.

Менде тағы бір қуанышты сүйсінген ойлар ұдайы қатар отырды (осы кітабыңды оқу үстінде дейім). Ол – менің өзіме сонша ет-бауыр, шабытымен іні-бауыр екенінді сезіне отыру шақтары.

Мен сенің мақалаларыңнан, үлкен романыңның да кей бояуларынан – осы менімен туыстас-ау деп ойлай жүрушем. Ал мынада мен өзімнің сезімдерімді, сырларымды саған жаздырып, соған бауырымша сеніп, еліге еріп, ырза боп отырғандаймын. Әрине, әрбір шыншыл шығарма солай еліктіреді де, ал өз жүрегіңе ұқсап сокқан жан тамырды жан бауырдай сезбеске шараң жоқ.

Мен сені, Әбжәмілді, Зейнолла, Тәкенді, Сафуанды² көптен, бастан бөлек санайтұғым. Біз, Хрущев жолдас айтқандай, “Жәрмеңкеден қайту бетіндегі” жандарға қосылдық. Енді әдебиет болашағын ойламай болмайды. Сендерді сол болашағымыз дейім. Өзіме етене жақын дегенде, сенен – менің жасырақ шағымда өзімнен таппаған

жақсы сыпаттарды көремін. Сенің отын менен қызуырақ, сенде ерте түскен ой бар деп сенемін. Әдебиеттің арлы ойы болса керек дейім. Сондықтан анау бір жылдардан-ақ саған, сендерге мен безразлично қарай алған емеспін. Алдарыңнан жауапты, ойлы жаңалықтарды өзге бар қазақтан молырақ күткен күйдемін.

Екінші бір өнімді топ: Мұхамеджан, Хамза, Зейін³. Бұларды сендер көбірек түсіне ойласандар, әділ болады. Олар жастай кетіп, ұзақ заман тұсалып қалған жігерлі талант, өмірге қомағайлық (жақсы мағынада) ала келген. Шығармалық шабытқа да сондай қомағайлар. Өнімді еңбек етіседі. Сендердей, осылардай адамдарға байланысты болашақты, үдей басатын, алғыдан асатын болашақты ойламасақ кім боламыз? Ал “алғы” дейтін қаншалық? Қанша кен қазына, қалың қатпар өткелің жатыр? Шақшағын ғана емес пе? Әсіресе ол мәдениетті өнер боп та өсіп-піскен емес қой. Көбінше көбікті толқын санап жүрміз ғой. Мен операция тосудамын. Сәлем, көп сәлем.

Р. С. Әбжәміл, Зейнолла бәр-бәріне көп сәлем. Республика мерекесі бәріне де құтты болсын, мен жүрекпен, тілекпен бәріңмен біргемін.

Мұхтар.
Москва – Кунцево.

¹ Ахтанов Тахауи (65-бетті қараңыз).

² Әбдіжәміл Нұрпейісов, Зейнолла Қабдолов, Тәкен Әлімқұлов, Сафуан Шаймерденов.

³ Мұхамеджан Қаратаев, Хамза Есенжанов, Зейін Шашкин.

М. Әуезов – З. Шашкинге

№ 160

25.VI.1961 ж.

Әнеу күні Есеттен¹ сенің “Теміртауынды” ала кетіп, жақсылап, баптап оқып шықтым.

Романың маған ұнады. Жәй сәл ғана бір ұнады емес, бүгінгі жоғымыздың бірін ала келе жатқан елеулі, салмақты табыс-ау деп ұнаттым. Әсіресе қадірлісі – жаңа адамдар, бүгінгі қасымыздағы жаңа буын, осы кітапта дәл құлағың

түбіне кеп, өздерінің сөйлеген, сезінген демдерімен білініп, танылып тұр. Бет-құлағына ыстық демдері шарпи сезіліп, танылып, ұғылып тұр. Өздері, рас, анық толық өндіріс, өнерлі өндіріс адамдары.

Тағы бір қасиет – осы адамдар көбі қазақтың жаңа жас қауымы; елдің, ұлттың жүгін енді мойындарына алған мығым буын.

Бүгінгі күн, өндіріс ортасы осылай, дәл бүгінгі қалыптарымен көрсетіле бастау – біздің әдебиет үшін үлкен тың табысты келіс. Тіл, стиль де соған орай өз жаңалықтарымен айқын тұр. Адамдарың жаңа тенеулер тілімен тапқыр жаңалықтар сездіре сөйлейді. Бір шақта газетада бір үлкен үзіндісін оқып, көп ұнатып үміттеніп қалғанымды Есетке айтқаным бар еді, – мынау тұтас еңбек түгел бойымен көңілге тілеуестік қуаныш әкелді. Ал тіл жайын айтуда менің кейбір сыным, талабым да бар. Көп жерде орыстарың қазақшалап сөйлеп жіберетіндері бар екен. Ал қазақтарың кейдегі сөйлемдерін орысша құрады. Ол әдейі істесе бір сәрі, орынды да. Бірақ кейде сенің салақтығың тәрізді кететін жерлері де бар екен.

Бұлар оқта-текте келетін, байқалатын жайлар. Ал жалпы сөздерінде көп-көп жерде белгілі сөздерді дәл қолданбай, менше, жаңсақ, олақ қолданатының бар тәрізді. Осы жақ – менің ең көбірек байқаған мінім. Сондай сөздердің бәрін мен Есет кітабының бетінде сызып отырдым. Кейін өзіңе көрсетейін деп көшіріп алып ем. Ол екі бет болды. Кейінгі басылуда өзгертуді керек ететін, даусыз дерлік оғаштықтар бар... жеке сөз... сөздікте...

Кей тұсында романда мәжілістер көбірек кетіпті, оның да түзеуді немесе басқаша жазуды керек ететіні бар.

Жалпы, мен Мұхамеджан² сынына әбден қосыламын. Тек тіл кемшіліктерін аз көргенін айтар ем. Ал Сахариеттің³ “Битва в путиге” ұқсайды дегені орынсыз. Дәмеш ешбір Тина емес, Қайыр – Бахиров та емес. Олай десе, “Битваның” өзінен “Ағайынды Ершовтарға” ұқсастық бар деп тімтілеуге де болар. Мынада ең қымбатты қазақ образдары өз психология, логикасымен, өз іштері, істерімен өзіндік ұлттық жаңа ортада қалыптанған шындықты танымау, тосырқау – кем қойғанда үстірттік болар еді.

Сенің өнімді еңбегіңе шын тілектес үміткермін. Ілгері аса, баса бер. Бірақ қатарында өзіндей ендігі әдебиет

болашағы деп өзім түсінетін: Әбдіжәміл, Тахауи, Зейнолла, Сафуандар, Хамза⁴ барын ұмытпа, бек бағалап, тілектес, қанаттас дос деп бағалай біл дер едім.

Мен операция тосудамын. 27 күні болмақшы. Қазақстан мерекесіне, бәрлеріне адал жүрек қуанышын қосамын, достарға сәлем!

¹ Ысмайылов Есмағамбет (21-бетті қараңыз).

² Қаратаев Мұхамеджан (235-бетті қараңыз).

³ Сахариев Баламер (1929–1979) – әдебиет зерттеушісі, сыншы. Филология ғылымының кандидаты.

⁴ Әбдіжәміл Нұрпейісов, Тахауи Ахтанов, Зейнолла Қабдолов, Сафуан Шаймерденов, Хамза Есенжанов.

М. Әуезов – М. Базарбаевқа

№ 161

17 маусым 1961 ж.

Қадірлі дос Мүсілім!¹

Хатыңды алып, қатты ырза болдым. Көңіл, бейіл, тілектестігіне көп-көп алғыс айтам. Институт өміріне жегіне кіріскен көрінесің... Өндіре тартып, үдеп-үдеп кете барарсыңдар деп нық сенемін. Ендігі біраз мәселелерің шешіліп те қалған шығар...

Мен 20-сы күні болатын консилиумды тосып отырмын. Солар операция жаса десе, жасатамын. Бұл хат той үстінде барар. Қазақстан ұлы той мерекесі сәтінде бар-бар коллективінді, үлкен-кіші дос-жаранның баршасын дос көңілмен құшақтап құттықтаймын.

Мұхтар Әуезов.

Р. С. Жаңалықтар тосамын.

¹ Базарбаев Мүсілім (1927–1995) – әдебиеттанушы, мемлекет және қоғам қайраткері. Филология ғылымының докторы, профессор. 1956–1970 жж. Тіл және әдебиет институты директорының орынбасары, директоры. 1970–1981 жж. ҚР Мәдениет министрі, Сыртқы істер министрі. 1981–1988 жж. М. О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының директоры, 1988–1995 жж. бөлім меңгерушісі.

Қымбатты Мүсілім!

Кешеден бері мен Москва сыртындағы Кунцеводағы Кремелевка ауруханасындамын. Жақсы консультация жасаймыз, кім керек болса, соны алғызамыз десті. Тағы да рентгенмен анықтаулар болмақшы. Түбі, тегі, операция бола ма деймін. Не болса да өз Отанымыздағы ең тәуір дейтін больницадамын, сенемін де, емдеріне көнемін.

Өздерің енді қалай өсу-өрлеудесіндер? Институт калқиып тұрды ма? Орын-жайларың жайғасты ма? Кімдерді келтіріп алып жатырсың? Көмектер қандай? Әнеугі Ш. Шокиндегі¹ сөз бойынша Волковтың қолын қойғызып алуға келе әрекет еткеміз. Б. Ысқақов² екі күн арнаулы әрекет етіп, ақыры кеше мен больницаға кетерде Волков та қол қойды, бәрі де ойдағыдай орындалды деді. Мен сендерге документтерін жіберуді сұрадым, аларсындар. Бұл жөндер жайланды.

Жалпы бар жаңалықтарың туралы хат жазындар... Көп сәлем.

Москва. Мұхтар.

¹ Шокин Шапық Шоқыұлы (1912–2003) – энергетик. Техника ғылымының докторы (1953), профессор (1956), Қазақстан ҒА-ның академигі (1954), КСРО Ғылым академиясының Қазақстан бөлімшесінде сектор меңгерушісі. 1964–1967 жж. ҚР ҒА президенті болды. Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты (1972), Қазақстанның еңбек сіңірген ғылым қайраткері (1962), Қазақстан Республикасының Халық қаһарманы (1997). М. Әуезовпен қызмет бабында жиі кездесіп, достық, сыйластық қатынастарын үзбеген.

² Ысқақов Балташ Баубекұлы (373-бетті қараңыз).

Ауқармапар

**КАРАКОЗ
(КАРАГЁЗ)**

Трагедия в 4 актах, 7 картинах

Действующие лица

К а р а к о з — девушка на выданье, невеста.

С ы р ы м — молодой акын, сал¹, 25 лет.

А к б а л а — золовка Каракоз.

Ж а р ы л г а п — отец Каракоз.

М о р ж а н — старшая байбише², мать Жарылгапа, 70 лет.

Ж а б а й — отец Сырыма.

Н а р ш а — жених Карагоз.

А с а н — молодой акын, из свиты жениха.

М а т а й — друг Нарши.

Д у л а т — акын

К о с к е л ь д ы

Д а в л е т к е л ь д ы

} салы, друзья Сырыма.

Т е к т и — мать Нарши, сваха.

Т о й с а р ы — родственник Нарши, старший сват.

С т а р и к - х л е б о р о б .

С т а р и к - р ы б а к .

Женщины, приехавшие на той³.

Девушки, распорядители.

---

¹ Сал — певец-поэт, вольный певец, увеселитель народа, их отличает еще красочный, особый наряд.

² Байбише — хозяйка аула.

³ Той — пир.

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина первая

У подножья холма за аулом Жарылгапа. Вечер. Скала, река, чаща. Слыш-на тихая песня. Выходят три джигита, впереди, с домброй в руках, Асан.

А с а н (*поет*).

Над Баянаулом реют облака,

Беркута пустил бы, да лисица далека.

Не забуду я вовеки, как ты провожала

И за белою за юртой “прощай, родной” сказала.

(*Осматривается. Нарша и Матай идут, опустив головы.*)

А с а н (*весело*). Ох, как бодрит здесь, на просторе, дру-зья!

(*Поет.*)

Идет в раскачку джигит,

Щедрый и добрый джигит,

Друг другу опорой,

Поддержкою каждый джигит!

Женихом коль приехал —

Невесток обдарит джигит.

Будь храбр и смел,

Не бойся препятствий, джигит!

Н а р ш а. Асан, ты вольный певец, ты — что лебедь на широкой тихой глади: понравилось — плывешь, не понравилось — улетишь. Боюсь, что со своей печалью мы испор-тим твоё настроение.

А с а н. Друг мой, не нравится мне понурая голова, как у коня усталого. Тоску я слышу в голосе твоём. Скажи, в чём дело?

Н а р ш а. О чём я могу печалиться?! Здоров, молод, род-ные любят, сам я из многочисленного рода Досан, что боль-

шой косяк в табуне. Вот приехал к невесте родного рода. Девушки веселые, шумный той. И все же нет счастья. Вот о чем я печалюсь. О ней моя дума — о Каракоз!

А с а н. О Каракоз! Разве есть изъян в ее красоте? Я не знаю джигита, который бы нашел в ней недостатки. Она же для джигита мечта, трон, на который ему не взойти, гурия райского сада. Так в чем же дело? Что ты в ней нашел плохого?

Н а р ш а. Да, действительно Каракоз хороша, умна, красива, не только я, но любой из знати, белой кости посчитал бы за счастье обручиться с ней.

А с а н. Так чего не хватает тебе? Самое дорогое, что есть в роде Караул, — это Каракоз. Соловей на вершине серебряного тополя — это Каракоз. Ты же ее избранник. Так что тебе надо, я не пойму.

Н а р ш а. Меня связывает Каракоз своим умом, поведением своим.

А с а н. О боже! Родители тебя благословили, скот ты честно отдал за нее. Приехал к ней, как положено, как же она может тебя, такого джигита, жениха, супруга связывать?

Н а р ш а. Не буду тебе я многословить. Одно она сказала: “Не поймешь душу мою, не меня будешь обнимать, а скот, который ты отдал за меня”.

А с а н и М а т а й. Что это она говорит? Что это значит?

Н а р ш а. И правда, какая невеста так может сказать? А вот Каракоз это сказала.

А с а н. А ты заставь ее замолчать, пусть не показывает свой характер.

Н а р ш а. Силой? Разве за тем я приехал, чтобы свою же невесту насильно располагать к себе?

М а т а й. Предки наши так делали, да нам наказали. Я совсем не пойму тебя, дорогой мой. Надо наказать и направить ее на должный путь.

Н а р ш а. Конечно, проще всего пригрозить кнутом, например. Но Каракоз обезоруживает меня.

А с а н. Да как же так?!

Н а р ш а. Она так нежна, тонка и изящна, что меня больше всего угнетает... она не скажет резкого слова. Тиха, мягка, и каждое слово ее на вес золота. Ни одна женщина не учтива, как она. Однако такая хорошая, но она чужая для

меня. Думаю, не ошибусь — у нее есть близкий человек, — вот отчего печально мне. Зачем жить, если берешь любимую, и ты не единственный у нее? Как мне радоваться такому жениховскому состоянию?

А с а н. Да кто здесь может с тобой соперничать? Где быть такому? Скажи мне!

Н а р ш а. Не знаю, кто!

М а т а й. Неизвестно кто, но надо узнать, это только ты можешь сделать.

Н а р ш а. Не знаю — кто он, из какого рода, он счастливый соперник, враг мой есть.

А с а н. Есть здесь молодой сал, широко известный вокруг Сырым. Он пламенный акын, шеголь, хоть в своем ауле его и называют повесой, но для красавиц он волшебник.

М а т а й. При чем Сырым? Он же из рода Осер?

А с а н (*перебивая Матая*). И правда, неуместно говорить о Сырыме, он приходится девушке дальним родственником. Интересно, на каком колене они сходятся? Как буд-то и не очень близкая родня.

М а т а й. На каком бы колене они ни сходились, люди из аула Осер друг на друге еще не женились.

Н а р ш а. Да, они дружны, что кони в одном косяке среди табуна.

А с а н. Да. Они не могут жениться до седьмого колена. В таком спесивом ауле за седьмое колено не станут свататься. Однако (*призадумавшись*) здесь, в этом округе, для Каракоз, кроме Сырыма, и ровни нет. Коли сокол не стал вороной, а скакун клячей, то на вершину такого тополя, как любовь Каракоз, некому здесь взлететь. А впрочем, ничего не пойму...

М а т а й. Нет оснований подозревать Сырыма, это кто-то другой.

Н а р ш а. Я его и не подозреваю. Однако же, если вы мне действительно друзья, то я прошу найти и назвать того, кто наносит мне такую рану. И зачем судьба меня свела с Каракоз? Почему так свела меня?! Лучше умереть, чем ходить под тяжестью такого горя.

А с а н. Найдется, куда бы ни прятался, тот враг. Только ты не выдавай себя. Духи предков поддержат нас и подавят недруга (*уходя*).

(Появляются на сцене роскошно одетые девушки и молодая женщина. На плечах у них тонкие халаты из черного шелка, — это Каракоз и Акбала.)

А к б а л а. Тебя ведь не постичь, не знаю, как и сказать людям, что ты не любишь Наршу. Уж как ни одаривали нас здешние джигиты, чтобы хотя бы одно доброе слово от тебя взять, и никого даже к ногам не подпускала. Когда же это началось? Кто тебя свел с пути истинного, скажи хоть...

К а р а к о з. Не скажу. Сама здесь увидишь сегодня, а началось это совсем недавно... Только неделя прошла, как мы под покровом ночи признались друг другу. *(Пауза.)* Только два раза виделись с тех пор, и не минутная прихоть и пустая страсть свели нас, — вот единственная правда, которую я скажу тебе.

А к б а л а. Ну назови, кто он.

К а р а к о з. Сегодня ты выполняешь мою единственную и последнюю к тебе, моей золовке, просьбу — просьбу на всю жизнь, перед моим отъездом в чужой аул.

А к б а л а *(приостановившись)*. Ты с детства, моя Козжаксым³, была какой-то иной, всегда меня уговоришь...

(Входят пять-шесть салов, среди них Сырым.)

...Ой, Козжаксым, это же сын смиренного Кайнаги⁴.

Ойбай. Молда-джигит⁵ идет. Подозревают нас, что ли? Смотри, чтобы не выследили. Боюсь, что пришли следить.

К а р а к о з. Потерпи. Они плохого не сделают. Сырым не враг наш.

А к б а л а. Что? Он тоже знает?! Да он же такой забияка, как начнет задирать! *(Салы подходят к ним. Все щегольски одеты. Каракоз идет навстречу Сыриму.)*

К а р а к о з. Сырым... Сердце мое! *(Сырым раскрывает объятия.)*

С ы р ы м. Свет жизни моей! Звезда во тьме ночей печали моих! Соловей мой в клетке! Подойди ко мне, моя милая. *(Обнимаются.)*

(Салы, одобрительно улыбаясь, играют на домбрах.)

---

³ Козжаксым — так Акбала называет ласково Каракоз.

⁴ Кайнага — так Акбала называет в знак уважения отца Сырыма Джабая.

⁵ Молда-джигит — так она называет в знак родства Сырыма.

А к б а л а. Козжаксым, что это такое? Шутишь или правда? Думала, где издалека нашла такого, что его, по всему, впервые увидела, что ли?

С ы р ы м. Акбала, родная, что хочешь бери за вину мою, только не упрекай. Она – Каракоз, я – Сырым. У Каракоз нет лучшего любимого, чем Сырым. И кто ей ровня, кроме меня? Я выплакал свою любовь.

К а р а к о з. Женеше Акбала... Если бы я не любила Сырыма, разве бы я сказала, что я одинока? Разве я обратилась бы к тебе за помощью?

А к б а л а (*опуская глаза*). Не знаю, дорогая моя... Ведь бабушка твоя прокляла его.

К а р а к о з. А ее благословение сделало меня счастливой?

А к б а л а. Ну решай сама, Козжаксым...

С ы р ы м (*обращаясь к Каракозу*). И Акбала, милая моя, стала нашей. Ты теперь не одна. А ну, друзья мои, где песня Каракоз? (*Акбала остается внизу. Сырым и Каракоз, обнявшись, всходят на скалу.*)

Д у л а т (*поет*).

Мы здесь сидим и сторожим их покой.

Бесами воют враги вокруг нас.

Друг друга нашли вы, так счастья добейтесь,

Пусть, злясь и стеная, то увидят враги!

Я же, друзья, в этой песне своей

Счастья влюбленным желаю.

И если в этом мы неправы,

За то готовы платить за вину коврами.

(*Сырым вздыхает. Салы окружают Акбалу и негромко поют.*)

С ы р ы м (*обращаясь к Каракозу*). Вот мы и приблизились к тому моменту, когда разлучимся навеки. Что со мной тогда будет?

К а р а к о з. Ах, мой Сырым⁶, сердечная тайна моя. Злая судьба делает меня чужой тебе.

С ы р ы м (*встрепенувшись*). Что ты сказала, Каракоз? Ты пришла проститься со мной? Ты хочешь сказать, что настала пора разлуки?

---

⁶ Сырым – по смыслу «тайна моя».

К а р а к о з. Разве осталась воля у меня?

С ы р ы м. И ты примиришься? Пришла сжечь меня?

К а р а к о з. Может быть, пришла сгореть вместе. От какого огня пощадил нас?

С ы р ы м. Ты и сама к тому склоняешься, к покорности, и еще одним огнем больше на мою душу?

К а р а к о з. Родной мой Сырым, ревность твоя детская.

С ы р ы м. Да, я ревную. Мне ничего не жалко — ни земли, ни скота, пропади все пропадом, ничего не жалко. Но тебя ревную ко всему — к земле, к солнцу, миру, хочу быть защитой тебе, хочу, чтобы ты была под моим крылом. Не хочу, чтобы кто-то на тебя смотрел кроме меня. Моя ревность — это сегодняшний мой бог. Что ты сказала? Ты хочешь сказать, что Нарша, который собирается разлучить меня с тобой, ни в чем не виновен?

К а р а к о з. Да, если правду сказать, я не нахожу ничего, чтобы его обвинить.

С ы р ы м. Что ты сказала, Каракоз? Ты понимаешь, на какие муки обрекаешь меня? Лучше воткни мне в сердце вот этот нож.

К а р а к о з. Не говори так, друг мой... Единственное, что я выбрала от жизни, это ты. Что бы я ни испытала, какие муки и горести я бы ни пережила, на дне сердца моего останется самое дорогое и светлое, оно будет солнцем внутри меня, неугасимым светом моим. В муках и печалях моих свет будет утешением моим. Это только ты и только ты! Но еще раз скажу, что винить Наршу я не могу. Если бы он был наглым и нахальным, тогда бы было мне легко, но он меня связывает обхождением, мягкостью, учтивостью. *(Оба уходят.)*

Д у л а т *(нагибаясь к Акбале)*. Дорогая моя, да что я, на луну, что ли, смотрю? *(Поет.)*

Днями и ночами по аулам брожу,

Изливаясь слезами, девушку ищу.

Белошеюю, белолицую...

А она, оказывается, в образе Акбалы рядом сидит.

Одинокая, как береза в степи.

(Делает попытку обнять Акбалу.)

А к б а л а. Заблудился один и молился луне... Так и ты на меня молиться начал, случайно встретив. *(Высвобождает.)*

ется из его объятий.) Что, раньше не замечал меня? (*Смеется.)* (Дулат, Акбала и другие уходят.)

С ы р ы м. Я до сих пор только за миражом гонялся. Заря моей жизни занялась, золотое солнце мое взошло только тогда, когда я нашел тебя. Только вчера и только на миг родилось счастье для сердца, блуждавшего в одиночестве. С тех пор ничего я не вижу, кроме тебя. Везде только тебя вижу: и в ауле, и ночью в пустой юрте, и в песнях, и в кюях своих, перед глазами моими только ты! Ты всюду смотришь на меня, вот какая ты ару⁷ Каракоз! Моя ару, желанная!

К а р а к о з. Ах, Сырым. Если бы ты не был таким, разве я была такой горемычной? Все, что ты сказал сейчас, ведь и мои слова, которые я произношу шепотом, храню, как исповедь мою... Видно, на счастье раскрылись мы друг другу лишь вчера!

С ы р ы м. Когда я нашел тебя в ночную жуть, в буран, перед пастью грозной опасности, я же сказал, что нашли мы друг друга, чтобы не разлучаться.

К а р а к о з. Разве я о другом так бы переживала?

С ы р ы м. Все выскажи мне. Почему призвала меня? Вчера только опасалась встречи, а сегодня вызвала.

К а р а к о з. Соскучилась я, так соскучилась, что решила во что бы то ни стало увидеть тебя. Мучительно мне без тебя до безумия, поэтому и позвала. Думаешь, я что-то придумала?

(Салы возвращаются.)

Д у л а т *(поет).*

Акбала, ты хмуришь брови свои.

Я не в силах бывшее забыть.

Не могу подступиться к тебе.

Милостивей станешь когда ты?

Акбала, для тебя лишь пою.

Разве забудешь такую, как ты?

Увижу тебя, и таю, и млею

В ожидании ласки душевной.

(Уходят.)

С ы р ы м.

Коль уйдешь от меня, —

Это клятва моя,

---

⁷ Ару — благородная.

Уйдут за тобой
Мое счастье, надежды.
И погибну я, вместо жизни.
Погасну, не вспыхнув.
Без тебя мне жизни нет,
Я стану злой от пожара.
Жги меня!
На то воля твоя.
Без тебя жайляу рода Караул покажутся кладби-
щем.
Для чего лунные ночи, звездные вечера, если не бу-
дет тебя?

(Салы возвращаются.)

Д у л а т *(обращаясь к Каракоз и Сырым).*

Прогремит наша молодость быстро,
Дни веселий пройдут без возврата,
И что же будет тогда с Каракоз?
Яблоко спелое наше завянет.
Тебя ждут, дорогая моя,
Перестаньте вздыхать и кончайте решением!

(Уходят.)

К а р а к о з. Мало ли девушек казашек, что были прода-
ны за скот, и уходили из жизни, мыкая горе? И до чего наи-
вна была моя несчастная голова, когда до сих пор ни разу
не подумала о том, что я, как и все, буду продана и отдана к
чужим. Теперь только почувствовала, когда ударили меня,
словно обухом по голове. И вот сейчас, возле тебя, приль-
нув всем своим существом к тебе, говорю: проклятье, про-
клятье тому, что называют свадебным весельем, что называ-
ют счастьем.

С ы р ы м. Разделяю твою печаль, вспугнувшую душу
твою. Проклятье, проклятье калыму, бесчестно нажитому
добру, опутавшему тебя. Никогда я не прошу тому, кто тебе
причинил горе. Никогда я этого не прошу аулу Осер и его
старейшинам. Я не в силах больше смотреть на горе твое.
Пусть с сегодняшнего дня началась жизнь бродяги неуго-
монного.

К а р а к о з. Нет, мой друг, не говори так. Ты будешь
проводить и даже сопровождать меня туда! Иначе я умру не
раз.

Сырым. Нет, нет! Лучше мне не ехать. Испорчу я все. Ворвется в веселую компанию раненый молодой медведь, плохо будет. Разреши мне остаться.

Каракоз. Ты не будешь провожать, кто будет утешением мне в слезах моих, кто поддержит горемычную голову мою? Прошу, умоляю тебя.

Сырым (*думает*). Ну пусть, я согласен. Мы приедем. (*Целует ее, собираясь уйти.*) Ах, милая моя, почему ты родилась в ауле Осер? (*Печально опускает голову. Появляются салы. Акбала и Каракоз уходят.*)

Дулат (*Сырым*). Чем она, Каракоз, тебя так расстроила?

Сырым. Каракоз не выдержала. Бог знает, что с нами теперь будет. Но я дал слово, что буду ее сопровождать до аула Досан. Завтра той, будут петь жар-жар. Давайте сделаем так, чтобы гремели степи рода Караул в день отъезда Каракоз.

Дулат (*уверенно*). Правильно! Хотя одну пулю пустим в направлении врагов, увозящих Каракоз. Может, кто и упадет из них. Пусть хоть почувствуют, не сидеть же, сложа руки, нам.

Сырым. И правильно.

Коскельды. Молодцы! Хорошо делаете. Отточим языки.

Давлеткельды. Действительно, что-то уж слишком усмирились мы, как услышали, что Каракоз уезжает. Давайте подбодримся.

Сырым. Мы не просто жар-жар споем (*бодрясь*). Мы споем:

О душе Каракоз,
О сердечной ране ее,
О глубокой печали ее.

Дулат (*подхватив*).

О судьбе горемычной ее.
О том, как продали ее.

Коскельды.

И о тех, кто расстается с ней,
О родных и близких ее.

Сырым (*кивнув головой*).

И о том, что сказала она,
Безутешно рыдая в бессилии своем.

Вот о чем, друзья, вот к чему готовьтесь. (*Короткая пауза.*) Бороться так бороться! Я от Каракоз не отстану и не хочу терять навек.

С а л ы (*негромко поют*).

Молодец наш Сырым!
Покажи им себя!
Песнею душу очисти.
Вдохновенно ты спой,
Как пелось когда-то.

С ы р ы м. Если так, то начинайте “Каракоз”.

(*Все поют.*)

Рыцарь добьется у девы любви,
Почелуй мне, душа, подари-ка.
Ведь ты же, женге, не найдешь
Богаче, щедрее джигита.
Каракоз — наша луна —
Покидает нас.
Мы рыдаем и плачем,
Провожая тебя.

(*Уходят.*)

А с а н (*поет, отделяясь один*).

Накинув черный халат,
Девушка нас покидает.
С песней своей, злясь и бесясь,
Сал уходит отсюда...
И кто вечерней порой
К этой скале
На свиданье придет?! (*Удивленно.*)
А все же, что-то не то,
Здесь скрыта тайна иная!

(*Задумывается и уходит, тихо насвистывая.*)

З а н а в е с

АКТ ВТОРОЙ

Картина вторая

День тоя. Несколько женщин собрались возле отау — юрты молодых, поставленной особняком.

1-я ж е н щ и н а. Это отау невесты? Чувствую по украшениям.

Вот это длинного Кайнаги байбише делала. Пойдем, посмотрим, что внутри. *(Входят в юрту.)*

3-я ж е н щ и н а. Говорили, что старшая байбише все, что получила за калым, отдаст в приданое.

2-я ж е н щ и н а. Да что она, с ума сошла? А какая же тогда выгода калыма?

1-я ж е н щ и н а. И правда, ведь говорят же, что этот аул разбогател от продажи девиц.

3-я ж е н щ и н а. И недаром говорят. Не особенно-то приданым разукрасили.

1-я ж е н щ и н а. Говорят, будто не хотели выдавать невесту — в этот раз, мол, не успели подготовиться. Но заметили, что с Каракоз что-то неладное творится, так решили побыстрее ее спровадить.

2-я ж е н щ и н а. А кто, интересно, Каракоз с пути истинного сводит?

1-я ж е н щ и н а. Не знаю, никто не знает, кто ее друг. А доподлинно известно, что она недовольна этим женихом.

3-я ж е н щ и н а. Посмотрим на жениха, эту юрту, видимо, для жар-жар подготовили.

2-я ж е н щ и н а. А кто, интересно, со стороны девушки жар-жар исполнит?

1-я ж е н щ и н а. Вон их сколько, салов, у нас, и Сырым среди них. Посмотрим, что он в этот раз вытворит. При проводах других невест он все пел, что невеста недовольна женихом, и все в этом роде, а посмотрим, сможет ли он так же сказать о Каракоз.

2-я ж е н щ и н а. А что, думаешь, Сырым побоится? До сих пор ни разу не случалось, чтобы он опасался чего-то. *(Восхищаясь Сырымом.)* Он ведь особенный такой! Не посмотрит, ударит наповал и все...

3-я же н щ и н а. Я иногда не выдерживаю его взгляда, такой незабываемый взгляд.

2-я же н щ и н а (*смеясь*). Ах ты, негодная, видно, неравнодушна к нему.

1-я же н щ и н а. А что же в этом особенного? Все, наверное, молодыми были.

(Проходят распорядители тоя.)

1-й р а с п о р я д и т е л ь. Эй, бабы, что вы сгрудились возле пустой юрты? Вон идите к жениху и джигитам, к той юрте.

2-й р а с п о р я д и т е л ь. Потому и сгрудились, что никому они не нужны.

2-я же н щ и н а. Ты знай свое дело — подавай блюда, никто тебя не просил для нас джигитов найти.

1-я же н щ и н а. Действительно, кто тебя просил? Лезешь не в свое дело. *(Смеются.)*

3-й р а с п р я д и т е л ь. Не кудахтайте, не так-то уж вы нужны.

Стоите, словно жерди, старые да маслястые.

(Уходят. Входит Акбала с двумя молодыми снохами.)

1-я же н щ и н а. От джигитов жар-жар исполняет Асан. Краснобай, говорят. Смогут ли как следует ответить со стороны невесты?

2-я же н щ и н а. Конечно, смогут. Не сегодня же родились. Если бы жар-жар исполняла сама Еркем — показала бы она Асану, что значит наши. Жаль, что она невеста. А ведь в игрищах и тоях всех девушек перепевала, все у Сырыма училась, не отставала от него.

А к б а л а. Найдутся, споют. Молда-джигит не таков, думаешь, он к джигитам присоединится?

1-я же н щ и н а. Если бабушки не побоится.

А к б а л а. Нашла боязливого.

2-я же н щ и н а. А ведь вот бабушку все в нашем ауле боятся, уважают ее, только один Сырым непочтителен к ней.

А к б а л а. Он ведь от матери рано остался, сиротой вырос.

1-я же н щ и н а. Вон что. Говорят, мачеха не здорово баловала его.

(Выходит Моржан — старшая байбише, с посохом в руке. За ней девушка-прислуга.)

М о р ж а н (*раскрывая двери юрты молодых*). Все готово? Акбала, ты здесь?

А к б а л а. Здесь, бабушка.

М о р ж а н. Стелите рядом с юртой ковры, все в юрте не поместятся. Будьте расторопнее, пока не уедет Каракоз. Где она сама? Почему она не сидит здесь? (*Обращаясь к Акбале, тихо.*) Я что-то плохое слышала, уже и бабы здесь поговаривают. Что такое? Ты знаешь? Ты думаешь о том, что это позор аулу, духу предков? Ты знаешь, но не говоришь!

А к б а л а. Как не говорю? То, что Козжаксым недоволен Наршой, даже ему известно. Что же, раз сам он знает?

М о р ж а н. Нарша уже знает? Это так делает девушка, которую я воспитала? Да о чем она думает? Зови-ка ее сюда. (*Девушка-прислуга уходит.*) Поистине говорят: бессердечен ягненок без матери. Осталась она без матери, уж как я холила ее! И на тебе в благодарность, оценила мои труды. (*Акбале*). Кто там мутит? Кого она нашла лучше Нарши?

А к б а л а. Бабушка, я не знаю ничего. Знаю, что Наршой она недовольна, а больше ничего не известно. Ничего не знаю.

М о р ж а н. Да, не знаю. Ничего она от тебя не скрывает. Я по нюху чувствую, кто на позор направляет мою дочку. Вот уедут гости, я с тобой поговорю. Поняла? (*Идет Каракоз в наряде невесты в сопровождении девушек и молодых женщин.*) Деточка моя, ты почему так печальна? Входя в эту юрту, помолись и скажи: пусть длительно будет счастье. И дед твой, и бабушка твоя начинали свою жизнь вот так. (*Каракоз не входит. Молчит.*) Войди, хорошая моя. Ах, какая ты несмелая. Войди.

К а р а к о з. Войдем, бабушка. И выходить будем. Что из этого делать примету? Все невесты в мире желают себе счастья. Если от этого только зависит счастье, кто не сделал так. Улетаю я из родного, теплого гнезда в чужую, холодную даль. Луше благословите меня.

М о р ж а н. Разве я не благославляла тебя? Если ты не оправдаешь материно молоко, мои святые благословения — бог накажет тебя. А если я не желаю тебе хорошего, то бог пусть накажет меня. Я всегда тебе говорила (*пауза*), теперь едешь в чужую среду, где на тебя все будут смотреть оцени-

вающим взглядом, будь осторожна и умна. Гордой растила я тебя, но всегда знай меру.

К а р а к о з. Бабушка, ты зачем меня позвала, хотела что-то сказать?

М о р ж а н. Да, душа моя, хотела сказать. Я слышу, что тебя не радует этот той. Я — твоя бабушка, готовая всем пожертвовать для тебя, и если тебя будут подозревать в чем-то неприличном, то лучше мне, старой, умереть, чем слышать плохое о тебе.

К а р а к о з. Разве я что-то сделала неприличное?

М о р ж а н. Вон и Нарша расстроен от вида твоего. Чувствую по его лицу. Разве что-нибудь хуже этого может быть? Разве я от тебя ожидала этого? Бабы, собравшиеся на той, уже шепчутся, шипят подобно змеиной куче из логова... Я не стану...

К а р а к о з. Почему не станете? Думаете, пусть что будет, то будет. Иначе бабушка должна бы о внучке знать все.

М о р ж а н. Нет, душа моя, не стану спрашивать, не хочу разжигать горе в себе. Хватит и того, что знаю. Ты знаешь, что бабушка твоя стара, проведи с радостью, как следует, свой той, не изводи друга своего — жениха и близких своих как с нашей, так и с их стороны. Не ледени их сердца.

К а р а к о з. Что ж, каждый сделает что сможет.

М а р ж а н. Дочь моя, не делай плохое. Хватит того, что люди говорят. Не противоречь мне. Хватит! Входи!

(Девушки входят в юрту. Выходит жених с товарищами, за ними сваты и сватьи.)

М о р ж а н *(обращаясь к Нарше).* Дорогой Нарша, пусть бог продлит твое счастье навеки. Пока дочь в невестах, тесть в силе. Выдал замуж — зять в силе! *(Жених и его товарищи выражают почтение.)* Теперь для меня что ты, что Каракоз — оба вы плоть от плоти, кровь от крови моей. Подойди, сын мой! *(Целует Наршу в лоб.)* Да живи долго и счастливо, сын мой.

Т е к т и. Каракоз — самая любимая внучка нашей сватьи, дай бог, чтобы и Нарша, и она оправдали твои благословения.

Ж а р ы л г а п. Что лучшего может желать бабушка? И мы все желаем этого.

Т о й с а р ы. Родители обязаны желать самое лучшее для

своих детей, а честные и разумные дети обязаны оправдать благословения своих родителей.

М о р ж а н. Дети мои, если в вашей груди есть сознание, — желания и надежды старших закон для вас.

Ж а р ы л г а п. Ну, начинайте игры.

Г о л о с а. Да, пора начинать. Начинайте. Выходите, кто будет петь жар-жар. Вас ждет молодежь. *(Смех.)*

(Салы и аульные джигиты выходят вперед.)

А с а н *(поет)*.

Итак, начинаем жар-жар.

Где та дева-краса?

Пусть выйдет смело вперед.

Мы готовы выслушать ее. *(Пауза.)*

Пусть она нам споет,

Да без пота и натуги.

И давайте немедля начнем!

Все жаждут слушать нас.

(Девушки шепчутся. Отделяется пять-шесть девушек в шелковых шалях. Подходят к дверям. На сцену выходит Сырым с товарищами, все одеты щегольски.)

Г о л о с а. Салы, салы идут. *(Дают дорогу.)*

А с а н *(Сырым)*. Ты с кем будешь петь?

Ж а р ы л г а п. Что значит — с кем? Он же мужчина, с мужчинами и будет петь.

М о р ж а н. Разве Сырым когда-нибудь делал то, что делают все?

С ы р ы м *(поет)*.

Кто рад — пусть смеется,

Кто не рад — пусть хмурит бровь,

А кто умеет петь,

Если он поэт, —

Вдохновиться должен враз.

Что знает Сырым.

Только я прошу у Вас —

Не сердиться, не гневиться,

Если ваш Сырым споет

Неприятное для вас. *(Смех.)*

Г о л о с а. Ай да молодец! Настоящий вожак молодежи — правду-матку режет. *(Сырым с друзьями входит в юрту. Старшим это не нравится.)*

М о р ж а н (*Жарылгану*). Не хотела я видеть этих нечестивцев давно, сегодня, смотрите, опять должна их, бесов, слушать.

Ж а р ы л г а п. Но ведь и он потомок нашего общего предка. Свой же все-таки, зачем же осуждать и гнать его?

М о р ж а н. Хорошо, не стану перечить, но запомни — толку с него не будет. Попомнишь мои слова.

С ы р ы м (*обращаясь к Каракоз*). Дорогая моя, я не зря сегодня прибыл, я сегодня что хищная птица, у которой птенца изловили. Не сердись, если не смогу обрадовать твое окружение.

К а р а к о з. Я все уже сказала, Сырым. Не боюсь ничего. Поступай как задумал.

А с а н (*начинает со своей группой жар-жар*).

Мы пришли спеть жар-жар, дорогая невеста,
жар-жар!

Да красиво споем как мы, так и вы.
От души поздравляем с радостным тоем
И желаем наилучшего вам. Жар-жар!
Ты вольной росла, все лелеяли тебя,
И лучшего друга нашли для тебя.
И теперь средь друзей и родных
Открыто об этом говорим мы тебе: жар-жар!

С ы р ы м (*хором с девушками*).

Нам говорят, что друга нашли. Жар-жар!
Что красив и хорош он собой.
Говорить можно все, не заботит то вас,
Что невеста в слезах, что она безутешна. Жар-жар!
Не от радости плачет, рыдает она. Жар-жар!
Ведь правду души ей трудно таить.

М о р ж а н (*не выдерживает, кричит*). Я же сказала, что этот нечестивец Сырым никогда не говорил хорошего, а теперь слышите, что изрыгает.

Т о й с а р ы. Не ругайте его, байбише. Может, и правда, а если и не правда, то какая невеста признавалась, что рада она и довольна она? (*Асану*.) А вы что застыли? Пойте!

А с а н (*хором с группой своей*).

Хорошо, когда правду поют. Жар-жар!
Обо всем, что таится в душе,

Обо всем, что на сердце лежит,
О любви иль о том, что печалит тебя. Жар-жар!
Но сегодня, в день радости, в день надежд.
Жар-жар!

Все веселья хотят, веселья от сердца.
И на тое, где радость царит,
Неприлично нам петь о печали. Жар-жар!

С ы р ы м (*хором своей группой*).

Коль радостный день, день надежд, жар-жар!
Должны быть вески все причины.
И радость не в радость, коль плач
В песнях веселых слышится всем. Жар-жар!
Сегодня невеста, что связанный голубь. Жар-жар!
Каждый взгляд устремлен на нее.
Но не в силах сдержать она тайны души
И плачет она о судьбе своей горькой. Жар-жар!

(*Старшие расстраиваются.*)

М о р ж а н. Это не слова моей дочери, моя дочь не может так петь. Моя дочь не может этого говорить, она лишь молит бога, чтоб счастливо закончился ее путь в аул жениха и чтоб счастливо зажила она там. Это Сырым сам сочинил, дьявол в нем сидит. Разве он знает, что значит честь и святое благословение? Заберите его подальше от моей внучки. Что он в нечестивую шутку превращает святое дело? Что он болтает?

Н а р ш а (*группе своих певцов*). Коли уже сказано — смазывать уже нечего. Оказывается, не одна Каракоз недовольна, Сырым вместе с ней. Разве откажешься слушать, когда они вместе поют? Асан, продолжайте. Выслушаем до конца.

С ы р ы м (*обращаясь к Каракоз*).

Слова мои попадают в цель.
Вот теперь мое утешение (*поет*).
Ты достиг своей цели, коль поранить сумел.
Вольный наш соловей
Уже в клетке чужой.
Но оглянись-ка назад —
Сиротлива доля твоя
Потому плачем — поем:
Улетает от нас вольный наш соловей.

А с а н (*один поет*).

Я опять говорю — здесь не место для слез,
Не с печалью поется жар-жар.
Коль невеста умна, коль невеста мудра,
Запретила б она эти песни о ней. Жар-жар!

(*Со своим хором.*)

С ы р ы м.

Невесту горазды здесь все поучать. Жар-жар!
Невеста смиренна, послушна всегда.
Но коли на тое веселье для всех,
И невеста должна, что в душе, рассказать. Жар-жар!

М о р ж а н. Хватит! Прекратите! Пропади он пропадом,
такой жар-жар!

Кто там подпевает, Сырым? Кто? Скажите!

Т е к т и. Действительно, хватит, я тоже уже не могу даль-
ше слушать. Хватит! Каракоз или Сырым поет — уже заслу-
шались.

Т о й с а р ы. Пусть теперь молодежь сама продолжа-
ет, мы пойдем. (*Старшие уходят вместе с Асаном. На сцене
остаются: Моржан, Жарылгап, Жабай, Сырым.*)

М о р ж а н. Сырым, подойди-ка сюда поближе.
Расскажи-ка мне, прямо в глаза расскажи. Вот Жабай —
твой отец, Жарылгап — отец Каракоз, а я — мать Жарылга-
па, бабушка Каракоз, поэтому я прихожусь и тебе бабуш-
кой, а твоему отцу матерью. В нашем ауле Осер, да простит
меня святой предок за то, что я назвала его имя, я хочу прав-
ду узнать. Расскажи, что ты затаил в себе, откройся, как пе-
ред духом предков.

С ы р ы м. Не пойму, что вы от меня, байбише, хотите,
что я вам должен сказать?

М о р ж а н. Все должен сказать. Скажи, кто ты и кто Ка-
ракоз, и кем она тебе приходится?

С ы р ы м. Я джигит из рода Караул, Каракоз — девушка
из рода Караул, самая лучшая, самая красивая.

М о р ж а н. И это все? А более близкого предка — Осер —
не хочешь назвать? Ты забыл о нем?

С ы р ы м. Нет, не забыл, умирать буду — не забуду. В
роде Осер тридцать аулов, десять табунов лошадей, и не
меньше, чем пять табунов, эти аулы получили за продажу
своих дочерей, таких как Каракоз. Вам об этом сказать?

М о р ж а н. Отрезать бы тебе язык. Что плохо, что у нас много скота?

С ы р ы м. Почему плохо? Не плохо. Вот передо мной стоит старшая байбише, она потолстела от продажи девяти дочерей, в том числе Каракоз! Вам об этом сказать?

М о р ж а н. Только это и знаешь ты об ауле Осер? Ты сам-то откуда, бессовестный такой?

С ы р ы м. Да с того же аула, мы с Каракоз на шестом колене сходимся, перечислить?

М о р ж а н (*Жарылгапу и Жабая*). Вы слышите, что он говорит? Подлый сын подлого времени.

Ж а р ы л г а п. Конечно, мама, на шестом колене. Что тут такого?

М о р ж а н. Подло... Я вот мать Жабая не называла по имени, а называла ак-женьше, а отца его — смирный хайнага. Никогда не пересекала им дорогу, не переступала дальше порога, а он мне толкует, что шестое колено — это уже дальняя родня.

С ы р ы м. Как же не дальняя? На шестом колене уже женятся и замуж выходят.

М о р ж а н. Молчи, нечестивец, никогда не женились и замуж не выходили ниже седьмого колена. Это же позор! Что я слышу, что я вижу сегодня?! Почему я не погребена заживо?

С ы р ы м. О, почтенная байбише, мусульманские каноны позволяют сходитьсь не только на шестом колене, но и двоюродным братьям и сестрам. Если бы вам не захотелось за Каракоз набрать побольше скота, мы с ней сошлись бы, и за это никто не перевел бы нас в число неверных.

М о р ж а н. Отрезать бы тебе жало твое.

С ы р ы м. Это не жало мое, а горе мое говорит. Это говорит горе всех дочерей рода Караул, проданных за косяки лошадей, это говорит моя любовь, моя песня о горемычной судьбе Каракоз и ей подобных. Я сказал от Каракоз и говорю сейчас от имени Каракоз.

М о р ж а н. Жабай, Жарылгап, вы слышите его? Вы чувствуете его жало? Если вы ему это жало не вырвете, покарают вас духи предков. И пусть сыновья рода Осер не слышат, не знают, какие подлости говорил здесь Сырым. Если он не

прекратит, не сдержит себя, — похороните его вместе с его жалом.

Ж а р ы л г а п (*Сырым*). Ты слышишь, что говорят? Это говорит святая седая мать рода Осер. Жабай, по-моему, нам с тобой довольно того, что мы слышим.

Ж а б а й. Ты думаешь, я легко переношу этот позор? Ведь мой сын заживо похоронил меня. Святая истина глаголет устами нашей седой матери. Я готов исполнить твои повеления.

М о р ж а н (*Сырым*). Уходи из аула, блудный сын! Сгинь с глаз, больше не появляйся. (*Собираются уходить.*)

С ы р ы м. Байбише, я говорил правду, и хоть лопнуть — еще скажу. То, что я говорил, — все правда. (*Входит Нарша.*)

Н а р ш а (*Сырым*). Сырым, мне говорили, что не дай бог попасть тебе на язык, и я оказался настолько несчастен, что попался тебе на смертоносные стрелы твоих слов, и я чувствую, что в печали и горе не одна Каракоз, а и ты вместе с ней.

С ы р ы м (*холодно*). Что ты хочешь от меня, дорогой? Я из тех, кто заблудился и не найдет дорогу в жизни. В моих аулах девушки всегда так плакали, и джигиты всегда так их оплакивали. Я прошу тебя не трогать меня. Не хочу я с тобой вступать в тяжбу.

(*Появляется Жабай.*)

Ж а б а й. Эй, Сырым, пойдй сюда!

С ы р ы м (*подходя*). Что хотели сказать?

Ж а б а й. Да что тебе говорить? Если бы ты хоть немного уважал родителей своих, ты бы эти бессовестные дела не делал. Ты настолько обнаглел, что ни разу не спросил себя — а что скажет отец? Уж не говорю о том, что ты делаешь с чужими. А сегодня ты притворился таким жалостливым, что расстроил Каракоз. Думаешь, что никто тебя не понимает?

С ы р ы м. Отец мой, хоть ты из рода Осер, но никогда не принадлежал ни к богатым, ни к сильным, и не раз ты испытывал несправедливость от того же Жарылгапа — то землю отберет, то луга твои скосит. Ты всю жизнь не мог выбраться из петли, затянутой вокруг твоей шеи Жарылгапом, несчастный мой отец. И опять ты говоришь не то под его влиянием.

Ж а б а й. Перестань говорить то, что не нужно, я бере-
гу честь рода Осер. И опять тебе скажу, что ты неправиль-
ный путь себе избрал и что пропадешь ты на этом пути. Будь
осторожен, не надейся, что пожалеют, запомни это.

С ы р ы м. Все?

Ж а б а й. Все сказал. Если ты поймешь и запомнишь.

С ы р ы м (*напевает в раздумьи*).

Каракоз — моя краса,
Горе и радость моя.
Не нравлюсь я богачам,
Если правду им говорю.
И видно — коль не смолчишь,
Будешь наказан всегда.
Впереди беспросветная тьма,
Одни на коне преследуют,
Другие гонят пешими меня.

З а н а в е с

АКТ ТРЕТИЙ

Картина третья

Аул Нарши. Собрались в ожидании келин⁸.

А с а н. Келин едет, уже близко. Свекровь и золовки, дя-
дья и старшие, рассаживайтесь.

Т е к т и. Где это видно, чтобы перед келин так низко-
поклонничали старшие? Пусть уж Каракоз нам поклоняет-
ся, мы же слышали, как она через своего сородича позори-
ла нас.

Т о й с а р ы. Нечего помнить старое. Келин, видишь,
пешком идет. Поняла свою вину. (*Смеется.*)

Т е к т и. Как бы ты ни хотел замазать, но то, что гово-
рил Сырым, я никогда не забуду. Кто б мог другой сказать о
моем сыне, лучшем джигите в околотке, что невеста его не-
довольна им? Что он не нравится ей. И как это теперь я могу

---

⁸ Келин — невестка.

забыть, чем могу я утешить себя? И что бы вы ни говорили, все равно я не забуду об этом.

Н а р ш а. Если так, то Асан уже сейчас готов выразить твое недовольство в песне. Как это тебе нравится?

Т е к т и. Какой песнею — беташар?⁹

А с а н. И даже беташар сейчас спою.

Т о й с а р ы. Коли хочешь — пой. Сырым, видно, тоже сопровождает Каракоз. Если он окажется за занавеской, ты и ему открой лицо¹⁰.

Н а р ш а. Если я хоть немного знаю Сырыма, то за этим занавесом и он находится. *(Большой занавес открывают две молодые женщины с двух сторон. За занавесом идет Каракоз, рядом Сырым.)*

Н а р ш а *(Асану)*. Пусть даже сам дьявол сидит в Сырыме, ты должен усмирить его.

С ы р ы м *(обращаясь к Каракоз)*. У меня теперь и аула своего нет, и родных даже нет, и думаю — достаточно для меня, если я буду радоваться твоим радостям и жить всем тем, чем будешь жить ты. И пусть вечно передо мной колыхнется этот полог. Я готов идти за ним до самого гроба.

Д у л а т *(целует молодую женщину, идущую рядом)*. Действительно, с такими милочками можно идти куда угодно. И пусть сколько угодно продолжают нести этот полог!

А с а н *(поет)*.

О, дорогая келин, полюби ты всех нас,
Хоть красным шелком ты скрыта от нас,
Если хороший джигит рядом с ней,
Не считайте за чужого его. *(Смех.)*

От майского ветра колыхнется шелк,
Прибытием своим всех радуешь ты.
К тому же, в приданое рядом джигит,
Мы впервые встречаем келин с приданным таким.

К а р а к о з *(Сырым)*. Отвечай!

С ы р ы м *(поет)*.

Алую розу ветром пригнули к земле,
Вольную пташку в сети поймали,

---

⁹ Беташар — обрядная песня, которую поют при появлении невесты в доме мужа.

¹⁰ Игра слов: беташар — открывание лица невесты.

На лебедушку белую на тихой волне
Коршунов хищных стая напала.
Каракоз – вольный марал из степей Караул,
И красива собой, и умна, и мудра.
Если она примирилась с судьбой,
Не хвалитесь победой над ней.
Редкую ценность обрел ваш аул,
И джигит для приданого будет велика честь!

Т о й с а р ы. Сырым всегда сумеет поддеть. Разве он успокоится, пока не заденет? А ты, Асан, и ты, Сырым, еще успеете поехидничать друг над другом, а теперь лучше откройте лицо Каракоз перед старшими, которые давно ожидают.

Ж а р ы л г а п. И говори слова, которые принято давно говорить в таких случаях. Не привыкли наши уши слышать то, что вы поете от нее. Если даже мы бы на это не обратили внимания, то хоть сватов надо уважать.

А с а н *(начинает беташар)*.

Келин, для тебя я пою,
А вы не шумите кругом,
Пусть все слышит она,
Если в песне моей
Что-то выйдет не так,
То исправьте вы сами.
И еще раз прошу тебя, дорогая келин,
Внимательно слушать.
Если келин умна,
Хороша и добра,
То послушает нас.
Станет делать все так,
Как ей мы говорим.
Если келин глупа,
То, видно, наши слова
Как ветер уйдут.
Ты в ауле своем
Беззаботна была,
Ребенком считали тебя,
Будет трудно тебе
Быть почтительной всем.
И старцам аула,

И седым матерям,
И братьям и сестрам,
Что в обычае предков,
И у нас повелось
Испытать ту великую щедрость,
Кою свекровь проявит
На радостной встрече
Сегодня, келин.
Итак, привет вам,
Мать-свекровь.

(Занавес опускается. Каракоз вместе с сопровождающими ее молодыми женщинами почтительно склоняется и приветствует.)

(Сырым стоит рядом с товарищами. После приветствия келин занавес снова поднимается.)

Т е к т и. Да снизойдет на тебя благодать всевышнего!
Будь счастлива, дочь моя!

А с а н *(обращается к Текти)*. Назовите, чем расщедритесь. Это самая лучшая келин, самая умная, самая красивая. Если верблюда назовете, то надо с верблюжанком, если лошадь, то с жеребенком.

Т е к т и. Дам, что желаешь. *(Все смеются.)*

А с а н. Или сделайте метку на верблюде с прошлогодним верблюжонком, или на кобыле со стригунком. Но если скот дать не хотите *(все смеются)*, мы будем рады и курту вашему, и маслу, что от всего сердца пожалуете. Привет всем старшим рода.

(Занавес поднимается, келин почтительно склоняется.)

Т о й с а р ы. Желаю тебе, дочь моя, чтобы ты нравилась всем в ауле, и известна была умом и поведением. И до смерти с мужем вместе проживите. Да чтоб дети, внуки и правнуки были.

Г о л о с а. Да сбудутся ваши слова! Да сбудутся! Да сбудутся!

А с а н *(обращаясь к Тойсары)*. Входи, входи невестка, мы посмотрим на тебя, и дорогие подарки от смотревших получим.

Т о й с а р ы. Сколько бы ты ни пел, но скот ты от нас не получишь.

Лишь бы была довольна Каракоз нашей искренностью, нашими благословениями. А теперь говори обо всем, но не называй подарки.

А с а н.

Коль овцу подарите,

То лучше серую,

Она лучше растет.

Привет от нас золовкам!

(Занавес поднимается. Каракоз почтительно приветствует.)

Т е к т и. Асан, хватит тебе! Устали дети, да и ты уже испелся. Пусть входят в юрту. Разрешаю.

(В это время появляется байбише Моржан с сопровождающими.)

А с а н. Спаси боже от того, чтобы я испелся. Мешок моих песен только что раскрылся. Я перестану только для того, чтобы невеста в юрту вошла.

(Келин и ее сопровождающие направляются к юрте.)

А с а н *(поет)*.

Новая жизнь теперь началась как утренняя заря,

Юность отошла своим путем,

Алый шелк занавеса тебя привел сюда,

Да станет белый твой дом золотым покровом.

Все родные желают тебе чаши полной.

Желания народа сбывались всегда,

Правой ногой перешагни свой порог

И моли себе счастье за этим порогом.

Т о й с а р ы. Хорошо! Очень хорошо! Да сбудутся слова твои.

Дорогая невестка, пусть его желания будут твоими. Пусть будут счастливы те, кто остались, пусть будут счастливы те, к кому ты пришла.

(Келин, все сопровождающие и салы входят в юрту.)

М о р ж а н. Моя Каракоз, коль пораскинет умом, ни от кого не отстанет. Это золото мое, что за пазухой я растила. Если бог пожелает, а духи предков поддержат, она самой первой женщиной в вашем ауле станет. *(Уходит.)*

Н а р ш а *(угрюмо отводит в сторону Каракоз)*. Каракоз, там в ауле еще можно было терпеть, да и здесь я вижу совсем не то, что хотел бы. Огнем сжигает стыд, и, думаешь,

он только меня теснит? Задевает он тебя сколько-нибудь? Неужели только мне одному гореть и провалиться сквозь землю?

К а р а к о з. Я верю, вам истинно тяжело. Поверьте — и мне тяжело за вас.

Н а р ш а. Конечно, мы супруги, муж и жена, и должны все — и горести, и раны — вместе делить.

К а р а к о з. Только не вы в этом виноваты и не я виновата. Вот в чем наша беда!

Н а р ш а. Не я же заставил Сырыма говорить ту горькую правду, которую он сказал. Я бы этого не пожелал, Каракоз, и врагу своему. Однако, если б ты не разрешила, если бы ты не желала этого, если бы ты не поддержала это, кто бы осмелился так говорить?

К а р а к о з. Хотя и правда здесь есть, но не вся. Что, если в горе оттого, что связана по рукам и ногам!

Н а р ш а. Ах, Каракоз, что ты сказала? Выходит, мы не сошлись своей волей, нас не благословили святыми молитвами наши родители, а нас цепи и неволя свела? Мы несчастные с тобой, ты это хотела сказать?

К а р а к о з. Если б мы заранее встретились с вами, может быть, все это было бы совсем не так. И что теперь я могу сказать, если насилие явилось причиной всего того, что вы сказали. Мне стыдно и тяжело от того, что вы так душевны и так свободно разрешаете мне высказаться. Это так терзает мою душу. И вот я перед вами, говорю вам всю правду, все, что в душе. Вы просите, вы спросили, и я не могу не высказаться. Да, я вправду несчастна.

Н а р ш а. Ах, Каракоз. Нежная, ару Каракоз. Никто из казахов, наверное, не переживал того, что мы переживаем с тобой. Однако я уже решил — ты моя жена, соединенная со мной под святым благословением, этого достаточно. Все. Будем придерживаться того, что положено. Не испытывай Наршу более. Уже не в силах я больше гнутья, осталось только переломиться, ты слышала? Это все! *(Отпускает Каракоз. Зовет Асана.)* Народ разошелся? Ты что не спросишь меня о моем самочувствии?

А с а н. Что тебе еще нужно? Когда же ты покой обрешь?

Н а р ш а. В эту пору я действительно не найду себе покоя. Что-то на сердце тяжелым камнем легло.

А с а н. Но Каракоз теперь твоя. Все прошло, караульцы проводили Каракоз. Так в чем теперь дело?

Н а р ш а. Каракоз — одно мое горе, а Сырым — второе. Когда он перестанет издеваться надо мной? Вместо того, чтобы понять меня, он постепенно становится врагом. Каракоз все ему говорит. Ты узнай от него, если только не скажет, значит он мой враг. Пожалуйста, докажи мне — друг он мне или враг.

А с а н. Но ведь сейчас говорить об этом не время и не место. Еще не успели приехать, а мы будем уже разбираться в наших отношениях.

Н а р ш а. О боже, ведь для Сырыма все равно, для него что приехал, что уехал. Поговори с ним. *(Нарша уходит.)*

А с а н *(выглядывая из юрты молодых)*. Сват Сырым, выйди на минутку, хочу слово сказать.

С ы р ы м *(поет)*.

Асан, весельчак ты лучший и сильный из всех,

Но живешь ты в подлое время.

И вместо того, чтобы водить хороводы,

Ты, как баба, от джигита к джигиту

Перносишь слова.

Так скажи — кто хозяин тех слов?

А с а н. Ох, Сырым, ты хоть надо мной не издевайся. Я всегда хотел быть подальше от стрел твоих слов, и всегда до рогу тебе давал, не соперничал с тобой. Ведь за слово всегда заплатишься хуже, чем за что-либо другое.

С а л ы *(в юрте)*. Ну говори, говори. Джигиты, не поссорившись, не подружатся.

А с а н. Нет, я с Сырымом никогда не ссорился и не собирался.

(Выходит Сырым.)

А с а н *(обращаясь к Сырым)*. Сырым, тебе всегда все известно, ты никогда не хитришь и всегда правду режешь.

С ы р ы м *(холодно)*. Что-то ты уж слишком Сырыма расхваливаешь заметно.

А с а н. Ты пел про Каракоз и выразил ее недовольство и печаль, и продолжаешь петь про это. Но ведь это обоюдострая песня и обоюдогорячая, огневая; если горько и тяжело Каракоз, то тяжело и горько Нарше. Он говорит: “И

там и тут Сырым все одно поет, видимо, ему известно, что на душе у Каракоз. Сырым теперь родственник мой, разве не должен рассказать все, и мы все общими силами разве не должны подлечить Каракоз”. Что на это скажешь?

Сырым. Если я пел о Каракоз, то пел о том, что всем известно. Это было известно и Нарше. Джигиту, если он действительно джигит, этого достаточно. И подло бы я поступил, если бы стал кого-то называть. И не хочу я Каракоз выставлять на позор, чтобы понравиться вам.

Асан. Как к тебе, Сырым, подступиться трудно, как будто бы мы с тобой не сверстники. Ведь Нарша любой женщине может быть равным. Если ты сможешь им понять друг друга, разве это не благое дело?

Сырым. Сырым — кривая ветка от дерева, я и сам не знаю, как расту, как живу — все вкривь и вкось, не знаю, что меня ожидает, куда кривая судьба меня вывезет. И Сырым не приехал к вам в аул для того, чтобы стать другим, и не стану хвастать тем, что смогу из Каракоз сделать то, что вы хотите. Над этим уж думайте вы сами. *(Уходит.)*

(Входят Каракоз и Акбала. Каракоз подходит к Сырым.)

Каракоз. Я задыхаюсь в этом ауле, душно мне, голова моя идет кругом. Боюсь, что сойду с ума. Что мне делать, родной мой, скажешь мне что-нибудь?

Сырым. Ты же мне приказала ничего не говорить. Я уж не тот, чтобы советовать кому-то.

Каракоз. Да, да, душа моя, твой вид, твои насупленные брови удручают меня. Сейчас Нарша приходил, он весь в муках, в терзаниях.

Сырым. Ты свое милосердие к нему обратила теперь? Ты и его хочешь понять, и его пожалеть. Святой хочешь стать. Вселюбящей и все прощающей.

Каракоз. Не так, не так, душа Сырым, совсем не так. Если бы он был нагл, груб, но он ведь ни в чем не виноват, вот отчего тяжело. Разве не понятно, что он переживает, с одной стороны, за свою честь, гордость... невеста не любит, а с другой — я его законная супруга, он отдал скот, он соединился со мной под святые слова молитвы. Да будет проклятье тому благословиению!

Сырым. Да будут прокляты косяки лошадей, да будет проклято благословенье! Да, и это все ты говоришь для того, чтобы наконец окончательно разлучиться со мной.

К а р а к о з. Нет, нет, я этого не смогу сделать. Я именно сейчас чувствую всем существом своим, что не могу этого сделать. Разлука с тобой – смертная рана для меня, глубокая, кровоточащая рана. И даже подумать об этом не могу. Времени у нас мало, но я хочу тебе сказать следующее: не оставляй меня, я не вытерплю этого, посоветуйся с Акбалой и назначьте наше свидание с тобой.

С ы р ы м. Это правда? Если опять раздумаешь, то лучше не мучай меня и себя.

К а р а к о з (*уходя слабой поступью*). Я уже сказала.

А с а н (*Уходя за Каракоз, поет оставшемуся Сырым*).

Красавицы – девы и жены молодые
Украшают аулы,
Тоска в аулах без них.
Красавица девушка, что в лесу соловей,
Без соловья, без песни
Лес бедный опустел.

С ы р ы м.

Да, да, коль на чужбину уходит
Избранница сердца –
Рвутся надежды,
Их не собрать.
Если ушла она навсегда,
То единый удел наш –
Рыдать и рыдать.

(*Сырым в отчаянии.*)

А с а н. О друг мой, бывают ли такие состояния спроста!
(*Качает головой.*) Не пойму, не пойму!

З а н а в е с

Картина четвертая

Светлая лунная ночь. За аулом Нарши. Река, чаща, издалека слышится голос ночного дозора. Выходят Сырым, Дулат.

С ы р ы м. Давлеткельды и Коскельды сказали, что они подготовят лошадей и будут ожидать у одинокой березы. (*Пауза.*) Однако я ни разу до сих пор у тебя не спрашивал о

делах — что и к чему, а на этот раз я все же хочу тебя спросить. Все, что делали до сих пор, — это одно, а сейчас — совсем другое. Что люди скажут?

Сырым. Ты это серьезно говоришь?

Дулат. Серьезно. Это не значит, что я хочу уберечь себя, нет, я сделаю то, что ты велишь. Однако ты объясни.

Сырым. Коскельды и Давлеткельды не требуют таких объяснений, однако и у них хватило бы ума потребовать; видно, ты умнее их хочешь быть. Ты что беспокоишь их? *(Пауза.)* Хотя, впрочем, могу сказать. Ты вот говоришь — что люди скажут? А каких людей ты имеешь в виду? Ведь люди разные. Если ты под людьми подразумеваешь наших родичей из аула Осер, то тогда действительно я делаю не то.

Дулат. Конечно, богачи из аула Осер могут что угодно сказать, чтобы очернить тебя, я это знаю и их сплетни пропускаю мимо ушей, однако мне хотелось выяснить наше, свое мнение. Вот это я просил тебя сказать.

Сырым. Я понял, что без Каракоз мне жизни нет, я полюбил ее и поклялся, что пожертвую для этой любви и жизнью; я дышу сейчас ею и живу ею. Ты мой наперсник и друг, если я виновен в чем-то пред тобой, то только этим.

Дулат. До сих пор мы видели и слышали о дружбе многих, да и сам я любил, но так любить, как вы друг друга — этого я понять не могу. Если б я не видел своими глазами, то не мог бы это представить. Вот поэтому-то я и спросил тебя. Спасибо, что всю правду сказал.

Сырым. Но скажи, пожалуйста, чем мы виновны, что любим друг друга? Что тут нехорошего? Разве кто, даже родитель, может полюбить Каракоз, как я? А ведь у родителей ложная любовь. Эта любовь только тревожит раны. Ты спроси об этом у самой Каракоз. А впрочем, к чему это? Не в этом дело. Я теперь чужой для всех, ты видишь сам. Сегодняшний путь — это единственный путь для меня. *(Выходят Акбала и Каракоз. Сырым подбегает к ним.)* Солнце мое! Ты что так похудела? Такой прозрачной стала? Заболела?

Каракоз *(обнимая Сырыма)*. Нет, не болею. Но для чего мое здоровье? *(Плачет.)* Свет мой! Во что я превращаюсь?! Я предчувствую, кажется, что-то страшное, неумолимое.

Сырым. Скажи, солнце мое, луна моя, что ты чувствуешь? Объясни мне.

Каракоз. Не знаю сама. Умру. Не выдержу тяжесть горя. Или раскрою всем, что в душе, и сгорю от стыда. Я пьяна, я отравлена. Как подумала, что ты уедешь скоро — ослабела совсем. Мы с тобой идем по краю пропасти и упадем в нее. Не знаю, что будет. *(Пауза.)* Ах, я чувствую себя в клетке.

Сырым. Все, что ты сказала, я чувствую по твоему виду, и даже, если б не увидел тебя, я прочитал бы то, что в тебе, по твоим переживаниям. И положение наше сейчас таково, что хуже этого быть может только смерть.

Давай-ка обдумаем. *(Каракоз обнимает его, плачет.)* Перестанем плакать, может быть, найдем выход. Вот я хочу сейчас, чтобы ты сейчас подумала. *(Молча целуются. Уходят. Появляются Акбала и Дулат.)*

Акбала. Боже мой, ведь ни на кого не смотрела, никто подойти не смел. И как можно было думать, что она влюбится в молда-джигита и обретет такое горе?

Дулат. Акбала! Каракоз и Сырым ни у кого не спросят ума, а в споре и в таком состоянии их никто не победит. Давай-ка оставим их. Лучше пойдем спокойно за ними. Пусть у этих влюбленных будут кроме врагов и друзья, и эти друзья — мы. Но не об этом сейчас речь. Ты сейчас сказала, кто-то подозревает. Кто это, скажи?

Акбала. Да вот есть несколько человек, которые ходят с таким видом, что будто бы обо всем знают, и больше всех подозрительны Асан и Матай, в особенности Асан. Он иногда так загадочно говорит, что, кажется, хранит в себе какую-то тайну.

Дулат. Сложные случаи переживали и выходили из воды сухими, не знаю, как получится на этот раз.

Акбала. Другие бы, может, и не заметили, но ведь Асан хитер и коварен, он и сам пережил много и многое знает.

Дулат *(смеясь)*. Ах, Акбала, дорогая, хорошая моя, какая ты умная советчица.

Акбала *(смеется)*. Думаешь, я девушкой не была, молодой не была, да и такие как ты, видимо, подучивали. Но хватит об этом. Ты мне скажи, что сейчас надумали.

Д у л а т. Я все же думаю, что Асан недалеко ушел от других, ничего не учуял бы. Думаю, что в этом деле наши молодые сами стали не ловки, не гибки.

А к б а л а. Что с них спрашивать? Время идет, со дня на день горя прибавляется. Ведь не баловство у них, а настоящая любовь. Точно как в песнях. И скажу, что заметила — вот в последнюю неделю, если моя Козжаксым не увидит молда-джигита, то начинает говорить невпопад, не слушает никого, прямо кажется, что не в своем уме.

Д у л а т. Да, это верно. Вот это-то и вызывает у людей подозрение.

А к б а л а. Ты бы должен об этом сказать им, теперь подожди. Сырым с Каракоз сегодня должны договориться о чем-то совершенно другом.

А к б а л а. О чем же?

(Выходят Каракоз и Сырым.)

С ы р ы м. Я тебя об этом не предупредил, но сейчас Давлеткельды и Коскельды нас ожидают с оседланными конями. Я приехал за тем, чтобы увести тебя.

К а р а к о з. Что ты говоришь? Куда увезти?

С ы р ы м. В аулы рода Каракесек, там мои родственники по матери. Тебе тут не жить. Я все обдумал, я над этим думаю с тех пор, как только мы открылись друг другу; хотя и говорил я, тебя провожая, что не увижу тебя, что уеду куда глаза глядят, что забуду то, что было, ты заставила проводить себя, и тогда я сказал, что для меня остались два пути, один — увести тебя далеко-далеко, где не слышно и не видно будет нас, быть вместе с тобой, умереть за тебя, сойти с тобой в одну могилу. Второй путь — умереть в борьбе с врагами, волком нападать на них. А сейчас я должен избрать один из этих путей, и ты должна указать — по какому пути мне пойти. Я ишу жизни от тебя, моя жизнь в тебе.

К а р а к о з *(думает)*. Что мне сказать? Что я скажу? И ведь иных путей нет, или разлучиться сегодня, расстаться с жизнью, сказать тебе сегодня, что я не смогу пойти за тобой, или быть вместе с тобой, уйти с тобой. Настает для нас решительный час.

С ы р ы м *(обнимает ее)*. Подумай, подумай и укрепись. Такая судьба, как наша с тобой, никому не дана. И не дана такая любовь. Надо нам ценить ее. *(В это время украдкой*

выглядывает Матай из-за дерева.) С тех пор, как мы открылись друг другу, нас окружают только те, которые проклинают нас, ругают нас, и нет ни одного, который бы пожалел и нас понял. И теперь я уже не в силах скрывать ту рану, которую нанесла моей душе наша любовь, больше нам нельзя таиться, эта тайна перерастает нас, она победит нас, она не дает нам жить. Или скажи мне “Уходи”. Или иди за мной. *(Молчание.)*

М а т а й. А-а, вот в чем дело. Шутки шутками, а Асан правду говорил. Да, пусть теперь об этом и другие знают. *(В сторону Сырыма и Каракоз.)* Пока вы договаривайтесь... *(Убегает.)*

К а р а к о з. Ты меня победил, ты мой повелитель. Я жажду быть с тобой. Пусть бог осчастливит нас, обездоленных. Бог сам покарал, сам и смиростивится. Думаю, и для нас солнце засветит. Оба мы выросли сиротами, рано умерли матери наши, мы с детства вместе играли, вначале утешали друг друга, потом полюбили. Ничто плохое не двигало нашими чувствами. Я пойду за тобой, Сырым, иного пути у меня нет. Прошлое кончилось. Пусть счастье встретит нас впереди.

С ы р ы м *(крепко обнимает, целует)*. Если так, уезжаем сегодня.

К а р а к о з. Мы будем счастливы в нашей любви, но надо иметь терпение. То, что мы задумали, сегодня выполнить невозможно.

С ы р ы м. А когда же? Почему невозможно?

К а р а к о з. Хоть и нет у нас родных, которые бы сочувствовали нам, все же неприлично нам убегать, когда наши еще здесь. Как только они уедут, тогда можно решиться на все.

С ы р ы м. Если будут гнаться за нами, если будут стараться поймать нас, то учти, что свои будут хуже чужих. Самыми лютыми врагами будут свои же родные из рода Караул. Они будут считать, что мы преступили заветы предков, что мы опозорили их. Но не стану перечить тебе, ты, может быть, права, пусть они уедут. Подойди поближе, подойди, свет мой. Пусть эти объятия сделают едиными наши надежды.

К а р а к о з. Навсегда. *(Подходят Дулат и Акбала.)*

Дулат. Ну, молодцы! Пусть до конца жизни нашей не разойдутся эти объятия.

Сырым. А ну, Дулат, скажи хорошее слово для нас, благослови наши поцелуи. *(Обнимает Каракоз.)*

Дулат *(поет)*.

О Всевышний! Сделай верным наш путь.
В бегстве своем доверяемся только тебе.
Нас мало, а тучи врагов,
И страшно нам, и мало надежд.
Спаси нас, Всевышний, от черных дней,
От тех дней, когда гибнут надежды.
Поведи двух влюбленных к счастью вперед,
И спаси их от лютой напасти.

Каракоз *(плачет, обнимает Сырыма)*. О божество! Мольбы наши искренни. Если не хочешь помочь на нашем пути, то лучше возьми нашу жизнь ты сегодня.

(Появляются в спешке Нарша, Асан, Матай, Жарылган, Моржан, Жабай.)

Нарша *(входит, говоря)*. Выродились сыны аула Осер, это не баловство, а позор. Позор вам, отцы! Посмотрите на детей своих.

Жабай *(кричит)*. Проклятье на вас, бессовестные! Что здесь стоите? Почему мои глаза видят такой позор! Почему они не вытекут? *(Обращаясь к Сырым.)* Не жить мне, если тебя не убью. Вяжите обоих!

Сырым *(вынимает кинжал, не подпуская никого)*. Отойдите! Я умру, но не в ваших руках.

Моржан *(хватается за Каракоз)*. Бесстыдница! Провалилась бы в землю! Как тебе не стыдно смотреть на нас? Убейте, убейте обоих.

Жабай. Держите, держите бесстыдницу. Держите его! *(Все набрасываются, но Сырым отбивается и уходит со сцены.)*

Жарылган. Несите ружье, стреляйте в собаку. Убейте на месте! *(Шум, гвалт, погоня.)*

Моржан *(передав Каракоз в руки двоих)*. В кандалы ее! Держите, как рабыню. Как ты можешь смотреть открытыми глазами? Бессовестная, исполосовать бы тебе щеки.

Каракоз *(совсем ослабевшая)*. Я... я... убейте меня, не оставляйте живой. Я все равно умру. О боже, возьми меня!

(Два джигита связывают ей руки.)

М о р ж а н. Умри опозоренной! О боже, что я скажу людям? Какими глазами я буду смотреть на них?

(Народ возвращается.)

Ж а б а й. Сырым, я тебя даже под землей найду! О Всемогущий! Чем дать мне такого выродка, лучше бы оставил бездетным, несчастным. Но я его найду хоть под землей, догону, зарезу собственными руками.

А с а н. О боже, что творится?!

Ж а б а й. А девку эту привяжите у порога, вместе их убьем. Где ружье, где конь? *(Убегает.)*

Н а р ш а *(подойдя к Каракоз, которая упала)*. Что с ней? *(Всматривается в Каракоз.)* Что с ней?

Ж а р ы л г а п. А для чего тебе это знать? Пусть умрет, пусть сгинет с глаз, легло на меня позорное пятно на всю мою жизнь. *(Плачет.)* Есть ли отец на свете несчастнее меня?

М о р ж а н *(слабым голосом)*. Приехала по земле, а вернусь под землей. И это сделала моя внучка, которую я лелеяла, предо мной, пред живой. Увози, Жарылгап! Сейчас же! До рассвета. Уедем под покровом ночи, покрытые черным позором. *(Все собираются уходить. Два джигита и Нарша поднимают Каракоз и стараются увести.)*

К а р а к о з *(рвет на груди платье, закатывает глаза, на лице безумие, волосы рассыпаются)*. Я умираю, умираю сама, умру без вашей помощи. Что, что случилось? Почему Дулат не поет? А почему в руках Сырыма кинжал? Убивают меня? Смерть... смерть.

Н а р ш а *(испуганно)*. Что она говорит?! Будто с ума сошла. Боже, что с ней такое? *(Уходит. Пауза. Выходят Коскельды и Давлеткельды. Суматоха. Навстречу им выходит Дулат.)*

Д у л а т. Что случилось, друзья? Что за шум?

К о с к е л ь д ы. Что может случиться? Пожар. За ними шум, что пожар.

Д а в л е т к е л ь д ы. Мир переворачивается вверх дном. Хуже всего с Каракоз...

Д у л а т. Что с ней случилось? За что ее мучают?

К о с к е л ь д ы. Несчастливая Каракоз с ума сошла.

Д у л а т. Что говоришь?.. Беда... Это сейчас?

Д а в л е т к е л ь д ы. Да, бедная Каракоз с ума сошла.

С ы р ы м (*подходя, слышит последние слова*). Солнце мое, Каракоз! Лунное сияние мое, Каракоз! Боже, что они говорят?! Милая моя Каракоз! (*Рыдает. Пауза. Плачут и остальные.*) Проклятье, проклятье тебе, аул Осера! Проклятье всем потомкам твоим! Осер! Осер! Что Осер? Только коварство и зло вырастут. Ливнем посыпается зло. Муки вырастут, а честь сгинет... Достигли своего. (*Пауза.*) Отобрали все, что было у меня, отобрали мою радость, мое счастье, похоронили мою песню, похоронили мою честную, неподкупную песню. Отныне только месть и одна только месть будет двигать мной. Клянусь, что не умру не отомстив! Убьете меня — после того, как я уничтожу, что тебе дороже души твоей.

Знаю, что никого и ничего вам не жаль, что в вас нет души, нет сердца. Пробудилось все в вас. Есть ли что-либо такое, что бы было больно вам, аул богачей, аул Осера? Знаю, детские слезы не вызовут у вас боли, чужая кровь, чужая смерть для вас ничем — пройдет мимо. Но знаю, как больнее сделать вам. Разгоню ваш скот, аул Осера, разгоню, разбросаю то, чем вы вооружены против всех. Не будет у вас того, что вы почитаете за счастье. Я волком с кровавой пастью стану для вашего скота, погублю все! Раскачаю, разбросаю, аул Осера, богатства твои. Месть, месть, моя Каракоз, моя родная ару Каракоз. Посвящаю тебе эту свою справедливую месть. (*Уходит со сцены.*)

З а н а в е с

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Картина пятая

Пристанище Сырыма, несколько шалашей, торчат секиры, кистени, копыя. Выходит Сырым, с ним Дулат, старик-земледелец, старик-рыбак. Сырым и Дулат вооружены.

С т а р и к - з е м л е д е л е ц. Вот ты без ничего привозишь и привозишь нам. “Старик-земледелец, бери! Старик-рыбак, бери!” Скажи мне, когда мы возвращать-то тебе должны? Скажи сам, иначе не могу я.

Сырым. Так сын твой берет и не спрашивает, ты его и посылай.

Старик-земледелец. Скажи же... Тогда приходил – брал, потом опять пришел – взял, сегодня опять вызвал. Спрашиваю у него – почему взял и почему он дал? – не отвечает сын. Сегодня не выдержал и говорю: а ну-ка, отстань, пойду сам, сам спрошу.

Старик-рыбак. Со мной точно так, точь-в-точь так. Вот и я об этом хочу спросить тебя, Сырымжан. Почему ты разбрасываешь богатство, раздаешь всем? Что ты от нас ожидаешь?

Старик-земледелец. Вот-вот, и я это хотел спросить. Мы – бедняки, обитаем возле моря, перебиваемся кое-как. Некуда было деваться, вот и приплелись сюда со всех сторон.

Дулат. Вот потому-то Сырым и одаривает вас.

Старик-земледелец. Дары-то дары, но ведь нам что-то нужно возвращать. А чем и как? Вот старик-рыбак крючки свои закидывает в бездонную неизвестность, ни глаза, ни следа не видит той рыбы-тени, от которой ждет блага. А я в черную землю темное просо зарюю и сижу, ожидая от безвестного завтра.

Старик-рыбак. Вот мы оба от неизвестности милости ждем, поэтому и спрашиваем – ты что, для нас приобрел добро?

Сырым. О боже, да разве за добром я гоняюсь в этой жизни? Ведь жизнь сама гонит, теснит меня.

Старик-земледелец. Если о нас говорить, то мы хоть и бедны, но не хотим честь продавать, хотим есть только честно нажитое; искренно говорим, и скажу правду – не чужое ли ты нам раздаешь?

Сырым. Ох какие вы дотошные! Бедняки мои честные. Что ж, придется рассказать – все, что я раздаю, хоть и не совсем свое, но и не чужое.

Старик-земледелец. Это как понять?

Старик-рыбак. Действительно, как постичь!

Сырым. Есть аул Осер, на седьмом и восьмом колене схожусь я с этим аулом. Так вот, все Осеры мне должны, они не отдали положенную мою долю.

Старик - земледелец. Так это ж твое имущество. Так что ж ты разбрасываешь?

Сырым. Мое и не мое.

Старик - рыбак. То есть как? Отцы и деды наживали, так значит, честное, твое.

Сырым. Действительно, деды и прадеды наживали, сейчас их десять табунов лошадей, тысяч пятнадцать будет, и я подумал, что эти лошади пришли к нам не зря, за слезы...

Старик - земледелец. За чьи слезы?

Сырым. За слезы дочерей, несчастных, погубленных. В нашем ауле дочерей так и называют — сорок лошадей. Так вот предо мной так и стоят глаза, печальные глаза моих родственниц, а в табунах Осер слышу их стенания, рыдания. Но для вас — это честное дело, берите. Нужно — можете ездить, нужно — заколите, питаться можете.

Старик - рыбак. Что ж говорить, Сырымжан? Для бедняков, поселившихся на этом побережье, ты все сделал, молодой благодетель наш. И больше всего ты нам нравишься своими песнями, своей смелостью, даже дети наши поют твои песни, хотят такими быть, как ты.

Сырым. Ох, дорогой старец, я ведь пою только часть того, что пел.

Дулат. Действительно, разве остались у нас песни?

Старик - земледелец. Как ты сказал? Оджигит, видно тебе пришлось что-то очень тяжелое испытать. Ах, молодость, молодость! Друзьями своими ты назвал нас, батыром нашим называю тебя я. Так вот ты бы и рассказал нам все, что на душе твоей, легче бы стало.

Сырым. Как мне рассказать? Да, рана во мне сидит, старцы мои, рана неисцелимая, и рана не наружная, а внутренняя. Рана от копья, от кинжала заживает, рана души не заживает, единственная, незабвенная моя. Молил я — не бери у меня ее, лучше бери мою душу, но если возьмешь ее — бери и меня с ней. Оказалось, что она молила об этом и больше, и лучше меня. Ах, моя Каракоз, Каракоз, Каракоз!.. О кручина! *(Рыдает. Пауза.)*

Дулат *(стариком)*. Так вот, захотели узнать, слышали?

Старик и. Услышали, услышали.

Старик - земледелец. Давно я думал, что в душе у него что-то такое особенное, и сам он особенный. Уйдем, старик, уйдем. *(Старики уходят.)*

Д у л а т. Да, опять скажи — наживали с трудом, а раздали мигом.

С ы р ы м. Пусть берут. Что для нас скот?

Д у л а т. Да вот жалко то, что с боем, смертным боем отбиваем, а потом — разом раздаем.

С ы р ы м. Да, так! Вот я и хочу, чтобы Осерам больно было, а беднякам здешним было приятно и хорошо.

Д у л а т. Так значит можно и за это умереть?

С ы р ы м. Зачем умирать?

Д у л а т. А вот последний раз мало гнались табунщики за нами, и мало отбивались мы? А сам-то ты ведь еле живым спасся. Но каким бесстрашным, отважным ты стал.

С ы р ы м. Да перестань ты, какая там отвага?

Д у л а т. Нет, правда, Сырым, вот на этот раз Карасакал ведь чуть не настиг нас, в руках ружье, стреляет без передышки. Я не знаю, как только ты мог под дулом этого ружья чувствовать себя так спокойно? Налетел на него и отобрал ружье. Это же такая отвага! И откуда взялась она?

С ы р ы м. Очень просто — когда человек не боится смерти, он не боится ничего. А я ведь ишу сам эту смерть. Это не смелость, это стремление умереть. Что ты мне говоришь о моей смелости, а сам ты? А Давлеткельды? А Коскельды? Нас было четверо, а отбили табун лошадей у пятнадцати храбрых бойцов табунщиков. Вот вы действительно смелые.

Д у л а т. Тоже нашел смелых. А я тебе скажу одну разгадку: говорили же предки — станет у стаи львов вожаком собака, все львы станут собаками, а ежели стаю собак поведет лев, то все собаки превратятся в львов. *(Смеются.)* Короче говоря, меня не удивляет это. Удивляет совсем другое, только вчера, кажется, мы были беззаботными салами, ни о чем не думали, искали всюду веселья. И как мы вдруг превратились в таких бойцов? А где наши песни, песни наши где?

С ы р ы м. Действительно, где наши песни, где они остались? А нас здесь, на побережье, называют певцами, творцами веселых песен, а осталось ли что-либо у нас от того, что было?

Д у л а т. Ушло все! И настанет ли для песен несчастливый добрый день? Иль погибло все так безвозвратно, Сырымжан?

Сырым. Как знать, дорогой мой Дулат! С тех пор, с той ночи, которая меня разлучила с Каракоз, жестокая ледяная рука схватила и сжала сердце мое. В сердце — лед, а душа моя онемела ведь с тех пор.

Дулат. Ах, мой Сырым! Как мне мило все, что ты говоришь, это же в тебе душа, песни душа поет, струны натянуты и только стоит тронуть их, как польется эта песня. И только Каракоз в твоей душе. Милая Каракоз! Красивая, нежная ару Каракоз! Она была создана для тебя, ты — для нее. И пусть будет проклято все, что вас сделало несчастными, — калым тот, и те законы. *(Входят Давлеткельды, Коскельды, они ведут связанного Матая.)*

Сырым. Матай?! Откуда он?

Дулат. Матай? Откуда?

Коскельды. Сижую в карауле, смотрю — едет, с ним еще другой.

Давлеткельды. И конечно, не зря ехал, опять хотел табун врагов на нас выслать.

Дулат. Ну, это не прошлогодняя ночь. Чтобы не повторилось то, что было тогда, в кандалы его сейчас!

Сырым. Посмотрим, что он скажет. Заставьте сказать правду.

Матай. Так бы и сказали — правду именно. Разрешите хоть рассказать?

Дулат. Ну, какую правду ты хотел сказать?

Матай. Сырым, к тебе, к тебе мое слово...

Сырым. Говори, если ко мне.

Матай. Меня к тебе прислал Нарша.

Коскельды. Да, видно послал, поймать нас и сдать в руки Осера.

Матай. Нет! Он сказал: “Пусть приедут к нам в аул, позови их, никому не выдам, клянусь честью. Пусть приедут, хоть покажутся раз, мне нужно ему что-то высказать”.

Дулат. Но это петля! Это сети закидывают, так из аула Осер посоветовали, только таким путем, дескать, можно поймать.

Сырым *(подходит к Матаю)*. Каракоз жива?

Матай. Жива, жива. Вот и зову, она больна, увидит тебя — вылечится. И: “Я не виноват перед Сырымом, но пусть едет не для меня, а для Каракоз”, — сказал Нарша.

Д у л а т (*перебивая*). Вранье все это! Это сети закидывают. Это кровавый капкан тебе, Сырым, подставляют.

С ы р ы м (*Матаю*). Каракоз действительно жива?

М а т а й. Жива. Нарша зовет тебя из-за нее.

С ы р ы м. Каракоз хочет видеть меня? Я могу еще видеть ее, Каракоз?

М а т а й. Увидишь. Поедем со мной. За вами приехал.

Д у л а т. Этот подлец подведет нас, это уловка.

С ы р ы м. Ты не обманешь?

Д у л а т. Не верь, Сырым, не верь.

М а т а й. Клянусь честью.

Д а в л е т к е л ь д ы и К о с к е л ь д ы. Вранье! Обманывает.

С ы р ы м. Нет, нет! Даже если обманывает, я поеду. Поеду из-за Каракоз. Каракоз — моя повелительница, солнце мое, мое божество. Ей я молюсь всегда, она — моя жизнь, она — моя любовь. И смерть приму с именем ее!

(*Матая освобождают.*)

З а н а в е с

Картина шестая

Юрта Нарши. Нарша болен. Рядом с его постелью — постель Каракоз.
Дома Нарша, Койсары, Асан.

К о й с а р ы. Поистине говорят — в пятьдесят лет народ обновляется, в сорок лет — казан¹¹.

А с а н. Эх, жизнь! Какая была в прошлом году Каракоз? А сейчас и Нарша из-за нее заболел. А с Сырымом что?

Т о й с а р ы. И вправду он с тех пор не возвращался в свой аул?

А с а н. Какой ему этот аул свой? Говорят, как услышат, что Сырым где-то объявился, так Жарылгап и Жабай собирают всех осеров и отправляются в погоню...

---

¹¹ Казан — котел, т. е. пища народа.

Т о й с а р ы. А он был какой-то особенный, и как не жалко такого молодца подвергать изгнанию? Гордый такой, с пламенным сердцем. Не джигит, а огонь.

Н а р ш а *(просыпается)*. Ох... Слышно что-нибудь от Сырыма? Что они не едут, или не верят мне?

Т о й с а р ы. Может, едут, кто их знает?

Н а р ш а. Верно не хочет ехать, не хочет видеть нашу боль, наши страдания. *(Пауза.)* Одна лишь слабая надежда. Он же не колдун-бахсы, не знахарь. Ох... что стало с нами, что настигло?

Т о й с а р ы. Все с Сырыма началось, может, от Сырыма и исцеление...

Н а р ш а. Не поправится Каракоз, и мне нет выздоровления.

Т о й с а р ы. Что поделаешь, родной! И тебя замучило горе за подругу-супругу. Говорили родители и родичи – возврати Каракоз к своим, обнови свою постель, взбодрись. Но этого не смог ты сделать.

Н а р ш а. Не смогу разлучиться с Каракоз. Прикрывал я огонь своим подолом, чтобы честь предков, счастье свое сберечь... К тому же как я обожал Каракоз! Разве не была она жемчужиной красоты! Горе мне...

(Входит Каракоз, она очень истощена, еле двигается. Волосы рассыпаны по лицу. Тихо напевает. На лице и в глазах нет выражения. В руках ветка с листьями. Она помешана.)

К а р а к о з *(оглядывается)*. Ходила в лес, пойти ли снова? Пойти далеко-далеко по лесу. Дойду ли до могилы? *(Смеется.)* А в лесу поют. В халате шелковом – и вдруг превращается в ветер, потом в жаворонка. Нет, нет, а вдруг – в траву, а вдруг – во что-то другое. И спать захочется. Лес, листья, лес, ночь *(испуганно)*, ойбай, нож, кандалы. Бабушка!

Н а р ш а. Каракоз, перестань, не мучайся, бедная. Ведь сил у тебя нет. Что осталось, и ходить даже не можешь, ложись!

К а р а к о з *(вздвигнув)*. Ложись, говоришь? А послушаться?

Н а р ш а. Послушайся. Никто, бедную, кроме меня, тебя не пожалеет, даже мать моя говорит, что я вместе с тобой с ума сошел, рада избавиться.

Т о й с а р ы. Мать ведь одумалась теперь.

Н а р ш а (*Каракоз*). Каракоз, ты устала, обессилела, ложись.

К а р а к о з (*еле двигается*). Сейчас, сейчас. (*Держит ветку на лице.*) Иду ложиться, в лесу, в могилу. (*Садится на постель.*) Или одеться в саван, или спеть?

(*Напевает. Вдруг встает и снова уходит.*)

Н а р ш а. О боже! С тех пор, как заболела, все твердит: лес, могила. И ведь еще тогда, когда ее сердце было чужим, холодным для меня, она ни разу не была непочтительной. И как это трогало меня! Родилась такой особенной, и умрешь, потухнешь такой же. Началась твоя жизнь солнечной зарей и вот превращается в сумрачную, тоскливую ночь.

Т о й с а р ы. Ах, это невозможно! Не в силах я. Теперь и мне недолго осталось. Поправится Каракоз — и меня поправит. Не поправится — все для меня кончилось, нет ни желаний, ни надежд. С каждым днем тяжелее дышать. (*Каракоз возвращается.*)

К а р а к о з. Падаю. Или поспать? А может — умереть? Падаю, падаю. Падаю с самой вершины горы, лечу. А внизу лес, лес, густой лес. (*Шепчет, тихо двигаясь вперед. Машет рукой. Зовет.*) Да, да, иду, иду, спешу, лес. (*Находит на Асану.*) Ах, куда он скрылся?

А с а н. Кто, милая Каракоз? Ошиблась ты.

К а р а к о з. Разве, разве он не звал? (*Смотрит на Тойсары.*) Ай, как стыдно! (*Закрывает лицо Асану.*) Асан!

А с а н. Вот узнала. А иногда не узнает. Вот так бы всегда узнавала.

Н а р ш а. Она всегда узнает, только не замечает, даже не хочет показать, что она узнает. А ведь когда один на один спросишь — кто пришел, кого видела? — всех называет.

К а р а к о з (*Асану*). Асан... мне... (*Указывая на Наршу.*) Ты спой ему песню, песню. (*Прислоняется к постели.*)

Н а р ш а. Как увидит Асана, все просит спеть, все мерещится ей прошлое.

Т о й с а р ы (*Асану*). Спой, может легче им станет.

Н а р ш а. Ух, Асан, спой старую песню.

А с а н (*поет*).

Уджигита все впереди,

Когда песню поешь —

Меньше горя ему.

Спасибо большое божеству —
Нынче лучше мне, чем вчера.
Н а р ш а. Глупая песня. Откуда она лучше, чем вчера?
А с а н. А-а. Тогда другую слушай:
Парень здоров — ему все нипочем,
Он на ярмарке жизни гуляет.
Правда, скоро кончится она...

(Входит Текти.)

Т е к т и. Ты что это распелся? Не хватало в этом доме
еще песен!

Т о й с а р ы. Попросят спеть.

Н а р ш а *(Асану)*. А ведь и песня хороша, сказывается,
в свое время. Вот эту песню как приятно раньше было слу-
шать, а сейчас совсем не трогает.

Т е к т и. Разве нам сейчас песни петь? *(Вздыхает.)*

Н а р ш а. О создатель наш! Рассеется ли этот туман,
настанет ли светлый день? И стану ли я снова человеком?
(Вздыхает.) Почему не едет? Неужто не приедет?

Т е к т и. Сын мой, успокойся. Видела, ехали двое. Асан,
узнай.

Т о й с а р ы. Асан, выйди посмотри. *(Асан выходит.)*

Т е к т и. И как ни лечили Каракоз баксы и знахари, ход-
жи и муллы — все приезжали, и мы устали. Бедная она тоже.
Чего я боюсь? Ведь ее бабушка по матери тоже умерла от та-
кой болезни. Хоть и говорите, что это у нее с испуга, но ведь
видать и по наследству кое-что перешло.

Н а р ш а. Мама, перестань! Мне тяжело. Нарочно что
ли, несчастная, все это говоришь? Без того мне тяжело ды-
шать. Последние надежды иссякают.

(Входят Сырым, Асан, Дулат.)

С ы р ы м *(видит Каракоз)*. Единственная моя! Чем уви-
деть тебя такой, лучше бы вытекли мои глаза!

К а р а к о з *(мурлычет, вроде напевает, видит Сырыма)*.
Плачет... Да, да... *(Смотрит внимательнее.)* Я тебя видела...
Ты пел в лесу, а там в лесу много таких... А где твой красный
халат? В лесу?... Жаворонки...

Д у л а т *(Тойсары)*. Ей легче или нет...

Т о й с а р ы. Все одно — такая. Боюсь, что даже хуже ста-
новится.

Н а р ш а. Сырым, мы с тобой люди одного поколения. Бог простит, я прошаяю. Да и в силах ли я не простить? Сейчас больна не одна Каракоз, я с нею вместе, слышал, наврное? Вы оба родились особенные, непохожие на других, я это чувствовал по тому, что говорила Каракоз, когда она еще не была больна.

С ы р ы м. Когда мы маленькие были, у нас умерли матери в одно время, мы с ней сходились, прятались и наедине оплакивали своих матерей, потом выросли. Как-то зимой Каракоз выехала из аула и затерялась, настиг в поле буран, никто не мог найти, буран не переставал три дня, три ночи, Каракоз считали погибшей, перестали искать. И вот в те дни только я дни и ночи не переставал шарить вокруг, обморозился, но нашел, нашел ее живой, из когтей смерти вырвал. И в тот день я подумал, что нашел ее для себя. Это было в прошлом году зимой. Однако я сдержанно сказал — мы вернулись из могилы, и наконец мы поняли друг друга.

Н а р ш а. А теперь видишь, какая Каракоз? Вы в муках, в печали поддерживали друг друга. Подойди к ней, заставь себя узнать. Вспомните прошлое.

Т о й с а р ы. Может, поможет, если напомнить что-то прошлое... Заставить задуматься, ласковым обхождением.

А с а н. Сырым, может, назовешь ее?

Т е к т и. Да, позвать, назвать себя, может — ответит.

Д у л а т. Эх, какой прекрасной пери была! Теперь тяжело на нее смотреть. Сырым, ты видишь ее живые очи! Скажи же что-нибудь.

С ы р ы м. Что сказать? Разве я думал, что Каракоз потеряет рассудок, а став изгнанником, бродягой, еще колдуном, знахарем приду? Разве думал, что переживу и жизнь жалкую влачить буду? О создатель! До чего ты меня довел, что сделал из меня! *(Смотрит на Каракоз.)* Солнце мое, Каракоз! Ты меня узнаешь? Подойти мне к тебе? Я Сырым. Ты не забыла меня?

К а р а к о з *(держит на лице ветку)*. Лес... Это бабушка... Ты — Сырым. Спой! *(Смотрит внимательно.)*

С ы р ы м *(подходит к ней, берет руку)*. Если спою, меня вспомнишь? Будешь говорить со мной?

К а р а к о з *(не очень сознательно)*. Да, да, спой! Я тебя знаю...

Сырым. Душа моя! Солнце мое! Горемычная пташка моя... *(Плачет.)* Ведь с тобой ушли мои песни. Я пою только для того, чтобы плакать. *(Плачет, поет сквозь слезы.)*

Уходит жизнь, кончаются дни.

Пулей пробит я, проклятьем настигнут.

На голову беды свалилися все.

От горя рыдаю и терзаюсь.

Соколом смелым взлетел, горе согнуло.

Судьба разлучила с любимой — солнцем.

Увядшей розы убитого соловья доля горькая

Заставила крылья повиснуть и песни умолкнуть.

(Каракоз удивленно смотрит.)

Солнце мое, полный печали пришел я к тебе.

Ответь мне хоть одним словом на плач мой.

Буду рыдать я, буду молить,

Изойду пред тобой я слезами.

Пусть умру соловьем с песней в устах,

Если не разойдется черный мрак.

Если был когда-то я баловнем, повесой,

Горе опутало ныне черной змеей.

Каракоз *(внимательно всматривается в Сырыма, ее голос слаб)*. Да, да. Так... Так... было...

Сырым *(целует руку Каракоз, прикладывает к глазам)*.

Пусть слезами обольюсь весь,

От горя и я иссяк, обессилен.

Я молю, пусть и для меня придет тот час

В том лесу, в ту черную ночь...

Каракоз *(испуганно вскрикивает)*. А-а, лес, Сырым... Ночь... Вон бабушка зовет... зо-вет... зо-вет! *(Падает на спину. Сырым испуганно садится.)*

Тойсары. Как ее лицо изменилось! Несчастная, совсем ослабла. Не надо было ее мучить, что ли?

Нарша *(приподнимая с постели голову)*. О боже! Она умирает. *(Плачет.)* Одно лишь слово... Неужели я не услышу от нее одно лишь слово — прощения *(падает обессиленный.)*

(Каракоз умирает. Тойсары читает предсмертную молитву.)

Текти *(тихо плачет)*. Бедная! Сколько мук тебе на роду

было написано! И ведь все кругом плачут. О аллах! Неужели и надо мной тяготело ее проклятье?

Т о й с а р ы. Все! Каракоз теперь не вернется.

С ы р ы м (*сидит молча, потом подвигается к Каракоз и обнимает ее голову*). Солнце мое! Не в своем уме и то обо мне молилась. Молилась, верно, чтоб я вот так пред твоей смертью у твоего изголовья был. Твои молитвы оправдались. И моя жизнь будет только посвящена твоему имени. Дулат, бери мое оружие и возвращайся на побережье. Расскажи всем, как отрезаны мне пути в жизнь, как отрезаны все мои надежды, как перебит мой хребет! Возможно, меня не будет скоро среди живых. А если я останусь жить, то я найду их, присоединюсь к ним. А враги мои, что ищут меня, найдут теперь меня у изголовья Каракоз. Теперь никто не отнимет у меня Каракоз. Она моя! (*Падает, рыдая, на нее.*)

З а н а в е с

Картина седьмая

Ночь. Вдали сверкает молния. Одинокое кладбище, склеп.

Г о л о с и з в н е.

Рано ты меня без матери оставил,
Всю жизнь я в сиротах хожу.
Радость моя одна ты, моя Каракоз,
И ее ты забрал от меня.
И вся моя жизнь в горе проходит,
И силы мои иссякают.
И ночами молю об одном —
Чтоб скорее бы смерть моя пришла...

(*Раскрываются двери склепа, показывается Сырым.*)

С ы р ы м (*он исхудал, оброс*). Сорок дней, сорок дней я плачу, сорок дней я в горе, и когда я умру? Давно я хочу умереть, а все живой. Бесстыдная жизнь не покидает. И кого я жду, на что надеюсь, что желаю? (*Входит в склеп.*) Могила, могила — безмолвная, мрачная. Ни одна песчинка не раз-

веялась, ни щетинки нет, чтобы хоть ноготь любимой увидеть. На седьмой день я видел тебя во сне. Сегодня бы, на сороковой день, должна была ко мне прийти, в сороковины должна бы вспомнить меня. Жизнь прошла, той прекратилась. Песня на тое превратилась в траурную песню. Ты не выдержала – ушла. *(Падает, обнимая могилу.)* Солнышко мое! Что мне делать? Что? Скажи мне! Вот я возле тебя. Если в эту ночь ничего мне не скажешь, вот так и буду лежать, пока не уйду к тебе. Единственное мое желание – уснуть навеки.

(Сырым продолжает лежать. В дреме ему снится Каракоз.)

К а р а к о з *(живая, красивая, как раньше. Сверкнула молния)*. Ах, Сырым! Об одном прошу тебя – ты мужчина и, как мужчина, ты должен оправдать нас обоих. В тебе есть силы на это. Ты владеешь пламенным словом. Если ты поверишь в себя, если вдохновение придет к тебе, из тебя пойдут огненные слова. Укрепись в себе. Вдохновись, раскрой уста. Докажи нашу невинность. Вот что я поручаю. Переломится мужчина, воспрянет, раны душевные целебным словом залечит. Пусть твой голос станет как мощный ураган, гнуший вершины деревьев в лесу. Никто не посмеет встать на твоём пути. Все твои противники сгинут, как в бурю и дождь приминаются к земле листья. Вдохновись, раскрой уста. Проснись! Иди бодро, грозно! Говори, говори!

(Она исчезает. Сырым просыпается. Сон прошел, но он весь под впечатлением сна.)

С ы р ы м. Правда, солнце мое? Это правда? Единственная моя! *(Поет.)*

Как целебны твои слова,
В глубокую осень и черную ночь.
Взошло вешнее солнце.
Пахнет весной.
Заледеневшее сердце мое,
Окаменевшая душа моя
Отогрелись.
Оттаял я весь,
Как будто и горе мое начало проходить.
И как та песня,
Которая походит на натянутую струну домбры,
Проснулись в душе моей нежные звуки.

А ведь только недавно в эту ночь
Горе змеей обвивало меня,
Я плакал и молил смерть и могилу,
А она пришла и заговорила со мной.
Разверзлось небо, полился огонь,
Путь мне указуя.
Ты была светилом, а я лишь тенью твоей,
Ушла ты, а я без тебя несчастным оставался.

(Бодро поднимается.)

Лейся, песня моя! Лейся, не иссякая,
Лейся ручьями из гор,
Лейся и прыгай, вздувайся пеной,
Бурей несись, гремя и бушуя.
Взмети свое пламя, как ночью пожар,
Пусть сгорю я в этом огне.

(Смотрит в могилу.)

И в черную ночь на могиле твоей,
Клянусь тебе, за тучи ушедший месяц мой.
Ты же, холодный могильник, свидетелем будь,
Что теперь я не смерти желаю.
Снова я с пикой на добром коне
Мстителем скачу за нашу любовь.
Моя клетка из ядовитых змей свита,
И пика моя молнийным огнем заострена.
И тому, что случится теперь,
Всевышний свидетелем будь!

(Внезапно слабеет, падает, прислоняется к склепу. Через некоторое время бодро уходит.)

З а н а в е с

**ӨЗ ЕРЛЕРІНІҢ ЕҢБЕГІН ЖҰМЫСШЫ
ТАБЫ ҒАНА БАҒАЛАЙ БІЛЕДІ**
(пролетариаттың атақты ірі жазушысы
А. Серафимовичтің 70 жасқа толған мерекесіне)

Төңкеріс дауылпазы болған айтулы дүр ақынымыз Максим Горькийдің ұлы думан тойының дүбірі әлі тарқаған жоқ. Ол той дүниежүзі төңкерісінің мұрагері – жұмысшы табының тұтқан жолы, көздеген мақсаты, істеген ісінің артық екендігін, қаусап отырған капитал дүниесінің алдында пролетариат мәдениетінің мерейі үстем екендігін көрсеткен үлкен документ еді. Бүгін тойлауға тұратын, топ қана болуға жарайтын, әркім асыл ердің еңбегін бағалай білетін, кім екендігін ол той ашық көрсетіп берген.

Ол тойдың маңызын, мақсатын айтып жеткізуде Горькийдің өзінен асырып шебер айта алмаймыз.

Горький айтады: “Сіздер қалай ойлайсыздар, жолдас-тар, әлеумет қызметкерін мұндай дәріптеп, мәртебесін көтеру Кенестер Одағынан басқа дүниенің бірінде бола алар ма екен?”

Жоқ, мүмкін емес... Өз ерлерінің еңбегін жұмысшы табы ғана толық бағалай біледі. Бүгін тым асыра көтеріп, жоғарылатынқырап жіберіп отыр. Бағасы жоқ! Бұл үлкен өнеге. Бұл мен үшін ғана емес, үлкені мен қартайдым, бұл менің өнерлестерім – жас жазушылар... жұмысшы табының әдебиет қайраткерлеріне көзқарасы осылай. Мұны ұғуларың керек”.

Горький өз тойында мінберге шығып осылай деген еді. Бұл екінің бірінің аузынан шыға бермейтін, өмірде сирек кездесетін кемеңгер ақылдан ғана шығатын дана сөз. Ердің еңбегін жұмысшы табы ғана бағалай біледі.

Бүгін сол ұлы дүрсін тойға бір той ұласып отыр. Бұл атакты жазушы Александр Серафимович. Серафимович – пролетариаттың атакты ірі жазушысы. Осы ғынауардың 20-сы күні 70 жасқа шықты. Егер мерекенің белгілерін кеңірек қарайтын болсақ, бұл бірнеше тойдың түйіскен түбірі. Бүгін жазушы 70 жасқа шыкса, сонымен қатар қалам қызметіне 45 жыл толады; бірінші шығармалар жинағының жарыққа шыққанына 30 жыл, оның төңкерістен бұрынғы жазған шығармаларының ішіндегі белгілі “Даладағы қала” деген романының шыққанына 25 жыл шамасы болады.

Міні, пролетариат дүниесі көркем әдебиет майданындағы Серафимович сынды атакты жазушының осындай тойын тағы тойлап отыр.

Бұл тойға айрықша баға беріп Орталық партия Комитеті былай деп құттықтайды: “Пролетариат жазушысы А. Серафимовичтің 70 жасқа шыққан тойын Орталық партия Комитеті қатты құттықтайды. Коммунист партиясы төңкерісшіл-пролетариат жазушысы, “Темір тасқын” сынды үлгілі шығарманың иесі Серафимовичті жоғары бағалайды. Орталық партия Комитеті Серафимовичке жұмысшы табына қызмет етіп, социализмді толық орнату жолында арымай, талмай іс істеуіне көңіл білдіреді...”

Серафимович жолдасты одақтық Халық Комиссарлар Кеңесі құттықтап, былай дейді:

“Жұмысшы табына талмай қызмет еткен, пролетариат жазушысы, сіздің 70 жасқа шыққаныңызды құттықтап жалынды сәлем жолдаймыз. Көпке коммунистік тәрбие беру жолында әлі де көп жыл жасап, пайдалы, қаламшылық ісіңізде қарқынмен жұмыс істеуіңізді сұраймыз”.

Міні, тойға қаншалық маңыз беріп отырғандығы осы екі құттықтаудан көрінеді. Бұл той ақын, жазушыларымызға өнеге көрсетіп, социализм жолына бар күшін аямай, бұрынғыдан да қаттырақ жеңуге, көпшілікке коммунистік тәрбие беруге күштірек кірісуге жетелейді.

Александр Серафимович 1863 жылы 7 (20) ғынауарда Дон облысындағы Нижнекурмоярская деген ыстансыда туған. Әкесі бар өмірін әскерлікте өткізген Дон казағы. Шешесі де сол Дон казағының қызы. Серафимович 1883 жылы 20 жасында Петербор университетіне түсіп оқиды. Физика-математика факультетінің бірінші курсында оқып

жүрген студент кезінде Лениннің ағасы – А.И. Ульяновпен таныс болады. Ульянов бас болып, 1887 жылы III Александр патшаға террор тобы шабуыл жасап, терроршылар қолға түскенде, Серафимович 4-курста оқып жүріп, солардың мақсатын айтып, халыққа үндеу таратты. Сол үшін ол 1887 жылы тұтқынға алынды.

Сол жылдың аяқ шенінде Серафимович түрмеге алынып, әкімгершілік жолымен жер аударылып, Архангел губернесіндегі Мезен деген қалаға кетеді. Мезенде жүргенде Морозов жұмыс тастауы деген, жұмыс тастаудың басы, ұйымдастырушы Петр Моисенкомен таныс болады. Ол бұған көп әсер еткен. Серафимович сол айдауда жүргенде “Мұздақта” деген тұңғыш әңгімесін жазады. Ол 1888 жыл басылды.

Онда үш жыл айдауда болғаннан кейін Дондағы туысты – Усть-Медведицкая деген станицаға полицейлердің карауына жіберген. Туған жерінде екі жыл жүргеннен кейін ретін тауып Новочеркасск қаласына кетеді. Мұнда ол жұмысшы өнерімен танысады. Шахтыға түседі. Металл зауытының дүкендеріне барады. Міні, сол кезде жұмысшы өмірінен әңгімелер жаза бастайды. Тау-кен жұмысшыларының өмірінен (“Жер астында”, “Кішкене шахтер”) жазады; зауыт пролетариатының өмірінен (“Зауытта”, “Мүгедек”) шығармаларын жазады. Сол күннен бастап-ақ оған қалың еңбекшілердің назары ауа бастайды.

1902 жылы Мәскеуге келіп, “Курьер” деген газетте істей бастайды.

1903 жылы “Білім” баспасында оның тұңғыш шығармалар жинағы басылып шығады.

1905 жылы, төңкерістен кейін ол көп әңгімелер жазады. Онда жұмысшы өмірі, төңкерісшіл күресті жазады. Бірінші орыс төңкерісін, қан сасытып қырып басқан улы тырнақты суреттейді.

1909 жылы “Қала мен ауыл” деген романын жазып бітіреді. Соғыс басталған кездегі ... соғысқа кетіп, “Орыс ведомосі” деген журналға жазып тұрады. Сол жүрістің нәтижесінде соғысты қанды қырғын қылып көрсетіп, көп әңгімелер жазады.

1917 жылдан бастап Серафимович партия баспасөзіне қатынасады. Мәскеу партия комитеті, Мәскеу кенес

комитетінің тапсырмаларын, үндеу кітапшаларын жазып тұрады. Серафимович “Известияның” редакция алқасына кіріп, оның көркем әдебиет бөлімін басқарады.

1918 жылы партияға кіреді. “Правданың” тілшісі қатарында азамат соғысының майданына шығады. Сол майданда жүріп асқан таланттықпен “Темір тасқын” деген романын жазады (1924). Серафимовичті пролетариат жазушысы мен пролетариат әдебиетінің алдыңғы қатарына шығарған осы роман.

1920 жылы азамат соғысында жүріп Серафимовичтің баласы өледі. Ленин оны өзінің қарындасынан (Ульянова) есітіп, Серафимовичке хат жазады.

Хатында: “Қымбатты жолдас! Қарындасым жаңа ғана сіздің басыңызға түскен ауыр, қайғылы қазаны есіттіріп отыр. Қолыңды қатты-қатты қысып, жұмысты көтеріңкі рух сергектікпен істеуіңді күтем. Бұл хабарды сізге жақын сөйлесіп-танысып айта алмағаныма қатты өкінем. Бірақ сіздің шығармаңызды, әңгімелеріңізді қарындасым айтып, мені сізге қатты еліктіріп отыр. Мен сізге мынаны айтқым келеді. Сіздің жұмысыңыз жұмысшыларға, біздің бәрімізге керекті. Сізге енді жігерлілік керек, ауыр қайғының тұманын серпіп, жұмысыңызға қайтуыңыз керек. Кешірек жаздым, айыпқа бұйырмаңыз. Тағы да қолыңызды қатты-қатты қысамын.

1920 жыл 21 май. Лениніңіз”.

(Бұл хат Ленин жинағының 29-томында басылған.)

Жазған хатта көріп отырсыздар, Ленин Серафимовичтің шығармаларын “жұмысшыларға, біздің бәрімізге керекті, сіздің шығармаларыңыз мені сізге қатты еліктіріп тастады” дейді.

Серафимович өзінің салт-санасын, қаламшылық жұмысын жұмысшы қозғалысымен ертеден-ақ байланыстыра шыққан. Серафимович өткен ғасырдың 90-шы жылдарынан бастап жазған. Ол жылдар Ресей жұмысшы табының тарихи майданға жаңғырып шыққан кезі еді. Оның “Қала мен дала” деген романы – бұрынғы қаламшылық шығармалық ойының пісіп, түйдектеліп шыққан бір еңбегі. Онда бір бес-он жылдың ішінде Ресей әлеумет өмірі қалай өзгеріп,

жаңа қоғамның белгілі таптар жігі бөліп шыққандығын көрсетеді. Алдағы болатын төңкеріс дауылының нысанын береді. Серафимович – әлеумет тақырыбының жазушысы. Бұл оның идея беріктігін жоғары сатыға көтеретін жағдай. Мүмкін, жабайы көзбен қарағанда, оның төңкерістен бұрынғы кейбір шығармаларында төңкерісшілдік әлсіздеу, жұқалау көрінген сияктанар, бірақ ол анығында олай емес. Оның шығармалары көптің төңкерісшілдік шабытын көтеріп, күреске қайрап салып отырады. 1905 жылғы жазған шығармалары туралы өзінің былай деген бір сөзі бар: “Октябрьден кейін жұмысшы жиылыстарына қатынасып жүріп, жұмысшылардың аузынан былай деген сөзді көп есітетін болдым: “Бірінші төңкеріске қатынасушылар туралы жазған сіздің әңгімелеріңіз бізді төңкерісшілдік іске қайрап салып отырады. Ұқса қалай күрес болды, қан қалай төгілді – осының бәрі көз алдына келіп, жүрегінді тулатады” дейді.

Міне, Серафимовичтің төңкерістен бұрынғы жазғандарының сарыны. Оның “Темір тасқыны”^{*} асқан ұстамдылықпен жазылған. Онда қара шаруа кедейлері қалай жаңа құрылысқа түсініп, атсалысып, қатынасқанын айтады. Бұл шығарма үлгішілдер қатарына қосылды. Енді не керек деп ар жағын қоя салуға мүмкін.

Анығында олай қоя салуға болмайды. “Темір тасқын” туралы жиі-жиі ауызға алып отыру керек. Үйткені оның ішінде суреттелген азамат соғысындағы қара шаруаның қалпы, күреске шыныққаны өткен дәуірімізге ғана қас нәрсе емес, оның бүгінге де керектігі мол. Онда қара шаруаға етілген әсер күні бүгінге дейін созылып келеді.

“Темір тасқын” жалғыз азамат соғысының кезі деп шолақ қарауға болмайды. Оның мақсаты, пікірі, нысаны одан әлдеқайда кең. Қайта тәрбиелеу, бұрынғы жеке меншіктік тәтті аузының дәмі кетпей жүргендерді жаңа тұрмыстың тілегіне салу одан аңқып есіліп отырады.

1918 жылғы мындаған партизандардың аш-жалаңаш, қолына қару алып төңкерісті қорғағаны өзінің маңызын әлі күнге жойған жоқ. Олар қырық рудан құралып, бір ауыздан

---

^{*} Серафимовичтің бұл романы қазақ тіліне аударылып жатыр еді, соның бас жағынан үзіп басып отырмыз.

сөз, бір жеңнен қол шығарған бүтін бір қол болады. Міні, кара шаруаны төңкерістік жолға салудың асылы осы арасында.

“Темір тасқында” бай, құлақ алпауыттан соққы көрген кедей, батырактар жұмысшы табына үн қосады. Мұнда қазақ жазушыларына үлгі, өнеге болатын жері көп, кейбір сыншылар мұнда пролетариат жоқ, партия аты аталмаған деуі де мүмкін. Ол дұрыс емес. Мұнда жұмысшы табының идеясы, партия басшылығы бар екендігі көрініп отырады.

Пролетариат үстемдігіндегі кара шаруа мәселесін партия жұмысшысынан бөлек алып қарауға болмайды. Бұл жұмысшы табының көсемдік қылып отыратын қабырғалы жұмыстарының бірі. Романдағы қол басылылары ылғи бір минут кідірмей ілгері басу, ілгері аттауға керек деп отырады.

Қайда?..

Жұмысшы табының басшылығына!..

Міні, мұнда кара шаруа көпшілігінің жұмысшы табына қарай бет бұрып, қолына қол жалғауға тырысқандығы көрінеді. Кара шаруа кадеттен безіп, пролетариатқа, бәлшебек партиясының жағына шығуы (Сталин) Октябрьдің үлкен бір табысы.

Міні, Серафимович алдына осы мәселелерді қойып, дұрыс бәлшебекше шешті. Алдына қойылған мәселесін пролетариат үстемдігіне байланыстырып, бәлшебекше шеше білу – жазушыларымыздың бас міндеті.

Серафимович – пролетариаттың атақты ірі жазушысы. Мұның тойынан да, сөзінен де қазақ кеңес жазушылары үлгі-өнеге ала білуі керек.

Бұл той – тойдың аяғы емес. Өз ерлерімізді әлде де көп тойлаймыз. Біздегі той-думанның дүбірі дүбірге қосылады.

Той тойға ұласады!

ТЕМІР ТАСҚЫН **(романнан үзінді)**

Көз жеткісіз қалың бұлттай, бықсыған халық жоқ. Сол шаңға пәселкенің бақшалары, көшелері, кішкене үйлері, тоқыма шарбақтары түгелімен тұншыққандай баптанып тұр. Жалғыз-ақ биік теректердің бастары ғана шаңнан асып, елеріп тік қарайды. Айналаның бәрінен сансыз көп тілдердей боп неше алуан сөздер, даурық, иттің үргені, жылқының кісінеуі, темір салдыры, баланың жылауы, қиратқан боқтық, қатын айқайлары келеді. Және мастанып тартқан гармонмен қатар қосылған желікті әндер естіледі. Бұл дыбыстар анасынан айрылған, қалың ара тобының неше алуан үнге сап есінен айрыла гүжілдегені сияқты. Рет тәртібін жоғалтып, дертті күйінде гүжілдеген сияқтанады.

Сол шексіз, ыстық лай селі қаланы да басқан, төбешік басындағы жел тиірменге де бір шеті жетіп жатыр. Ол жақта да үні басылмай жатқан, мың дауысты жойқын бір дүние.

Жалғыз-ақ тұншықтырған шаңға бой бермей тұрған аққан суық сулы өзен ғана. Ол пәселкенің бір шетімен ойнақ салып өтіп жатыр. Сол өзеннің ар жағында, алыста аспанның қақ жартысын қаптаған алып көк таулар көрінеді.

Жарқыраған шағырмақ ыстық аспанда, айналадан тың тындап, танданғандай сүзіп, қалқып сахараның бұзакысы – қоңырқай қарақұстар жүр. Сапыдай тұмсығын бұрып салып, ішнәрсеге түсінбейді. “Ішбір заманда бұндай жәй болған емес” дегендей қылады. Жәрмеңке болар ма әлде бұл. Бірақ олай болса, тігілген шатыр, қарбаласқан сәудегер, үйілген бұл – зат неге жоқ? Әлде ауа көшкен отаршылар тобы ма? Олай болғанда мына зеңбіректерді, оқ сандықтарды, екі аяқты арбаларды, үйілген бесатарларды не дерсің?

Олай болса әскер ме? Бірақ айналаның бәрінде жылап жатқан бала не? Бесатарлардың үстінде жаюлы тұрған

жаялыктар не? Зеңбіректерге ілулі тұрған бесіктері несі? Жас келіншектері бар; балаларын емізеді. Зеңбірекке жегілетін аттардың қасында шөп күйсеп сиырлар да тұр. Күнге күйген қатындар мен қыздар қоңырсып түтенген тезек отының үстіне май, тары салып асқан шөңкелерін іліп жатыр.

Тұманды, түсініксіз шаң басқан, ретсіз. Дырду, шу, айтып болмастай айқыш-ұйқыш дауыстармен бар дүние былыққан.

Казак-орыс пәселкесінде қалғандар қатындар, кемпірлер, балалар ғана, еркектерінің бірде-бірі жоқ, жер жұтқандай. Қатындар үйлерінің ішінде тұрып, терезелерінен қарап, шаң бұлты қаптап тұрған көшелердегі ұлы толқын селді көріп:

— Астарыңнан су шықсын, су шыққыр!.. — деседі.

II

Анда-санда сиырдың мөңіреуі, қораздың айқайы — көп адамның жапыр-жұпыр ұғымсыз сөздерінің арасынан асып, құлаққа саңқ-саңқ етіп естілетін дауыстар бар. Бұл дауыстар кейде жел қармап қарлыққан сияктанса, кейде анықтанып, сахараның күшті ашық үндері сияқтанады.

— Жолдастар, метенгеге жүріңдер!..

— Жиылысқа...

— Ей, жиылындар, жігіттер!..

— Топка!

— Тиірмен түбіне.

Баяулап салқын тартып бара жатқан күнмен бірге, ақырындап ыстық шаң да басылып келеді. Кең аспанға биік тік теректер төсін керіп көсіліп келеді.

Көз жетерлік шаманың барлығында жазылып жатқан бақшалар, ағараңдаған үйлер, барлық көше, барлық алаң. Алаңда бір шеттен бір шетке шейін созылған пәуеске, арба, екі аяқты арба аттар, сиырлар, бұлар бақшалардың да іші-тысын басқан. Төбешіктің басында жарғақ құлақтарын жан-жаққа делдитіп тұрған жел тиірмендерге шейін де созылып жатқан солар.

Ал тиірменнің айналасында адам теңізі молайып, үні өсіп келеді. Күнге күйген қоңырқай бет-пішіндер даланы басып, жәйіліп барады. Ақсақалды шалдар, қиналған жүзді қатындар, күлім көзді қыздар да бар. Үлкендердің

бұттарының арасында балалар бұлтылдап ойнайды. Қабынып демалып, тілдерін салақтатқан иттер көрінеді. Осының бәрі ерекше мол, қалың солдаттар толқынының ішіне шомып жүрген сияқты. Сабалақ жүнді, жауынгер түсті қонақтар, айғыз-айғыз қалпақтар, тау елінің шеттері салбыраған кенеп шіләпілері көрінеді.

Үстерінде жыртық сұр кемзалшалар, түсі онып кеткен шыт көйлектер, кейбірі серкеш бешметшесін киген. Тағы біреулері белуарына шейін жалаңаш, бұлшық етті күрең денесіне айқыш-ұйқыш қып пулемет лентісін тағып тастаған. Бұ халықтың бастарынан жоғарғы жерінде, айналаға қалай болса солай алақтап қарағандай боп реті бұзылған іштіктер көрінеді. Кәріліктен қоңыр тартқан жел тиірмендер таң-тамаша қап қарайды. – Жуық уақытта бұндай жәй болған емес. Төбе басында, тиірмендер жанына полковниктер, батальон, рота, штаб бастықтары жиналды. Бұл полковник, батальон, рота бастықтары кімдер? Арасында патша әскерінің солдаттарынан бастап әпесерлігіне шейін өрлеп жеткендері де бар. Олардан басқа шаштаразы, шелекші, балташы, матрос, қала пәселкеден шыққан балықшылар да бар. Осының бәрлері өздерінің көшесінен, пәселке қотырынан, станицасынан жиып алған кішкене қызыл әскерлерінің бастықтары. Төңкеріске кеп тілеуін қосқан, қатарлы әпесерлер де бар...

Полк бастығы кездей мұрты бар, қақпақтай жауырынды Баралиев мінберге шықты. Аяғының асты айналмалы дөнгелегі бар ағаш білік еді. Бұл басқанда сықыр-сықыр етеді. Даусы халықтың құлағына саңқ етті.

– Жолдастар!..

Бірақ мынадай әлденеше мың күрең жүздердің, мыңмыңдап қадалған көздердің жанында мына дауыс кіпкішкентай ойыншық сияқты. Сөйлеушінің айналасына барлық бастықтар үйірілді.

– Жолдастар!..

– Жоғал көзден!..

– Далой!..

– Кет әрі!..

– Кер-регің жоқ...

– Бастық аңанды!..

– Пагон кие алмай қалып пең?!

– Онысын кесіп алып тастапты.

– Немене үресің...

– Ұр, көрің құрғырларды!..

Шексіз үлкен адам теңізі тоғайдай боп созылған қолдарымен қағып әкпетті. Кімнің не айқайлағанын естіп, түсініп болар ма?

Тиірменнің түбінде өне бойы қорғасыннан құйылғандай нығыз төртбақ, аласа бойлы біреу тұр. Тістеніп тұрған жағы да төрт қырлы. Төмендеп әкеп қойған қастарының астынан екі біздей қадалған кішкене сарғылт көзі көрінеді. Ішнәрсені байқаусыз өткізбейді. Бағып тұр, жарқ-жұрқ етеді. Бұның көлеңкесін, қып-қысқа көлеңкедегі басын тығыз тұрған жұрттың аяқтары таптап тұр.

Алғашқы білікке шыққан ұзын мұрт барын салып қайтадан қатты айқайлады.

– Сабыр қылсаңдаршы, тындап шығындар... Халді біраз талқыға салу керек емес пе?..

– Кет ананды ит ұрғыр!..

Шу мен боктық оның жалғыз үнін тоғытып, жұтып жіберді.

Селдей қалың қол, теңіздей мол дауыстардың арасынан жұмыс пен қайғы жүдеткен бір қол созылды. Күнге күйдірген сүйектері сорайған ұзын, арық қол, бұл қатын қолы. Қолымен бірге шақырғандай үні де шықты.

– Тіпті естімейміз, оттама... Жылқыны жайлаған құрт-сың сен... А-а! Сиырым бар еді, екі пар өгізіміз қандай еді. Үйім... самаурыным... – қайда соның бәрі?

Топ тағы да дауыл соққандай толқып, аласұрып кетті – әркім өзгені тындамай, өзінікін созып жатты.

– Мен астық жинап алған босам, бүгін нансыз болар мем...

– Растовқа қарай жарып шығайық деп айтпап пек?

– Бешметшелерді неге бермеді?.. Шұлғау, етік қайда?

Дөңгелек үстіндегі:

– Ендеше неге шұбырдыңдар, бүйткенде...

Топ ашумен қайнап кетті.

– Сендер емес пе? Сендер, иттер, алып келген, алдап әкеткен. Бәріміз де үй-жәйімізде отыр ек. Шаруа-дүниеміз бар еді. Не болдық міні?! Күнәй-сұмдығымыз бардай, қу даланы кезіп жүрміз.

– Белгілі, алдап әкелді, – деп солдаттың да қалың тобы үн берді. Іштіктерінің ұшы толқынып-толқынып қалды.

– Қайда барамыз енді?!

– Екатеринбургға.

– Онда кәдеттер бар.

– Басқа барар жер жоқ...

Жел тиірмен жағында жақтары темірдей тістескен адам, біздей өткір көзімен жұртқа жағалай қарап бақылап тұр.

Осы кезде топ ортасынан, түзелместей қыңырлықпен, айқай шықты.

– Саттындар! – деді.

Бұл айқайды жұрттың бәрі естіді. Сөзін естімегендер арбалар, бесіктер, аттар, жағылған оттар, оқ жәшіктерінің араларында тұрғандар еді. Олар да мазмұны не екенін әбден білді. Топ сіңірі тартылғандай құрысып кетті. Дем алуға келмей, тыныс біткендей болды. Көптің үстінен бір қатын даусы шырқап шықты. Бірақ айқайлаған қатын емес, құс тұмсықты кішкене солдат еді. Бұл белуарына шейін жаланап, аяғында өзінен үлкен етігі бар.

– Бізді өлі малдай саудаға салды... – Өзгеден иығы асқан, үнсіз бір сұлу жігіт топ ортасын қақ жарып, тиірменге қарай басып келеді. Жаңа ғана тебіндеп шығып келе жатқан қара мұрты бар. Басында матрос бөркі. Арттағы екі лентісі жігіттің күнге күйген мойнына соқтығып келеді.

Қозғалғанда, бастықтардың кішкентай тобынан көзін аудармайды. Қолында қаталдықпен жарқылдаған бесатар.

“Енді... бітті...”

Темір жақты адам бұрынғыдан жаман тістенді. Долданып толқып тұрған адам теңізіне бір шетінен бір шетіне шейін уайымды жүзбен қарап шолып өтті. Қара үнгірленіп айқайлаған ауыздар, қызыл күрең беттер, қас астынан от шашқан ашулы, сотқар көздер...

“Қатын қайда?”

Матрос бөркін киген жақындап қалды. Көздері адасып қалмайын дегендей бір-ақ жерге қадалады. Қолындағы бесатарын сығымдап келеді. Жолындағы елді бұрынғысындай қатты итеріп келеді. Жиын, айқай-шу ішінде кейде арлы-берлі сенделеді де, кейде мына жігітті толқынып кеп қысып алады.

Тістеніп тұрған адамға бәрінен де өкінішті. Мына сұлу жігітпен түрік фыронтында, тізелесіп қатар тұрып, пөлемөтшік боп алысқан жоқ педі. Қан теңіздері... Мындаған жанның өлімі... Соңғы айларда бірге жүріп, кәдет, казак-орыс, жандаралдарға қарсы соғысты. Ейски, Темирлик, Таман, Гован ыстансалары...

Бұл тістенген жағын босатып, аузын ашты. Темірдей берік, бірақ жәйлі үнмен сөйледі. Шу, дырду болса да, бұның даусы бар жерлерге естілді.

– Жолдастар, мені сендер білесіңдер. Қанымыз бірге төгілген. Кәмендір қып өздерің сайладың. Енді, бұған айналса, бәріміз де өлдік қой. Казак-орыс пен кәдеттер жан-жақтан жабылып тұр. Бір сағатты өткізуге болмайды...

Бұл украиншылата сөйлеуші еді. Онысы жұртты әсіресе еріге бастады.

– Пагон кигеннің бірі сен емес пең? – деп, кішкене жалаңаш солдат қатты айқайлады.

– Мен соны іздеп тауып пем? Фыронтта соғыстым, бастықтар әкеп ілді, өздерің білесің. Мен сендер емей, бөтен бедім? Кедейлік пен бейнетті өзіндей арқама артып, өздеріңмен бірге көрмеп пем?.. Жерді бірге айдап, бірге шаппапек.

– Шынды шын деу керек, біздікісің, – деп айналадағы шу ортасынан гүжілдеген көп үн шықты.

Матросша киген ұзын бойлы бұл кезде қалың топтан жырылып шығып, екі аттап жақындап келіп қалған еді. Бұрынғысынша көзін аудармай, үн қатпай келіп, бар күшімен іштігін сермеп кеп қалды. Мылтығының түбімен арттағы біреуді де түйіп қалды. Темір жақты адам селт етіп жалтарған жоқ. Жалғыз-ақ езу тарту сияқты бір жыбыр ғана білініп, шұғылынан сарғыш тартып кеткен бетіне азғантай қозғау салды. Бүйірде тұрған аласа бойлы жалаңаш біреу басын бұқадай тұқыртып ап, матростың шынтағынан иығымен қойып кетіп:

– Не болды саған! – деді.

Шетке қағылып кеткен іштік темір жақты адамнан тайып барып, қасында тұрған батальон бастығы, жас жігіттің ішіне қорс етті. Іштік алқымына шейін көміле кірді. Жас жігіт ішінен шуылдап бу шыққандай боп, шалқасынан түсті.

Ұзын бойлы жігіт омыртқаға қадалып қалған іштікті қайта тартқылап, қайнаған ашумен жұлқылап жатты.

Қыз пішінді мұртсыз рота бастығы тиірменнің қанатынан ұстап, жоғары өрмелей жөнелді. Бірақ қанат шықырлап жерге ойысып, жігітті жерге ала түсті. Темір жақты адамнан басқанын барлығы тапаншаларын суырып-суырып алысты. Бірақ өндері қашқан, бүлінген жүздерінде уайым бар.

Топ ішінен тиірменге қарай бесатарларын қысып ұстап тағы бірнеше адам ұмтылды. Көздері құтырғандай алақтайды.

– Иттерге ит өлімі керек!

– Қыр! Түгін қалдырмай!

Сол кезде, жұрт шұғылынан жымдай бола қалды. Бәрінің бастары бұрылып, көздері бір жаққа қарады.

Далада егіндік үстінде құлаш сермеп, сымдай созылып, бір қоңыр ат ұшыртып келе жатыр. Үстінде қызыл шұбар көйлек киген адам, еңкейіп аттың жалын құшып, екі қолын екі жаққа бос жіберіп келеді. Жақындай... жақындай береді.

Есінен айрылған ат барын салып қарыштап келеді. Құтырып шыққан шаң ілесе алмай, артында қап жатыр. Кесек-кесек ақ көбік аттың төсін жапқан. Тер жапқан бүйірлері сабындай көпірген. Шапқыншы бұрынғыша аттың жалын құшып, шабыспен бірге ырғалып келеді.

Далада тағы біреу қарайды. Топ ішімен сөздер жортып жөнелді.

– Тағы біреу шауып келеді!..

– Қараңдаршы, қалай асығады...

Қоңыр ат пырылдап, көбігін шашып жетіп келді. Топ алдында шұғылынан шоңқиып, тоқтай қалды. Ақ жолды қызыл көйлегі бар шапқыншы ораулы тендей боп, аттың басынан асып барып жерге топ етті. Қолдары екі жаққа сылқ етті. Басы лайықсыз түрде тұқырып кеткен.

Біреулер жығылған адамға, тағы біреулер атқа ұмтылды. Аттың кара тер басқан бүйірінде жабысқан қызыл қан.

– Ойбай, мынау Ақрим ғой, – десті жүгіріп кеп, жігіттің суынып бара жатқан денесін түзеп жатқан адамдар, иығы мен кеудесінде қан жауып тұрған көлденең шабылған жара. Арқасында қан ұйысып қалған, тенгедей қара тесік тұр.

Топ ішінде, тиірмен айналасында, арбалар арасында, көшелер, алаңдарда сөнбестей боп, өрекіп хабар кетті:

– Ақримды казак-орыстар шапқылап жіберіпті!..

– Ой, сорым-ай менің!..

– Қай Ақрим?..

– Немене, білмеуші мең! Равльвскийдікі.

– Үйі бағананың жоғарғы жағында болмаушы ме еді?

Екінші атты да жетті. Беті, тер басқан көйлегі, қолдары, жалаңаяғы, астындағы ішпегі де – түгел шашыраған қан басқан. Өз қаны ма, басқаныкі ме? Көздері дөңгеленіп шарасынан шығады. Бұл сандалақтап тұрған атынан секіріп түсіп, жерде жатқанға ұмтылды. Жатқанның жүзіне балауыздай жылтыр бір сарғыштық тарай бастап еді. Көздеріне шыбын үймелеп жүр екен.

– Ақрим!

Жүресінен отыра қап, қан жапқан кеудеге құлағын салды да, атып тұрып, басын төмен иіп:

– Ұлым-ай... ұлым менің!

– Өлді, – деп іркелендеген үнмен айналадағылар жауап берді.

Анау тағы біраз тұрды да, біржолата қарлыққан даусымен айқайлап сөйлей бастады. Даусы шеткі үйлердің бәріне дейін жетті.

– Ыставан станциясы көтерілді. Полтовский, Петровский, Ыстевлиевский де көтерілді. Көтеріле салысымен шіркеулердің алдында дар ағаштар орнатып жатыр. Қолына түскеннің бәрін асады. Ыставлиевскийге кадеттер келді. Қылышпен де шапқылады, дарға да асады, атады, аттармен Куваньға айдап та тоғытады. Бөтен қаланың адамына рақым жоқ – шал, кемпір бәрібір. Бәрі бәлшебек дейді. Бақшашы шал Апанасий – Собдоки Перепершитсенің үйіне қарсы үйлер еді ғой...

– Білеміз, – деп шу етті.

– Сол аяқтарына оралып жалынды – бәрібір дарға асты. Қарулары сансыз. Қатындар мен балалар күн-түн бойы агарод, бақшаларды қазып, бесатар, пөлемөттерді шығарып жатыр. Маялардың ішінен зенбірек оқтары мен патрондарды жәшік-жәшік қып суырып алып жатыр. Түрік фыронтындағының бәрін әкепті. Ұшы-қиыры жоқ. Зеңбіректері атылып жатыр. Бүлінбепті. Өрттей Куваньды түгел өрт басты. Бізді әскер де аяйтын емес. Ағаш-ағаштың бәрін дар ғып асыпты. Жеке-жеке кетіп, Екатеринадарға,

теңізге, Ростовка жетеміз дегеннің бәрі жолда кескілеумен қырғын тауыпты.

Өліктің үстінде басын төмен салып тағы біраз тұрды. Қыбыр етпеген тыныштық ортасында барлық көздің қадалғаны бір сол адам.

Ол теңселіп қалды да, қолымен әуені қармап, артынан атының тізгінін тауып, айналып қайта міне бастады. Бүйірін тер басқан аттың деміккеннен қанды танауы желбіреді.

– Қайда?!

– Есің ауысқан ба?! Павло!!

– Токта... қайда барасың?! Қайт!..

– Ұстандаршы!

Ат даланы дүбірлетіп, жөнеліп бара жатты. Қамшысын сермеп кеп иықтан ұрды. Көңпіс аты мойынын созып, құлағын жымитып шауып жөнелді. Тиірмендердің көлеңкелері далаға қиғаштай түсіп созылып, артынан ілесе жөнелді.

– Өлімге кетті.

– Ол жақта үй-іші қалған ғой! Мұнда, міні, баласы жаттыр.

Темір жақты адам аузын ашып, саспастан үн қатты!

– Көрдіндер ме?

Топ түнеріп:

– Соқыр емеспіз.

– Есітіндер ме?

Тұншығып:

– Есіттік.

Темір жақ содан кейін аяусыз қатты кетті:

– Жолдастар, бізге енді бұрылар жер жоқ. Алдың да, артың да – өлім. Мыналарды көремісіндер, – деп, казак орыс үйлерін, шексіз мол бақшаларын, биік зор теректерін нұсқап көрсетті. Бұлардың ұзын-ұзын көлеңкелері қиғаштап созылып жатыр еді – бұлар бүгін түнде-ақ бізді кескілеуге ұмтылар. Бізде бірде-бір күзетші, бірде-бір шалғыншы жоқ. Бұйрық берер жан жоқ. Кейін шегіну керек. Бірақ қайда? Әскерді қайта реттеу керек. Бастықтарыңды сайландар. Жалғыз-ақ ең соңғы сайлау осы болсын. Содан кейін өміріңнің де, өліміңнің де ықтияры сонда болсын. Темір тәртіп орнатылсын, ажалдан құтқаратын сол ғана. Өзіміздің

үлкен күштерімізге қарай жол салып өтейік. Ар жағында Ресей де қолын созады. Ырзамысыңдар?

– Ырзамыз! – деп бар дала күрс берді. Арбалы көшелер, аландар, бақшалар, ыстансаның бір шетінен бір шетіне шейін тұрған елдер түгел үн берді.

– Жарайды, дұрыс. Қазір-ақ сайлау. Сонан соң осы арада әскерді қайта реттеу. Абозды соғысатын қолдан бөлек алу. Кәмендірлерді лек-лекке бөлу – бәрі осы арада істеледі.

– Ырзамыз – деп, кей жері сарғыш тартып келе жатқан кең дала тағы да үн берді.

Алдыңғы қатарда бір келісті сақал түр еді. Өзін зорламай-ақ, қарлыққан, жуан дауыспен, өзгенің үнін басып, сөз қатты!

– Осы қайда барамыз біз? Не жасыратыны бар?.. Бұл бүліну емес пе? Барымызды тастадық – мал да, шаруа да қалды.

Біреу тас лақтырғандай боп – халық жырттылып, айрылып, шулап жөнелді. Дөңгеленіп толқып кетті.

– Сен қайда бармақ ең? Кейін бе? Бәрімізді қыру үшін бе?

Келісті сақал жауап берді:

– Неге қырады, өзіміз келсек, қаруын берсек – жыртқыш емес қой олар да.

– Ана Макрушының елу кісісі барды ғой, қару, сайман, бесатар, патрондарын түгел беріпті. Казак-орыстар бір тал қолына тимепті. Бүгінде олар егіндерін егіп жүр.

– Ол берілген құлақтар емес пе!

Қызбаланған жүздердің арасынан гүжілдеген, жұлқынған айқайлар шықты:

– Сенің сөзің иттің көтіне!..

– Бізді сөзге келмей дарға асады.

– Кімнің егінін егеміз деп, – деді қатындар. Қатындар айқайлап: – Тағы да казак-орыс пен ақ әпесердің егінін егелік пе?

– Тағы қамыт ілейік пе мойынға?

– Казак-орыстың ақ әпесер, жандаралдың қамшысына жонымызды төсейік пе?

– Әзәзіл, аманыңда аулақ кет.

– Ұр өзін! Сататын өзімізден...

Сақал өз сөзіне басып:

- Сендер әуелі тындаңдар. Немене төбет итше үресіндер?
- Тындайтын дәнене жоқ. Бір-ақ сөз, болды!

Өрепкіген қызыл жүздер бір-біріне қарасады. Ашулы көздері қайшыланысады. Бастарынан жоғарыда жұдырықтары сербендейді. Біреуді ұрып жатыр. Біреуді желкелеп ыстансаға айдап барады.

- Жолдастар, тынышталыңдар!..
- Тұра тұр, мені қайда апарасыңдар?
- Мен кіммін сендерге? Бір бау саламмын ба? Әлде немін?

Темір жақты аузын ашты:

- Жолдастар, тастандар оны – іс қылу керек.
- Әскербасыны сайлайық. Қалғанын сол өзі белгілейді.

Кімді сайлайсыңдар?

Бір секундтай тым-тырыс боп тұрды. Дала да, ыстанса да, жансыз көп топ та – жым-жырт. Содан кейін көн басқан, жарылған қолдар тоғайдай боп қауырт бір-ақ көтерілді. Даланың шет-шетіне шейін созылып, станцияны, бақшаларды басып, өзеннің де ар жағына шейін жаңғырығып бір-ақ ат аталды:

- Кож-у-у-у-к-ты!

Жаңғырық алысқа шырқап кетті. Көгерген таулардың етегіне жеткендей боп – ...ты-ы-ы!.. – деп күніреніп жатты.

Кожуқ тастай қатты тістескен бойында бір қолын көтеріп, қалпағына тигізді. Бет сүйектерінің төменгі жеріне болымсыз діріл кіргендей болды. Өліктерге жақындап кеп, басындағы кір басқан салам қалпағын алды. Жұрттың бәрінің қалпағы жер ұшырғандай түсіп-түсіп, бастар жалаңаштанды. Жалаңбастанбаған біреу де жоқ. Қатындар жыласып жатты. Кожуқ басын төмен салып, өліктің басында біраз тұрды да:

- Жолдастарымызды барлық құрметпен көмейік. Көтеріңдер, – деді.

Екі шинель жайылды. Бешметшесінің төсінде үңірейіп, үлкен қанды тесігі бар батальон бастығына матрос қалпағы бар ұзын бойлы жігіт жақындап келді. Мойнына қалпағының лентілері жалбырап түсіп тұр. Үндемей келіп, бір жері ауырып қалмаса екен дегендей сақтықпен көтеріп алды. Ақримды да көтеріп алысып, барлығы алып жүрді.

Топ біресе жарылыңқырап тарап, біресе қайта жиырылып, жалаңбас күйінде селдей ақты. Әрбір адамның артында ұзын қисық көлеңкесі ілесе келеді. Арттағылар бұл көлеңкелерді таптайды.

Бір жас дауыс жұмсақ, мұнды үнмен: “Қан майдан құрбаны боп сендер ұштын!” – деп ән бастағанда, өзге дауыстар да қосыла бастады. Дауыстар жуан, олақ, бастары қосылмайды. Сөздерін жаңылыс айтады, рет жоқ, әр дауыс әр жақта. Бірақ сонда да кеңейіп, толқып тарап: “...елінді елтіп сүйген күйге түстің...” Қосылмай, бытырап айтады. Бірақ әлденеден, шырмауықтай ширатылған нәзік мұң жүдеп-томсарған далаға да қойған, ескі тиірмендерге де, азғана сарғыштана бастаған биік теректерге де, ағарған үйлерге де – түгел жайылған секілді. Топ жүріп келе жатқан жерлердің барлығында – шексіз мол бақшаларда, өліктерді әкеле жатқан жолдың бәр-бәрінде сол тұтасқан мұң. Барлық дүние осылармен туысып кеткендей. Бәрі де осы арада туып, осы арада өлетіндей жақындасқан сияқты.

Кешкі мезгіл таудың түсін де қою көлеңкелі мұнармен басты.

Бағанағы қалың ағаштай көтерілген қолдың ішінде өзінің арық қолын бірге көтерген Дарпина деген қатын енді шаң басқан етегімен қызыл көзін сүртеді. Көзі жасты. Анда-санда мұрнын тартып солқ етіп қойып, шаңға толған әжімдерін да жазып сүртеді. Жылап тұрып сыбырлайды:

– Рақымды ием, жаппар ием, өлмес, өшпес ием, жақта бізді... Рақым ием, жаппар ием, – деп алып, етегімен мұрнын сінбіреді.

Солдаттар ынтымақпен жедел басады. Жүздері томсарған. Қабақтары түйілген. Қарауытқан қалың найза сәнмен ырғалғандай.

“...нең болса барын бердің елің үшін...” Түнге бой ұрып қалқып қалған шаң, жалыққандай шумақталып қайта көтеріледі. Барлық дүниені қайтадан орап қоршайды.

Ішнәрсе көрінбейді. Адымдап басқан көп аяқтың дүбірі, және:

– ...Рақымды ием, жаппар ием...

– Шер тарттың кір абақты ішінде сен...

Түннің қаралы қамқасын жамылған алып таулар, қорғана туған кеш жұлдыздарын тасалап көрсетпей тұр.

Міні, крестер де көрінді. Бірі құлаған, кейбірі қисайған; түп-түп ағаш шыққан алаңдар да бар. Қанатын жұмсақ сермеп жапалақ ұшып өтті. Үнсіз елбектеп жынды құс ұшты. Кейде ағараң етіп мрамор тас көрініп қалады. Алакөлеңкеде жарқырап алтын жазулар елес береді – бай казак-орыс, сәудегерлердің ескерткіштері. Нық шаруа иелерінің іргесі аумайтын тыныштығының ескерткіші. Солардың үстінен өтіп келе жатып топ ән салады.

“...құлап зорлық, көтерілед ел еркін...”

Қатарлап екі көр қазды. Сол жерде жас тақтайдан табыт жасасты. Қолма-қол істелген, қараңғыда ағарандаған табытта жас ағаштың иісі бар. Ішіне өліктер салынды.

Кожук бас киімін алып, жас топырақтың үстіне шығып:

– Жолдастар! Менің айтпағым... жолдастармыз қаза тапты... иә... біз оларды қастерлеуге міндеттіміз... Олар біз үшін қаза тапты. Иә... айтпағым сол. Олар неден өлді? Жолдастар, айтпағым сол – Кеңес Ресейі өлмейді, мәңгіге жасайды. Біз бұл жерде, жолдастар, мен айтсам, қыспақтамыз, ал анда Мәскеу, Ресей өзі айтқанын істейді. Жолдастар, Ресейде жұмысшы-крестіан өкіметі демекшімін мен. Содан бар нәрсе тарайды.

**ҒЫЛЫМИ
түсініктемелер**

“Каракоз”

М. Әуезовтің “Қарагөз” трагедиясының орысша нұсқасы. Көшірмесін М. Әуезов қоры Мәскеуден Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан (РМӘӨМ) алдырды. 72 беттік пьеса мәтінінің екінші беттерінің барлығына мұрағаттың штампы басылған (ф. 2329, опись 6, ед.хран. 626). Пьеса мәтінінің титулды бетінде “Каракоз (Карагез), трагедия в 4 актах, 7 картинах” деп жазылып, 1959 жыл датасы қойылған. Мәтін машинкамен А 4 пішіндегі қағазға таза басылған. Еш жерінде редакцияланған, түзетілген жері жоқ. Орфографиялық, пунктуациялық қателер кездеспейді. Автор алғашқы басылымды өзі қарап, қайта бастырғаны байқалады. Кейбір диалогтардың тұсында тік сызықтар, кейбір сөз, сөйлемдердің астында көлденең сызықтар ғана кездеседі.

“Қарагөз” трагедиясы 1926 жылы Қазақстан халық ағарту комиссариаты жариялаған драмалық шығармалар бәйгесінде бірінші орын алып, жеке кітап болып шыққан, театрда қойылған. Реалистік бағытта жазылған трагедия біраз солақай сынға ұшырап, М. Әуезов 1959 жылы пьеса мәтінін жаңа уақыт талаптарына орай қайта жазып шыққан. Бұл тұрғыдағы мәліметтер М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 3-томындағы ғылыми түсініктемелерде берілді.

“Қарагөз” трагедиясының орысша нұсқасы Мұхтар Әуезовтің Мәскеуде “Художественная литература” баспасынан шыққан бес томдық шығармалар жинағының 4-томында жарық көрді (1975, 205–254-бб.). Орыс тіліне аударған Вл. Корнилов. М. Әуезов “Қарагөздің” екінші нұсқасын 1960 жылы шыққан “Қараш-Қараш” жинағына кіргізген. Трагедияның Вл. Корнилов жасаған орысша аудармасы (5 томдық шығармалар жинағы, 4-том) мен Әуезов қорының Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан алдырған нұсқасын қазақ тіліндегі екі нұсқамен (1926 және 1959 жылғы) салыстырған кезде орысша мәтіннің екеуі де 1959 жылғы нұсқамен сәйкес

келді. Кейіпкерлері түгелдей сақталған, бірде-бір кейіпкер сөзі, репризалар қалдырылмай, толығымен аударылған. “Еңлік – Кебек” пьесасының И. Сельвинский жасаған аудармасын қазақша нұсқасымен салыстырғанда, Сельвинскийдің еркін аударма әдісін қолданып, кейбір диалогтарды аудармай кеткен жерлері, өзінше еркін ықшамдағаны, кейде ұлғайтып аударған жерлері кездеседі. Мәскеуден алдырылған М. Әуезовтің өзі жасаған “Еңлік – Кебек” мәтіні жайында да осыны айтуға болады. Қазақша нұсқа мәтінін катал, дәлме-дәл ұстанбай, еркін аударып жазып шыққан. Ал “Барымта” әңгімесінің М. Әуезовтің өзі жасаған орысша нұсқасында әңгіменің алғашқы, 1925 жылы “Таң” журналында шыққан және кейінгі 1936 жылғы нұсқаны қатар алғаны көрінеді.

“Қарагөздің” М. Әуезов жасаған орысша нұсқасы дәлме-дәл аударманың айқын үлгісі. Аудармашылық жұмыстың мұндай әдісін М. Әуезов Шекспир, Гоголь, Толстой, Джек Лондон, т.б. шығармаларына жасаған аудармаларында ұстанған. “Қарагөз” трагедиясын аударуда Вл. Корнилов та дәл осы әдісті қолданған. Осыған орай 1970 жылдары шыққан орыс тіліндегі бес томдық шығармалар жинағына трагедия мәтінінің орысша нұсқасын дайындауға Корнилов РМӘӨМ-ге 1959 жылы түскен орысша мәтінді пайдаланды ма деген сұрақ туады. Сөзбе-сөз, жолма-жол аударманы пайдаланған кезде аудармашы жұмысында байқалатын біраз заңдылықтар бар. Ол сөйлем, диалог көлемі мен синтаксисінен, сөз тіркестерінен, ұлттық ұғымдарға қатысты сөздерді пайдаланудан, т.б. да көркемдік элементтерден байқалады. “Қарагөздің” 1959 жылғы қазақша нұсқасын, Вл. Корнилов аударуындағы орысша нұсқаны, РМӘӨМ-нен алдырылған М. Әуезовтің аты-жөні қойылған, 1959 жыл датасымен берілген нұсқаларды салыстырған кезде Вл. Корниловтың өзінше қазақ тіліндегі нұсқадан аударғаны байқалды. Кейбір жерлерінде орысша екі нұсқада дәлме-дәл келетін сөз тіркестері бар. Бұл тікелей Корниловтың дәлме-дәл аударма әдісін қолданғандығынан және М. Әуезовтің 1959 жылы дайындаған нұсқасын дәл осы жылы (РМӘӨМ-нен келген мәтінде 1959 жыл датасы тұр) Мәскеуге жіберу үшін қазақшасынан ауытқымай дәлме-дәл аударып, аз уақытта дайындап бергенінен болу керек. Үш нұсқаның кейбір мысалдары:

1959 жылғы қазақша нұсқа:

“Н а р ш а. Асан, сен бұл күнде еркесің. Тұнығы бұзылмас айдын судың ақ құсы емеспісің; көңілге жақса – отырдың, жақпаса – ұштың, кеттің. Біз уайым айтып жүдетіп жүрмесек?”

А с а н. Жарқыным, бас алып, құлақ тігісінді ұнатпадым. Сөз сарынында кейіс бар ғой, мәнін айтшы!

Н а р ш а. Біздей жанның кейісі не болу керек, сезбеймісің? Қол-аяғым сау, басым аман, өзім жас. Ағайынның аялаған баласымын. Токпақ жалды торының үйіріндей қалың Досан бірімін. Өзімдей салтанатты қайныма келіп жатырмын. Қыз... қызық... думан, той. Тек сонда да менде арман бар. Саған соны айтпақпын. Менін дертім — Қарагөз...

А с а н. Қарагөз! Қарагөздің ақ жүзінде мін бар ма? Оны хор жігіт олқысынбаса, кім кемсінеді? Ер жігіт арман етер алтын так, иран бақ Қарагөздей-ақ болмас па? Не мін таптың?

Н а р ш а. Рас, Қарагөзде мін жоқ. Қарагөздің ақылы мен көркі мен түгілі, менен зор хан-қара, би-төренің қайсысына болса да олқы келмес.

А с а н. Енді не жетпейді? Қарауылдың асылы, күміс бәйтеректегі бұлбұлы Қарагөз болғанда, сен оның алған жары екенсің, не тілейсің? Мен ұқпадым.

Н а р ш а. Қарагөз ақылымен, мінезімен тұсау салып тұр ғой маған.

А с а н. Ой, тәңірі-ай, ақ батамен қосылған, ақ адал малы төленген, күйеуі ұрын келген қалыңдық қайтіп қана, не деп қана тұсаушы еді сендей — нардай жігіт күйеуін?!”

Вл. Корниловтың аудармасы:

Н а р ш а. Асан, ты вольный певец, ты все равно что лебедь на тихой озерной глади. Хочешь — плывешь, не хочешь — улетаешь. Боюсь, что мы своей печалью испортим тебе веселье.

А с а н. Друг мой, не нравится мне, что ты повесил голову, как усталый иноходец. Тоскуешь, грустишь... В чем дело?

Н а р ш а. О чем мне печалиться? Я здоров, молод, любим родными. Род наш досан — богат и велик, как большой косяк в табуне. Все хорошо: приехал я к невесте, вокруг веселые девушки, будет шумный той. А счастья нет. Вот почему я тоскую. О ней только и думаю, о Карагоз!

А с а н. Карагоз! Да разве есть изъян в ее красе? Не знаю такого, кто мог бы найти в ней недостатки. Все наши джигиты мечтают о ней, но она недоступна для них, как царский трон. Так в чем же дело? Что ты нашел в ней плохого?

Н а р ш а. Карагоз хороша, и умна, и красива. Не только я, а любой юноша из самой высшей знати посчитал бы за счастье обручиться с ней!

А с а н. Так чего же ты хочешь? Самое дорогое, что есть в ауле Караул, — это Карагоз. Она — соловей на вершине серебристого тополя. Ты избран ею. Чего тебе еще нужно? Я тебя не пойму.

Н а р ш а. Подавляет она меня своим умом и своей манерой держаться. Не чувствую я себя с ней свободно.

А с а н. О аллах! Родители тебя благословили, скот ты за нее отдал сполна. Приехал к ней, как велит обычай. Чем же она тебя, такого молодца, жениха, завтрашнего мужа, может подавлять?

РМӘӨМ-нен алған М. Әуезов жасаған мәтін:

Н а р ш а. Асан, ты вольный певец, ты — что лебедь на широкой тихой глади: понравилось — плывешь, не понравилось — улетишь. Боюсь, что сво своей печалью мы испортим твоё настроение.

А с а н. Друг мой, не нравится мне понурая голова, как у коня усталого. Тоску я слышу в голосе твоём: Скажи в чём дело?

Н а р ш а. О чём я могу печалиться?! — Здоров, молод, родные любят, сам я из многочисленного рода Досан, что большой косяк в табуне. Вот приехал к невесте родного рода. Девушки, веселье, шумный пир (той). И всё же нет счастья. Вот о чём я печалюсь. О ней моя дума — о Каракоз!

А с а н. О Каракоз! Разве есть изъян в её красоте? Я не знаю джигита, который бы нашёл в ней недостатки. Она же для джигита мечта, трон, на который ему не взойти, гурия райского сада. Так в чём же дело? Что ты в ней нашёл плохого?

Н а р ш а. Да, действительно Каракоз хороша, умна, красива, не только я, но любой из знати, белой кости посчитал бы счастье обручиться с ней.

А с а н. Так чего не хватает тебе? Самое дорогое, что есть в роде Караул — это Каракоз. Соловей на вершине серебристого тополя — это Каракоз. Ты же её избранник. Так, что тебе надо, я не пойму.

Н а р ш а. Меня связывает Каракоз своим умом, поведением своим.

А с а н. О боже! Родители тебя благословили, скот ты честно отдал за неё. Приехал к ней как положено, — как же она может тебя, такого джигита, жениха, супруга связывать?"

Үш нұсқаның осындай қалпы, стильдік ерекшеліктері трагедияның өнбойында сақталған.

Орысша екі мәтін де 1959 жылғы қазақша нұсқаны дәл беруге тырысқан. Бұл үрдіс пьеса мәтінінің басынан аяғына дейін сақталған. “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында М. Әуезовтің өз қолымен жазылған “Абай” трагедиясының орысша жолма-жол аудармасы бар. Кейін Л. Соболев пен М. Әуезовтің авторлығымен шыққан трагедия мәтінінің диалогтары жаңағы М.Әуезов қолымен жазылып, подстрочник деп берілген мәтіндегі диалогтармен сөзбе-сөз бірдей. Тек кейін жарияланған мәтін ықшамдалып, сахналық

койылымға ыңғайланған. М. Әуезов мұражайының қолжазба қорында сақталған “Абай жолының” кейбір тарауларының Әуезов жасаған жолма-жол аудармасы жайында да осыны айтуға болады. Ал “Қарагөздің” Корнилов жасаған аудармасы мен РМӘӨМ-нен келген орысша нұсқасында мағынасы бірдей болғанмен, сөзбе-сөз дәл келетін жерлерінің мөлшері салыстырмалы түрде алғанда анағұрлым аз. Текстологиялық салыстыру жұмысы Вл. Корниловтың пьесаны өзінше аударғанын көрсетті. Бұл қазақы ұғымдарды аударған жерлерден де байқалады. Томға беріліп отырған “Қарагөз” трагедиясының орысша мәтіні аудармадан гөрі М. Әуезовтің өзі жазып шыққан орысша нұсқаға келеді.

Трагедия мәтіні М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымының бұл томына Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан алынған мәтіні бойынша берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Өз ерлерінің еңбегін жұмысшы табы ғана бағалай біледі”, “Темір тасқын”

Орыс жазушысы А. Серафимовичтің 70 жасқа толған мерейтойына байланысты баспа беттерінде той иесіне арналған мақалалар топтамасы жарық көрді.

Осы мерейтойға орай М. Әуезов А. Серафимовичтің¹ қысқаша өмірбаяны мен “Темір тасқын” романынан үзіндіні аударып, “Әдебиет майданы” журналына (1933. №1. 5–12-бб.) жариялады.

Азамат соғысының қиын-қыстау кезеңдерін бейнелеген Серафимовичтің “Темір тасқын” романы 1924 жылы жарыққа шықты.

Осы романның алғашқы тарауынан аударылған үзінді басқа еш жерде жарияланбаған.

М. Әуезов “Қазақ әдебиеті” газетінің 1957 жылғы 15 қарашасындағы санында жарық көрген “Октябрь өркені” атты мақаласында “Жалпы революциялық идеяны бойына сіңіріп, орыс совет әдебиетінің ең ірі өкілдері бастаған дәстүрлерді баурап меңгерді. Сол бағытты бастаған... Серафимовичтің үлгілерін үйрену, өсу дәуірі басталады” деп жылы лебізін білдірген.

А. Серафимовичтің “Темір тасқын” романының толық нұсқасын М. Дәулетбаев аударып шығарды (Алматы–Қазан, 1935. 203 б.).

Қолжазбасы сақталмаған материалдың журналдағы жарық көрген нұсқасы негізге алынып, аударма мәтініндегі “жел тиірмен”, “бәлшебек”, “ыстанса”, “іштік”, “ішнәрсе”, “пәселке”, т. б. сөздер 50-томға өзгеріссіз, сол күйінде жіберіліп отыр.

С. Майлыбай

---

¹ Александр Серафимович Попов (1861–1943) – орыс жазушысы. КСРО Мемлекеттік сыйлығының иегері (1943).

АЛФАВИТТІК КӨРСЕТКІШ

А

- Авдеев – 36
Айманов Ш. – 229, 298
Аймауытұлы Ж. – 258
Ақылбаев Б.Ә. – 61
Ақылбаев Ә. – 63
Алекторов – 275
Алтынсарин Ы. – 279
Аманжолов Қ. – 232, 235
Анисимов И.И. – 48, 49
Анов Н.И. – 239, 288, 290
Арагон Л. – 369
Арнштам Л.О. – 20, 21
Атамбаев У.Д. – 134
Афиногенов А.Н. – 275
Афонов И.И. – 361
Ахметов А. – 34, 37, 245
Ахметов З. – 373
Ахметов Ш. – 335
Ахтанов Т. – 64, 65
Ахунбаев – 242
Ахынжанова С. – 29

Ә

- Әбдікадыров Қ. – 336
Әбдікалыков – 331
Әбетов Ғ. – 272
Әбілев Д. – 250
Әбішев Ә. – 50, 52, 245
Әлімқұлов Т. – 287, 376
Әуезова В.Н. – 8, 236, 238, 269
Әуезов Елдар – 262
Әуезов Ернар – 11, 236, 262
Әуезова Л.М. – 9, 236

Әуезов М.О. – 9, 98, 221
Әуезов Мұрат – 59, 100, 242, 300
Әуезова Ү.О. – 12, 36

Б

Бабаханов З. – 363
Базарбаев М. – 378
Байғалиев Х.Б. – 56, 245
Байқадамова Д. – 21
Балмұханов С. – 65
Балтақай – 52, 54
Балтағожин – 231
Бәйішев С. – 326, 330, 331
Бегалин С. – 250
Бекмаханов Е. – 248
Бекмұратов – 245
Белинский – 295
Бисенова Ғ. – 59
Богданова М. – 10, 11, 279
Борисенко В.В. – 274
Боровков А.К. – 38, 40
Брагинский И.С. – 36, 37

В

Волков – 326
Вургун С. – 20

Г

Гарагаш А. – 37
Герасимов М. – 272
Герасимович Г. – 28
Граник – 149, 150
Грибоедов – 362
Груздев И.М. – 44
Гоголь – 295, 328
Головенченко – 134, 135
Гольдблат М. – 297, 298
Горяев М.И. – 333, 335
Горький А.М. – 323

Ғ

Ғабдуллин М. – 44, 45, 333, 334, 335, 338, 339, 345
Ғабитова Ғ. – 98
Ғұмарова М. – 304

Д

- Даронян С.К. – 228, 232, 235, 237
Дмитриев – 134
Добролюбов – 295
Довженко А.П. – 20, 21
Достоевский Ф.М. – 204
Дүйсенбаев Ы.Т. – 32

Е

- Евгеньев – 108, 145, 147
Егоров – 47
Ержанова М. – 37
Ермолинский – 358, 359, 360
Есбатыров – 107
Есенжанов Х. – 376
Есмағамбетов – 231

Ж

- Жаймурзин Ә. – 33, 34, 37, 245, 336
Жангелдин Ә. Т. – 38, 40
Жанғалин М.О. – 21, 40
Жандосов О. – 258
Жанділдин Н. – 52, 54, 334, 337
Жансүгірова И. – 88
Жаркымбеков Қ. – 307
Жармағамбетов Қ. – 34, 37
Жароков Т. – 279
Жәлелов К. – 258
Жетпісбаев Б. – 250
Жданов А.А. – 364
Жиреншин Ә. – 320
Жуков – 36
Жумин Р. – 30, 31, 33, 353
Жұмалиев Қ. – 319

З

- Завадский Ю.А. – 47, 49
Закарин А.З. – 300, 348, 349, 352
Зинченко А.И. – 11
Злобин С.П. – 299

И

- Иванов Вс.В. – 238, 246
Ильдарова М. – 70

Исаковский М.В. – 27, 28
Ипмағамбетов Ә. – 48, 50, 228

К

Карташов А. – 50
Катинов В. – 223, 233
Кафтанов С.В. – 346
Кедрина З.С. – 29, 235, 288
Кенжебаев Б. – 15, 265
Кенесбаев І. – 48, 50
Кириянов – 30, 39, 149
Климович Л.И – 38, 39, 40, 338, 340
Кожевников В.М. – 49, 228, 232, 233, 289, 354, 356
Кочетов – 288
Көбдіков Т. – 260
Кривицкий А.Ю. – 283
Крон – 328
Кузнецов П. – 248, 260
Кульманова З.П. – 147, 148

Қ

Қабдолов З. – 376
Қаратаев М. – 231, 235, 302
Қасымов К. – 217, 219, 311, 313, 345
Қирабаев С.С. – 287
Қонаев А.М. – 45
Қонаев Д.А – 31, 32, 245
Қонаев Диар – 64
Қонаев Елдар – 50, 236
Қоңыратбаев Ә. – 373
Қуанышбаев Қ. – 21
Құнанбаев А. – 279, 321
Құрманов К.К. – 351

Л

Левина А.Н. – 47
Леонов Л.М. – 310, 311
Лермонтов М. – 295
Лизунова Е.В. – 374
Лопе де Вега – 289, 290

М

Макаров А.Н. – 231, 283, 285
Макеев – 358
Маленков Г.М. – 219

Михайлов – 150
Момышұлы Б. – 248
Моргун – 245
Мөнкеұлы М. – 252
Муллокандов Э. – 278
Мұқанов С. – 33, 35, 37, 221, 228, 232
Мұстафин Ғ. – 21
Мұхамедқанов К. – 218
Мүсірепов Ғ. – 35, 37, 40, 221, 228, 232
Мыңбаев К. – 12

Н

Неклюдов – 34
Никитин – 245
Никольская А.Б. – 11, 49, 107, 121, 123, 124, 125, 126, 128, 130, 131,
132, 135, 151
Нұрмағамбетова О. – 304
Нұрпейісов Ә. – 376
Нұрымбаева М. – 41, 245
Нұрышев С. – 241

О

Олидор О. – 20, 21
Омаров С. – 245, 351
Омаров І. – 21, 134, 135, 296
Омарханова Ғ. – 12
Ондасынов Н.Д. – 27
Оразалин К. – 67, 100
Орманов Ғ. – 336
Островский Н.А. – 296
Охлопков Н.П. – 47, 49

П

Панкина В.П. – 301
Пантиелев А.Н. – 32, 246
Паустовский К.Г. – 19, 21
Петросян А.А. – 54
Погодин Н.Ф. – 20, 21, 237, 238
Поздняков – 184
Покровский – 333
Поликарпов Д.А. – 288, 353
Пономаренко П.К. – 338, 340, 341, 345
Прутт – 328
Пушкин А.С. – 296

Р

Ритман-Фетисов М.И. – 59, 60, 241

Розмухамедова З. – 37

Рюриков Б.С – 48, 49, 228, 232, 236

С

Саврасов – 351

Сағындықов К. – 248

Сағындықов Ш. – 264

Садықбеков Т. – 242

Салиев – 242

Сандлер О.А. – 34, 37

Сасбұқаев Ә. – 309

Сауранбаев Н.Т. – 31, 32, 321, 333

Сахариев Б. – 378

Сәрсенбаев Ә. – 229

Сәтбаев Қ.И. – 255, 272, 320

Сәтбаева Ш. – 279

Сейдалиев – 324

Сембаев А. – 38, 40

Сильченко М.С. – 303, 333

Симонов К.М. – 47, 49, 233, 234, 236, 237, 275, 290

Симонов Р.Н. – 47, 49

Синкер П. – 364, 370

Синявский – 19

Скосырев – 106, 133, 149, 150, 152

Смеляков – 229

Смирнова В.В. – 237, 244, 281, 283, 284, 285, 288

Смирнова Н.С. – 22, 25, 41, 271, 302, 334, 335

Снегин Д. – 245

Соболев Л.С. – 26, 135, 216, 220, 232, 271, 274

Соболева О.И. – 26

Сокольский Д.В – 31, 32

Степанов – 360

Сужиков М.А. – 33, 34, 37, 245, 334, 352, 357

Сулимов М.В. – 55, 56, 239, 297

Султанов И. – 18

Сурков А.А. – 47, 49, 228, 229, 232, 233, 235, 236, 280, 366

Суровцев Ю. – 302

Суслов М.А. – 219, 313

Сучков Н.Л. – 236

Сүйіншалиев Х. – 287

Сүлеев А. – 94

Сүлеев Б. – 68

Сүлейменов Б. – 320
Сыдыков Т. – 303
Сызганов А.Н. – 56, 57

Т

Тажиев И. – 39, 40
Тайбеков – 245
Тарловская Е.А. – 262
Тәжібаев Ә. – 12, 20, 39, 327, 331
Тәжібаев Т.Т. – 245
Твен М. – 289
Тихонов Н.С. – 48, 49, 290
Тоғжанов Ғ. – 258
Толстой А. – 253
Тренев – 328
Тургенев И.С. – 3
Түркебаев Е. А. – 54
Түркебаева Ә. А. – 54
Тілеубергенов Ы. – 305

У

Уахатов Б. – 320, 372
Уәлиханов Ш. – 266, 279, 359, 362
Уикс – 369, 370
Усанович М.И. – 17
Утесов – 278

Ф

Фадеев А.А. – 27, 108, 134, 149, 152, 153, 337
Фаизова Р. – 121, 123, 281, 282, 283, 289
Фелтон М. – 35, 37

Х

Хромков И.П. – 245, 349
Худрук Г.Ю. – 222

Ч

Чудновский – 244

Ш

Шаймерденов С. – 376
Шалабеков Д. – 302
Шамжанова Р. – 37
Шамота – 287

Шарипов И. – 51, 52
Шарипова Ф. – 12
Шашкин З. – 290, 376
Шаяхметов Ж. – 33, 34, 37, 39, 48, 245, 312, 329, 335, 350, 357
Шәріпов Ә. – 300
Шекспир – 328
Шнейдер – 19
Шойынбаев Т. – 31
Шонанов Т. – 258
Шокин Ш. – 379
Шолохов М.А. – 62
Шухов И. – 30, 31, 32, 33, 358

Ы

Ысқақов Бақытжан – 37
Ысқаков Б. – 373, 379
Ысқаков Бүркіт – 38, 336
Ысмайылов Е. – 21, 248
Ысмайылов Н. – 306

Ю

Юдахин К.К. – 143

Я

Яковлев И.Д. – 356
Якупов – 351, 352

МАЗМҰНЫ

I. ХАТТАР	5
-----------------	---

Отбасылық хаттар.....	7
-----------------------	---

№ 1–33. М. Ауэзов – В.Н. Ауэзовой, Л.М. Ауэзовой, Э.М. Ауэзову	8–65
---	------

№ 34–74. М. Әуезов – Ф. Ғабитоваға, М.М. Әуезовке	67–101
---	--------

Л. Соболев және басқалармен “Абай” романына қатысты жазысқан хаттары.....	102
--	-----

№ 75. Л. Соболев – М. Ауэзову	105
-------------------------------------	-----

№ 76. М. Ауэзов – Л. Соболеву	134
-------------------------------------	-----

№ 77. Л. Соболев – М. Ауэзову	146
-------------------------------------	-----

№ 78. М. Ауэзов – Л. Соболеву	181
-------------------------------------	-----

№ 79–80. Л. Соболев – М. Ауэзову	197–215
--	---------

№ 81–82. М. Ауэзов – А. Фадееву	215–220
---------------------------------------	---------

№ 83. Дорогой Сергей Леонидович!	220
--	-----

№ 84. В. Катинов – М. Ауэзову	222
-------------------------------------	-----

М. Әуезов – жеке адамдарға.....	224
---------------------------------	-----

№ 85–92. М. Ауэзов – З. Кедринной, А. Пантиелеву.....	225–246
---	---------

№ 93–97. М. Әуезов – М. Ғабдуллинге.....	246–255
--	---------

№ 98. М. Әуезов – С. Сәдуақасовқа.....	255
--	-----

№ 99–100. М. Ауэзов – П. Кузнецову.....	258–261
---	---------

№ 101. М. Ауэзов – Е. Тарловской.....	261
---------------------------------------	-----

№ 102. М. Әуезов – Е. Ысмайыловқа	263
---	-----

№ 103. М. Әуезов – Б. Кенжебаевқа	264
---	-----

№ 104. М. Әуезов – М. Сильченкоға	266
---	-----

№ 105–107. М. Әуезов – Ы. Дүйсенбаевқа	267–272
--	---------

№ 108–109. М. Ауэзов – В. Борисенко	273–275
---	---------

№ 110. М. Ауэзов – К. Симонову.....	275
-------------------------------------	-----

№ 111. М. Ауэзов – Э. Муллокандову.....	276
№ 112. М. Әуезов – Ш. Сәтбаеваға	278
№ 113–114. М. Ауэзов – Е. Суркову	279–280
№ 115. М. Ауэзов – В. Смирновой.....	280
№ 116. М. Ауэзов – К. Симонову.....	281
№ 117–118. М. Ауэзов – В. Кожевникову	283–286
№ 119. М. Әуезов – Т. Әлімқұлова	286
№ 120. М. Әуезов – Т. Әлімқұлов пен З. Шашкинге.....	288
№ 121. М. Ауэзов – Н. Анову и З. Шашкину.....	290
№ 122. М. Ауэзов – Н. Анову	291
№ 123. М. Әуезов – І. Омаровка.....	293
№ 124. М. Әуезов – Н. Жанділдинге.....	296
№ 125. М. Ауэзов – С. Злобину	298
№ 126. М. Әуезов – Ә. Шәріповке	299
№ 127. М. Ауэзов – В. Панкиной.....	300
№ 128. М. Ауэзов – М. Сильченко, Н. Смирновой, М. Гумаровой, О. Нурмаганбетовой.....	301
№ 129. Қадірлі Алпысбай!.....	304
№ 130. М. Әуезов – Ы. Тілеубергеновке.....	305
№ 131. М. Әуезов – Н. Ысмайылов пен Қ. Манасовқа.....	306
№ 132. М. Әуезов – Қ. Жарқынбековке.....	307
№ 133. М. Әуезов – Ә. Сасбұқаевқа	308
№ 134. М. Әуезов – Ғ. Мұстафинге.....	309
№ 135. М. Ауэзов – М.А. Суслву	310
№ 136. М. Әуезов – Қ. Жұмалиевке	313
№ 137. М. Ауэзов – А. Никольской.....	320
№ 138. М. Ауэзов – М.А. Горькому.....	321

М. Әуезов – ресми адамдарға 324

№ 139. В Семипалатинское Губоно от лектора Кирпедтехникума, бывш. технического редактора журнала “Тан”, органа Семгубкома, Губисполкома и Губпрофсовета – Ауэзова Мухтара	324
№ 140. М. Ауэзов – И. В. Сталину	326
№ 141. М. Ауэзов – М. Сужикову, Н. Джандильдину.....	333
№ 142. М. Ауэзов – Ж. Шаяхметову	336
№ 143. М. Ауэзов – А. Фадееву, А. Суркову, К. Симонову.....	337
№ 144. М. Ауэзов – П. Пономаренко.....	340
№ 145. М. Ауэзов – С. Кафтанову.....	346
№ 146. М. Ауэзов – Ж. Шаяхметову	348

№ 147. М. Ауэзов – К. Курманову	351
№ 148. М. Ауэзов – Д. Поликарпову.....	353
№ 149. М. Ауэзов – И. Яковлеву	356
№ 150. М. Ауэзов – Ж. Шаяхметову, И. Афонову, М. Сужикову	357
№ 151. Директору почтовой конторы при Доме связи, начальнику 2-го почтового отделения.....	362
№ 152. М. Ауэзов – А. Суркову	364
№ 153. Министру культуры СССР	364
М. Әуезов – шетелдік достарына.....	368
№ 154. М. Ауэзов – Л. Арагону.....	368
№ 155. М. Ауэзов – м-р Уиксу	369
№ 156. М. Ауэзов – П. Синкеру	370
М. Әуезовтің соңғы хаттары (Москва – Кунцево).....	371
№ 157. М. Әуезов – Е. Ысмайыловқа	371
№ 158. М. Ауэзов – Е. Лизуновой	373
№ 159. М. Әуезов – Т. Ахтановқа.....	374
№ 160. М. Әуезов – З. Шашкинге	376
№ 161–162. М. Әуезов – М. Базарбаевқа.....	378–379
II. АУДАРМАЛАР.....	381
Каракоз (пьеса)	383
Өз ерлерінің еңбегін жұмысшы табы ғана бағалай біледі.....	434
<i>А. Серафимович. “Темір тасқын” (романнан үзінді).....</i>	<i>440</i>
III. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	453
Алфавиттік көрсеткіш.....	461

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ
Шығармаларының елу томдық толық жинағы

50-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:
С. Назарбаева, Б. Қанапиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан*
Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 11.03.2014 ж. қол қойылды.

Пішімі 84x108 ¹/₃₂. Офсеттік қағаз.

Қаріп түрі “Таймс”.

Шартты баспа табағы 24,8.

Таралымы 4000 дана.

Тапсырыс № 1184.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: rpik-dauir81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-192-0

9 786012 941920